

13

СОБРАНИЕ ВОЛЬФА

ВЪЗНЕСЕНІЕ

СВЯТЫХ

ВЪЗНЕСЕНІЕ

ТОМА 201

СОБРАНИЕ ВОЛЬФА.

РУССКІЕ БЕЛЛЕТРИСТЫ.

СОЧИНЕНІЯ

А. Ѳ. ПИСЕМСКАГО.

ТОМЪ XIV.

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 79
Tel. 26-68-63

СОЧИНЕНІЯ
А. ПИСЕМСКАГО.

ПОСМЕРТНОЕ ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ.

ТОМЪ XIV.

МЪЩАНЕ.

ЧАСТИ: ПЕРВАЯ, ВТОРАЯ И ТРЕТЬЯ.

WADAŃ INSTYTUT
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 7
Tel. 26-68-63

ИЗДАНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, МОСКВА,

Гостиный дворъ, №№ 17 и 18.

Петровка, д. Михалкова, № 5.

<http://rcin.org.pl>

1885

24.186/14

МѢЩАНЕ .

Романъ въ трехъ частяхъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ Большомъ театрѣ давали «Травиату». Примадонна была восхитительна. Въ переднемъ ряду, между все почти военными, сидѣлъ одинъ статскій. Въ его фигурѣ, начиная съ курчавой, значительно посѣдѣвшей головы и весьма выразительнаго, подвижнаго лица до посадки всего тѣла, проглядывало что-то гордое и осанистое. Онъ сидѣлъ, опершись своими красивыми руками на дорогую палку. Костюмъ его весь состоялъ изъ одноцвѣтной матеріи. По окончаніи перваго акта, когда статскій всталъ съ своего мѣста и обернулся лицомъ къ публикѣ, къ нему обратился съ разговоромъ широкоплечій генералъ съ золотымъ аксельбантомъ и началъ рассказывать, по мнѣнію генерала, вѣроятно, что-нибудь очень смѣш-

ное. Статскій выслушалъ его весьма внимательно, но въ отвѣтъ генералу ничего не сказалъ и даже на лицѣ своемъ ничего не выразилъ. Тотъ, замѣтно этимъ нѣсколько сбидѣвшись, отвернулся отъ статскаго и, слегка поддувая подъ свои нафабранные усы, сталъ глядѣть на ложи. Въ это время съ другой половины кресель стремился къ статскому другой военный, ужъ какой-то длинновязый, съ жиденькими усамп и бакенбардами, съ лицомъ, усыпаннымъ веснушками, съ ученымъ знакомъ на груди и въ полковничьихъ эполетахъ. Онъ давно со вниманіемъ заглядывалъ на статскаго и, когда тотъ повернулъ къ нему лицо свое, военный, какъ-то радостно воскликнувъ: — «Боже мой, это Бѣгушевъ!» — началъ, шагая черезъ ноги своихъ сосѣдей, быстро пробираться къ нему.

— Александръ Ивановичъ, вы-ли это? — произнесъ онъ, останавливаясь наконецъ передъ Бѣгушевымъ.

Что-то въ родѣ привѣтливой улыбки промелькнуло на губахъ того.

— Ахъ, Янсутскій, здравствуйте! — проговорилъ онъ, протягивая военному руку и какъ бы нѣсколько обязательнымъ тономъ.

Послѣ того Янсутскій нѣкоторое время переменился передъ Бѣгушевымъ, видимо отыскивая подходящій предметъ для разговора.

— Но какимъ-же образомъ вы на оперѣ Верди?— придумалъ онъ наконецъ.

Бѣгушевъ усмѣхнулся.

— Что васъ такъ удивляетъ это?—Я очень люблю эту оперу, — отвѣчалъ онъ.

— Но знатоки, кажется, вообще не слишкомъ

высоко ставятъ Верди?.. — больше спросилъ Янсутскій.

— Я не особенный знатокъ...—протянулъ Бѣгушевъ.

— Ну, какъ вы не знатокъ!... — возразилъ Янсутскій и затѣмъ прибавилъ: — какъ, однако, много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ честь познакомиться съ вами за границей!... Лѣтъ пятнадцать, кажется?

— Да, — протянулъ и на это Бѣгушевъ.

Янсутскій придалъ затѣмъ печальное выраженіе своему лицу.

— А Наталья Сергѣевна, какъ я слышалъ, кончила жизнь?

Лицо Бѣгушева окончательно омрачилось.

— Она умерла, — проговорилъ онъ.

Послѣ этого оба собесѣдника опять на нѣкоторое время замолчали.

— А вы тоже въ Москвѣ живете? — сказалъ Бѣгушевъ какъ бы затѣмъ, чтобы что-нибудь сказать.

— Я собственно больше живу въ вагонахъ, на желѣзной дорогѣ. Я занимаюсь коммерціей: распорядитель въ нѣсколькихъ компаніяхъ и самъ тоже имѣю подряды. Нельзя, знаете: въ годъ тысячекъ 60, 80 иногда зашибешь; пріятно это и соблазнительно...—объяснилъ Янсутскій.

— Но какимъ-же образомъ вамъ позволяютъ носить вашъ военный мундиръ?—спросилъ Бѣгушевъ явно удивленнымъ голосомъ.

— Да... ну это что-же!.. Я собственно склопталъ и сохранилъ себѣ эту форму больше для апломба. Всю она, знаете, какъ-то больше даетъ

между разнымъ этимъ мужичьемъ: подрядчиками... купцами!.. Россія-матушка еще страна варварская: боится и уважаетъ палку и свѣтленькй позументикъ!

Бѣгушевъ на это молчалъ.

— Вы, если я не ошибаюсь, домъ свой въ Москвѣ имѣете?—допрашивалъ его Янсутскій.

— Свой-съ! отвѣчалъ ему лаконически Бѣгушевъ.

— Надѣюсь, что вы позволите мнѣ быть у васъ,— продолжалъ Янсутскій, слегка кланаясь:— у меня тоже здѣсь свой домъ, который и вы, можетъ быть, знаете: на Тверской, противъ церкви; хатка этакая небольшая на три улицы выходитъ... Самъ я, впрочемъ, не живу въ немъ, такъ какъ бываю въ Москвѣ на время только...

Бѣгушевъ и на это совершенно промолчалъ.

— Буду имѣть честь явиться къ вамъ! — заключилъ Янсутскій и расшаркавшись отошелъ отъ Бѣгушева; но, проходя мимо широкоплечаго съ аксельбантомъ генерала, почти въ-полспины поклонился ему. Генералъ протянулъ ему два пальца. Янсутскій пожалъ ихъ и, замѣтно оставшись очень доволенъ этимъ, вышелъ съ нѣкоторою гордостью на среднй проходъ, гдѣ, пріостановившись, взглянулъ на одну изъ бель-этажныхъ ложъ, въ которой сидѣла одна-однихонька совершенно бабочкѣ-подобная дама, очень богато разодѣтая, съ цѣлымъ ворохомъ волосъ на головѣ, съ лицомъ блѣднымъ и матовымъ, съ свѣтлыми, веселыми глазками и съ маленькимъ, вздернутымъ носикомъ. Въ продолженіе всего акта, она совершенно не слушала оперы, сидѣла даже, отвернувшись отъ сцены, очень часто

зѣвала и прислонялась головкой къ спинкѣ кресель, какъ бы за тѣмъ, чтобы заснуть. Единственнымъ развлеченіемъ ея была стоявшая на перилахъ ложи бонбоньерка, изъ которой она безпрестанно таскала конфекты, нехотя сосала, жевала ихъ и нѣкоторыя даже выкидывала изъ своего хорошенькаго рта. Увидавъ Янсутскаго; дама сдѣлала ему пригласительный знакъ рукою. Тотъ кивнулъ ей въ свою очередь головой и черезъ нѣсколько минутъ вошелъ къ ней въ ложу.

— На, съѣшь конфетку! — начала она, какъ только-что онъ усѣлся рядомъ съ ней.

— Подите, не хочу! — отвѣчалъ Янсутскій.

— Съѣшь!.. съѣшь непременно! — повторила настойчиво дама и почти насильно сунула ему въ руку огромную конфетку.

Янсутскій улыбнулся, пожалъ плечами; но, дѣлать нечего: началъ ѣсть конфетку.

— Съ кѣмъ ты съ послѣднимъ мужчиной говорилъ? — спросила дама.

— Съ Бѣгушевымъ.

— А ты развѣ знакомъ съ нимъ?

— Даваемъ-давно, — отвѣчалъ Янсутскій.

Дама послѣ того, прищуривъ свои хорошенькіе глазки, начала внимательно смотрѣть на Бѣгушева.

— А онъ, въ самомъ дѣлѣ, очень хорошъ собой! — проговорила она, съ живостію повертывая свою головку къ Янсутскому.

Бѣгушевъ въ это время все еще стоялъ лицомъ къ публикѣ и дѣйствительно, по благородству своей фигуры, былъ какъ отмѣнный соболю между всѣми.

— Чѣмъ-же особенно хорошъ? наконецъ онъ не

молодѣ очень, старикъ почти! — возразилъ Янсутскій.

— А онъ богатъ? — продолжала разспрашивать дама.

— Богатъ!

— Говорятъ, онъ очень умный и ученый, что-ли?

— А чортъ его знаетъ, умный ли онъ и ученый, — произнесъ ужъ съ нѣкоторою досадливостію Янсутскій: — но кто-жъ тебѣ говорилъ все это про него?

— Домна Осиповна, разумѣется!.. Кто-жъ больше!.. Янсутскій при этомъ усмѣхнулся.

— Значить, это правда, что она съ нимъ сошлась?

— Еще-бы не правда!.. — воскликнула дама. — Вчера была ея горничная Маша у насъ. Она сестра моей Кати и все рассказывала, что господинъ этотъ каждый вечеръ бываетъ у Домны Осиповны, и только та очень удивляется: «Что это, говорить, Маша, гость этотъ такъ часто бываетъ у меня, а никогда тебѣ ничего не подаритъ?»

Янсутскій снова на это усмѣхнулся.

— Какъ-же это такъ случилось? Домна Осиповна всегда себя за такую смиренницу выдавала! — сказалъ онъ.

— Пожалуйста, смиренницу какую нашелъ! — произнесла насмѣшливо его собесѣдница: — она когда и съ мужемъ еще жила, такъ я не знаю со сколькими кокетничала!..

— Но тогда она это дѣлала, какъ сама мнѣ говорила, для того, чтобы ревность въ мужѣ возбудить и чтобы хоть этимъ удержать его около себя.

— Ну да, такъ!.. Для этого только!.. — горячи-

лась дама: — кокетничала, потому что самой это пріятно было; но главное досадно, зачѣмъ притворничать? Я какъ-то посмѣялась ей на счетъ этого Бѣгушева, она вдругъ надулась: «я вовсе, говоритъ, не такъ скоро и вѣтренно дарю мои привязанности!..» Знаешь, мнѣ хотѣла этимъ маленькую шпильку сказать!

— И за дѣло!.. Зачѣмъ-же вызывать на такіе разговоры, когда кто ихъ самъ не начинаетъ...

— Я ихъ теперь и не начну больше никогда съ ней!.. — сказала дама и при этомъ отъ досады сдѣлала движеніе рукою, отъ котораго лежавшая на перилахъ афиша полетѣла внизъ. «Ахъ!» — воскликнула при этомъ дама совершенно дѣтскимъ голосомъ и очень громко, такъ что Янсутскій вздрогнулъ даже немного.

— Чго такое? — спросилъ онъ.

— Посмотри, я афишу уронила, — продолжала дама, загибая голову внизъ: — вонъ она летитъ и прямо-прямо одному старичку на голову; а онъ и не чувствуетъ ничего, ха, ха, ха!

И дама, откинувшись на задокъ кресла, начала хохотать.

— Перестань, Лиза; развѣ можно такъ держать себя въ театрѣ! — унималъ ее Янсутскій.

— Не могу, не могу удержаться!.. — говорила дама.

Янсутскій покачалъ только съ неудовольствіемъ головой и, вставъ со стула, началъ поправлять ремень у своей сабли.

— А ты развѣ не во мнѣ поѣдешь ужинать? У меня папа будетъ и привезетъ устриць! — проговорила дама.

— Богъ съ нимъ, съ твоимъ папа, и съ его устрицами... мнѣ еще нужно въ одномъ мѣстѣ быть.

— Такъ вотъ что...—начала дама, и голосъ ея какъ-бы измѣнилъ своей обычной веселости:—каретникъ опять этотъ являлся; ему 800 рублей надобно заплатить.

Что-то въ родѣ кислой гримасы пробѣжало по лицу Янсутскаго.

— Заплатилъ ужъ я ему, — отвѣчалъ онъ съ явной досадой.

— И потомъ... — продолжала дама, голосъ ея все еще оставался какимъ-то нетвердымъ: — изъ магазина отъ Леонъ тоже приходили, и ты, пожалуйста, скажи имъ, чтобы они и не ходили ко мнѣ... я объ этихъ противныхъ деньгахъ терпѣть не могу и разговаривать.

— А вещи когда берешь, это любишь? — замѣтилъ ей не безъ ядовитости Янсутскій.

— Вещи я конечно люблю, а потомъ я хотѣла тебѣ сказать, сердись ты на меня или не сердись, но изволь непременно на нынѣшнее лѣто въ Петергофъ дачу нанять или за-границу уѣдемъ... Я эти московскія дачи видѣть не могу.

— Успѣемъ еще это сдѣлать, — отвѣчалъ Янсутскій, уже уходя.

— Непремѣнно-же! — крикнула ему вслѣдъ дама.

Въ продолженіе всего этого разговора генераль съ золотымъ аксельбантомъ не спускалъ бинокля съ ложи бабочкѣ-подобной дамы и, когда Янсутскій ушелъ отъ нея, онъ обратился къ стоявшему около него молодому офицеру, вѣроятно, адъютанту своему:

— Это м-ме Мѣрова, если я не ошибаюсь?..

— Да-съ!—отвѣчалъ адъютантъ.

— И въ ея ложѣ, по обыкновенію, Янсутскій!..— продолжалъ генералъ.

— Какъ всегда! — отвѣчалъ съ улыбкой адъютантъ:—очень, говорятъ, она дорого ему стоитъ! — прибавилъ онъ негромко.

— Дорого? — любопытствовалъ генералъ.

— Тысячъ двадцать пять въ годъ! — объяснилъ адъютантъ.

— Ого, сколько!.. — произнесъ негромко, но замѣтно одобрительнымъ тономъ генералъ.

При развѣздѣ Бѣгушевъ снова въ сѣняхъ встрѣтился съ Янсутскимъ, который провожалъ м-ше Мѣрову. Янсутскій посидѣвши взаимно представить ихъ другъ другу. Бѣгушевъ поклонился м-ше Мѣровой съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, какъ бы не понимая, зачѣмъ его представляютъ этой дамѣ, а м-ше Мѣрова кинула только пристальный, но короткій на него взглядъ и пошла, безбожнѣйшимъ образомъ волоча длинный хвостъ своего дорогаго платья по грязному полу сѣней... Отъ разсѣянности ли она это дѣлала, или отъ какихъ-нибудь мыслей, на минуту забѣжавшихъ въ ея головку, сказать трудно!

Къ подъѣзду первая была подана карета м-ше Мѣровой, запряженная парюю сѣрыхъ, въ яблокахъ, жеребцовъ. М-ше Мѣрова какъ птичка впорхнула въ карету. Ливрейный лакей захлопнулъ за ней дверцы и вскочилъ на козлы. Вслѣдъ затѣмъ подъѣхалъ фаэтонъ Янсутскаго уже на вороныхъ, кровныхъ рысакахъ.

— Кто это именно дама, съ которой вы меня познакомили? — спросилъ его Бѣгушевъ.

— Это одна моя очень хорошая знакомая, — отвѣчалъ Янсутскій съ нѣкоторой лукавой усмѣшкой: — нельзя, знаете, я человекъ неженатый. Она, впрочемъ, изъ очень хорошей здѣшной фамиліи и больше это можно назвать, что *rag amour*! Честь имѣю кланяться! — И загѣмъ, сѣвъ въ свой экипажъ и приложивъ руку къ фуражкѣ, онъ крикнулъ: «въ Яхть-клубъ!»

Кровные рысаки черезъ мгновеніе-же скрыли его изъ глазъ Бѣгушева.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Янсутскій и м-ме Мэровою, и ея каретою съ жеребцами, и своимъ экипажемъ, и даже возгласомъ: «въ Яхть-клубъ!» хотѣлъ произвести нѣкоторый эффектъ въ глазахъ Бѣгушева. Онъ, можетъ быть, ожидалъ даже возбудить въ немъ нѣкоторое чувство зависти; но тотъ на всѣ эти блага не обратилъ, кажется, никакого вниманія и совершенно спокойно сѣлъ въ свою, тоже очень хорошую, карету.

Кучеръ его, выбравшись изъ ряда экипажей, обернулся къ нему и спросилъ:

— За Москву-рѣку прикажете ѣхать?

— Туда! — отвѣчалъ Бѣгушевъ.

Кучеръ поѣхалъ.

II.

На Таганкѣ передъ большимъ домомъ, украшеннымъ всевозможными выпуклостями, Бѣгушевъ остановился. Въ домъ передъ тѣмъ виднѣлся весьма слабый свѣтъ; но когда Бѣгушевъ позвонилъ въ

колокольчикъ, то по всему дому забѣгали огоньки, и весь фасадъ его освѣтился. На все это, разумѣется, надобно было употребить нѣкоторое время, такъ что Бѣгушевъ принужденъ былъ позвонить другой разъ. Наконецъ ему отворили. Онъ вошелъ и сдѣлалъ невольно гримасу отъ кинувшагося ему въ носъ запаха только-что зажженного фотогена. Три приѣмныя комнаты, черезъ которыя проходилъ Бѣгушевъ, представляли въ себѣ какъ-то слишкомъ много золота: золото въ обояхъ, широкія золотыя рамы на картинахъ, золото на лампахъ и на держащихъ ихъ неувлужихъ рыцаряхъ; потолки пестрѣли тяжелою лѣпною работою; ковры и салфетки, покрывавшія столы, были съ крупными, затѣйливыми узорами; драпировки на окнахъ и дверяхъ яркихъ цвѣтовъ... Словомъ, во всемъ чувствовалась какая-то неизящная и очень недорогая роскошь. — Въ этихъ комнатахъ не было никого; но въ четвертой комнатѣ, представлявшей что-то въ родѣ женскаго кабинета, Бѣгушевъ нашелъ въ домашнемъ туалетѣ молодую даму, сидѣвшую за круглымъ столомъ въ покойныхъ креслахъ, съ головою, потупленною въ книгу. Это была та самая Домна Осиповна, о которой упоминала м-ше Мѣрова. При входѣ гостя, Домна Осиповна взмахнула на него глазами, нѣжно улыбнулась ему и, протягивая свою красивую руку, проговорила какъ бы не совсѣмъ искреннимъ голосомъ:

— А я было и ждать васъ совсѣмъ перестала, — досадный этакой!

— Виновать, опоздалъ: я въ театрѣ былъ, — отвѣчалъ Бѣгушевъ, довольно тяжело опускаясь на

кресло, стоявшее противъ хозяйки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ весьма внимательно взглянулъ на нее и спросилъ:—вы все еще больны?

— Да, у меня здѣсь вотъ очень болить, — сказала Домна Осиповна, показывая себѣ на горло, кокетливо завязанное батистовымъ платкомъ.

— Но что-же, докторъ какъ объясняетъ вашу болѣзнь? — продолжалъ Бѣгушевъ уже съ безпокойствомъ.

— А Богъ его знаетъ: никакъ не объясняетъ! — отвѣчала Домна Осиповна. Она впрочемъ врядъ-ли и больна была, а только такъ это говорила, зная, что Бѣгушеву нравятся болѣющія женщины.—Главное, досадно, что курить не позволяютъ!—присовокупила она.

— Ну, это еще бѣда небольшая! — замѣтилъ ей Бѣгушевъ.

— Да, я знаю, вы даже рады этому! — сказала Домна Осиповна.—Однако, что же я не спрошу васъ: вы чаю, можетъ быть, хотите?

— Ежели есть онъ, — отвѣчалъ Бѣгушевъ.

— О, конечно,—проговорила Домна Осиповна и, проворно вставъ, вышла въ сосѣднюю комнату. Тамъ она торопливымъ голосомъ сказала своей горничной: — Чаю, Маша, сдѣлай и не изъ того ящика, изъ котораго я пью, а который лучше, знаешь?

— Знаю-съ, — подхватила смѣтливая горничная.

— На стаканъ или на два, не больше! — прибавила Домна Осиповна.

— Понимаю-съ! — снова подхватила горничная.

Бѣгушевъ, между тѣмъ, сидѣлъ въ это время,

понутивъ немного голову и какъ бы усмѣхаясь самъ съ собой. Будь онъ менѣе погруженъ въ свои собственные мысли, онъ, можетъ быть, замѣтилъ-бы нѣкоторые, маленькіе, но тѣмъ не менѣе характерные факты. Онъ увидѣлъ-бы, на примѣръ, что между сидѣньемъ и спинкой дивана затиснутъ былъ грязный батистовый платокъ, передъ тѣмъ только покрывавшій большое горло хозяйки, и что чистый надѣтъ уже былъ теперь, лишь сію минуту; что подъ развернутой книгой журнала и развернутой, какъ видно, совершенно случайно, на какой Богъ привелъ страницѣ, такъ что предыдущіе и послѣдующіе листы передъ этой страницей не были даже разрѣзаны, скрывались крошки чернаго хлѣба и не совсѣмъ свѣжей колбасы, которую кушала хозяйка и почти вышвырнула ее въ другую комнату, когда раздался звонокъ Бѣгушева.

Возвратившись въ кабинетъ, Домна Осиповна снова усѣлась въ свое кресло, приложила ручку къ виску и придала нѣсколько нѣжный оттѣнокъ своему взгляду, словомъ—замѣтно рисовалась... Она была очень красивая изъ себя женщина, хотя въ красотѣ ея было черезчуръ много эффектнаго и какого-то мертво-эффектнаго, мазочнаго: она, кажется, нѣсколько и притиралась. Взглядъ ея черныхъ глазъ былъ уменъ, но въ то же время того, что дается образованіемъ и вращеніемъ мысли въ болѣе высшихъ сферахъ человѣческихъ знаній и человѣческихъ чувствованій, въ ней не было. Несомнѣнно, что Домна Осиповна думала и чувствовала много, но только все это происходило въ области самыхъ низшихъ людскихъ горестей и радостей. Самая глу-

бина ея взгляда скорѣй говорила о лукавствѣ, затаенности и терпѣливости, чѣмъ о нѣжности и деликатности натуры, способной глубоко чувствовать.

Бѣгушевъ приподнялъ наконецъ свою голову: улыбка все еще не сходила съ его губъ.

— Сейчасъ я ѣхалъ-съ, — началъ онъ: — по разнымъ вашимъ Якиманкамъ, Таганкамъ; меня обогнало болѣе сотни экипажей и все это, извольте видѣть, ѣхало сюда изъ театра.

— Ахъ, отсюда очень многіе ѣздятъ! — подхватила Домна Осиповна: — весь абонементъ итальянской оперы почти составленъ изъ Замоскворѣчья.

Бѣгушевъ при этомъ развелъ только руками.

— И такимъ образомъ, — сказалъ онъ съ грустной усмѣшкой: — Таганка и Якиманка безапелляціонные судьи актера, музыканта, поэта; о, печальныя времена!

— Что-жь, изъ нихъ очень много образованныхъ людей, прекрасно все понимающихъ! — возразила Домна Осиповна.

— Вы думаете? — спросилъ ее Бѣгушевъ.

— Да, я даже знаю очень много примѣровъ тому: мой мужъ — взятъ, онъ очень любитъ и понимаетъ всѣ искусства...

Бѣгушевъ при этомъ нѣсколько нахмурился.

— Можетъ быть-съ, но дѣло не въ людяхъ, — возразилъ онъ: — а въ томъ, что силу даетъ этимъ господамъ и какую еще силу: совѣсть людей становится въ рукахъ Таганки и Якиманки: разные ваши либералы и демагоги, шапки обыкновенно нехотѣвшіе поднять ни передъ какимъ абсолютизмомъ, съ на-

слаждениемъ, говорятъ, съ восторгомъ приемятъ разныя субсидіи и службишки отъ Таганки!

— Но кто-же это? Нѣтъ!—не согласилась Домна Осиповна.

— Есть!.. Есть!..—воскликнулъ Бѣгушевъ:—разсказываютъ даже, что нѣмцы въ Москвѣ, болѣе прозорливые, нарочно принимаютъ православіе, чтобы только угодить Якиманкѣ и на благосклонности оной сотворить себѣ честь и благостыню, и созидаютъ оное, созидаютъ! — повторилъ онъ нѣсколько разъ.

Домна Осиповна на это только усмѣхнулась: она видѣла, что Бѣгушевъ началъ острить, а потому все это, конечно, очень мило и смѣшно у него выходило; но чтобы что-нибудь было серьезное въ его словахъ, она и не подозрѣвала.

Бѣгушевъ замѣтно одушевился.

— Это безмыслица какая-то историческая! — восклицалъ онъ:—разные рыцари, что бы тамъ про нихъ ни говорили, и всевозможные воины ломали себѣ ребра и головы, утучняли цѣлыя поля своею кровью, чтобы добыть своей родинѣ какую-нибудь новую страну, а Таганка и Якиманка поѣхали туда и нажили себѣ тамъ денегъ... Великіе мыслители изсушили свои тяжеловѣсные мозги, чтобы дать міру новыя открытія, а Таганка, эксплуатируя эти открытія и обсчитывая при этомъ работника, зашибла и тутъ себѣ копѣйку и теперь комфортабельнѣйшимъ образомъ разѣзжаетъ въ вагонахъ 1-го класса и поздравляетъ своихъ знакомыхъ по телеграфу со всякимъ вздоромъ... Наконецъ, самъ Бетховенъ и божественный Рафаель какъ-будто-бы за тѣмъ только и горѣли своимъ вдохновеніемъ, чтобы развлекать Та-

ганку и Якиманку или, лучше сказать, механически раздражать ихъ слухъ и зрѣніе и услаждать ихъ чехвальство.

При послѣднихъ словахъ Домна Осиповна придала серьезное выраженіе своему лицу и возразила почти глубокомысленнымъ тономъ:

— Почему-же для Таганки одной? Я думаю, и другіе могутъ этимъ пользоваться и наслаждаться.

— Да другихъ-то, къ несчастію, не стало-съ! — отвѣчала съ многозначительностью Бѣгушевъ:— я совершенно убѣжденъ, что всѣ ваши московскіе Сентъ-Жермены, т. е. Тверскіе бульвары, большія и малыя Никитскія, о томъ только и мечтаютъ, къ тому только и стремятся, чтобы какъ-нибудь уподобиться и сравниться съ Таганкой и Якиманкой.

— Богаты ужь очень Таганка и Якиманка! Всѣ, разумѣется, и желаютъ себѣ того-же, — замѣтила Домна Осиповна: — въ чемъ, впрочемъ, и винить никого нельзя: жизнь сдѣлалась такъ дорога.

— А, если бы вопросъ только о жизни былъ, тогда и говорить нечего; но тутъ хотятъ шубу на шубу надѣть, сразу хапнуть, какъ Екатерининскіе вельможи дѣлали: въ десять лѣтъ такія состоянія наживали, что послѣ три, четыре поколѣнія мотають, мотають, и все-таки промотать не могутъ!..

Въ это время горничная принесла Бѣгушеву чай.

— Поставь это на столъ и сама можешь уйти! — сказала ей Домна Осиповна.

Горничная исполнила ея приказаніе и ушла.

Бѣгушевъ, вѣроятно, очень мучимый жаждою, сразу было хотѣлъ выпить иѣлый стаганъ, но вдругъ пріостановился, поморщился немного, поста-

виль стаканъ снова на столъ и даже поотодвинулъ его отъ себя: чай хоть и былъ приготовленъ изъ особаго ящика, но не совсѣмъ, какъ видно, ему понравился. Домна Осиповна замѣтила это и постаралась вниманіе Бѣгушева отвлечь на другое.

— Постоите, постоите! — начала она какъ бы слегка укоризненнымъ тономъ: — я васъ сейчасъ поймаю; положимъ, дѣйствительно многіе, какъ вы говорите, ѣздятъ, чтобы только физически раздражать свои органы слуха и зрѣнія; но зачѣмъ вы-то, все ужъ, кажется, видѣвшій и изучившій, ѣздили сегодня въ театръ!

— Я?—спросилъ Бѣгушевъ.

— Да, вы!.. Миѣ не на шутку досадно было: я больна, скучаю, а вы не ѣдете ко миѣ.

— Очень просто, я слушалъ «Травиату»! — объяснилъ Бѣгушевъ.

Лицо Домны Осиповны при этомъ мгновенно просіяло.

— А!—сказала она и потомъ присовокупила тихо, нѣжнымъ голосомъ: — что же, по той все причинѣ, что Травиата напоминаетъ вамъ меня?

— Не по иной другой-съ,—отвѣчалъ Бѣгушевъ, вмѣстѣ шутливо и съ чувствомъ.

— Ужъ именно!—подтвердила Домна Осиповна:— я не меньше Травиаты выстрадала: первые годы, по выходѣ замужъ, я очень часто больна была, и въ то время, какъ я въ сильнѣйшей лихорадкѣ лежу у себя въ постели, у насъ, слышу, музыка, танцы, маскарады затѣваются, и въ заключеніе супругъ мой дошелъ до того, что возлюбленную свою привезъ къ себѣ въ домъ...

Бѣгушевъ, сидѣвшій все потупившись, при этомъ вдругъ приподнялъ голову и уставилъ пристальный взглядъ на Домну Осиповну.

— Скажите: вы очень любили вашего мужа? — спросилъ онъ.

— Очень! — отвѣчала Домна Осиповна: — и это чувство во мнѣ, право, до какой-то глупости доходило, такъ что, когда я совершенно ясно видѣла его холодность, все-таки нивагъ не могла удержаться и разъ ему говорю: «Мишель, я молода еще...» Мнѣ всего тогда было двадцать три года... «Я хочу любить и быть любимой! Кто-жь мнѣ замѣнитъ тебя?...» «А любой, говорить, кадетъ, если хочешь...»

— Дуракъ! — произнесъ, какъ-бы не утерпѣвъ, Бѣгушевъ и повернулся въ своемъ креслѣ.

Домна Осиповна покраснѣла: она поняла, что черезчуръ приподняла передъ Бѣгушевымъ завѣсу съ своихъ семейныхъ отношеній.

— Конечно, это такъ глупо было сказано, что я даже не разсердилась тогда, — поспѣшила она прибавить съ улыбкой.

Но Бѣгушевъ оставался серьезнымъ.

— И что-же вы, жили съ нимъ послѣ этого? — проговорилъ онъ.

— Да!..

— Странно! — сказалъ Бѣгушевъ, снова потупляя свое лицо. Ему какъ-будто-бы совѣстно было за Домну Осиповну.

— Но я еще любила его, пойми ты это! — возразила она ему: — даже потомъ, гораздо послѣ, когда я наконецъ отъ его безпутства уѣхала въ деревню и когда мнѣ написали, что онъ въ нашу

квартиру, въ мою даже спальню перевезъ свою госпожу. «Что-же это такое, думаю: домъ принадлежитъ мнѣ, комната моя; значить, это мало, что неуваженіе ко мнѣ, но профанація моей собственности.»

При словѣ «профанація» Бѣгушевъ поморщился.

Домна Осиповна, привыкшая замѣчать малѣйшій оттѣнокъ на его лицѣ и не совсѣмъ понявшая, что ему собственно не понравилось, продолжала ужъ нѣсколько робкимъ голосомъ:

— И вообрази, при моемъ слабомъ здоровьѣ я на почтовыхъ проскакала въ какія-нибудь сутки триста верстъ, вхожу въ домъ и дѣйствительно вижу, что въ моей комнатѣ, передъ моимъ трюмо причесывается какая-то госпожа... Что я ей сказала, сама не помню, только она мгновенно скрылась...

Бѣгушевъ наконецъ усмѣхнулся.

— Воображаю, какая ей пѣсня была пропѣта, — проговорилъ онъ.

— Ужасная, кажется... — продолжала Домна Осиповна: — я даже не люблю себя за это: я очень мало умѣю себя сдерживать.

— Въ этомъ случаѣ, я думаю, нечего и сдерживать себя было: въ васъ говорило простое и законное чувство, — замѣтилъ Бѣгушевъ.

— Да, но все не хорошо!.. потомъ мужъ прѣхалъ... ему тоже досталось; отъ него, по обыкновенію, пошли мольбы, просьбы о прощеніи, цѣлованіе ручекъ, ножекъ, увѣренія въ любви, и я, дура, опять повѣрила.

— Общее свойство всѣхъ женщинъ! — сказалъ Бѣгушевъ.

— Нѣтъ, кажется, въ этомъ случаѣ я самая глу-

пая женщина: ну чего могла я ожидать отъ моего супруга послѣ всего, что онъ дѣлалъ противъ меня? Конечно ничего, какъ и оказалось потомъ: черезъ недѣлю-же послѣ того я стала слышать, что онъ всюду съ этой госпожей ѣздитъ въ коляскѣ, что она является то въ одномъ дорогомъ платьѣ, то въ другомъ... одинъ молодой человѣкъ семь шляпокъ мнѣ у ней насчиталъ, такъ что въ этомъ даже отношеніи я не могла соперничать съ ней, потому что мужъ мнѣ все говорилъ, что у него денегъ нѣтъ, и какіе-то гроши выдавалъ мнѣ на туалетъ; наконецъ терпѣніе мое истощилось... я говорю ему, что такъ нельзя, что пусть оставитъ меня совершенно; но онъ и тутъ было: «зачѣмъ, для чего это?» Однако я такой ему сдѣлала адъ изъ жизни, что онъ не выдержалъ и самъ уѣхалъ отъ меня.

— Адъ сдѣлали? — спросилъ съ какимъ-то злымъ удовольствіемъ Бѣгушевъ.

— Рѣшительный адъ!.. Что-жь, я не скрываю этого теперь!..—отвѣчала Домна Осиповна:—я вотъ часто думаю, — продолжала она:—что неужели-же я должна была послѣ такой ужасной семейной жизни умереть для всего и не позволить себѣ полюбить другаго... Счастіе мое, конечно, что я въ первое время при такомъ моемъ ожесточенномъ состояніи не бросилась прямо, какъ супругъ мнѣ предлагалъ, на шею какому-нибудь дрянному господину; а потомъ насъ-же женщинъ обыкновенно винять, почему мы не любимъ хорошаго человѣка. Господи! я думаю, каждая женщина больше всего желаетъ, чтобы ее полюбилъ хорошій человѣкъ, но много-ли ихъ на свѣтѣ? Я теперь ужъ очень стала разочарована въ

людяхъ. даже когда тебя полюбила, такъ боялась, что стоишь-ли ты того!

— А, можетъ быть, и я не стою твоей любви?— спросилъ ее Бѣгушевъ.

— Нѣтъ, ты стоишь, въ этомъ я теперь убѣждена, — отвѣчала Домна Осиповна и, вставъ подошла къ Бѣгушеву, обняла его и начала цѣловать...—ты паинька у меня, вотъ кто ты! — проговорила она ласковымъ голосомъ, а потомъ тутъ-же, сейчасъ, взглянувъ на часы, присовокупила:—однако другъ мой, тебѣ пора домой!

— Пора?—повторилъ Бѣгушевъ.

— Да, а то люди, пожалуй, послѣ болтать будутъ, что ты сидишь у меня до свѣта: второй уже часъ.

— Уже? Дѣйствительно пора! — сказалъ Бѣгушевъ, приподнимаясь съ кресель и отыскивая свою шляпу.

— Но только, какъ я тебѣ говорила, я пока такъ остерегаюсь, а потомъ, когда разные дразги у меня кончатся, я вовсе не намѣрена скрывать моихъ чувствъ къ тебѣ; напротивъ: я буду гордиться твоею любовью.

Бѣгушевъ усмѣхнулся.

— Какъ итальянка Майкова: «гордилась-ли она любви своей позоромъ».

— Именно, я буду гордиться любви моей позоромъ,—подхватила Домна Осиповна.

Бѣгушевъ послѣ того вѣжливо пожалъ ей руку, поцѣловалъ ее и, мотнувъ привѣтливо головой, пошелъ своей тяжеловатой походкой.

Домна Осиповна замѣтно осталась очень довольна

всѣмъ этимъ разговоромъ; ей давно хотѣлось объяснить и растолковать себя Бѣгушеву, что и сдѣлала она, какъ ей казалось, довольно искусно. Услышавъ затѣмъ, что дверь за Бѣгушевымъ заперли, Домна Осиповна встала, прошла по всѣмъ комнатамъ своей квартиры, сама погасила лампы въ залѣ, гостиной, кабинетѣ и скрылась въ полутемной спальнѣ.

III.

Бѣгушевъ, какъ мы знаемъ, имѣлъ свой домъ, который въ цѣломъ околоткѣ оставался единственный къ томъ видѣ, какимъ былъ лѣтъ двадцать назадъ. Онъ былъ деревянный, съ мезониномъ; выкрашенъ былъ сѣрою краскою и отличался только необыкновенною соразмѣрностью всѣхъ частей своихъ. Сзади дома были службы и огромный садъ.

Нѣкоторые изъ знакомыхъ Бѣгушева пытались было доказывать ему, что нельзя въ настоящее время въ Москвѣ держать домъ въ подобномъ видѣ.

— Въ какомъ-же прикажете? — спрашивалъ онъ уже со злостью въ голосѣ.

— Его надобно иначе расположить, надстроить, выштукатурить, украсить этими прекрасными фронтонами, — объясняли знакомые.

— Это не фронтоны-съ, а коровьи соски, которыми изукрасилась ваша Москва! — восклицалъ почти съ бѣшенствомъ Бѣгушевъ.

Знакомые пожимали плечами, удивляясь, какимъ образомъ всѣ эти прекрасныя украшенія могли казаться Бѣгушеву коровьими сосками.

— Но наконецъ,—продолжали они:—это варварство въ столицѣ оставлять десятины двѣ земли въ такой непроизводительной формѣ, какъ садъ вашъ.

— Что-жь мнѣ огородъ, что-ли, тутъ разбить? Я люблю цвѣты, а не овощи!—возражалъ Бѣгушевъ.

— Нѣтъ, вы постройтесь тутъ и отдавайте въ наймы: предпріятіе это нынче очень выгодно, — доказывали знакомые.

— Я дворянскій сынъ-съ, мое дѣло конемъ воевать, а не торгомъ торговать, — отвѣчалъ на это съ какимъ-то даже удалствомъ Бѣгушевъ.

— Ну, продайте эту землю кому-нибудь другому, если сами не хотите, — урезонивали его знакомые.

— Что-бы тутъ какой-нибудь каналья на рубль капитала наживалъ полтину процента, никогда! — упорствовалъ Бѣгушевъ.

Въ домѣ у него было около двадцати комнатъ, которыя Бѣгушевъ занималъ одинъ-одинехонекъ съ своими пятью лакеями и толстымъ поваромъ Семеномъ, великимъ мастеромъ своего дѣла, котораго переманивали къ себѣ всѣ клубы и не могли переманить: очень ужъ Семену покойно и прибыльно было жить у своего господина. Убранство въ домѣ Бѣгушева, хоть и очень богатое, было все старое: болѣе десяти лѣтъ онъ не покупалъ ни одной вещицки изъ предметовъ роскоши, увѣряя, что на нынѣшнихъ рынкахъ даже бронзы порядочной нѣтъ, а все это крашеная мѣдь.

Разъ, часу во 2-мъ утра, Бѣгушевъ сидѣлъ, по обыкновенію, въ одной изъ внутреннихъ комнатъ своихъ, поджавъ ноги на диванѣ, пилъ кофе и курилъ изъ длинной трубки съ очень дорогимъ янтар-

нымъ мундштукомъ: сигарь Бѣгушевъ не могъ курить по крѣпости ихъ, а папирсы презиралъ. Его сѣдоватые, но еще густые волосы были растрепаны, усы по-казацки опускались внизъ. Борода у Бѣгушева была коротко подстрижена. Онъ былъ въ широкомъ шелковомъ халатѣ нараспашку и въ туфляхъ; изъ-подъ бѣлой, какъ снѣгъ, батистовой рубашки, выставялась его геркулесовски-высокая грудь. Въ этомъ нарядѣ и въ своей нѣсколько азiятской позѣ Бѣгушевъ былъ еще очень красивъ.

На другомъ диванѣ (комната уставлена была диванами и даже называлась диванною) помѣщался господинъ, по наружности совершенно противоположный хозяину: высокій, въ коротенькомъ пиджакѣ, весьма худощавый, гладко остриженный, съ длинными, тщательно расчесанными и какого-то пепельнаго цвѣта бакенбардами, съ физиономіей умною, но какою-то прокислою, какія обыкновенно бываютъ у людей, самолюбіе которыхъ смолоду было сильно оскорбляемо, и при этомъ онъ старался держать себя какъ-то черезчуръ прямо, какъ-бы топорщась даже. Видимо, что отъ природы ему не дано было никакой важности и онъ уже въ послѣдствіи старался воспитать ее въ себѣ. Господинъ этотъ былъ нѣкто Ефимъ Ѳедоровичъ Тюменевъ, другъ и сверстникъ Бѣгушева по дворянскому институту, а теперь тайный совѣтникъ, статсъ-секретарь и одно изъ вліятельнѣйшихъ лицъ въ Петербургѣ.

Пріѣзжая въ Москву, Тюменевъ всегда останавливался у Бѣгушева, и при этомъ обыкновенно спорамъ и разговорамъ между ними конца не было. Въ на-

стоящую минуту они тоже вели весьма задушевную бесѣду между собой.

— И что-же, эта привязанность твоя серьезная?— спрашивалъ Тюменевъ съ легкой усмѣшкой.

— Разумѣется!.. Намѣреніе мое такое, чтобы и дни мои закончить около этой госпожи, — отвѣчалъ Бѣгушевъ.

— Она, значить, женщина умная, образованная?—продолжалъ спрашивать Тюменевъ.

— То-есть, она умна и даже очень отъ природы, но образованія, конечно, поверхностнаго...

— А собой, вѣроятно, хороша?

— Да-съ, насчетъ этого мы можемъ похвастать!..— воскликнулъ Бѣгушевъ.— Я сейчасъ тебѣ портретъ ея покажу,—присовокупилъ онъ и позвонилъ. Къ нему однако никто не шелъ. Бѣгушевъ позвонилъ другой разъ, опять никого. Наконецъ онъ такъ дернулъ за сонетку, что звонокъ уже раздался на весь домъ: послышались затѣмъ довольно медленные шаги, и въ дверяхъ показался камердинеръ Бѣгушева, очень немолодой, съ измятою, мрачною физиономіей и съ какими-то глупо подвитыми на самыхъ только концахъ волосами.

— Принеси мнѣ изъ кабинета большой портретъ Домны Осиповны,—сказалъ ему Бѣгушевъ. Камердинеръ не трогался съ своего мѣста...

— Портретъ Домны Осиповны, — сказалъ ему еще разъ Бѣгушевъ.

Лицо камердинера сдѣлалось при этомъ еще мрачнѣе.

— Да онъ-съ виситъ тамъ-же, — проговорилъ онъ наконецъ.

— Ну, да, висить!—повторилъ Бѣгушевъ.

— Надъ столомъ-съ!.. на столъ надо лѣзть! — продолжалъ камердинеръ.

— На столъ, конечно! — подтвердилъ Бѣгушевъ.

Камердинеръ, придавъ своему лицу выраженіе, которымъ какъ-бы хотѣлъ сказать: «нечего вамъ, видно, дѣлать», пошелъ.

Въ продолженіе всей этой сцены, Тюменевъ слегка усмѣхался.

— Прокوفій твой не измѣняется, — сказалъ онъ, когда камердинеръ совсѣмъ ушелъ.

— Измѣняется, но только къ худшему!.. — отвѣчалъ Бѣгушевъ: — скотина совершенная сталъ: третьяго дня у меня обѣдали кой-кто... я только-что заикнулся ему, что мы всѣ ѣсть хотимъ, ну и кончено: до восьми часовъ и не подалъ обѣда.

Тюменевъ при этомъ покачалъ головой.

— Охота-же тебѣ держать подобнаго дурака, — проговорилъ онъ.

— Но кто-жь его возьметъ безъ меня? — возразилъ Бѣгушевъ:—у него, вотъ, пять человѣкъ ребятишекъ; онъ съ супругой занимаетъ у меня четыре комнаты... наконецъ, я ему говорю: «Не дѣлай ничего, пользуйся почетнымъ покоемъ, лакей и безъ тебя есть!» Ничуть не бывало: все хочетъ дѣлать самъ... глупо... лѣнливо... безтолково!

— Это можетъ хоть кого вывести изъ терпѣнія! — замѣтилъ Тюменевъ.

— И выводитъ: я пускавалъ въ него чернильницу и бритвеницу... боюсь, что съ бѣшенымъ моимъ характеромъ я убью его когда-нибудь до

смерти. А онъ еще разсмѣется обыкновенно въ этихъ случаяхъ и преспокойно себѣ уйдетъ.

— Онъ знаетъ,—протянулъ Тюменевъ:—что ты-же придешь къ нему просить прощенія.

— Въ томъ-то и дѣло!—воскликнулъ Бѣгушевъ:—мало что прощенья просить, да денегъ еще дамъ.

На этихъ словахъ онъ остановился, потому что Прокофій возвратился съ портретомъ въ рукахъ, который онъ держалъ задомъ къ себѣ и глубоко-мысленно смотрѣлъ на него.

— Петля вонъ тутъ лопнула, на которой онъ висѣлъ,—доложилъ онъ, показывая портретъ барину.

— Потому что ты не снялъ его, а сдернулъ, — сказала тотъ.

— Да кто-жь до него дотянется туда! — почти крикнулъ Прокофій.

— Ну, пожалуйста, не оправдывайся! — остановилъ его Бѣгушевъ.

Прокофій на это насмѣшливо только мотнулъ головой и ушелъ.

Бѣгушевъ передалъ портретъ Тюменеву, который сталъ на него смотрѣть сначала простымъ глазомъ, потомъ черезъ пенсне, наконецъ въ кулакъ, свернувши его въ трубочку.

Бѣгушевъ съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ услышать его мнѣніе.

— Elle est très jolie et très distinguée,—произнесъ наконецъ Тюменевъ.

— Да!.. такъ! — согласился съ удовольствіемъ Бѣгушевъ.

— Что она?..—при этомъ Тюменевъ нахмурилъ нѣсколько свои брови:—замужняя, разводка?

— Разводка!

— Формальная?

— Нѣтъ!

Тюменевъ снова началъ смотрѣть въ кулакъ на портретъ.

— Знаешь, — началъ онъ, придавъ совсѣмъ глубокомысленное выраженіе своему лицу: — черты лица правильныя, но складъ губъ и выраженіе рта не совсѣмъ пріятны.

— Это есть отчасти! — подтвердилъ Бѣгушевъ.

— Нѣтъ того, знаешь, — продолжалъ Тюменевъ нѣсколько сладкимъ голосомъ: — нѣтъ этого добраго, кроткаго и почти ангельскаго выраженія, котораго, напримѣръ, такъ много было у твоей покойной Наталіи Сергѣевны,

— Экъ куда хватилъ! Наталій Сергѣевенъ развѣ много на свѣтѣ! — воскликнулъ Бѣгушевъ, и глаза его при этомъ невѣдомо для него самого мгновенно наполнились слезами. — Ты вспомни одно — семью, въ которой Натали родилась и воспитывалась: это были образованнѣйшіе люди съ Петра Великаго; интеллигенція въ ихнемъ родѣ въ плоть и въ кровь вѣдлась. Гдѣ-жь нынче такіе?

— То-есть, какъ гдѣ-же? — возразилъ съ важностью Тюменевъ: — вольно тебѣ поселиться въ Москвѣ, гдѣ дѣйствительно, говорятъ, порядочное общество исчезаетъ; а въ Петербургѣ, я убѣжденъ, оно есть; наконецъ, я лично знаю множество семей и женщинъ.

— Гм! Петербургъ! нашелъ чѣмъ хвастать! Изыщныхъ женщинъ въ цѣломъ мірѣ не стало! — сказалъ съ удареніемъ Бѣгушевъ и, вставъ съ своего

мѣста, началъ ходить по комнатѣ:—хоть бы взять съ того, курятъ почти всѣ! Вотъ эта самая госпожа,— продолжалъ онъ, показывая на портретъ Домны Осиповны:—какъ вахмистръ какой-нибудь уланскій сосеть!.. наконецъ, самая одежда женщинъ, что это такое? Надѣнетъ въ полпуда ботинки, да еще хвастаетъ, поднимая ногу: «смотрите, какія у меня толстыя подошвы!» а ножища-то тоже точно у медвѣдицы какой. Все-съ сплошь и кругомъ превращается въ мѣщанство!

— Старая, любимая пѣсня твоя! — произнесъ Тюменевъ.

— Да, — продолжалъ Бѣгушевъ, все болѣе и болѣе разгорячаясь:—я эту пѣсню началъ пѣть послѣ Лондонской еще выставки, когда всѣ чудеса искусствъ и изобрѣтеній свезли и стали ихъ показывать за шилингъ... Я тутъ-же сказалъ: «умерли и поэзія, и мысль, и искусство»... Ищите всего этого теперь на кладбищахъ, а живые люди будутъ только торговать тѣмъ, что наслѣдовали отъ предковъ.

— Но что-жь изъ этого! — сказалъ съ усмѣшкою Тюменевъ:—искусство, правда, нѣсколько поослабло; но зато прогрессъ совершается въ другомъ отношеніи: происходятъ огромные политическіе перевороты.

— Какіе, какіе? — перебилъ его почти съ азартомъ Бѣгушевъ.

Тюменевъ придалъ недовольное выраженіе своему лицу.

— Любезный другъ, мы столько съ тобой спорили и говорили объ этомъ,— возразилъ онъ.

— И вѣчно буду спорить, вѣчно!—горячился Бѣ-

гушевъ:—не могу-же я толкотню пигмеевъ признать за что-то великое.

— Почему пигмеи, и когда, по твоему, были великаны?—продолжалъ Тюменевъ:—люди, я полагаю, всегда были одинаковы; если, дѣйствительно, въ настоящее время существуетъ нѣсколько усиленное развитіе торговли, такъ это еще хорошо: торговля всегда способствовала цивилизаціи.

— «Торговля способствовала цивилизаціи»... Ахъ, эти казенныя фразы, которыя я слышать не могу!—кричалъ Бѣгушевъ, зажимая даже уши себѣ.

— Стало быть, ты въ торговлѣ отрицаешь цивилизующую силу, — взъерошился немного въ свою очередь Тюменевъ.

— Не знаю-сь, есть-ли въ ней цивилизующая сила; но знаю, что мнѣ ваша торговля сдѣлалась противна до омерзѣнія. Все стало продажно: любовь, дружба, честь, слава! И вотъ что меня, по преимуществу, привязываетъ къ этой госпожѣ, — говорилъ Бѣгушевъ, указывая снова на портретъ Домны Осиповны:—что она обезпеченная женщина и поэтому ни я у ней и ни она у меня не находимся на содержаніи.

Тюменевъ усмѣхнулся.

— Но женщины были во всѣ времена у всѣхъ народовъ на содержаніи; подѣ различными только формами дѣлалось это,—проговорилъ онъ.

— Извините-сь! извините! — возразилъ опять съ азартомъ Бѣгушевъ:—еще въ первый мой прїездъ въ Парижъ были гризетки, а теперь тамъ все лоретки, а это разница большая! И вообще, Господи! — воскликнулъ онъ, закидывая голову назадъ:—того-

ли я ожидалъ и надѣялся отъ этой пошлой Европы?

— Чего ты ждалъ отъ Европы, я не знаю,—сказалъ Тюменевъ, разводя руками:—и полагаю, что зло скорѣй лежитъ въ тебѣ, а не въ Европѣ: ты тогда былъ молодъ, все тебѣ нравилось, все поселяло вѣру, а теперь ты сталъ брюзгливъ, старъ, недовѣрчивъ.

— Что я вѣрилъ тогда въ человѣка, это справедливо,—произнесъ съ нѣкоторою торжественностью Бѣгушевъ:—и что теперь я не вѣрю въ него и особенно въ нынѣшняго человѣка, это еще большая правда! Смотри, что съ міромъ сдѣлалось: реформація и первая французская революція страшно двинули и возбудили умы. Геній творчества облеталъ всѣ лучшія головы: электричество, паръ, рабочій вопросъ все въ идеяхъ предъявлено было человечеству; но стали эти идеи реализовать и-кто на это пришелъ? Торгашъ, ремесленникъ, дрянъ разная, шваль, и однако они теперь герои дня!

— Совершенно вѣрно!—подхватилъ Тюменевъ:—но время ихъ пройдетъ, и людямъ снова возвратится творчество.

— Откуда?.. Я не вижу, откуда оно ему возвратится!.. Что все вокругъ глупѣетъ и пошлѣетъ, въ этомъ ты не можешь со мной спорить.

— Болѣе, чѣмъ спорить, я доказать тебѣ даже могу противное: хоть бы тотъ-же рабочій вопросъ, развѣ въ настоящее время такъ онъ нераціонально поставленъ, какъ въ 48-мъ году?

— Рабочій-то вопросъ? ха, ха, ха!—воскликнулъ Бѣгушевъ и захохоталъ злобынымъ смѣхомъ.

Тюменевъ, въ свою очередь, покраснѣлъ даже отъ досады.

— Смѣяться, конечно, можно всему,—продолжалъ онъ:—но я приведу тебѣ примѣры! въ той-же Англіи существуютъ уже смѣшанные суды, на которыхъ разрѣшаются всѣ споры между работниками и хозяевами, и я убѣжденъ, что съ теченіемъ времени они совершенно мирнымъ путемъ столкнутся и сторгуются между собой.

— И работникъ, по твоему, обратится въ такого-же мѣщанина, какъ и хозяинъ? — спросилъ Бѣгушевъ.

— Непремѣнно, но только того и желать надобно!—отвѣчалъ Тюменевъ.

— Ну, нѣтъ!.. нѣтъ!.. — заговорилъ Бѣгушевъ, замотавъ головой и какимъ-то трагическимъ голосомъ: — пусть лучше сойдетъ на землю огненный дождь, потопъ, лопнетъ кора земная, но я этой курицы во шахъ, о которой мечталъ Генрихъ IV, міру не желаю.

— Но чего-же ты именно желаешь, любопытно знать? — сказалъ Тюменевъ.

— Бога на землю! — воскликнулъ Бѣгушевъ: — пусть сойдетъ снова Христось и обновить души, а иначе въ человѣкѣ все порядочное исчахнетъ и издохнетъ въ смрадѣ вашихъ матеріальныхъ благъ.

— Постой!.. Приѣхалъ кто-то? Звонятъ! — остановилъ его Тюменевъ.

Бѣгушевъ прислушался.

Звонокъ повторился.

— По обыкновенію никого нѣтъ! Эй, что-же вы и гдѣ вы?—заревѣлъ Бѣгушевъ на весь домъ.

Послышались въ залѣ быстрые и пробѣгающіе шаги.

Бѣгушевъ и Тюменевъ остались въ ожидающемъ положеніи.

IV.

Въ передней между тѣмъ происходила довольно оригинальная сцена: Прокофій, подавъ барину портретъ, усѣлся въ залѣ подѣ окошкомъ и началъ, по обыкновенію, читать газету. Понималъ-ли онъ то, что читалъ, это для всѣхъ была тайна, потому что Прокофій никогда никому ни слова не говорилъ о прочитанномъ имъ. Вдругъ къ подъѣзду дома Бѣгушева подѣхалъ военный въ коляскѣ, взбѣжалъ на лѣстницу и позвонилъ. Прокофій при этомъ и не думалъ подниматься съ мѣста своего, а только перевелъ глаза съ газеты въ окно и сталъ смотрѣть, какъ коляска отѣхала отъ крыльца и поворачивалась. Военный позвонилъ въ другой разъ, и раздался крикъ Бѣгушева. На этотъ зовъ изъ заднихъ комнатъ выбѣжалъ молодой лакей; тогда Прокофій всталъ съ своего мѣста.

— Ну, да, поспѣлъ... не отворять пуще безъ тебя!..—проговорилъ онъ тому.

Молодой лакей, дѣлать нечего, ушелъ назадъ, а Прокофій отправился въ переднюю и отворилъ наконецъ тамъ дверь.

Вошелъ Янсутскій.

— Дома Александръ Ивановичъ?—спросилъ онъ сначала очень бойко.

— Дома-съ!—отвѣчалъ ему явно насмѣшливымъ голосомъ Прокофій.

— Принимаетъ?—продолжалъ Янсутскій нѣсколько смиреннѣе.

— Не знаю-съ,—отвѣчалъ Прокофій.

Янсутскій почти опѣшилъ.

— Но кто-же знаетъ, любезный?—спросилъ онъ тоже въ свою очередь насмѣшливо.

Прокофій нахмурился.

— Ваша какъ фамилія?—сказалъ онъ.

— Полковникъ Янсутскій,—отвѣчалъ Янсутскій съ удареніемъ на словѣ полковникъ.

Но на Прокофія это нисколько не подѣйствовало.

— А имя ваше и отчество? — продолжалъ онъ спрашивать.

— Петръ Евсеиновичъ!—отвѣчалъ Янсутскій, нѣсколько удивленный такимъ любопытствомъ.

Прокофій подумалъ нѣкоторое время.

— У нихъ гость теперь изъ Петербурга, у насъ и остановился,—объяснилъ онъ наконецъ.

— Кто-жь такой?—спросилъ Янсутскій.

— Тайный совѣтникъ Тюменевъ,—сказалъ Прокофій.

Янсутскій при этомъ вспыхнулъ немного въ лицѣ.

— Это статсъ-секретарь?—сказалъ онъ.

— Статсъ-секретарь!—повторилъ за нимъ Прокофій.

Янсутскій нѣсколько минутъ остался въ нѣкоторомъ недоумѣніи.

— Я его немножко знаю; но, можетъ быть, Александръ Ивановичъ занятъ съ нимъ и не при-

метъ меня?—проговорилъ онъ нерѣшительнымъ голосомъ.

— Снимите шинель-то!—почти приказалъ ему Прокофій.

Янсутскій повиновался.

Прокофій пошелъ медленно и, войдя въ кабинетъ, не сейчасъ доложилъ, а сначала началъ прибирать кофейный приборъ, такъ что Бѣгушевъ самъ его спросилъ:

— Кто тамъ звонилъ? пріѣхалъ, что-ли, кто?

— Полковникъ Янсутскій спрашиваетъ: примете-ли вы его,—пробормоталъ себѣ почти подъ носъ Прокофій.

Бѣгушевъ взглянулъ на Тюменева.

— Тебя не стѣснить этотъ господинъ?—отнесся онъ къ нему.

— Нисколько.

— Прими!—сказалъ Бѣгушевъ Прокофію, и тотъ опять пошелъ медленно и неторопливо.

Янсутскій, впродолженіи всего этого времени, охорашивался и причесывался передъ зеркаломъ.

— Пожалуйте-съ!—разрѣшилъ ему Прокофій.

При входѣ въ диванную, Янсутскій замѣтно былъ сконфуженъ, такъ что у него едва хватило духу поклониться первоначально хозяину, а не Тюменеву.

— Я воспользовался вашимъ позволеніемъ быть у васъ!—проговорилъ онъ какъ-то жеманно.

— Очень радъ васъ видѣть,—сказалъ ему вѣжливо Бѣгушевъ и затѣмъ проговорилъ Тюменеву:— г-нъ Янсутскій!

Янсутскій мгновенно-же и очень низко поклонился тому, но руку не рѣшился протянуть!

— Пріятель мой Тюменевъ!—объявилъ ему Бѣгушевъ.

Тюменевъ при этомъ едва только кивнулъ головой, а руки тоже не двинулъ нисколько, и лицо его при этомъ выражало столько холодности и равнодушія, что Бѣгушеву даже сдѣлалось немножко жаль Янсутскаго.

Усѣлись всѣ.

Янсутскій, впрочемъ, скоро овладѣлъ собой.

— Какъ ваше здоровье?—отнесся онъ къ хозяину.

— Благодарю, здоровъ! Какъ сегодня: холодно?—проговорилъ Бѣгушевъ.

— Свѣжо!—отвѣчалъ Янсутскій.

Тюменевъ сдѣлалъ движеніе, которымъ явно показалъ, что онъ хочетъ говорить.

— Скажи,—обратился онъ прямо и исключительно къ одному только Бѣгушеву:—правду-ли говорятъ, что въ Москвѣ послѣднія десять лѣтъ сдѣлалось холоднѣе, чѣмъ было прежде?

— То-есть, какъ тебѣ сказать: перемѣнчивѣе какъ-то погода стала, дуютъ какіе-то безпрестанно глупые вѣтры,—проговорилъ тотъ.

— И дѣйствительно-ли причина тому та,—продолжаетъ Тюменевъ:—что по разнымъ желѣзнымъ дорогамъ вырубаютъ очень много лѣсовъ?

— Непремѣнно эта причина! — подхватилъ Янсутскій, очень довольный тѣмъ, что можетъ вмѣшаться въ разговоръ:—лѣса, какъ извѣстно, задерживаютъ влагу, а влага умѣряетъ тепло и холодъ, и при обиліи ея въ воздухѣ рѣзкихъ перемѣнъ обыкновенно не бываетъ.

— Истина совершеннѣйшая!—подтвердилъ Бѣ-

гушевъ: въ тонѣ его голоса слышался легкій оттънокъ насмѣшки, но Янсутскій, кажется, не замѣтилъ того.

— Этого весьма печальнаго, конечно, истребленія лѣсовъ, можетъ быть, современемъ избѣгнуть, — снова заговорилъ онъ: — въ наше время наука дѣлаетъ столько открытій, что возможно всего ожидать!... Вотъ взять, напримѣръ, эту руку (Янсутскій показалъ при этомъ на свою руку)... Когда она находится въ покоѣ, то венозная кровь, проходя чрезъ нее, сохраняетъ въ себѣ $7\frac{1}{2}$ процентовъ кислорода, но разъ я ее двинулъ, привелъ въ движеніе (Янсутскій въ самомъ дѣлѣ двинулъ рукой и сжалъ даже пальцы въ кулакъ), то въ ней уже не осталось ничего кислорода: онъ весь поглощенъ углеродомъ крови, а чтобы освободить снова углеродъ, нужна работа солнца; значить: моя работа есть результатъ работы солнца или точнѣе сказать: это есть тоже работа солнца, перешедшая черезъ извѣстныя тамъ степеня!..

Бѣгушевъ слушалъ Янсутскаго довольно внимательно и только держалъ голову потупленною; но Тюменевъ явно показывалъ, что онъ его не слушаетъ: онъ поднималъ лицо свое вверхъ, зѣвалъ и наконецъ взялъ въ руки опять портретъ Домны Осиповны и сталъ разсматривать его.

Янсутскій между тѣмъ видимо разгорячился.

— Въ желѣзно-дорожномъ двигателѣ почти то-же самое происходитъ, — говорилъ онъ, кинувъ мелькомъ взглядъ на этотъ портретъ: — тутъ нужна теплота, чтобы превратить воду въ пары; этого достигаютъ, соединяя углеродъ дровъ съ кислородомъ воздуха;

но чтобы углеродъ былъ въ дровахъ и находился въ свободномъ состояніи, для этого нужна опять таки работа солнца, поэтому насъ и на пароходахъ, и въ вагонахъ, везетъ тоже солнце. Теорія эта довольно новая и по моему весьма остроумная и справедливая.

— Не особенно новая, она у меня даже есть! красненькая книжка этакая, переводъ лекцій Рейса, 70-го года, кажется! — произнесъ какъ бы совершенно невиннымъ голосомъ Бѣгушевъ.

Янсутскій немного смутился.

— Я не знаю, есть-ли переводъ, но я слушалъ это въ германскихъ университетахъ; года два тому назадъ я ѣздилъ и хотѣлъ нѣсколько возобновить свои свѣдѣнія въ естественныхъ наукахъ.

— Всѣ эти открытія, я думаю, для эксплуататоровъ не суть важны...—замѣтилъ Бѣгушевъ.

— О, нѣтъ-съ! напротивъ, напротивъ! — воскликнулъ Янсутскій:—потому что, какъ говорятъ газеты, справедливо-ли это, я не знаю, но сдѣлано уже примѣненіе этой теоріи... Прямо собираютъ солнечные лучи въ резервуаръ и ими пользуются.

— Но какой же результатъ этого будетъ? — спросилъ Бѣгушевъ.

— Тотъ, что удешевится перевозка!—подхватилъ Янсутскій.

— А тарифъ останется все тотъ-же?—продолжалъ Бѣгушевъ.

— Тарифъ, можетъ быть, останется и тотъ-же!—отвѣчалъ Янсутскій и засмѣялся.

— Да, вотъ съ этой стороны я понимаю! — произнесъ Бѣгушевъ.

— Что же!..—возразилъ ему Янсутскій, пожимая плечами и нѣкоторымъ тономъ философа:—таково свойство людей...

На этомъ мѣстѣ Тюменевъ положилъ портретъ въ сторону и снова заявилъ желаніе говорить.

— Вѣроятно, на передвиженіи по дорогѣ, будь оно производимо дровами или прямо солнцемъ, многого не проживешь; но люди составили себѣ состоянія, строя дороги!—отнесся онъ опять больше къ Бѣгушеву.

— То есть, когда давали по полутора ста тысячъ на версту, а она стоила всего пятьдесятъ...—замѣтилъ Бѣгушевъ.

— Ну, положимъ, что и побольше,—возразилъ Янсутскій.—Я-съ эти дѣла знаю очень хорошо: я былъ и производителемъ работъ, и начальникомъ дистанціи, и подрядчикомъ, и директоромъ въ настоящее время нѣсколькихъ компаній, и вотъ, кладя руку на сердце, долженъ сказать, что точно: въ началѣ эти дѣла были превосходныя, но теперь этой конкуренціей они испорчены до послѣдней степени.

— Напротивъ, я полагаю, поправлены нѣсколько,—сказалъ Бѣгушевъ:—нельзя-же допускать, чтобы люди въ какіе-нибудь мѣсяцы проживали себѣ милліоны; это явленіе безнравственное!

— Я говорю испорчены собственно въ коммерческомъ смыслѣ,—объяснилъ Янсутскій:—но наконецъ, почему жь безнравственное явленіе,—присовокупилъ онъ, пожимая плечами:—это лотерея... счастье. Вы берете билетъ: у одного онъ попадаетъ въ тиражъ, другому выигрываетъ 25 тысячъ, а третьему 200 тысячъ.

— Но только въ вашемъ дѣлѣ это нѣсколько повѣрнѣе, на большее число благопріятныхъ случаевъ разсчитано, если не цѣликомъ они одни только и взяты! отнесся Тюменевъ на этотъ разъ уже къ Янсутскому.

— Никакъ этого, ваше превосходительство, не возможно сдѣлать,—возразилъ тотъ, самымъ почтительнымъ тономъ:—извольте вы взять однѣ земляныя работы.—У васъ гора, вамъ надобно ее скрыть или провести сквозь нее туннель; въ верхнихъ слояхъ, которые вы можете изслѣдовать, она или суглинна, или супесокъ, а пошли внутрь, тамъ кремень, а это разница огромная въ стоймости!.. Болото теперь у васъ на пути: вы въ него, положимъ, разсчитали вбить двѣ тысячи свай; а вамъ, можетъ быть, придется вбить ихъ двадцать тысячъ. Потомъ-съ, цѣны на хлѣбъ въ прошломъ году были однѣ, а нынче вдвое; на желѣзо и кирпичъ тоже.

— Ну,—перебилъ его Тюменевъ:—на все это, я думаю, прикинуто довольно.

— Гдѣ-жъ прикинуто! Изъ чего, когда по 40 тысячъ на версту берутъ,—воскликнулъ невеселымъ тономъ Янсутскій.—Я вотъ имѣю капиталы и опытность въ этихъ дѣлахъ, но рѣшительно кидаю ихъ, потому что добросовѣстно и честно при такихъ цѣнахъ выполнить это дѣло невозможно: я лучше обращусь къ другимъ какимъ-нибудь предпріятіямъ.—На эти слова Янсутскаго собесѣдники его ничего не возразили и только у обопхъ на лицахъ какъ бы написано было: «мошенникъ ты, мошенникъ этойкой, еще о честности и добросовѣстности говоришь; мало барышей попадаетъ въ твою ненасыт-

ную лапу, вотъ ты и отворачиваешь рыло отъ этихъ дѣлъ!»

— Я бы вотъ даже, — снова заговорилъ Янсутскій, оборачиваясь къ Тюменеву: — осмѣлился спросить ваше превосходительство, если это не будетъ большою нескромностью: то предпріятіе, по которому я имѣлъ смѣлость беспокоить васъ, какъ оно и въ какомъ положеніи?

— Провалилось! — отвѣчалъ съ явнымъ удовольствіемъ Тюменевъ.

Янсутскій покраснѣлъ.

— Очень жаль, — сказалъ онъ, съ гримасой и пожимая плечами: — но какая-же причина тому?

— Очень оно фантастично, черезчуръ фиктивно! — отвѣчалъ съ усмѣшкой Тюменевъ.

— На какихъ-же данныхъ такой взглядъ на него могъ установиться? — продолжалъ Янсутскій.

— На самыхъ точныхъ данныхъ, которыя были собраны о немъ, — отвѣчалъ ему Тюменевъ и обратился къ Бѣгушеву. — Въ послѣдній вѣнскій кризисъ... можетъ, это и выдумка, но во всякомъ случаѣ очень хорошо характеризующая время... положимъ, можно изобрѣсть предпріятіе на разработку какого-нибудь вещества, котораго мало въ извѣстной мѣстности находится... изобрѣсть предпріятіе на разработку предмета, совершенно не существующаго въ этой мѣстности... но тамъ открылось предпріятіе, утвержденное правительствомъ, и акціи котораго превосходнѣйшимъ образомъ разошлись, но въ которомъ именованной мѣстности совсѣмъ не существовало на всемъ земномъ шарѣ; вотъ и ваше дѣло нѣсколько въ этомъ родѣ, — заключилъ онъ, относясь къ Янсутскому.

— Не думаю-съ! — возразилъ тотъ съ прежней гримасою въ лицѣ.—Я, впрочемъ, тутъ только денежнымъ образомъ участвую, пай имѣю!

— Да, но пай могутъ быть проданы!.. Я говорю это не лично про васъ, но бываютъ случаи, что люди, знающіе хорошо подкладку дѣла, сейчасъ же продаютъ свои пай и продаютъ очень выгодно, а люди, невѣдающіе того, покупаютъ ихъ и потомъ плачутся,—проговорилъ насмѣшливо Тюменевъ.

— Нѣтъ-съ, я не продалъ бы моихъ паевъ, я дѣло понимаю иначе,—сказалъ съ достоинствомъ Янсутскій и затѣмъ обратился къ Бѣгушеву:

— А я было, Александръ Ивановичъ, пріѣхалъ къ вамъ попросить васъ откушать ко мнѣ, я собственно живу здѣсь нѣсколько на бивуакахъ, но тутъ существуютъ прекрасные отели, можно недурно пообѣдать,—проговорилъ онъ заискивающимъ голосомъ.

Бѣгушевъ нахмурился.

— Но когда вамъ это угодно?—спросилъ онъ.

— Въ среду, въ шесть часовъ, въ Hôtel de France. Я именинникъ, и хочется немножко отпраздновать этотъ день... будутъ нѣкоторые мои знакомые и дамы между прочимъ.

— Дамы?—переспросилъ Бѣгушевъ.

— Да! вотъ эта m-me Мѣрова, а потомъ наша общая съ вами знакомая, Домна Осиповна Олухова, портретъ которой я, кажется, и вижу у васъ!..—объяснилъ Янсутскій, показывая глазами на портретъ.

Бѣгушевъ при этомъ немного смутился и вмѣстѣ съ тѣмъ переглянулся съ Тюменевымъ.

— Вы знакомы, значить, съ Домной Осиповной? — спросилъ онъ.

— О, Боже мой, сколько лѣтъ! — воскликнулъ Янсутскій. — Я началъ знать ее съ первыхъ дней ея замужества и могу сказать, что это примѣрная женщина въ наше время... идеаль, если можно такъ выразиться.....

— А что за господинъ ея мужъ? — спросилъ Бѣгушевъ.

Янсутскій пожалъ плечами.

— Это купеческій сыночекъ, человѣкъ очень добрый, который умѣетъ только проматывать, но никакъ не наживать... Домна Осиповна столько отъ него страдала, столько перенесла, потому что каждую минуту видѣла и мотовство, и прочее все... Она цѣплялась за все и употребляла всѣ средства, чтобы какъ-нибудь сохранить и удержать свою семейную жизнь, но ничто не помогло.

Бѣгушевъ слушалъ Янсутскаго съ какимъ-то мрачнымъ вниманіемъ.

— Безъ лести можно сказать, — продолжалъ тотъ съ чувствомъ: — не этакого-бы человѣка любви была достойна эта женщина... когда я ей сказалъ, что, можетъ быть, будете и вы, она говоритъ: «ахъ, я очень рада! скажите Александру Ивановичу, чтобы онъ непременно пріѣхалъ.»

— Я буду-съ, — произнесъ съ тѣмъ-же мрачнымъ видомъ Бѣгушевъ.

— Ваше превосходительство, — отнесся уже къ Тюменеву Янсутскій и вставая при этомъ на ноги: — я осмѣлился бы покорнѣйше просить и васъ посѣтить меня.

— Благодарю васъ, но я въ этотъ день думаю уѣхать изъ Москвы.

— Но день можно перемѣнить; я именины могу раньше отпраздновать!—подхватилъ Янсутскій.

— Ахъ, нѣтъ, боялуѣста, я вовсе не желаю васъ такъ стѣснять,—проговорилъ Тюменевъ, нѣсколько сконфуженный и удивленный такою смѣшною угодливіостью отъ человѣка, которому онъ сейчасъ только говорилъ колкости.

— Что за вздоръ, уѣдешь! — вмѣшался Бѣгушевъ:—оставайся до четверга, и поѣдемъ!

— Ты ядаешь этого?—спросилъ Тюменевъ.

— Очень; я тебя, кстати, познакомлю тутъ съ Домной Осиповной,—отвѣчалъ Бѣгушевъ.

— Извольте-съ, я буду! — обратился Тюменевъ къ Янсутскому.

— Очень вамъ благодаренъ! — произнесъ тотъ дѣйствительно обрадованнымъ голосомъ, а потомъ раскланялся и ушелъ.

— И это вотъ тоже герой дня, хорошъ?—спросилъ съ грустью Бѣгушевъ, разумѣя конечно Янсутскаго.

— Да,—подтвердилъ Тюменевъ:—но я сильно подозреваю, что Домну Осиповну онъ для тебя пригласилъ.

— Конечно!..—воскликнулъ Бѣгушевъ:—хотя въ сущности онъ это удовольствіе доставляетъ мнѣ изъ-за тебя!

— Изъ-за меня?—спросилъ не безъ удивленія Тюменевъ.

— Изъ-за тебя! Каждый разъ какъ ты у меня меня погостишь, нѣсколько этакихъ канальѣй — тол-

стосумовъ являются ко мнѣ для пзъявленія по чтенія и уваженія. Хоть и либеральничаютъ на словахъ, а хамы въ душѣ, трепещутъ и благоговѣютъ передъ государственными сановниками!

— Трепещутъ?—спросилъ Тюменевъ, проникнутый тайнымъ удовольствіемъ.

— Сильно!—подтвердилъ Бѣгушевъ.

V.

Въ тотъ же день сводчикъ и ходатай по разнаго рода дѣламъ, Григорій Мартынычъ Гроховъ, сидѣлъ за письменнымъ столомъ въ своемъ грязномъ и темноватомъ кабинетѣ, передъ окнами котораго вплоть до самаго неба вытягивалась штукатурная, грязная, каменная стѣна; а внизу на улицѣ кричали, стучали и перебранивались безпрестанно вѣдушіе и везущіе всевозможные товары ломовые извозчики. Это было въ одномъ изъ переулковъ между Варваркой и Ильинкой.

Гроховъ былъ нѣсколько слонообразной наружности, имѣлъ глаза, налитые кровью, губы толстыя и отчасти воспаленныя, цвѣтъ лица красноватый. Происходя изъ ничтожныхъ сенатскихъ пасцовъ, Гроховъ вѣздилъ въ настоящее время на рысакахъ и имѣлъ, говорятъ, огромныя деньги, что впрочемъ онъ тщательно скрывалъ, такъ что когда его видали иногда покупающимъ на биржѣ тысячъ на сто, на полтора ста бумагъ и при этомъ спрашивали: «что, это ваши деньги, Григорій Мартынычъ?»—онъ съ сердцемъ отвѣчалъ: «нѣтъ-съ, порученныя». Не смотря

на свое адвокатское званіе, Гроховъ рѣдко являлся въ судъ, особенно новый; но вмѣстѣ съ тѣмъ, по общимъ слухамъ, велъ дѣла крупныя между купечествомъ и рѣшалъ ихъ больше самъ, силою своего характера: возьметъ, напимѣръ, какое ни на есть дѣло, поѣдетъ сначала къ противнику своему и напугаетъ того; а если тотъ очень упрется, такъ Гроховъ пугнетъ кліента своего; затѣмъ возьметъ съ обоихъ деньги и помирить ихъ. Предѣдательствовалъ также Гроховъ во многихъ конкурсахъ, любилъ завѣдывать имѣніемъ малолѣтнихъ и хлопоталъ иногда для людей достаточныхъ по дѣламъ бракоразводнымъ. При такого рода значительной дѣятельности, у Грохова была одна проруха: будучи человекомъ одинокимъ, онъ впадалъ иногда въ загулы; ну, тогда и дѣла запускалъ, и деньжищевъ чортъ знаетъ сколько просаживалъ, и крѣпкое здоровье свое отчасти колебалъ, да вдобавокъ еще страху какого-то дурацкаго себѣ наживалъ недѣли на двѣ. Настоящая минута для него была именно одною изъ такихъ минутъ; изъ всего вчерашняго дня, вечера и ночи Гроховъ только и помнилъ двѣ голыя женскія ноги и больше ничего! Можетъ быть, онъ набуянилъ гдѣ-нибудь, избилъ кого-нибудь, убилъ, пожалуй, — ни за что не могъ поручиться! Потъ даже холодный прошибалъ при этихъ мысляхъ Грохова. Но дверь кабинета отворилась, и вошелъ писмоводитель его въ поношенномъ пальто, нечесанный, съ опухшимъ лицомъ и тоже, должно быть, вчера бывший сильно пьянъ.

— Г-жа Олухова къ вамъ пріѣхала, — проговорилъ онъ совершенно охриплымъ голосомъ.

Гроховъ сдѣлалъ надъ собою усиліе, чтобы вспомнить, кто такая это была г-жа Олухова, что за дѣло у ней, и странное явленіе: одинъ только вчерашній вечеръ и ночь были закрыты для Григорія Мартыныча непроницаемой завѣсой, но все прошедшее было совершенно ясно въ его умѣ, такъ что онъ вставъ сейчасъ же нашелъ въ шкафу бумаги съ заголовкомъ «*дѣло и. Олуховыхъ*» и положилъ ихъ на столъ, отперъ потомъ свою конторку и, вынувъ изъ нея толстый пакетъ съ надписью: «*деньги г-жи Олуховой*», положилъ и этотъ пакетъ на столъ; затѣмъ поправилъ нѣсколько передъ зеркаломъ прическу свою и, пожевавъ, чтобъ не такъ сильно пахнуть водкой, жженого кофе, нарочно для того въ карманъ носимаго, опустился на свой деревянный стулъ и, обратясь къ писмоводителю, разрѣшилъ ему принять пріѣхавшую госпожу.

Вошла Домна Осиповна въ бархатномъ платьѣ съ множествомъ цѣпочекъ на груди и дорогими кольцами на пальцахъ. Въ грязномъ кабинетѣ Грохова Домна Осиповна казалась еще красивѣе.

— Честь и мѣсто! — сказалъ Гроховъ, стараясь улыбнуться и показывая на кресло противъ себя.

Домна Осиповна сѣла. Она замѣтно была взволнована.

— Я вчера еще была у васъ, — начала она.

— Знаю-съ!.. Я вчера очень занятъ былъ, — перебилъ ее Гроховъ. Чѣмъ онъ собственно занятъ былъ, мы отчасти знаемъ.

— Вы были въ Петербургѣ? — продолжалъ Домна Осиповна.

— Какъ же-съ! — отвѣчалъ было Гроховъ, но у него въ это время страшно закружилась голова, а

передъ глазами только и мелькали двѣ вчерашнія женскія ноги.

Домна Осиповна ожидала, что онъ будетъ что-нибудь далѣе говорить; но Гроховъ только въ упоръ смотрѣлъ на нее, такъ что она даже покраснѣла немного.

— Что-жь мужъ эту бумагу, о которой я просила васъ, далъ вамъ? — сказала она.

— Выдалъ-съ! — отвѣчалъ Гроховъ и, отыскавъ въ двѣ Олуховыхъ сказанную бумагу, подалъ ее Домнѣ Осиповнѣ и при этомъ дохнулъ на нее струею такого чистаго спирта, что Домна Осиповна зажала даже немножко носъ рукою. Бумагу она, впрочемъ, взяла и съ начала до конца очень внимательно прочла ее и спросила:

— Что же, съ этимъ видомъ я могу теперь вездѣ свободно жить?

— Конечно-съ!... безъ сомнѣнія, — едва достало силы у Грохова отвѣтить ей. Ему все труднѣй и труднѣй становилось существовать; но вдругъ... таково было счастливое свойство его организма, вдругъ онъ почувствовалъ легкую испарину, и голова его начала нѣсколько освѣжаться.

— Очень можете-съ, очень! — повторилъ онъ значительно оживленнымъ голосомъ.

Домна Осиповна нѣсколько мгновений какъ бы собиралась съ мыслями.

— А на счетъ обезпеченія меня, — проговорила она и при этомъ отъ волненія приложила дрожащій свой пальчикъ къ губамъ, какъ бы желая кусать ногти на немъ.

— И это устроилъ-съ! — отвѣчалъ Гроховъ: испа-

рина все болѣе и болѣе у него увеличивалась и голова становилась яснѣй.—Я сначала, какъ и вы тоже желали, сказалъ, что вы намѣрены прѣхать къ нему и жить съ нимъ.

— Интересно, какъ это онъ встрѣтилъ, — замѣтила Домна Осиповна.

— Испугался очень!.. точно я изъ пушки въ него выстрѣлилъ! — отвѣчалъ Гроховъ.

Домна Осиповна вспыхнула вся въ лицѣ.

— Какъ лестно это слышать, — произнесла она.

— Кричить, знаете, этой госпожѣ своей, — продолжалъ Гроховъ:—«Глаша, Глаша, ко мнѣ жена хочетъ воротиться»:.. Та прибѣжала, кричитъ тоже: «Это невозможно!.. нельзя». «Позвольте, говорю, господа, законъ не лишаетъ Михайла Сергѣича права потребовать къ себѣ Домну Осиповну; но онъ также даетъ и ей право прѣхать къ нему, когда ей угодно, тѣмъ болѣе что она ничѣмъ не обезпечена!» «Какъ, говоритъ, не обезпечена: я ей домъ подарилъ».

— Вотъ хорошо! — почти воскликнула Домна Осиповна:—онъ мнѣ домъ подарилъ, когда я еще невѣстой его была.

— Ну, когда бы тамъ ни было, но онъ все-таки подарилъ вамъ... — началъ было Гроховъ, но при этомъ вдругъ раскашлялся, принялся харкать, плевать; лицо у него побагровѣло еще больше, такъ что Домнѣ Осиповнѣ сдѣлалось гадко и страшно за него.

— Это все госпожа его натолковываетъ ему, — проговорила она, когда Гроховъ позатихъ немного.

— Нѣтъ-съ, ошибаетесь!.. совершенно ошибаетесь, — возразилъ онъ, едва приходя въ себя отъ

трепки, которую задалъ ему его расходившійся катаръ:—госпожа эта напротивъ... когда онъ написалъ потомъ ко мнѣ... О тѣ, чортъ поганый, уняться не можетъ!—воскликнулъ Гроховъ, относя слова эти къ начавшему снова бить его кашлю:—и когда я передалъ ему вашу записку... что вы тамъ желаете получить отъ него лавки, капитала 50 тысячъ... Ну тѣ, дьяволь, какъ мучить!.. — заключилъ Гроховъ, продолжая кашлять.

— Какъ однако вы простудились, — замѣтила ему съ состраданіемъ Домна Осиповна.

— Страшно простудился... ужасно!.. — говорилъ Гроховъ и затѣмъ едва собрался съ силами, чтобы продолжать рассказъ.—супругъ вашъ опять было на дыбы, но она прикрикнула на него: «Неужели, говоритъ, вамъ деньги дороже меня, но я минуты съ вами не останусь жить, если жена ваша вернется къ вамъ»... О, Господи, совсѣмъ здоровье расклеилось.

И Гроховъ, какъ бы въ отчаяніи, схватилъ себя за голову.

— Это, я думаю, все отъ вашихъ усиленныхъ занятій, — проговорила, попрежнему, съ состраданіемъ Домна Осиповна:—но что же, однако, мужъ мой выдалъ вамъ какой-нибудь документъ, — поспѣшила она прибавить, потому что очень хорошо видѣла и понимала, какъ Грохову трудно было съ ней вести объясненіе, и даже почему именно было трудно.

— Выдалъ-съ! сейчасъ вотъ вамъ передамъ все: это вотъ-съ купчая крѣпость на лавки, а это ваши деньги,—говорилъ онъ, пододвигая то и другое къ Домнѣ Осиповнѣ.

Она купчую крѣпость тоже прочла весьма вни-

мательно и начала потомъ считать деньги, раскладывая ихъ сначала на сотни, а потомъ на тысячи.

— Тутъ всего тридцать тысячъ! — произнесла она недоумѣвающимъ голосомъ.

— Тридцать-съ! — отвѣтилъ сначала очень коротко Гроховъ; но, видя, что Домна Осиповна все еще остается въ недоумѣніи, онъ присовокупилъ:— все имущество я цѣню въ 200 тысячъ, хотя оно и больше стоитъ... десять процентовъ мнѣ, значитъ, двадцать тысячъ, а тридцать вамъ!

Слова эти окончательно озадачили Домну Осиповну.

— Но десять процентовъ, кажется, беретъ, когда дѣло ведутъ, — произнесла она съ какой-то перекошенной и злой улыбкой.

— А я развѣ не велъ дѣла? — возразилъ ей Гроховъ:—но кромѣ того, мы уговорились такъ съ вами... У меня вашей руки письмо есть на то.

— Но я полагала, что дѣло дойдетъ до суда, — говорила съ той же злой улыбкой Домна Осиповна.

— Ну, за это вы благодарите Бога, что дѣло до суда не дошло, — произнесъ съ удареніемъ и тряхнувъ головой Гроховъ:—по суду бы супругъ вашъ шишъ вамъ показалъ.

— Какъ же шишъ... и какъ это деликатно съ вашей стороны такъ выражаться!—сказала, вся вспыхнувъ, Домна Осиповна.

— Такъ, шишъ!—повторилъ еще разъ Гроховъ:—въ законахъ дѣйствительно сказано, что мужья должны содержать своихъ женъ, но какихъ? неимѣющихъ никакого своего имущества, а мужъ вашъ прямо скажетъ, что у васъ есть домъ.

— Но домъ я, — возразила Домна Осиповна съ прежней неприятной улыбкой:—сейчасъ могу продать!

— А тогда онъ скажетъ, что у васъ деньги есть.

— Деньги я тоже могу прожить, подарить, потерять...

Гроховъ усмѣхнулся при этомъ.

— Да, какъ же, обманешь кого-нибудь этими побасенками: нынѣшніе судьи не слѣпо судятъ и прямо говорятъ, что они буквы закона держатся только въ дѣлахъ уголовныхъ, а въ гражданскихъ, такъ какъ надо же въ чью-либо пользу рѣшить, допускаютъ толкованія и конечно въ вашемъ дѣлѣ въ вашу пользу не растолковали бы, потому что вы еще заранѣе болѣе чѣмъ обезпечены были отъ вашего мужа...

Всѣхъ этихъ словъ Грохова Домна Осиповна и не слушала, а молча и съ замѣтно недовольнымъ лицомъ укладывала бумаги и деньги въ карманы своего платья.

— Вы потрудитесь во всемъ этомъ дать мнѣ росписочку, — сказала Гроховъ, пододвигая Домнѣ Осиповнѣ бумагу и перо.

— Что же я написать должна? — спросила та.

— Напишите-съ, что вотъ документы и деньги, переданные мнѣ вашимъ мужемъ, вы сполна получили, а я напишу-съ, что слѣдующія мнѣ по дѣлу сему деньги вами тоже уплачены!..—отвѣчалъ Гроховъ и написалъ, что говорилъ.

— Ну, не очень я деньги сполна получила, — говорила Домна Осиповна, начиная писать росписку.

— Не знаю-съ, по моему вы сполна ихъ получили, — сказала Гроховъ, и на лицѣ своемъ весьма

ясно изобразилъ желаніе, чтобы кліентка его поскорѣе убиралась отъ него, но Домна Осиповна не поднималась съ своего мѣста.

— Но какихъ мнѣ бумагъ купить на эти деньги, рѣшительно недоумѣваю,—проговорила она, кусая свои розовыя губки.

Гроховъ догадался, что этотъ вопросъ былъ адресованъ къ нему.

— Изъ бумагъ вамъ лучше всего купить Хмуринскія акціи,—отвѣчалъ онъ.

— Но онѣ очень высоко стоятъ,—произнесла грустнымъ голосомъ Домна Осиповна.

— На биржѣ ихъ нечего и покупать, тамъ приступу нѣтъ, но нельзя ли вамъ какъ-нибудь ихъ достать отъ самого господина Хмурина; даетъ, говорятъ, онъ нѣкоторымъ знакомымъ по номинальной даже цѣнѣ... Нѣтъ ли у васъ человѣка, вхожаго къ нему?

Домна Осиповна нѣкоторое время соображала.

— Янсутскаго развѣ попросить; онъ вчера былъ у меня,—сказала она опять какъ бы больше сама съ собой.

— Чего же лучше... пріятели, ни въ чемъ не отказываютъ другъ другу.

— Его попрошу!..—продолжала Домна Осиповна тѣмъ же размышляющимъ голосомъ.—Но самыя акціи вѣрны-ли?

При этомъ вопросѣ Гроховъ даже разсмѣялся.

— Вотъ еще!.. вѣрны-ли акціи—...произнесъ онъ.

Домна Осиповна наконецъ поднялась.

Гроховъ тоже всталъ съ своего стула.

— До свиданья!—сказала она довольно сухо ему.

— До свиданья-съ!—повторилъ и онъ ей, склоняя свою голову къ столу и начиная внимательно смотрѣть на лежавшія на немъ бумаги.

Домна Осиповна ушла.

Гроховъ послѣ того опять сейчасъ же съѣлъ.

— Ну, барынька... выжига порядочная!—произнесъ онъ, утирая градомъ катившейся со лба потъ. Отъ всѣхъ этихъ объясненій съ клиентрою похмѣля у него какъ-будто бы и не бывало.

Отъ Грохова Домна Осиповна проѣхала въ одну изъ банкирскихъ конторъ. Тамъ въ первой же со входа комнатѣ, за проволочной рѣшеткой, точно птица какая, сидѣлъ жидъ съ сильными слѣдами на лицѣ и на рукахъ проказы; не смотря на это, Домна Осиповна очень любезно поклонилась ему и даже протянула ему въ маленькое отверстіе рѣшетки свою руку, которую жидъ, въ свою очередь, съ чувствомъ и довольно сильно пожалъ.

— А я къ вамъ денегъ еще привезла положить на чекъ,—сказала она веселымъ и развязнымъ тономъ.

— А и прекрасно, что привезли! — подхватилъ тоже весело жидъ.

Домна Осиповна положила передъ нимъ на прилавокъ деньги и расчетную книжку.

Жидъ разсмотрѣлъ сначала книжку, пересчиталъ потомъ деньги и, положивъ ихъ въ ящикъ, произнесъ, стараясь пріятно улыбнуться:

— Къ прежнимъ 50 тысячамъ вы кладете еще тридцать?

— Еще!—отвѣчала Домна Осиповна съ той-же

веселой улыбкой; эти 50 тысячъ она скопила, когда еще жила съ мужемъ и распорядилась всѣмъ его хозяйствомъ, о чемъ сей послѣдній, конечно, не вѣдалъ.

— Но вотъ еще что... Вѣроятно, я скоро возьму у васъ всѣ свои деньги,—прибавила Домна Осиповна жиду.

Тотъ почтительно склонилъ передъ ней свою голову.

— О, когда только вамъ угодно будетъ!—произнесъ онъ, придавъ своимъ глазамъ какое-то даже сантиментальное выраженіе, а затѣмъ, написавъ въ книжкѣ, что нужно было, передалъ ее съ нѣкоторою ловкостью Домнѣ Осиповнѣ.

Та, взглянувъ на написанную въ книжкѣ цифру денегъ, поблагодарила жиду наипрѣятнѣйшей улыбкой.

— Скажите,—начала она, приближая уже почти къ самой рѣшеткѣ свое лицо и весьма негромкимъ голосомъ:—Хмуринаскія авціи вѣрны ли нѣтъ?

— Какъ то, что завтра солнце взойдетъ!—отвѣчалъ ей жидъ.

— Такъ вѣрны?—переспросила Домна Осиповна.

— Такъ вѣрны!—повторилъ жидъ.

— Мерсі,—сказала на это Домна Осиповна и, пожавъ еще разъ пораженною проказой руку жиду, ушла.

VI.

Елизавета Николаевна Мѣрова, въ широчайшемъ утреннемъ капотѣ, обшитомъ кругомъ кружевами и оборками, сидѣла на небольшомъ диванчикѣ, вся утонувъ въ него, такъ что только и видно было ея маленькое личико и ея маленькія обнаженные ручки, а остальное все какъ-будто бы была кисея. Квартира

Елизаветы Николаевны весьма небольшая, въ противоположность дому Домны Осиповны, представляла въ своемъ убранствѣ замѣчательное изящество и простоту: въ ней ничего не было лишняго, а если что и было, такъ все очень красивое и вѣроятно очень дорогое. Квартира ея такимъ образомъ была убрана, конечно, на деньги Янсутскаго; но собственно вкусъ, руководствовавшій всѣмъ этимъ убранствомъ, принадлежалъ родителю Елизаветы Николаевны, графу Николаю Владиміровичу Хвостикову, нѣкогда блестящему камергеру, а теперь, какъ онъ самъ даже про себя выражался, аферисту и прожектеру.

Графъ въ это время сидѣлъ у дочери. Онъ былъ уже старикъ, но совершенно еще стройный, раздушенный, напомаженный, съ бородой *à la Napoleon III*, и въ безукоризненно-модной сюртучной парѣ.

— Какъ-же, *chère amie*, ты это утверждаешь!.. — говорилъ онъ (даже въ русской рѣчи графа Хвостикова слышалось что-то французское). — Какъ женщина, ты не можешь даже это понимать!..

— Я, можетъ быть, и не понимаю; но Петръ Евстигнѣичъ говоритъ, что все это одна фантазія, вздоръ!.. — возразила ему Елизавета Николаевна.

— Какъ вздоръ! — спросилъ графъ, и отъ досады переломилъ даже находящійся у него въ рукахъ бисквитъ и кусочки его положилъ себѣ въ ротъ: онъ только-что передъ тѣмъ пилъ съ дочерью шоколатъ.

— Такъ, вздоръ, — повторила та: — Петръ Евстигнѣичъ говоритъ, что надобно сначала первое дѣло покончить.

— Но оно уже кончено, — съ недѣлю, какъ оно раз-

смотрѣно и разрѣшено...—сказалъ съ увѣренностью графъ.

— А если кончено, такъ и прекрасно!.. А другое предпріятіе, Петръ Евстигнѣичъ говоритъ, надобно подождать...

— Для тебя, *chère amie*, каждое слово твоего Петра Евстигнѣича... *Oh, diable!*... отъ одного отчества его языкъ переломишь!.. Тебѣ онъ, по твоимъ чувствамъ къ нему, представляется Богомъ какимъ-то, изрекающимъ однѣ непреложныя истины, но другіе, можетъ быть, понимаютъ его иначе!

Графъ Хвостиковъ собственно самъ и свелъ дочь съ Янсутскимъ, воспользовавшись ея вѣтренностью и тѣмъ, что она осталась вдовою, и сдѣлалъ это не по какому-нибудь свободному взгляду на сердечныя отношенія, а потому что *c'est une affaire avantageuse*, предпріятіе не безвыгодное, а выгодными предпріятіями графъ въ послѣднее время бредилъ.

— Въ сущности, твой Петръ Евстигнѣичъ кулакъ и привыкъ только считать гроши! — присовокупилъ онъ вполголоса.

— Пожалуйста, папа, не выражайтесь такъ, — остановила его дочь... — Я люблю этого чловека и не позволю никому о немъ дурно отзываться.

Говоря это, Елизавета Николаевна вся вспыхнула даже.

— Что-жь, это семейный разговоръ былъ...— возразилъ было графъ.

— А я и семейнаго разговора такого не желаю имѣть,—подхватила дочь.

Графъ замолчалъ.

Вскорѣ затѣмъ пріѣхала Домна Осиповна. Елизавета Николаевна очень ей обрадовалась.

— Ахъ, вотъ кто это! — воскликнула она, увидавъ входящую подругу, и вскочивъ, какъ козочка, съ дивана, бросилась обнимать ее.

Графъ Хвостиковъ тоже сейчасъ всталъ и поклонился гостьѣ; при этомъ случаѣ нельзя не замѣтить, что поклониться такъ вѣжливо и вмѣстѣ съ тѣмъ съ такимъ сохраненіемъ собственнаго достоинства, какъ сдѣлалъ это графъ, врядъ-ли многіе умѣли въ Москвѣ.

— Ты, однако, — начала Елизавета Николаевна, переставъ наконецъ цѣловать Домну Осиповну: — опять въ обновкѣ, въ бархатномъ платьѣ!

— Да, я съ этой болѣзнью моею и поѣздкою за границу такъ истрепала мой туалетъ, что рѣшительно теперь весь возобновляю его!..—отвѣчала та не безъ важности.

— Постой, постой!..—останавливала между тѣмъ Мѣрова пріятельницу, не давая ей садиться и осматривая ее съ головы до ногъ: но знаешь, та *chère*, платье это тяжело на тебѣ сидитъ.

— Я не нахожу этого, — отвѣчала Домна Осиповна, не совѣмъ, кажется, довольная этимъ замѣчаніемъ.

— Тяжело, — повторила Мѣрова:—не правда ли, папа?—отнеслась она къ отцу.

Графъ Хвостиковъ лукаво усмѣхнулся.

— «Въ мой-ль лѣта свое сужденіе имѣть!» — произнесъ онъ увлочно.

— Какъ вы ни молоды, графъ, но все-таки, я полагаю, свое мнѣніе вы можете имѣть!..—отнеслась

къ нему съ улыбкою Домна Осиповна: — скажите, тяжело это платье?

— Pardon, madame, j'ai ne comprends pas ce que cela signifie: тяжело! Тяжело только то, что трудно поднять, но вамъ, я надѣюсь, не тяжело носить ваше платье, а пріятно.

Графъ видимо хотѣлъ этимъ что-то такое со-строить.

— Даже очень пріятно, оно такое теплое, въ немъ такъ уютно,—подтвердила Домна Осиповна.

— Но оно не платье, chère amie,—силилась доказать Мѣрова:—а драпировка какая-то.

— Хорошо сказано, хорошо!.. О, ты дочь достойная меня! — подхватилъ графъ. (Онъ еще смолodu старался слыть за остряка, и даже теперь въ обществѣ называли его: *тупымъ шиломъ*).

— Поэтому вы, — отнесся онъ къ Доминѣ Осиповнѣ: — прекрасная дорическая колонна, а платье ваше драпри... Vous êtes une dame aux draperies!..

— Не знаю... Я что-то колоннѣ въ драпировкахъ не видала,—произнесла та, нѣсколько уже обидѣвшись и садясь на кресло.

Графъ Хвостиковъ тоже сѣлъ.

— Ну, что, пустяки, колонна!.. — подхватила Мѣрова, также усаживаясь около пріятельницы.—Я убѣждена, — продолжала она: — что это тебѣ, по обыкновенію, шила твоя Дарья Петровна.

— Конечно, Дарья Петровна, которая никакъ не хуже шьетъ твоей m-me Минангуа, и разница вся въ томъ, что та вдвое беретъ за фасонъ и вдвое матерія требуетъ,—возразила Домна Осиповна.

— Какъ же это возможно!—произнесла почти съ

плачемъ въ голосъ Мѣрова.—Папа, развѣ правда это?—обратилась она опять къ отцу.

— Я не знаю фасоновъ m-me Минангуа; но въ окнахъ у ней я только видалъ прелестные цвѣтки,—отвѣчалъ графъ.

— А развѣ она дѣлаетъ цвѣты?—спросила Домна Осиповна.

— Нѣтъ, онъ все глупости говоритъ: засматривался тамъ на хорошенькихъ мастерицъ!—перебила съ досадой Мѣрова и снова обратилась къ главному предмету, ее занимающему:—ты спрашиваешь, отчего тяжело, но зачѣмъ такія широкія складки?—сказала она, показывая на одну изъ складокъ на платьѣ Домны Осиповны.

Та пожала при этомъ плечами.

— Ты, значить, не видала послѣднихъ фасоновъ; есть у тебя какой-нибудь модный журналъ?—спросила она.

— Два даже!—воскликнула Мѣрова и, проворно сходявъ, принесла оба журнала.

— Смотри: узенькая это складка или широкая?—говорила Домна Осиповна, показывая съ торжествомъ на одну изъ картинокъ.

M-me Мѣрова вспыхнула при этомъ: она чувствовала себя прямо удиченною.

— Знаю я это! Но пусть на картинкахъ это такъ и будетъ: носить же и надѣвать на себя такое платье я никогда бы не хотѣла, — произнесла она капризнымъ голосомъ.

— погоди, — остановила ее Домна Осиповна:—а этотъ капотъ, который на тебѣ, развѣ не такъ же сдѣланъ?

— Да что, капоть! Ей-богу, какъ ты говоришь,— почти выходила изъ себя Мѣрова:—это глупая какая-то блуза, которую мнѣ шила бѣлошвейка.

— Attendez, mesdames, я васъ помирю!.. — сказалъ, поднимая знаменательно свою руку графъ Хвостиковъ:—каждая изъ васъ любитъ то, что требуетъ ея наружность!.. М-ме Олухова брюнетка, къ ней идетъ всякій блескъ, всякій яркій цвѣтъ, а Лиза существо ээпра: ей надобно небо и легко облегающій газъ!..

— Да, если это такъ, то конечно!..—согласилась съ нимъ Домна Осиповна, но дочь нѣтъ, и продолжала отрицательно качать своею головкою.

Въ это время слышались звуки сабли.

— Петръ Евстигнѣичъ, кажется, — проговорилъ графъ Хвостиковъ.

Мѣрова заботливо взглянула на дверь.

Вошелъ, дѣйствительно, Янсутскій, пріѣхавшій прямо отъ Бѣгушева и бывший очень не въ духѣ. Не смотря на то, что Тюменевъ и Бѣгушевъ дали слово у него отобѣдать, онъ инстинктивно чувствовалъ, что они весьма не высоко его третировали и почти что подсмѣивались надъ нимъ, тогда какъ самъ Янсутскій, вслѣдствіе нахапанныхъ всякаго рода продѣлками денегъ, считалъ себя чуть не геніальнымъ человѣкомъ.

Войдя въ комнату, онъ въ первой обратился Домнѣ Осиповнѣ.

— Очень радъ, что я васъ здѣсь засталъ,— сказалъ онъ, крѣпко пожимая ей руку.

— И я отчасти потому пріѣхала, что надѣялась встрѣтить васъ здѣсь,— сказала она.

Янсутскій затѣмъ мотнулъ головой т-ше Мѣрой и ея папа, снялъ саблю и сѣлъ. Елизавета Николаевна пристально посмотрѣла на него.

— Что вы такой сегодня, фу, точно котъ Васька, сердитый?—спросила она его.

— Нисколько не сердитый,—отвѣчалъ ей небрежно Янсутскій и снова отнесся къ Домнѣ Осиповнѣ: — Бѣгушевъ будетъ у меня обѣдать.

— Будетъ?—повторила та съ съ удовольствіемъ.

— Будетъ-съ,—отвѣчалъ Янсутскій и обратился уже къ графу Хвостикову: — у Бѣгушева я встрѣтилъ Тюменева; можетъ, вы знаете его?

— О, Боже мой! Это одинъ изъ лучшихъ моихъ знакомыхъ!—произнесъ графъ, поднимая при этомъ немного глаза вверхъ.

— И онъ мнѣ сказалъ, что наше предпріятіе дѣйствительно разсматривалось, но что оно провалилось окончательно.

Графъ Хвостиковъ при этомъ поблѣднѣлъ.

— Что такое провалилось?—спросилъ онъ, какъ бы не понявъ этой фразы.

— А то провалилось, что не утверждено,—отвѣчалъ ему насмѣшливо и со злостію Янсутскій.

— Вотъ видишь, папа, какъ ты всегда говоришь! — сказала также и дочь графу, погрозя ему укоризненно пальчикомъ: — вѣрно все... рѣшено... кончено!

— Но мнѣ писали объ этомъ!—бормоталъ графъ, совсѣмъ, какъ видно, опѣшенный.

— Не знаю-съ, кто вамъ это писалъ,—возразилъ ему съ явнымъ презрѣніемъ Янсутскій:—но оно никогда не было, да и не могло быть рѣшено въ нашу

пользу. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ ожидать, чтобы позволили на воздухѣ строить домъ.

— Гдѣ-жь на воздухѣ,—продолжалъ кроткимъ голосомъ графъ:—развѣ *credit mobilier* не то же самое?

— Вотъ еще что выдумали: *credit mobilier*! — воскликнулъ насмѣшливо Янсутскій:—предпріятіе, чортъ знаетъ когда существовавшее, и гдѣ же? въ Парижѣ! при содѣйствіи императора и то лопнувшее—хорошъ примѣръ! Я просто сгорѣлъ отъ стыда, когда Тюменевъ сталъ распясывать Бѣгушеву это наше дурацкое дѣло!

Графъ на это ничего ужъ и не возражалъ.

Дочерп, кажется, сдѣлалось жаль его.

— Хотите завтракать?.. — спросила она Янсутскаго, зная по опыту, что когда онъ поѣстъ, такъ бываетъ подобрѣе.

— Нѣтъ, не хочу!.. — отвѣчалъ отрывисто Янсутскій. (Надменный видъ Тюменева никакъ не могъ выйти изъ его головы.) А у меня еще гость будетъ, этотъ Тюменевъ,—присовокупилъ онъ.

— Ахъ, это отлично! Мнѣ очень хочется посмотреть на него, — воскликнула Мѣрова.—Что онъ такое: генераль-адъютантъ?..

— То-есть, пожалуй, генераль-адъютантъ, штатскій только... онъ статсъ-секретарь! — отвѣчалъ не безъ важности Янсутскій. — Я собственно позвалъ этого господина,—отнесся онъ какъ бы больше къ графу:—за тѣмъ, что онъ хоть и надутая этакая скотина, но все-таки держаться къ этимъ людямъ поближе не мѣшаетъ.

— О, безъ сомнѣнія!—подтвердилъ тотъ невеселымъ голосомъ.

Положеніе графа было очень нехорошее: если бы изобрѣтенное имъ предпріятіе было утверждено, то онъ все-таки нѣсколько надѣялся втянуть Янсутскаго въ новую аферу и такимъ образомъ, заинтересовавъ его въ двухъ большихъ дѣлахъ, имѣлъ нѣкоторое нравственное право занимать у него деньги, что было совершенно необходимо для графа, такъ какъ своихъ доходовъ онъ ниоткуда не получалъ никакихъ, и въ настоящее время, напримѣръ, у него было въ карманѣ всего только три цѣлковыхъ; а ему сегодняшнимъ вечеромъ нужно было приготовить по крайней мѣрѣ рублей сто для одной своей любвишки; не смотря на свои 60 лѣтъ, графъ сильно еще занимался всякаго рода любовишками. Но гдѣ взять эти сто рублей!.. Не у Янсутскаго-же просить займы послѣ всѣхъ дерзостей, которыя онъ позволилъ себѣ сказать: графъ все-таки до нѣкоторой степени считалъ себя джентльменомъ.

— Этотъ Тюменевъ очень много рассказывалъ интересныхъ вещей, — снова началъ Янсутскій.

Графъ Хвостиковъ при этомъ взглянулъ на него.

— А именно?—спросилъ онъ.

— Да разныя тамъ разности!—отвѣчалъ Янсутскій:—о нѣкоторыхъ перемѣнахъ, предполагаемыхъ въ министерствѣ... о своихъ бесѣдахъ съ разными высокопоставленными лицами... объ ихъ взглядахъ на Россію! (Но болѣе точнымъ образомъ опредѣлить, что ему рассказывалъ Тюменевъ, Янсутскій не могъ вдругъ придумать: какъ человекъ практическій, онъ владѣлъ весьма слабымъ воображеніемъ.) Въ такія отвроенности пустился, что Боже упаси!.. Понра-

вился, видно, я ему очень!—заклучилъ онъ, вставая и беря свою саблю.

— А мнѣ еще, Петръ Естигявичъ, надобно съ вами два слова сказать!.. — проговорила при этомъ Домна Осиповна.

— Вашъ слуга покорный!—отвѣчалъ ей Янсутскій.

— Но только по секрету!..—присовокупила Домна Осиповна.

— И по секрету могу! — подхватилъ Янсутскій. Они оба пошли.

— Вы не ревнуете?—спросила Домна Осиповна, оборачиваясь въ Мѣровой.

— Немножко ревную!—отвѣчала та.

Въ слѣдующей комнатѣ Домна Осиповна и Янсутскій сѣли.

— Послушайте,—начала она заискивающимъ голосомъ: — у меня есть теперь свободныя деньги... Я бы желала на нихъ приобрести акціи Хмурина: гдѣ бы мнѣ ихъ достать?

— На биржѣ сколько угодно.

— Да, но на биржѣ онѣ дороже своей цѣны...

— Еще-бы, и главное, что съ каждымъ днемъ поднимаются и будутъ еще подниматься.

— Вы думаете? — проговорила Домна Осиповна и глаза ея при этомъ блеснули какимъ-то особеннымъ блескомъ.

— Увѣренъ въ томъ!.. А на какую сумму вамъ нужно этихъ акцій?

— Я еще этого не опредѣлила точно!—отвѣчала уклончиво Домна Осиповна:—акціи Хмурина конечно теперь очень хорошо стоятъ, но онѣ могутъ и понизиться, все-таки это рискъ!.. У Хмурина, гово-

рятъ, много еще ихъ на рукахъ, и онъ ихъ даетъ нѣкоторымъ знакомымъ по номинальной цѣнѣ.

— Кому-жь онъ даетъ?.. лицамъ, отъ которыхъ самъ въ завѣсности. Впрочемъ, Хмуринъ будетъ у меня на обѣдѣ... Попробуйте, скажите ему объ этомъ!— проговорилъ Янсутскій:— онъ нѣженъ съ дамами.

— Нѣженъ?— спросила усмѣхнувшись Домна Осиповна.

— Очень даже. Вы сначала, будто шутя, попросите у него, а потомъ и серьезно скажите.

— Понимаю; но и вы словечко замолвите ему съ своей стороны; онъ, говорятъ, вамъ ни въ одной просьбѣ не отказывается!..

Янсутскій пожалъ плечами.

— Пока еще не отказывалъ ни въ чемъ; извольте, я ему скажу!

— Пожалуйста!

У графа Хвостикова въ это время тоже шель о деньгахъ разговоръ съ дочерью.

— У тебя нѣтъ рублей двухъ сотъ, трехъ сотъ?..— спросилъ онъ будто случайно и совершенно небрежнымъ тономъ.

— Нѣтъ, папа, на вотъ хоть возьми ключъ и посмотри самъ!— отвѣчала та совершенно, какъ видно, искренно.

Графъ нѣкоторое время переминался.

— А этакъ заложить мнѣ что-нибудь не можешь-ли дать?

— Ни за что, папа!.. ни за что!..— воскликнула, точно даже испуганная этой просьбой, Мѣрова:— Петръ Евстигнѣичъ и за браслетъ тогда меня бранилъ очень, бранилъ и тебя также.

— Какъ же онъ меня бранилъ? — имѣлъ неосторожность спросить Хвостиковъ.

— Просто подлецомъ тебя называлъ, — объяснила откровенно дочь.

Янсутскій и Домна Осиповна возвратились и вскорѣ затѣмъ оба уѣхали, а графъ Хвостиковъ, желая сберечь свои единственные три рубля, какъ ни скучно ему то было, остался у дочери обѣдать.

VII.

Петръ Евстигнѣевичъ Янсутскій въ день именинъ своихъ, часовъ еще въ 10-ть утра, пріѣхалъ въ одинъ изъ очень дорогихъ отелей и объявилъ тамъ, что онъ человѣкамъ восьми желаетъ дать обѣдъ; потомъ, заказавъ самый обѣдъ, выбралъ для него лучшее отдѣленіе отеля и распорядился, чтобы тутъ сейчасъ-же начали накрывать на столъ. Затѣмъ онъ съѣздилъ, привезъ и собственными руками внесъ въ избранное имъ отдѣленіе монстры-ананасы, которые, когда уложили ихъ на вазы, доставали своею зеленью чуть не до потолка. Янсутскій остался этимъ очень доволенъ; но за то въ ужасъ пришелъ, когда увидѣлъ приготовленные для обѣда канделябры, ни дать, ни взять какіе бывають на похоронныхъ обѣдахъ. Онъ немедля приказалъ ихъ взять къ чорту, послалъ въ магазинъ и велѣлъ оттуда принести прежде еще имъ видѣнные тамъ четыре очень дорогие, изъ бѣлой бронзы, многосвѣчные шандалы и купилъ ихъ съ тѣмъ, чтобы, послѣ отпразднованія, они были отправлены къ м-ме Мѣровой. По случаю

п были на драпировкѣ, коврахъ и на мебели, у него вышла дѣлая исторія съ хозяиномъ отеля. Янсутскій требоваль, чтобы позвали обойщика и все бы это выбили, вычистили. Хозяинъ-французъ, съ своей стороны, увѣряль, что у него все выбито, чисто; а Янсутскій кричалъ, что у него все не чисто. Французъ вспыхнулъ отъ гнѣва, и только надежда получить съ г-на полковника порядочный барышъ, удержала его въ границахъ приличія, и онъ даже велѣль все исполнить по желанію г-на Янсутскаго, который потомъ прямо изъ отеля поскакаль къ m-me Мѣровой. Онъ засталъ ее чуть не въ одномъ бѣльѣ, раскричался на нее жесточайшимъ образомъ за то, что она наканунѣ, на какомъ-то дурацкомъ вечерѣ, просидѣла часовъ до пяти и теперь была съ измятой, какъ тряпка, кожей, тогда какъ Янсутскій никогда въ такой степени не желалъ, какъ сегодня, чтобы она была хороша собою.

Домна Осиповна, въ свою очередь, тоже не мало хлопотала по случаю предстоящаго обѣда. Она еще заранѣе сказала Бѣгушеву, что хочетъ пріѣхать на обѣдъ съ нимъ вмѣстѣ и даже въ его экипажѣ. Бѣгушева нѣсколько удивило это.

— Но ловко-ли будетъ?—спросиль онъ.

— Очень ловко!... Я съ сегодняшняго дня вовсе не намѣрена скрывать нашихъ отношеній,—пояснила Домна Осиповна. Мы знаемъ, что она передъ тѣмъ только покончила съ мужемъ всѣ дѣла свои.

Бѣгушевъ промолчалъ, но въ сущности такое ее намѣреніе ему не понравилось. По его понятіямъ,

женщинѣ не стараться скрывать подобныхъ отношеній не слѣдовало, потому что это показывало въ ней нѣкоторое отсутствіе стыдливости.

— И, пожалуйста, заѣзжайте за мной въ вашемъ новомъ фаэтонѣ и на вашихъ вороныхъ лошадяхъ, а не на противныхъ гнѣдыхъ! — дополнила Домна Осиповна.

— Но вороные, — возразилъ было Бѣгушевъ: — ужасно рѣзвы: на нихъ того и гляди или себѣ голову сломишь, или задавишь кого-нибудь. Я хочу велѣть ихъ продать.

— Не смѣйте этого и думать! — почти прикрикнула на него Домна Осиповна. — Я обожаю этихъ лошадей, и на нихъ извольте заѣхать за мной. — Бѣгушеву и это желаніе ея показалось довольно страннымъ.

Въ самый день обѣда Домна Осиповна съ двѣнадцати часовъ затворилась въ своей уборной и стала себѣ *дѣлать лицо*. Для этого она прежде всего попритерлась нѣсколько, а затѣмъ начала себѣ закопченной шпилькой выводить линіи на вѣкахъ; потомъ насурмила себѣ нѣсколько брови, сгладила ихъ и подкрасила розовой помадой свои губы. *Сдѣлавъ лицо*, Домна Осиповна принялась причесываться, что сопровождалось почти драматическими сценами. Парикмахеръ, какъ видно, не совсѣмъ искусный, дѣлалъ по своему, а Домна Осиповна требовала, чтобы онъ передѣлывалъ по ея. Парикмахеръ передѣлывалъ, но все-таки выходило не такъ. Домна Осиповна сердилась, кричала, плакала и наконецъ прогнала парикмахера, велѣвъ, впрочемъ, ему дожидаться въ передней. Оставшись одна, она для успо-

военія нервовъ, нѣсколько времени ходила по комнатѣ; а потомъ, снова подправивъ себѣ лицо, позвала опять парикмахера и съ нимъ наконецъ общими силами устроила себѣ прическу, которая вышла какъ-то вся на сторону; но это-то, кажется, больше всего и нравилось Домнѣ Осиповнѣ; она видѣла въ этомъ выраженіе какого-то удалства, качество, которое въ послѣднее время стало нравиться нѣкоторымъ дамамъ. Платье Домна Осиповна надѣла ярко-зеленое со множествомъ дорогихъ вещей.

Когда Бѣгушевъ заѣхалъ за ней и увидѣлъ ее въ полномъ нарядѣ, то не могъ удержаться и произнесъ:

— Что это, какія вы сегодня зеленяя!

— Это самый модный цвѣтъ! — объяснила ему Домна Осиповна.

Бѣгушевъ невольно потупился: всю молодость свою провелъ онъ въ свѣтѣ; кромѣ того родился, выросъ въ очень достаточномъ семействѣ, но такихъ яркихъ цвѣтовъ на платьяхъ дамъ что-то не помнилъ. Впрочемъ онъ и это явленіе отнесъ, по своей привычкѣ, къ бездарности вѣка, не умѣющаго даже придумать хоть сколько-нибудь сносный туалетъ для дамъ.

Сѣвъ въ фаетонъ съ Бѣгушевымъ, Домна Осиповна сказала кучеру:

— Пожалуйста, поскорѣй!

Тотъ, желая ей угодить, понесся на всѣхъ рысяхъ, такъ что на первыхъ порахъ Бѣгушевъ едва опомнился и только на Тверской взглянулъ на Домну Осиповну. Онъ въ первый еще разъ видѣлъ ее разряженною и ѣдущею въ щегольскомъ экипажѣ. По-

лученное имъ на этотъ разъ впечатлѣніе было окончательно непріятное. На Доминѣ Осиповнѣ оказалась высокая шляпка съ какимъ-то глупо-болтающимся вверху цвѣткомъ. Сама Домна Осиповна сидѣла, съ неописанной важностью и закинувъ ногу на ногу, и вмѣстѣ съ тѣмъ она съ явнымъ презрѣніемъ смотрѣла на всѣхъ, идущихъ пѣшкомъ. Бѣгушевъ, весь свой вѣвъ вздвигшій въ экипажахъ, подозрѣвать даже не могъ переживаемаго въ настоящія минуты удовольствія его дамою, далеко не пользовавшеюся въ молодости довольствомъ средствъ.

Въ отелѣ, между тѣмъ, м-ше Мѣрова сидѣла въ качествѣ хозяйки въ маленькой гостиной взятаго отдѣленія, а Яне утскій въ полной мундирной формѣ, ртомъ и мѣхами раздувалъ уголья въ находящемся тутъ каминѣ, чтобы скорѣе они разгорѣлись и дали изъ себя пріятную теплоту.

Пріѣхали Домна Осиповна и Бѣгушевъ.

— А Тюменевъ что-же... не будетъ? — спросилъ послѣдняго Янеутскій съ беспокойствомъ.

— Не знаю; вѣроятно, пріѣдетъ, — отвѣчалъ тотъ ему довольно сухо.

Дамы, какъ водится, увидавъ другъ друга, издали легкія восклицанія, поцѣловались и, съ быстротой молніи осмотрѣвъ другъ на другъ туалеты, усѣлись.

Домна Осиповна нашла, что м-ше Мѣрова, бывшая въ платьѣ изъ сѣраго фая съ высокимъ лифомъ, слишкомъ бѣдно одѣлась для такого параднаго случая; а Мѣровой, напротивъ, показалось, что Домна Осиповна чересчуръ разрядилась. Мыслей этихъ онѣ конечно не высказали.

— Какъ здѣсь мило и уютно,—начала разговоръ первая Домна Осиповна.

— Очень мило,—подхватила Янсутскій.

Бѣгушевъ, усѣвшійся нѣсколько въ сторонѣ, у окна, тоже окинулъ глазами комнату и рѣшительно не понималъ, что въ ней было милаго.

— А какъ красиво сервированъ столъ!—продолжалъ Янсутскій, показывая Домнѣ Осиповнѣ на накрытый въ залѣ столъ.

Она, чтобы разсмотрѣть хорошенько, надѣла даже пенсне и съ своей стороны подтвердила:

— Очень хорошо.

М-ме Мѣрова въ это время вскидывала на мгновение свои глазки на Бѣгушева. Она тоже, кажется, подобно ему не находила ничего особенно красиваго и милаго въ трактирномъ убранствѣ.

Явился графъ Хвостиковъ въ черномъ фракѣ и бѣломъ галстукѣ.

— Боже мой, сколько лѣтъ не видались! — воскликнулъ было онъ, растопыривая передъ Бѣгушевымъ руки и какъ бы желая заключить его въ свои объятія.

Но тотъ однако не пошевелился съ своего мѣста и проговорилъ только:

— Здравствуйте!

— Каждый день я къ вамъ собирался, каждый день!—продолжалъ Хвостиковъ.

Бѣгушевъ и на это промолчалъ.

Графъ, понявъ, что ему тутъ ничего не вытанцовать, расшаркался съ обычною ему ловкостью передъ дамами.

— Je vous salue, mesdames, и сейчасъ же усѣв-

шись на креслѣ, рядомъ съ Домной Осиповной, началъ отдуваться. По рѣшительному отсутствію денегъ, графъ издалека пришелъ пѣшкомъ.

— Вы устали?—спросила его Домна Осиповна.

— Сидя около васъ, я не могу сказать, что я у стали; скорѣй я у золота,—отвѣчалъ онъ.

Домна Осиповна поняла его остроу и искренно засмѣялась.

Бѣгушевъ при этомъ нахмурился.

Графъ, между тѣмъ, устремилъ свой взглядъ въ даль.

— Однако я такъ проголодался, что попрошу у тебя позволенія выпить рюмку водки и съѣсть что-нибудь,—проговорилъ онъ Янсутскому и вставъ прямо отправился въ залу къ разнообразнѣйшей закускѣ, приготовленной тамъ на особомъ довольно большомъ столѣ.

Янсутскій принялся внимательно слѣдить за нимъ.

Графъ съѣлъ икры, семги, рыбокъ разныхъ, омаровъ маринованныхъ, такъ что Янсутскій не выдержалъ и, подойдя къ нему, тихо, но со злостью сказалъ:

— Пожайлуста, не портите всѣхъ тарелокъ, а съ которыхъ возьмете, велите, по крайней мѣрѣ, перемѣнить ихъ на свѣжія!

Графа смутило нѣсколько такое замѣчаніе.

— Je comprends, mon cher!—отвѣчалъ онъ тоже не громко и вмѣстѣ съ тѣмъ продолжая ѣсть, а потомъ накушавшись строго приказалъ лакею пять разоренныхъ тарелокъ перемѣнить на новыя; наканунѣ Хвостикову удалось только въ цѣлый день три

раза пять кофе: ни на обѣдъ, ни на ужинъ онъ не попалъ ни къ одному изъ своихъ знакомыхъ!

— А я сейчасъ былъ у Хмурина; у него Офонкинъ; они сейчасъ сюда прѣдутъ, — сказалъ графъ Янсутскому, возвращаясь въ гостиную.

— Знаю это я! — отвѣчалъ тотъ ему небрежнымъ тономъ.

Вошедшій быстро лакей доложилъ, что прѣхалъ Тюменевъ. Янсутскій опрометью бросился въ коридоръ. Онъ заранѣе еще распорядился, чтобы его немедленно извѣстили о прибытіи Тюменева.

— Здѣсь, ваше превосходительство, сюда пожалуйте! — говорилъ онъ, раболѣпно встрѣчая почетнаго гостя и вводя его въ свое отдѣленіе.

Тюменевъ былъ въ трехъ звѣздахъ.

— Не узнаете? — спросилъ его тотчасъ же графъ Хвостиковъ, останавливаясь передъ нимъ.

Тюменевъ изобразилъ на лицѣ своемъ нѣкоторое недоумѣніе.

— Графъ Хвостиковъ, — объяснилъ ему тотъ.

— А! — произнесъ довольно вѣжливо Тюменевъ, протягивая ему руку.

— Мы всю молодость, если вы помните, провели съ вами въ одномъ кругу!.. — продолжалъ Хвостиковъ.

— Да, но вы были тогда такой левъ Петербурга, — сказалъ Тюменевъ.

— За то теперь вы левъ! — подхватилъ Хвостиковъ, показывая на звѣзды Тюменева.

— Какой я левъ, — скромно возразилъ тотъ, но врядъ-ли впрочемъ въ настоящія минуты не считалъ себя львомъ, потому что очень топорщился и поднималъ голову, какъ только могъ высоко.

Янсутскій, видимо сіявшій удовольствіемъ отъ посѣщенія Тюменева, ввелъ его въ гостиную и поспѣшилъ представить дамамъ, пли, точнѣе сказать, поспѣшилъ дамъ представить ему.

Тюменевъ молча поклонился имъ и сѣлъ. Съ Бѣгушевымъ они кивнули другъ другу головами.

Въ маленькой передней послѣ того раздались снова голоса и смѣхъ вновь пріѣхавшихъ гостей. Янсутскій тоже поспѣшно встрѣтилъ ихъ.

Вошелъ совсѣмъ русскій купецъ, въ скоббу подстриженный, напомаженный, съ расчесанною сѣдою бородою и въ длиннополомъ изъ очень дорогаго сукна сюртукѣ. На видъ онъ, какъ кажется, былъ очень низкопоклонливъ. За нимъ слѣдовалъ другой господинъ уже во фракъ и въ весьма открытомъ жилетѣ, изъ-подъ котораго виднѣлось дорогое бѣлье съ брилліантовыми запонками, господинъ съ лицомъ корявымъ и съ какою-то совершенно круглою головою, плотно посаженною въ высокіе, крѣпко накрахмаленные воротнички. Въ противоположность товарищу своему, онъ держалъ себя очень гордо; но Янсутскій замѣтно встрѣтилъ съ большимъ почетомъ купца и его перваго рекомендовалъ Тюменеву

— Господинъ Хмуринъ!—сказалъ онъ.

— Знаетъ меня его превосходительство! Знакомы мы тоже маненичко! — говорилъ Хмуринъ, низко и по-мужички кланяясь Тюменеву, а вмѣстѣ съ тѣмъ однако протягивая ему руку, которую тотъ съ своей стороны счелъ за нужное пожать.

— Господинъ Офонькинъ! — добавилъ Янсутскій, показывая на господина во фракъ, которому Тюменевъ только издали кивнулъ головой. Офонькинъ тоже

весьма немного наклонилъ свою голову впередъ: онъ вѣроятно въ нѣкоторомъ отношеніи былъ вольнодумецъ!

— Господниъ Хмуринъ, — объяснилъ Янсутскій дамамъ. Тѣ любезно улыбнулись старикъ, который и имъ тоже низко и по-мужицки поклонился.

— Извините, сударыни, не умѣю, какъ дамамъ представляться и шаркаться, — сказалъ онъ, и затѣмъ указалъ на своего товарища: — вонъ Василій Ивановичъ у насъ... тоже, надо сказать, вмѣстѣ мы съ нимъ на шоссе воспитаніе получили... Ну, а, вѣдь, на камнѣ да на щебнѣ не много хорошимъ манерамъ научишься, такъ вотъ онъ недавно танцмейстера бралъ себѣ, и теперь, какъ есть настоящій кавалеръ, а я-съ какъ былъ земляникъ, такъ и остался.

— Вы не шутите! — проговорилъ еще первое слово Василій Ивановичъ и сразу обнаружилъ свое бердичевское происхожденіе.

— Не угодно ли вамъ будетъ присѣсть, — сказалъ Хмурину Янсутскій.

— Благодарю васъ покорно! — отвѣчалъ тотъ и ему низко кланяясь; а потомъ хотѣлъ было сѣсть на одно изъ креселъ, въ которомъ, впрочемъ, врядъ-ли-бы и умѣстился, но въ это время послѣшила встать съ дивана Домна Осиповна.

— Неудобно-ли вамъ лучше здѣсь сѣсть? — сказала она Хмурину.

Онъ сначала было растопырилъ руки.

— Нѣтъ, сударыня, извините, не могу этого...

— Очень можете, — перебила его Домна Осиповна: — вы человекъ пожилой, почтенный и непременно должны сидѣть на диванѣ.

Хмуринъ затѣмъ поклонился еще разъ ей, сѣлъ и принялъ такую позу, которою явно показалъ, что онъ нисколько не стѣсняется и совершенно привыкъ сидѣть передъ дамами, передъ всякими статсъ-секретарями и даже руководствовать всей бесѣдой.

— Сейчасъ я читалъ въ газетахъ, — началъ онъ совершенно развязно и свободно, между тѣмъ какъ другъ его Офонькинъ дѣлалъ надъ собой страшное усиліе, чтобы занять все кресло, а не сидѣть на краешкѣ его: — читалъ въ газетахъ, — продолжалъ Хмуринъ, — что, положимъ, тамъ жена убила мужа и затѣмъ сама призналась въ томъ, судъ ее оправдалъ, а публика еще денегъ ей дала за то. Бывали, вѣдь, такіе случаи, по старинной это выходитъ поговоркѣ русской: «милость на судѣ хвалится» — прекрасно-съ, отлично!.. читаю я далѣе-съ: одинъ тамъ изъ моихъ подрядчиковъ, мужиченко глупый, выругалъ, что-ли, повариху свою, которая про артель ему стряпала и говядины у него украла, не всю сварила... повариха въ обиду вошла и къ мировому его, и г-нъ мировой судья приговариваетъ мужика на 10 дней въ тюрьму. Значить, убивать можно, потому что еще денегъ за это даютъ, а побранить нельзя: наказываютъ; странно что-то!

— Это потому, — началъ ему возражать Янсутскій: — что поводомъ къ убійству могутъ быть самыя благородныя побужденія; но мужчинѣ оскорбить женщину, это подло и низко. Въ этомъ случаѣ строгія наказанія только и могутъ смягчать и цивилизовать нравы!

Хмуринъ склонилъ голову, чтобы внимательнѣе выслушать и лучше понять, что говорилъ Янсутскій.

— Только это-съ? — спросилъ онъ его какимъ-то плутовато-насмѣшливымъ голосомъ.

— Конечно! — подтвердилъ Янсутскій:— даже въ нашихъ предпріятіяхъ, вы конечно хорошо это знаете, ни подрядчики, ни мы сами въ настоящее время не станемъ такъ строго обращаться съ подчиненными, какъ это бывало прежде.

— Это отчего-съ? Я нынче также строго держу... еще строже даже!..—возразилъ Хмуринъ.

— Поэтому вы рискуете быть наказаннымъ,— замѣтилъ ему Янсутскій.

— Да хоть-бы двадцать разъ меня наказывали!.. Въ нашемъ дѣлѣ безъ строгости нельзя-съ!

— Что-жь вы и терпѣли наказаніе? — спросилъ Хмуринъ Тюменевъ.

— Никакъ нѣтъ-съ!—отвѣчалъ тотъ съ усмѣшкой:— и терпѣть даже никогда не буду, потому я богатъ... Ну, когда тоже очень этакъ не остережешься, призовешь послѣ этого *пострадавшее лицо*, какъ нынче ихъ, окаянныхъ, именуютъ, сунешь ему въ зубы рублей 30-ть, онъ-же тебѣ въ ноги поклонится.

— Ну, не всякій вамъ поклонится, извините!— возразилъ ему опять Янсутскій.

— Не всякій?—повторилъ насмѣшливо Хмуринъ:— я даже... не для огласки это будь молвлено... генерала было одного *оскорбилъ дѣйствіемъ* — прибавилъ онъ, видимо зная всѣ юридическіе термины изъ новой судебной практики и сильно ихъ не любя.

— Генерала? — спросилъ не безъ удивленія Тюменевъ.

— Точно такъ-съ! — отвѣчалъ Хмуринъ: — впріичу я ему по его же просьбѣ поручилъ для меня

купить, тысячь на сто, а онъ тутъ и сплутоваль сильно; я этого не стерпѣлъ, соскочилъ съ пролетокъ, да и съ плетью за нимъ: «ну, думаю, пропалъ совѣтъ!» а выходитъ, что на другой день онъ самъ-же пришелъ ко мнѣ: добрый, значить, этакой ужь человекъ и до сей поры мы пріатели!..—Говоря это, Хмуринъ все почему-то старался смотрѣть въ окно, а графъ Хвостиковъ тоже какъ-то глядѣлъ въ совершенно противоположную сторону, и спльно можно было подозрѣвать, что врядъ-ли эта исторія была не съ нимъ.

— Сильвестръ Кузьмичъ любитъ и выдумывать на себя, — отозвался вдругъ Офонькинъ, на своемъ бердичевскомъ нарѣчїи.

— Пошто-жь мнѣ выдумывать?.. Не выдумываю!.. — отвѣчалъ ему какъ-бы совершенно равнодушнымъ тономъ Хмуринъ: — а говорю только къ тому, что я суда мирового не боюсь.

— Прекрасно-съ, но въ этомъ случаѣ вы вините общество, а не судъ, — началъ снова съ нимъ препираться Янсутскій.—Въ давешнемъ же спорѣ нашемъ вы смѣшали два совершенно разные суда: одинъ судъ присяжныхъ, которые считаютъ себя въ правѣ судить по совѣсти и оправдывать; а въ другомъ судитъ единичное лицо, судья.

— Позвольте-съ! позвольте!—перебилъ его Хмуринъ, какъ-то отстраняя даже рукою его доказательства.—Господину мировому судѣ законъ тоже дозволяетъ судить по совѣсти, разъ!.. Второе, коли убійцу какого-нибудь или вора судятъ присяжные, суди и драчуна присяжные: судъ для всѣхъ долженъ быть одинакій!

— Я не нахожу существенной разницы въ обоихъ этихъ судахъ,—вмѣшался въ разговоръ Тюменевъ:— какъ тутъ, такъ и тамъ судятъ лица, выбранныя обществомъ.

Хмуринь на это засмѣялся.

— Ахъ, ваше превосходительство, — воскликнулъ онъ, — изволите вы жить въ Питерѣ: видно, это очень высоко и далеко, и ничего вы не знаете, какъ на Руси дѣла дѣлаются: развѣ одинако выбираются люди на мѣста, на которыхъ жалованья платятъ, или на мѣста, гдѣ одна только страда и трудъ? на безденежное мѣсто тоже больше стараются упрятать человѣка маленькаго, смирнаго, не горлопана; ну, а гдѣ деньгами пахнетъ, такъ тамъ, извините, каждый ладить или самъ сѣсть, а коли самъ сѣсть не хочетъ, такъ посадить друга и пріятеля, а не то, чтобы думали: каковъ есть внутри себя человѣкъ. Вы мнѣ про эти дѣла и выборы наши лучше не говорите: вотъ они гдѣ у меня, въ сердцѣ моемъ спрятать и кровь мою сосутъ!..—И Хмуринь при этомъ указалъ себѣ на грудь.

— Такъ надо сказать, — продолжалъ онъ, явно разгорячившись:—тутъ кругомъ всего этого стѣна каменная построена: кто попалъ за нее и узналъ тамошніе порядки, ну и сиди, благоденствуй: сору только изъ избы не выноси, да гляди на все сквозь пальцы, а ужъ свѣжаго человѣка не пустятъ туда. Вотъ теперь про себя мнѣ сказать: уроженецъ я какой бы то ни было тамъ губерніи; у меня нѣтъ ни роду, ни племени; человѣкъ я богатый, хотѣлъ бы, можетъ, для своей родины ни вѣсть сколько добра сдѣлать, но мнѣ не позволятъ того!

— Какъ не позволять? — спросилъ Тюменевъ съ удивленіемъ.

— Не позволять-съ! — продолжалъ Хмуринъ: — потребуютъ, — то прежде устрой, другое, гдѣ лапу запускать удобнѣе, а я, согрѣшилъ грѣшный, съ молоду не привыкъ по чужой дудкѣ плясать, такъ и не дѣлаю ничего!.. Словомъ, стѣна каменная кругомъ всего поставлена, а кто ее разобьетъ?.. развѣ громъ небесный!

— Сердится все за то, что его въ головы не выбираютъ! — шепнулъ графъ Хвостиковъ Офонькину.

— Да, — согласился тотъ, кинувъ на графа лукавый взглядъ.

— И во всемъ этомъ нашемъ разговорѣ, — развивалъ далѣе свою мысль Хмуринъ: — выходитъ, что нѣмецъ плутъ, купецъ дуракъ, али, правильнѣе сказать, привидывается дуракомъ, потому что ему около своихъ дѣловъ ходить выгоднѣе, а баринъ бахвалъ или тоже плутъ!

— Отличное опредѣленіе сословныхъ элементовъ! — воскликнулъ при этомъ Бѣгушевъ, все время сидѣвшій, потупя голову, и довольно внимательно прислушивавшійся къ словамъ Хмурина.

— Вѣрно-съ опредѣлено! — подтвердилъ тотъ съ своей стороны: — хоть теперь тоже это дѣло — (называть я его не буду: сами вы догадаетесь какое), пишутъ они бумагу, по ихнему, очень умную, а по нашему, очень глупую: шлютъ туда и завѣряютъ потомъ, что тамъ оскорбились, огорчились; — а все это вздоръ, разсмѣялись только... видятъ, что, сказать это такъ, по-мужицки: лѣзутъ парни къ ставцу, когда ихъ и не звали къ тому.

— Это совершенно справедливо! — подхватилъ Тюменевъ.

— Да какъ же, помилуйте? Я у васъ же, у вашего превосходительства, былъ вскорѣ послѣ того. Вы меня спрашиваете: «что это такое?», я говорю:— публика маненечко хочетъ показать себя, авось другой съ дуру подумаетъ: «ахъ, моська, знать, сильна, кожь лаеть на слона?» какъ писалъ г-нъ Крыловъ.

— Ну, нѣтъ-съ, я съ этимъ рѣшительно не согласенъ!—началь было Янсутскій, но въ это время къ нему подошелъ лакей и доложилъ, что стерляжья уха разлита и подана.

Янсутскій даже поблѣднѣлъ при этомъ.

— А что же свѣчи не засвѣчены?—спросилъ онъ почти съ бѣшенствомъ.

— Сейчасъ засвѣчу-съ! — отвѣчалъ лакей, показывая ему имѣвшуюся у него въ рукахъ спичку.

— Прежде это надобно было сдѣлать!—говорилъ Янсутскій, выходя съ лакеемъ въ залу, гдѣ, выхвативъ у него спичку, зажегъ ее и приложилъ къ сѣрной ниткѣ, проведенной черезъ всѣ свѣчи; такой способъ зажженія Янсутскій придумалъ для произведенія большаго эффекта,—и дѣйствительно, когда всѣ свѣчи почти разомъ зажглись, то дамы даже легонько вскрикнули, а Хмуринь потупилъ голову и произнесъ: «Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ!» Но Бѣгушевъ при этомъ не могъ удержаться и презрительно засмѣялся.

Янсутскій между тѣмъ съ довольнымъ лицомъ возвратился въ гостиную.

— Отличная вещь изобрѣтена, — это мгновенное освѣщеніе!—сказалъ онъ.

— Это ниткой особенной дѣлается? — спросилъ его глубокомысленно Офонькинъ.

— Ниткой! Однако прошу покорно вести поскорѣе дамъ къ столу; иначе простынетъ уха!—говорилъ Янсутскій.

Тюменевъ сейчасъ же подаль руку m-me Мѣровой; онъ былъ уже предувѣдомленъ Бѣгушевымъ, въ какихъ она находится отношеніяхъ съ Янсутскимъ, и, можетъ быть, вслѣдствіе того онъ на нее довольно смѣло и весьма нѣжно взглядывалъ; но она, напротивъ, больше продолжала вскидывать весьма коротенькіе взгляды на Бѣгушева. Графъ Хвостиковъ хотѣлъ было вести Домну Осиповну, но она отстранила его и отнеслась къ Хмурину.

— А я съ вами пойду, вы позволите мнѣ это?— сказала она ему.

— Если вамъ угодно! — проговорилъ тотъ, складывая руку свою кренделемъ:—а я, вѣдь, признаться, и не хаживалъ съ дамами къ столу.

— Ну, полноте, пожалуйста, не притворяйтесь, — возразила Домна Осиповна, засовывая свою руку въ его руку.

— Право не хаживалъ,— повторилъ лукаво Хмуринъ.

VIII.

За обѣдомъ усѣлись слѣдующимъ образомъ: m-me Мѣрова на мѣстѣ хозяйки; по правую руку ея Тюменевъ, а по лѣвую Бѣгушевъ. Домна Осиповна сѣла рядомъ съ Хмуринымъ, а графъ Хвостиковъ

съ Офонькинымъ. Самъ Янсутскій почти не садился и былъ въ отчаяннѣ, когда дѣйствительно уха оказалась нѣсколько остывшею. Онъ каждаго изъ гостей своихъ, глядя ему въ ротъ, спрашивалъ: «холодна? холодна?»

— Напротивъ, уха какъ слѣдуетъ подана, — успокоилъ его наконецъ Тюменевъ.

— Вина теперь, господа, не угодно-ли? — воскликнулъ вслѣдъ затѣмъ Янсутскій, показывая на бутылки съ золотыми ярлыками:—это мадера мальвуази. Для уха ничего не можетъ быть лучше... правда?—спросилъ онъ всѣхъ.

Всѣ согласились, что правда.

— Вино-съ это исторію имѣеть!.. — произнесъ Янсутскій, обращаясь болѣе къ Тюменеву:—оно еще существовало, когда англичане брали Гибралтаръ. Какъ вы находите его? — заключилъ онъ, относясь уже къ Бѣгушеву.

— Мадера не дурна, — отвѣчалъ тотъ совершенно равнодушно.

— Очень хороша! — отозвался съ своей стороны Офонькинъ.

— Она цѣльная и къ цѣли прямо ведущая, — сострилъ графъ Хвостиковъ.

— Отчего-жь вы не угощаете вашего кавалера? — спросилъ Янсутскій, подходя къ Домнѣ Осиповнѣ и указывая ей на Хмурина.

— Ахъ, позвольте, я вамъ налью, — проговорила та, поспѣшно беря со стола бутылку и наливая изъ нея огромную рюмку для Хмурина. Тотъ поблагодарилъ ее улыбкою.

Бѣгушевъ при этомъ внимательно посмотрѣлъ на

Домну Осиповну. За ухой слѣдовала говядина. Янсутскій и тутъ началъ приставать къ своимъ гостямъ: «хороша? хороша?»

— Да, хороша!.. полно юлить тебѣ! — сказалъ ему наконецъ Хмуринь.

— Нельзя, братецъ, въ росейскихъ отеляхъ того и гляди, что подадутъ страшную мерзость, — возразилъ Янсутскій.

— Никогда не подадутъ, если деньги заплатишь хорошія, — замѣтилъ Хмуринь и снова принужденъ былъ поклониться Домнѣ Осиповнѣ, потому что она опять подлила ему вина, которое выпивъ, Хмуринь пришелъ въ замѣтно пріятное настроеніе духа.

— А у меня еще просьба къ вамъ, Сильверстъ Кузьмичъ, — начала Домна Осиповна, усмѣхаясь нѣсколько.

Хмуринь при этомъ склонилъ къ ней нѣсколько голову свою.

— Видите, что... послѣднее время я все состояніе перевела на деньги и теперь должна на нихъ жить...

— Что-жь, это дѣло хорошее! — подхватилъ Хмуринь: — на деньги еще жить можно; вотъ безъ денегъ, такъ точно что затруднительно, какъ примѣрно теперь графу Хвостикову, — шепнулъ онъ, кивнувъ головой на сего послѣдняго: — колькій годъ тоже, сердешный, онъ мается этимъ.

— Но женщинѣ и съ деньгами затруднительно, — возразила Домна Осиповна: — капиталъ, разумѣется, прожить легко; но надобно стараться жить процентами.

— Это такъ-съ, совершенно справедливо, — согласился Хмуринь.

— Вина этого, конечно, вы выпьете!—перемѣнила вдругъ разговоръ Домна Осиповна, беря изъ рукъ Янсутскаго красное вино, по бутылкѣ котораго онъ раздавалъ каждому изъ гостей своихъ, пояснивъ, что это вино изъ садовъ герцога Бургундскаго. Хмуринъ выпилъ налитый ему Домной Осиповной стаканъ и придалъ такое выраженіе своему лицу, которымъ показалъ, что онъ ее слушаетъ.

— И я-бы, вотъ видите, — продолжала она:—желала акцій вашихъ приобрести по номинальной цѣнѣ,—тысячъ на восемьдесятъ.—Голосъ ея при послѣднихъ словахъ слегка дрогнулъ.

— По номинальной цѣнѣ-съ?—переспросилъ Хмуринъ.

— Да!—отвѣчала ему робко Домна Осиповна.

— Но ихъ нѣтъ по номинальной цѣнѣ, — сказалъ было Хмуринъ.

— Нѣтъ на биржѣ, но у васъ онѣ есть, — пояснила Домна Осиповна.

— У меня-то есть, — произнесъ протяжно Хмуринъ: — но мнѣ ихъ продавать по такой цѣнѣ словно-бы маненечко въ убытокъ будетъ!

— Что вамъ?.. что значить этотъ убытокъ, все равно что ничего!

— Ну, какъ-съ ничего! все деньги тоже, — продолжалъ Хмуринъ.

— Какія это для васъ деньги? Вы сравните свое состояніе и мое; у меня 80 тысячъ, а вы миліонеръ; я нищая противъ васъ, кромѣ того я женщина одинокая, у меня никого нѣтъ ни помощниковъ, ни совѣтниковъ.

— А супругъ вашъ гдѣ же?—перевилъ ее Хмуринъ.

— Я съ мужемъ не живу; мы врозь съ нимъ.
Хмуринъ выпучилъ даже глаза отъ удивленія.

— Скажите, не слыхалъ я этого!

— Болѣе уже года, — продолжала Домна Осиповна.

— Но что же за причина тому?—спросилъ Хмуринъ.

Домна Осиповна грустно усмѣхнулась.

— Не сошлись характерамъ, какъ говорятъ...
Кутилъ онъ очень и другихъ женщинъ любилъ, — проговорила она и вздохнула.

— Поди ты, какое дѣло! — произнесъ какъ-бы и съ участіемъ Хмуринъ:—значить, ради сиротчества вашего надобно вамъ сдѣлать уступочку эту! — присовокупилъ онъ усмѣхаясь.

— Ради сиротчества моего мнѣ уступите, — повторила Домна Осиповна тоже съ улыбкою.

Хмуринъ еще разъ усмѣхнулся.

— Только дѣло такое, сударыня, по номинальной цѣнѣ я не могу вамъ продать, прямо выходитъ двадцать тысячъ убытку; значить, разобъемте грѣхъ пополамъ; вы мнѣ накиньте десяточекъ тысячъ, и я вамъ уступлю десятокъ.

— Ни за что, ни за что! — полувоскликнула Домна Осиповна:— я такъ рѣшилась, чтобы непременно по номинальной цѣнѣ!

— Что-жъ рѣшились? — возразилъ, опять усмѣхаясь и съ нѣкоторымъ даже удивленіемъ, Хмуринъ:— мало ли на что человекъ рѣшится, что ему выгодно.

— Нѣтъ, кромѣ того, серьезно, меня обстоятельства вынуждаютъ къ тому. Ваши бумаги сколько даютъ дивиденду?

— Прошлый годъ дали по 15 на акцію.

— Поэтому я всего буду получать двѣнадцать тысячъ, а мнѣ изъ нихъ по крайней мѣрѣ тысячъ семь надобно отправить къ мужу, въ Петербургъ...

— Развѣ у него своего ничего ужъ нѣтъ?—спросилъ Хмуринъ.

— Ни рубля!.. Ну, пожалуйста, добрый, почтенный Сельверстъ Кузьмичъ, продайте! — упрашивала Домна Осиповна.

— Да дайте по крайней мѣрѣ за восемьдесятъ-то—восемьдесятъ пять, — отвѣчалъ ей тотъ, продолжая усмѣхаться.

— Но у меня и денегъ такихъ нѣтъ, — понимаете?

— Это что же, рассчитаемъ: не хитро.

— Нѣтъ, пожалуйста, умоляю васъ, — перебила Хмурина Домна Осиповна. Тотъ покачалъ головой.

— Дѣлать нечего-съ! — сказалъ онъ не совсѣмъ, вѣжеся, довольнымъ голосомъ:—пріѣзжайте завтра въ контору.

— Можно? — спросила съ нескрываемымъ восторгомъ Домна Осиповна.

— Пріѣзжайте-съ, — повторилъ еще разъ Хмуринъ.

— Merci! Я за это пью здоровье ваше! — продолжала Домна Осиповна и, чокнувшись съ Хмуринымъ, выпила все до дна.

Въ продолженіе всего этого разговора, Бѣгушевъ глазъ не спускалъ съ Домны Осиповны. Онъ понять не могъ, о чемъ она могла вести такую одушевленную и длинную бесѣду съ этимъ жирнымъ боровакомъ.

Вскорѣ подали блюдо, наглухо закрытое салфеткой.

Янсутскій сейчасъ же при этомъ всталъ съ своего мѣста.

— Это трюфели à la serviette, — сказалъ онъ, подходя къ Бѣгушеву, съ котораго лавей началъ обносить блюдо.

Бѣгушевъ на это кивнулъ головой.

— Благодарю васъ, я трюфели ѣмъ только какъ приправу, — проговорилъ онъ.

— Но въ этомъ видѣ они въ тысячу разъ сильнѣе дѣйствуютъ... Понимаете?.. — воскликнулъ Янсутскій.

Бѣгушевъ и на это отрицательно покачалъ головой.

Янсутскій наклонился и шепнулъ ему на ухо:

— На счетъ любви они очень помогаютъ!.. Пожалуйста, возьмите!

— Нѣтъ-съ, я рѣшительно не могу ихъ въ этомъ видѣ ѣсть! — сказалъ Бѣгушевъ.

Янсутскій, дѣлать нечего, перешелъ къ Тюменеву.

— Надѣюсь, ваше превосходительство, что вы покрайней мѣрѣ скушаете, — проговорилъ онъ: — на счетъ любви они помогаютъ! — присовокупилъ онъ и тому на ухо.

— Будто? — произнесъ Тюменевъ.

— Отлично помогаютъ! — повторилъ Янсутскій.

Тюменевъ взялъ двѣ, три штучки.

— Et vous, madame? — обратился онъ къ Мѣровой.

— Елизаветъ Николаевнѣ мы сейчасъ положимъ, — подхватилъ Янсутскій и положилъ ей нѣсколько трюфелей на тарелку.

— Но я не хочу столько, куда же мнѣ?.. — воскликнула та.

— Извольте все скушать, — почти приказалъ ей Янсутскій.

— Трюфели, говоритъ г. Янсутскій, возбуждаютъ желаніе любви,— сказалъ м-ше Мѣровой Тюменевъ, устремляя на нее масляный взглядъ.

— Какимъ же это образомъ? — спросила она равнодушно.

— То есть, вѣроятно дѣйствуютъ на нашу кровь, на наше воображеніе, — старался ей растолковать Тюменевъ.

— А, вотъ что! — произнесла м-ше Мѣрова.

— Что-жь вы такъ мало скушали?.. Стало быть вы не желаете исполниться желаніемъ любви? — при ставалъ къ ней Тюменевъ.

— Нисколько! — отвѣчала Мѣрова.

— Почему же?.. Можетъ быть потому, что сердце ваше и безъ того полно этой любовью?

— Можетъ быть! — проговорила Мѣрова.

— Интересно знать, кто этотъ счастливецъ, поселившій въ васъ это чувство? — спросилъ Тюменевъ, хотя очень хорошо зналъ, кто этотъ былъ счастливецъ.

— Ахъ, этотъ счастливецъ далеко теперь, — сказала съ притворнымъ вздохомъ м-ше Мѣрова.

— Гдѣ-жь именно? — полюбопытствовалъ Тюменевъ.

— Да на томъ свѣтѣ или въ Японіи. Что дальше?

— Тотъ свѣтъ, полагаю, дальше.

— Ну, такъ онъ на томъ свѣтѣ.

— Трюфели-съ! трюфели! — говорилъ въ это время Янсутскій, идя за лакеемъ, подававшимъ это блюдо Хмурину.

— Отворачивайте, батюшка! Идите съ Богомъ!.. Стану я эти поганки ѣсть? — отозвался тотъ.

Янсутскій обратился къ Офонькину.

— Voulez-vous? — сказалъ онъ.

— Oui, — отвѣчалъ тотъ тоже по-французски.

— А вамъ, конечно, все остальное? — спросилъ Янсутскій графа Хвостикова.

— Но не отсталое, замѣть!.. — сострилъ, по обыкновенію, графъ Хвостиковъ.

Лакей поставилъ передъ нимъ все блюдо. Графъ принялся съ жадностью ѣсть. Онъ, собственно, и научилъ заказать это блюдо Янсутскаго, который сколько ни презиралъ Хвостикова, но въ гастрономическій его вкусъ и свѣдѣнія вѣрилъ.

Домна Осиповна, между тѣмъ, все продолжала любезничать съ Хмуринымъ, и у нихъ шелъ даже довольно задушевный разговоръ.

— Я супруга вашего еще въ рубашечкѣ зналъ... У дѣдушки своего, сибиряка, онъ воспитывался, — говорилъ Хмуринъ.

— А вы и дѣдушку, значить, знаете? — спросила довольно стремительно Домна Осиповна.

— Господи, пріятели изъ-стари... старикъ знатный... самодуровать только больно!

— Это есть немножко! — подхватила Домна Осиповна.

— Какое немножко!.. Въ Сибири-то живетъ, привыкъ, словно медвѣдь въ лѣсу, по пословицѣ: гнетъ дуги — не паритъ, ломаетъ — не тужитъ... Вашему, должно быть, супругу отъ него все наслѣдство пойдетъ? — спросилъ Хмуринъ.

— Вѣроятно ему, онъ самый ближайшій наслѣдникъ его... Впрочемъ, ему и этого состоянія не надолго хватитъ.

— Что-й-то этакой-то уймы... Вамъ ужь надобно его попридерживать!

— Какъ же я могу попридержать его, когда я не живу съ нимъ,—возразила съ грустною улыбкою Домна Осиповна.

— Сойдетесь! Мало ли люди сходятся и расходятся. Вы, какъ я имѣю честь васъ видѣть, дама умная этакая, расчетливая, вамъ грѣхъ даже противъ старика будетъ, онъ наживалъ, наживалъ, а тутъ все прахомъ пройдетъ.

— Ничего я теперь не могу сдѣлать! — сказала Домна Осиповна рѣшительнымъ тономъ.

— И что же дѣдушка теперь знаетъ, что вы въ разводѣ?

— Не думаю! По крайней мѣрѣ я къ нему не писала, а мужъ... не знаю.

— Тотъ не напишетъ, побоится, а то бы старикъ давно его къ себѣ призывалъ и палкой отдулъ.

Въ это время обѣдъ кончился. Лакеи подали кофе и на столѣ оставили только ликеры и вина.

— Mesdames! — воскликнулъ Янсутскій:—угодно вамъ, какъ дѣлаютъ это англійскія дамы, удалиться въ другую комнату или остаться съ нами?

— Я желаю остаться здѣсь!—отозвалась первая Домна Осиповна:—вы остаетесь, ma chère? — спросила она m-me Мѣрову.

— Мнѣ все равно!—отвѣчала та.

Янсутскій затѣмъ принялся неотступно угощать своихъ гостей ликерами и виномъ. Самъ онъ, по случаю хлопотъ своихъ и безпокойства, ничего почти не ѣлъ, но только пилъ, и поэтому замѣтно охмѣ-

дѣлъ: въ этомъ видѣ онъ былъ еще отвратительнѣе, и все лѣзъ къ Тюменеву и подлизывался къ нему.

— Очень вамъ благодаренъ, ваше превосходительство, за ваше посѣщеніе,— говорилъ онъ, беря стулъ и садясь между нимъ и Мѣровой.

Тюменевъ молча ему на это поклонился.

— Я, знаете... вотъ и она вамъ скажетъ... — продолжалъ Янсутскій, указывая на Мѣрову:—чортъ знаетъ, сколько бы тамъ ни было дѣла, но люблю повеселиться; между всѣми нами, т. е. людьми одного дѣла, кто этакой хорошенькій обѣдецъ затѣетъ и дастъ?.. я! Кто любитъ и владѣетъ хорошенькой женщиной?.. я! По моему скупость есть величайшая глупость! Жизнь дана человѣку, чтобы онъ пользовался ею, а не деньги наживалъ.

— Правду это говорить онъ про себя? — спросилъ Тюменевъ Мѣрову съ нѣскольکو ядовитой улыбкой.

— Нѣтъ, не правду: прескупой, напротивъ! — отвѣчала та.

— Ну, гдѣ же скупой? — возразилъ, немного покраснѣвъ, Янсутскій.

— Конечно, скупой!—повторила Мѣрова.

— Вовсе не скупой!.. Вонъ Офонькинъ, дѣйствительно, скупъ: вообразите, ваше превосходительство, ему разъ въ Петербургѣ, для небольшихъ этихъ чиновниковъ, но людей весьма ему нужныхъ, надо было дать обѣдецъ, и онъ ихъ въ лѣтній, жаркій день позвалъ, какъ вы думаете куда?.. Къ Палкину въ трактиръ, рядомъ съ кухней почти, и сверхъ того еще накормилъ гнилой, соленой рыбой въ ботвиньѣ; съ тѣми со всѣми послѣ того сдѣлалась

холера... они, разумѣется, разсердились на него и напакостили ему въ дѣлѣ. По моему, это мало что свинство, но это даже не расчетъ коммерческій: сдѣлай онъ обѣдъ у Дюссо, пусть онъ ему стоитъ полторы, двѣ тысячи, но устрой самое дѣло, которое, можетъ быть, въ послѣдствіи будетъ приносить ему сотни тысячъ.

— Какимъ же образомъ маленькіе чиновники могутъ повредить или устроить какое бы ни было дѣло?—спросилъ Тюменевъ, повидимому, нѣсколько обидѣвшись на такой разговоръ.

— Ге!.. маленькіе чиновники!.. Маленькіе чиновники дѣло великое!—воскликнулъ Янсутскій (будь онъ въ болѣе нормальномъ состояніи, то конечно не сталъ бы такъ откровенничать передъ Тюменевымъ), маленькіе чиновники и обѣды управляютъ всею Россіей!..

— Можетъ быть вы и меня угощаете обѣдомъ, чтобы подкупить на что-нибудь?—замѣтилъ ядовито Тюменевъ.

— О, ваше превосходительство, могъ ли бы я когда-нибудь вообразить себѣ это! — произнесъ Янсутскій, даже испугавшись такого предположенія Тюменева.

— И не совѣтую вамъ, — продолжалъ тотъ: — потому что пообѣдать — я пообѣдаю, но буду еще строже послѣ того.

— О, совершенно вѣрю! — продолжалъ восклицать Янсутскій:—а я вотъ пойду позубоскалю немного надъ Офонькинымъ, — проговорилъ онъ, видимо желая перевести разговоръ на другой предметъ и затѣмъ, подойдя къ Офонькину и садясь около

него, отнесся къ тому:—Василій Ивановичъ, когда же вы дадите намъ обѣдъ?

— Чего-съ?—отозвался тотъ, какъ бы не понявъ даже того, о чемъ его спрашивали. Его очень заговорилъ графъ Хвостиковъ, который съ самаго начала обѣда вцѣпился въ него и все толковалъ ему выгоду предпріятія, на которое онъ не могъ поймать Янсутскаго. Сынъ Израїля дѣлалъ страшное усиліе надъ своимъ мозгомъ, чтобы понять, гдѣ тутъ выгода, и ничего, однако, не могъ уразумѣть изъ словъ графа.

— Когда-жь вы намъ обѣдъ дадите? — крикнулъ ему на ухо во все горло Янсутскій.

— Не дамъ никогда!—крикнулъ и съ своей стороны громко Офонькинъ и немедля же повернулся слушать графа Хвостикова.

— Господинъ Офонькинъ разговора даже объ этомъ не любитъ,—замѣтилъ Тюменевъ.

— О, у меня есть его тысяча рублей! — произнесъ Янсутскій:—послѣ завтра-же затѣваю обѣдъ отъ его имени и издерживаю всю эту тысячу.

— А я все-таки ее съ васъ взыщу,—возразилъ ему смѣясь Офонькинъ.

— Какъ же вы ее взыщете, когда у васъ никакого документа на нее нѣтъ?

— А это будетъ неблагородно съ вашей стороны,—сказалъ, по прежнему смѣясь, Офонькинъ.

— Благородно, но вкусно!.. Не правда-ли, графъ?—отнесся Янсутскій къ Хвостикову, который на этотъ разъ и состричь ничего не могъ, до того былъ занятъ разговоромъ о своемъ предпріятіи.

Домна Осиповна обратила, наконецъ, вниманіе

на то, что Бѣгушевъ, мало что все молчалъ, сидѣлъ насупившись, но у него даже какое-то страданіе было написано на лицѣ. Она встала и подошла къ нему.

— Отчего вы сегодня такой сердитый и недовольный?—спросила она его ласково.

— Не всѣмъ жѣ быть такимъ счастливымъ и довольнымъ какъ вы,—отвѣчалъ онъ ей.

Домна Осиповна посмотрѣла при этомъ на него довольно пристально.

— Но и печалиться, кажется, особенно не чему,—проговорила она.

Въ отвѣтъ на это Бѣгушевъ ничего ей не сказалъ и вставъ обратился къ Тюменеву.

— Ты хочешь ѣхать со мной?—спросилъ онъ его.

— Да, мнѣ пора!..—отвѣчалъ тотъ вставая.

Домна Осиповна, при такой выходкѣ Бѣгушева, измѣнилась нѣсколько въ лицѣ.

— А какъ же я-то?—спросила она его.

— Вы, вѣроятно, долго еще здѣсь пробудете: но мнѣ васъ дожидаться некогда; а экипажъ я за вами пришлю, — проговорилъ Бѣгушевъ скороговоркой, ища свою шляпу.

Домна Осиповна видѣла, что онъ взбѣшенъ на нее до послѣдней степени, но за что именно, она понять не могла. Неужели онъ приревновалъ ее къ Хмурину?.. Это было бы просто глупо съ его стороны... Она, конечно, могла настоять, чтобы Бѣгушевъ взялъ ее съ собою, и дорогою сейчасъ же бы его успокоила; но для Домны Осиповны, по ея характеру, дѣла были прежде всего, а она находила нужнымъ заставить Хмурина повторить еще разъ

свое обѣщаніе дать ей акціи по номинальной цѣнѣ и потому, какъ кошки ни скребли у ней на сердцѣ, но она выдержала себя и ни слова больше не связала Бѣгушеву.

Янсутскій, услыжавъ о намѣреніи двухъ своихъ гостей уѣхать, принялся ихъ останавливать.

— Будетъ, будетъ ужь, достаточно вы подкупили насъ вашимъ обѣдомъ, — подтрунивалъ надъ нимъ Тюменевъ.

Янсутскій окончательно струсилъ.

— Ваше превосходительство, неужели вы могли подумать? — говорилъ онъ, прижимая руку къ сердцу.

Тюменевъ началъ раскланиваться съ м-те Мѣровой и при этомъ явно сдѣлалъ чувствительные глаза.

— Вы, если я не ошибаюсь, постоянная жительница Москвы! — говорилъ онъ, крѣпко, крѣпко пожимая ее руку.

— Нѣтъ, вовсе... конечно, когда мои знакомые... т. е. пока живетъ здѣсь папа мой... — отвѣчала м-те Мѣрова, совершенно смутившись и при этомъ чуть не проговорившись: «пока Янсутскій здѣсь живетъ». — Лѣтомъ, впрочемъ, я вѣроятно буду жить въ Петергофѣ...

— Надѣюсь, что вы тогда дадите мнѣ знать о себѣ, — продолжалъ Тюменевъ, все еще не выпуская ее руки.

— Непремѣнно, непременно! — отвѣчала м-те Мѣрова; ей, кажется, былъ немножко смѣшенъ этотъ старикашка.

Домнѣ Осиповнѣ Тюменевъ поклонился довольно сухо; въ дѣйствительности онъ нашелъ ее гораздо

хуже, чѣмъ она была на портретѣ; въ своемъ зеленомъ платьѣ, она просто показалась ему какой-то птицей расписной. Домна Осиповна въ свою очередь тоже едва пошевелила головой. Сановникъ петербургскій очень ужъ ей не понравился своимъ важничаньемъ. Бѣгушевъ ушелъ за Тюменевымъ, едва поклонившись остальному обществу. Янсутскій проводилъ ихъ до самыхъ сѣней отеля и возвратившись разстегнулъ свой мундиръ и проговорилъ довольнымъ голосомъ:

— Чортъ съ ними!.. Очень радъ, что убрались! Сейчасъ таперъ явится! попоемъ, потанцуемъ! Дамъ только мало! А что если бы пригласить вашихъ знакомыхъ: Эмму и Терезію? — присовокупилъ онъ, взглянувъ вопросительно на Хмурина и Офонькина.

Хмуринъ только усмѣхнулся и потрясъ головой, но Офонькинъ замѣтно этому обрадовался.

— О, да, это весело бы было!—сказалъ онъ.

— Но какъ это дамамъ нашимъ понравится? — спросилъ негромко графъ Хвостиковъ.

— Ничего, я думаю! — отвѣчалъ Янсутскій. — Елизавета Николаевна,—обратился онъ къ Мѣровой,—вы не оскорбитесь, если мы пригласимъ сюда двухъ французенокъ, немножко авантюристокъ?

— Что жъ, я сама авантюристка! — отвѣчала та наивно.

— А вы, Домна Осиповна?—обратился Янсутскій къ Олуховой.

— Ахъ, пожалуйста, я совершенно безъ всякихъ предразсудковъ.

— Графъ, сходите, — сказалъ Янсутскій Хвостикову. Тотъ при этомъ все-таки сдѣлалъ маленькую

гримасу, но пошелъ, и вслѣдъ за тѣмъ, черезъ весьма короткое время, раздались хохотъ и крикъ француженовъ.

— Нор!—воскликнула одна изъ нихъ, вскакивая въ комнату, и затѣмъ присѣла и раскланялась, какъ присѣдаютъ и раскланиваются обыкновенно въ циркахъ и при этомъ проговорила: «Bonsoir, mesdames et messieurs!»

— Нор!—повторила за ней и другая, тоже вскакивая и тоже раскланиваясь по образцу товарки.

— Guten Abend, meine Herrn und meine Damen!— произнесла, входя скромно третья, она была нѣмка, и графъ захватилъ ее для какихъ-то ему одному извѣстныхъ цѣлей.

— Прежде всего вина! — воскликнулъ Янсутскій и вкатилъ сразу каждой изъ вновь прибывшихъ дамъ стакана по три шампанскаго.

— Nons allons danser! — воскликнули радостно француженки, увидя входящаго и садящагося за рояль тапера.

— Danser! — повторилъ за ними и Янсутскій.

— А я съ вами, вы отъ меня не спасетесь,— говорила Домна Осиповна, подходя и подавая руку Хмурину.

— Ходить, сударыня, могу, а танцовать не умѣю,— отвѣчалъ тотъ.

Мѣрову взялъ Офонькинъ, нѣмку графъ Хвостиковъ, а Эмму француженку Янсутскій. Танцы начались очень шумно. Оставшаяся свободною француженка Тереза принялась въ углу танцовать одна, пожимая плечами и поднимая нѣсколько свое платье.

— Такъ я завтра же непременно заѣду къ вамъ

за акціями,—говорила Домна Осиповна, водя своего кавалера за руку, такъ какъ онъ совершенно не зналъ кадрили.

— Завтра-же, сударыня, и пріѣзжайте, — говорилъ онъ, выхаживая передъ ней, какъ медвѣдь.

Домну Осиповну это очень развеселило, и она принялась танцовать съ большимъ увлеченіемъ.

Послѣ кадрили послѣдовалъ бурнѣйшій вальсъ. Домна Осиповна летала то съ Янсутскимъ, то съ Офонькинымъ, наконецъ раскраснѣвшаяся, расплывшаяся, съ прическою совсѣмъ на сторонѣ, она опустила въ кресло и начала граціозно отдыхать. Въ это время подали ей письмо. Она немножко съ испугомъ развернула его и прочла. Ей писалъ Бѣгушевъ: «Посылаю вамъ экипажъ; когда вы возвратитесь домой, то пришлите мнѣ сказать или сами пріѣзжайте ко мнѣ: я желаю очень много и серьезно съ вами поговорить».

Домна Осиповна поняла, что надобно спѣшить тушить пожаръ. Она тутъ немедля собралась.

— Куда же вы?—спросили всѣ ее съ удивленіемъ.

— Нужно-съ! — отвѣчала она коротко и уѣхала.

Мѣрова тоже вскорѣ послѣ того начала проситься у Янсутскаго, чтобы онъ отпустилъ ее домой. Ей, наконецъ, стало гадко быть съ оставшимися дамами. Янсутскій, послѣ нѣсколькихъ возраженій, разрѣшилъ ей уѣхать.

— Вы, смотрите-же, не долго же здѣсь оставайтесь, а то вы, пожалуй, Богъ васъ знаетъ чего не надѣлаете съ этими вашими дамами, — говорила она Янсутскому, когда онъ провожалъ ее въ передней.

— Не останусь долго! — успокаивалъ онъ ее во

всеуслышаніе, но однако еще не скоро пріѣхалъ и танцы съ французженками продолжались часовъ до 6 утра, и при этомъ у всѣхъ трехъ дамъ кавалеры залили виномъ платья, и чтобы искупить свою вину, подарили каждой изъ нихъ по двѣсти рублей.

IX.

Бѣгушевъ принадлежалъ къ тому все болѣе и болѣе начинающему у насъ рѣдѣть типу людей, про которыхъ, пожалуй, можно сказать, что это *люди не практическіе, люди слова, а не дѣла*; но при этомъ мы все-таки должны сознаться, что это люди очень умные, даровитые и, что дороже всего, люди въ нравственномъ и умственномъ отношеніи независимые: Бѣгушевъ, конечно, тысячекратно промолчалъ и не высказалъ того, что думалъ, но за то ни разу не сказалъ, чего не чувствовалъ. Ни въ единый моментъ своей жизни онъ не былъ рабомъ и безусловнымъ поклонникомъ чьей-либо чужой мысли, такъ какъ самъ очень хорошо понималъ, что умно и что неумно, что красиво и что безобразно, что временно, случайно и что вѣчно!.. Но да не подумаетъ, впрочемъ, читатель, что я въ Бѣгушевъ хочу вывести *прекраснаго* человѣка или, по крайней мѣрѣ, *лицо поучительное!*.. Ни то, ни другое: онъ былъ только человѣкъ совершенно непохожій на тѣхъ людей, посреди которыхъ ему послѣднее время привелось жить, и кто изъ нихъ лучше: онъ ли съ своимъ отвлеченнымъ міросозерцаіемъ или окружающіе его люди, полные практической, кипучей дѣятельности, это я

предоставляю судить вкусу каждаго. По происхожденію своему Бѣгушевъ былъ дворянинъ и изъ людей весьма достаточныхъ. Воспитывался онъ сначала въ дворянскомъ институтѣ, потомъ въ московскомъ университетѣ и хотъ кончилъ курсъ первымъ кандидатомъ, но поступилъ въ военную службу, будучи твердо убѣжденъ, что эта служба у насъ единственная, хотъ сколько-нибудь облагороженная въ смыслѣ товарищей по крайней мѣрѣ: память о декабристахъ тогда была очень еще жива въ обществѣ! Но на первыхъ-же порахъ своей служебной дѣятельности Бѣгушевъ получилъ разочарованіе: прежде всего ему стало понятно, что онъ не родился для этихъ смотровъ и парадовъ, которыхъ было очень много и на которыхъ очень строго спрашивалось; потомъ это постоянное выдвиганье впередъ и быстрыя повышенія разныхъ господъ Ремешкиныхъ затрогивали и оскорбляли самолюбіе Бѣгушева... Все это наконецъ до того отвратило его отъ службы, что онъ, переставъ совершенно ею заниматься, сдѣлался исключительно свѣтскимъ человѣкомъ и здѣсь въ благовонной сферѣ бала встрѣтилъ нѣкую Наталью Сергѣевну—прелесть женскаго ума, сердца, красоты,—такъ что всякій, кто приближался къ ней, дѣлался или по крайней мѣрѣ старался сдѣлаться возвышенный, благородный и умный. Время молодости Бѣгушева въ Россіи можно было бы въ нѣкоторой степени назвать временемъ какого-то боготворенія женщинъ. Стихи: «къ глазкамъ», «къ губкамъ», «къ кудрямъ женскимъ», «она», «къ ней!» писались тысячами. Умные старики того времени приходили въ недоумѣніе и почти въ негодованіе:—Помилуйте!—

восклицали они:—прежде Державинъ писалъ оду «*Боги*», «*Посланіе къ Фелицѣ*», описывалъ «*Водопадъ*», а вынѣшніе поэты все описываютъ намъ ножки и волосы своихъ знакомыхъ дамъ!—Но какъ бы то ни было, Бѣгушевъ въ этотъ періодъ своей жизни былъ совершенно согласенъ съ поэтами и женщинъ предпочиталъ всему на свѣтѣ: въ Наталью Сергѣевну онъ безумно влюбился. Она ему отвѣтила тѣмъ-же. Взаимная страсть ихъ очень скоро была замѣчена въ обществѣ. Пожилой и очень важный генералъ (мужъ Натальи Сергѣевны) вызвалъ поручика на дуэль, и поручикъ его сильно ранилъ, за что разжалованъ былъ въ солдаты и посланъ на Кавказъ. Наталья Сергѣевна бросила мужа-генерала и уѣхала на Кавказъ за солдатомъ. Лѣтъ пять Бѣгушевъ былъ рядовымъ; наконецъ смиловались надъ нимъ: дали ему возможность отличиться и вслѣдъ за тѣмъ возвратили ему прежніе чины. Бѣгушевъ сейчасъ-же вышелъ въ отставку и выхлопоталъ себѣ даже разрѣшеніе уѣхать за-границу для излеченія полученной имъ раны. Наталья Сергѣевна опять послѣдовала за нимъ. Самъ старый мужъ ея хлопоталъ, чтобы ей дозволили это. Бѣгушевъ уѣхалъ въ чужіе края съ большой ненавистью къ Россіи и съ большой любовью къ Европѣ и вѣрою въ нее. Тамъ, дѣйствительно, приближалось довольно любопытное время. Тучи надвигались отовсюду. Бѣгушевъ съ лихорадочнымъ волненіемъ былъ свидѣтелемъ парижской революціи 48 года; но онъ былъ слишкомъ уменъ и наблюдателенъ, чтобы тутъ же не замѣтить, что она на половину состояла не изъ истинныхъ революціонеровъ, а изъ статистовъ революціи. Имперія На-

полеона и повсемѣстный разгромъ революціонныхъ попытокъ въ Германіи окончательно разбили его мечты. Вѣра въ Европу и ея политическій прогрессъ въ немъ сильно поколебалась!.. Бѣгушевъ почувствовалъ даже какое-то отвращеніе къ политикѣ и весь предался искусствамъ и наукамъ: онъ долго жилъ въ Римѣ, ѣздилъ по германскимъ университетскимъ городамъ и проводилъ въ нихъ цѣлые семестры: ученые, поэты, художники собирались въ его салонѣ и, подѣ благотворнымъ вліяніемъ Натальи Сергѣевны благодушествовали. За это время Бѣгушевъ очень многому научился и дообразовалъ себя и врядъ-ли оно не самое лучшее было въ его жизни; но счастья прочнаго нѣтъ: надъ Бѣгушевымъ разразился ударъ съ той стороны, съ которой онъ никакъ не ожидалъ. Наталья Сергѣевна, глубоко скрывая отъ Бѣгушева въ душѣ, сильно страдала отъ своего все-таки щекотливаго положенія: тогда женщины еще не гордились подобными положеніями! Деликатная натура ея наконецъ не выдержала: она заболѣла и умирая призналась Бѣгушеву въ своихъ тайныхъ мукахъ. Можно судить, что случилось съ нимъ: не говоря уже о потерѣ дорогаго ему существа, онъ вообразилъ себя убійцей этой женщины и, только благодаря своему сильному организму, онъ не сошелъ съ ума и черезъ годъ физически совершенно поправился; но нравственно, видимо, былъ сильно потрясенъ: заниматься чѣмъ-нибудь онъ совершенно не могъ, и для него началась какая-то бессмысленная свитальческая жизнь: непрерывные переѣзды изъ города въ городъ, чтобы хоть чѣмъ-нибудь себя занять и развлечь; каждодневное чтанье газетной болтовни, химиче-

скимъ способомъ приготовленные обѣды въ отеляхъ; плохіе театры съ ихъ несмѣшными комедіями и смѣшными драмами, съ ихъ высокоцѣнными операми, въ которыхъ постоянно появлялись то какая-нибудь дива-примадонна съ инструментальнымъ голосомъ, то необыкновенно-складные станомъ тенора (последнихъ по большей части женская половина публики го́да въ три совсѣмъ порѣшала). Такимъ образомъ въ Европѣ для Бѣгушева ничего не оставалось привлекательнаго и заманчиваго. Мысль, что тамъ все мало-по-малу превращается въ мѣщанство, болѣе и болѣе въ немъ укоренялась. Всякій европейскій человѣкъ ему казался лавочникомъ, и онъ съ клятвою увѣрялъ, что отъ каждаго изъ нихъ носомъ даже чувствовалъ запахъ мѣдныхъ пятаконъ. Вообще, всѣ сужденія его объ Европѣ отличались злостью, остроуміемъ и, пожалуй, справедливостію, доходящею иногда почти до пророчества: еще задолго, напри- мѣръ, до франко-прусской войны онъ говорилъ: «пусть гг. Кошуты и Мадзини сходятъ со сцены: имъ тамъ нѣтъ болѣе мѣста,—изъ-за заднихъ горъ показывается каска Бисмарка!» Послѣ парижскаго разгрома, который ему былъ очень досаденъ, Бѣгушевъ, всегда любившій романскія племена больше германскихъ, напился даже пьянъ и въ бѣшенствѣ, ударивъ по столу своимъ могучимъ кулакомъ, воскликнулъ: «Вздоръ-съ! этому не быть долго: нѣмцы не могутъ управлять Европой; это противорѣчило-бы эстетикѣ исторіи!..»

Въ продолженіе всей своей заграничной жизни Бѣгушевъ очень много сближался съ русской эмиграціей, но она какъ-то на его глазахъ съ каждымъ

годомъ все ниже и ниже падала: вмѣсто людей умныхъ, просвѣщенныхъ, дѣйствительно гонимыхъ и несправедливо оскорбленныхъ, къ числу которыхъ Бѣгушевъ отчасти относилъ и себя, стали появляться господа, которыхъ и видѣть ему было тяжело.

Наскучавшись и назлившись въ Европѣ, Бѣгушевъ пробовалъ нѣсколько разъ возвращаться въ Россію, проживалъ мѣсяца по два, по три, по полу году въ Петербургѣ, блестящимъ образомъ говорилъ въ салонахъ и англійскомъ клубѣ, а затѣмъ снова уѣзжалъ за-границу, потому что и на родинѣ у него никакого настоящаго, существеннаго дѣла не было; не на службу-же государственную было поступать ему въ 50 лѣтъ и въ чинѣ поручика въ отставку!.. Что касается до предложенія нѣкоторыхъ друзей его идти по выборамъ и сдѣлать изъ себя представителя земскихъ силъ, Бѣгушевъ только ядовито улыбался и отвѣчалъ: «старъ я-съ и мало знаю мою страну!» Въ сущности-же онъ твердо былъ убѣжденъ, что и сдѣлать тутъ ничего нельзя, потому что на ложку дѣла была цѣлая бочка болтовни и хвастовства! Въ Россію Бѣгушевъ еще менѣе даже, чѣмъ въ Европу, вѣрилъ и совершенно искренно соглашался съ тѣмъ мнѣніемъ, что она есть огромное пастбище второстепенныхъ племенъ. При такомъ пессимистическомъ взглядѣ на все, въ Бѣгушевѣ не изсякла, однако, жажда какой-то поэзіи, и поэзіи не въ книгахъ только и образцахъ искусства, а въ самой жизни: ему мерещилось, что онъ встрѣтитъ еще женщину, которая полюбитъ его искренно и глубоко, и что онъ ей отвѣтитъ тѣмъ-же. Человѣку рѣдко не удается хоть отчасти осуществить постоянно и упорно имъ делѣ-

ему мечту. Въ одинъ лѣтній сезонъ Бѣгушевъ пріѣхалъ на воды, общество было тамъ многочисленное и на половину состояло изъ русскихъ и по преимуществу женщинъ. Всѣ онѣ хорошо знали Бѣгушева и безконечно его уважали, какъ постояннаго жителя Европы. Его еще молодцоватую и красивую фигуру безпрестанно видѣли то въ тѣхъ, то въ другихъ кружкахъ, самъ же Бѣгушевъ врядъ-ли чувствовалъ большое удовольствіе отъ этого общества: но вотъ съ нѣкотораго времени онъ началъ встрѣчать молодую даму, болѣзненную на видъ, которая всегда являлась одна и почти глазъ не спускала съ Бѣгушева; это наконецъ его заинтересовало. Сойдась однажды съ нею въ курзалъ, гдѣ кромѣ ихъ никого не было другихъ посѣтителей, онъ подошелъ къ ней и спросилъ: «Вы русская?»

— Русская, — отвѣчала дама и вся покраснѣла при этомъ.

— Ваше семейство?—продолжалъ Бѣгушевъ.

— Я одна! Семьи у меня даже въ Россіи нѣтъ!..

— Вы дама или дѣвица?

— Я замужемъ, но я не живу съ мужемъ!—сказала дама и при этомъ окончательно уже пылала въ лицѣ.

— И что-же, вамъ прописанъ курсъ здѣшнихъ водъ? — спрашивалъ ее Бѣгушевъ.

— Нѣтъ, я такъ!.. отъ скуки больше, для развлеченія...

— Болѣзнь, значитъ, у насъ съ вами общая: я тоже скучаю.

— Ну, это незамѣтно! Вы, кажется, здѣсь предметъ такого общаго вниманія.

— То есть, меня знаютъ всѣ, и я тоже всѣхъ знаю,—отвѣчалъ Бѣгушевъ, и лицо его при этомъ покрылось оттѣнкомъ грусти. Дама посмотрѣла на него внимательно. Далѣе потомъ на вопросъ Бѣгушева объ ея имени и отчествѣ она отвѣчала, что имя ея очень прозаическое: Домна Осиповна, а фамилія и еще хуже того: Олухова. О фамиліи самого Бѣгушева она не спрашивала и сказала, что давно его знаетъ.

Тотъ-же вечеръ Бѣгушевъ провелъ уже у Домны Осиповны, а затѣмъ ихъ всюду стали видѣть вдвоемъ: робко и постоянно кидаемые взгляды Домною Осиповною на Бѣгушева, а наконецъ и его еще жгучіе глаза, съ какимъ-то упорствомъ и надолго останавливаемые на Домнѣ Осиповнѣ, ясно говорили о начинавшихся между ними отношеніяхъ. Первымъ основаніемъ для чувства Домны Осиповны къ Бѣгушеву было нѣкоторое чехвальство: онъ ей показался великосвѣтскимъ господиномъ, имѣющимъ большой успѣхъ между женщинами, котораго она какъ бы отняла у всѣхъ. Бѣгушевъ-же видѣлъ въ ней слабое, кроткое существо, разбитое въ жизни негодяемъ-мужемъ, о чемъ Домна Осиповна рассказала Бѣгушеву съ первыхъ же свиданій. Согрѣтъ своимъ дыханіемъ и снова возвратить это существо къ жизни—ему было несказанно пріятно!..

Х.

Пріѣхавъ съ обѣда и отправивъ письмо къ Домнѣ Осиповнѣ, Бѣгушевъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ.—

У него даже глаза налились кровью отъ гнѣва. По натурѣ своей онъ былъ очень вспыльчивый и бѣшенный человѣкъ, и только воспитаніемъ своимъ сдерживалъ себя. Послышался негромкій звонокъ. Бѣгушевъ догадался, конечно, кто пріѣхалъ, но онъ не пошевелился, чтобы поторопить своего Прокофія, который, разумѣется, и отперъ дверь не очень поспѣшно. Въ эти мгновенія Бѣгушевъ кусалъ свои ногти. Наконецъ раздались негромкіе шаги, и вошла Домна Осиповна, ласково и кротко улыбаясь. Она, какъ бы ничего не случилось, сняла свою шляпку и, подойдя къ Бѣгушеву, поцѣловала его въ лобъ. Онъ и тутъ не пошевелился, а только насмѣшливо посмотрѣлъ на снятую ею шляпку. Домна Осиповна, послѣ того, сѣла напротивъ него.

— Ты сердитъ на меня за что-то, я вижу,—сказала она.

— Очень сердитъ,—отвѣчалъ Бѣгушевъ.

— Но за что?

— За все!.. За весь сегодняшний день!..—отвѣчалъ Бѣгушевъ, нервно постукивая ногой.

— За весь день? —спросила съ удивленіемъ Домна Осиповна.

— За весь!.. Что бы вы тамъ ни говорили, какъ бы ни ссылались на моды, но въ такія платья одѣваться нельзя!.. Такія шляпки носить и такъ причесываться невозможно.

Домна Осиповна окончательно была удивлена.

— Почему-же нельзя и невозможно?—спросила она почти насмѣшливо.

— Потому-съ,—почти крикнулъ Бѣгушевъ:—что такъ могутъ одѣваться только первобытныя жен-

щины... дикія, изъ лѣсовъ вышедшія... Вонъ смотрите, ваша-же подруга Мѣрова—она, по всему видно, лучше въ этомъ отношеніи васъ воспитана!... Посмотрите, какъ она скромно, умно и прилично была одѣта!

Домна Осиповна вспыхнула при этомъ. Бѣгушевъ не подозрѣвалъ, какое глубокое оскорбленіе нанесъ онъ ей этими словами. Домна Осиповна, какъ мы знаемъ, постоянно спорила и почти пикировалась съ Мѣровой касательно туалета и, считая ее дурочкой, твердо была увѣрена, что та рѣшительно не умѣетъ одѣваться, а тутъ вдругъ что-же она слышаетъ, какое мнѣніе отъ любимаго ею человека?

— Madame Мѣрова вообще, я вижу, вамъ больше нравится, чѣмъ я!.. Что-жь, займитесь ею: она, можетъ быть, предпочтетъ васъ Янсутскому, — проговорила она съ навернувшимися слезами на глазахъ.

— Пожалуйста, не переходите на почву ревности!.. Вы сами хорошо знаете, что я слишкомъ васъ люблю, слишкомъ старъ, чтобы увлечься другой женщиной,—не говорите въ этомъ случаѣ пустыхъ фразъ!—возразилъ ей Бѣгушевъ.

— Какъ-же мнѣ не говорить,—продолжала Домна Осиповна:—за то, что я какъ-то не по вкусу твоему одѣлась, ты дѣлаешь мнѣ такія сцены и говоришь оскорбленія.

— Ты-то ужъ меня очень оскорбила сегодня... очень!—перебилъ ее Бѣгушевъ съ запальчивостію.—Чувствовала-ли ты, какъ ты сидѣла, когда мы ѣхали съ тобой въ коляскѣ?

Домна Осиповна склонила при этомъ голову.

— Даже и то не по немъ, какъ я сидѣла въ коляскѣ, — проговорила она.

— Очень не по мнѣ: ты сидѣла, какъ бы сидѣла самаго дурнаго тона камелія.

— Это терпѣнья никакого нѣтъ выслушивать такія сравненія!.. — сказала Домна Осиповна и окончательно заплакала.

Бѣгушеву сейчасъ сдѣлалось жаль ея.

— Но пойми ты это, — заговорилъ онъ, ударяя себя въ грудь: — я желалъ бы, чтобы ты никогда не была такая, какою ты была сегодня. Всегда я видѣлъ въ тебѣ скромную и прилично - держащую себя женщину, очень мило одѣтую, и вдругъ сегодня является въ тебѣ какая-то дама червонная!.. Неужели этотъ дурацкій вкусъ замоскворѣцкихъ купчихъ повліялъ на тебя?

— Хорошо, я впередъ буду такъ одѣваться, какъ за границей одѣвалась, — сказала покорно Домна Осиповна. — Что же, въ этомъ все твое неудовольствіе?

— Нѣтъ-съ, не въ этомъ, — отвѣчалъ опять Бѣгушевъ съ запальчивостью: — я этого мерзавца Янсутскаго совсѣмъ не зналъ; но вы его, какъ самъ онъ говорилъ, давно знаете; какимъ-же образомъ вы, женщина, могли поѣхать къ нему на обѣдъ?

— Какимъ-же образомъ ваша приличная madame Мѣрова поѣхала къ нему на обѣдъ? — спросила въ свою очередь съ ядовитостью Домна Осиповна.

— Что-жь мнѣ за дѣло до madame Мѣровой; она можетъ ѣхать, куда ей угодно... говорить, что хочетъ и какъ умѣетъ...

— Но главное,—возразила Домна Осиповна, пожимая плечами:—на обѣдѣ у Янсутскаго ничего такого не было, чтобы могло женщину шокировать!.. Все было очень прилично!

— Прилично!—воскликнулъ Бѣгушевъ и захохоталъ саркастическимъ смѣхомъ.—Прилично очень!.. Когда этотъ мерзавецъ за каждымъ кускомъ, который глоталъ его гость, лѣзъ почти въ ротъ къ нему и спрашивалъ: «хорошо?... хорошо?»... Наконецъ онъ вралъ непроходимо: съ какой наглостью и дерзостью выдумалъ какую-то мальвуази, существовавшую при осадѣ Гибралтара, и вино изъ садовъ герцога Бургундскаго! Чѣмъ же онъ насъ послѣ того считаетъ? Пѣшками, болванами, которые изъ-за того, что ихъ покормятъ, будутъ выслушивать всякую галиматью!

— Не мнѣ-же было ему возражать и спорить съ нимъ; это вамъ, мужчинамъ, слѣдовало,—проговорила Домна Осиповна.

— Никто отъ васъ и не требуетъ, чтобы вы ему возражали, но вы должны были оскорбиться.

Домна Осиповна рѣшительно не понимала, чѣмъ она тутъ могла оскорбиться.

— И тотчасъ-же уѣхать послѣ обѣда, если имѣли неосторожность попасть на такую кабацкую попойку,—добавилъ Бѣгушевъ.

Попойки кабацкой, по мнѣнію Домны Осиповны, тоже совершенно не было, а были только всѣ немного выпивши; но она любила даже мужчинъ навеселѣ: они всегда въ этомъ случаѣ бываютъ какъ-то любезнѣе. Впрочемъ возражать что-либо Бѣгу-

шеву Домна Осиповна видѣла, что совершенно бесполезно, а потому, скрѣпя сердце, молчала.

— Или эти милыя остроты дуралѣя Хвостикова, которыми вы такъ восхищались!.. — не унимался между тѣмъ тотъ, не могшій равнодушно вспомнить того, что происходило за обѣдомъ.

Домна Осиповна и на это молчала, что еще болѣе поднимало въ Бѣгушевѣ желчь, накопившуюся въ продолженіе дня.

— Но все это, разумѣется, блѣднѣетъ передъ тѣмъ,—заклучилъ онъ съ ядовитой усмѣшкой:—что вы... молодая женщина порядочнаго круга, въ продолженіе двухъ часовъ, вели задушевиѣйшую бесѣду съ мужикомъ, плутомъ, свиньей.

Домна Осиповна подняла наконецъ голову.

— Вотъ видишь, какъ несправедливы всѣ твои обвиненія,—сказала она:—я съ этимъ мужикомъ разговаривала о дѣлахъ моихъ, по которымъ у меня хлопотать некому кромѣ меня самой.

— Нѣтъ-съ, вы мало что разговаривали съ нимъ, вы съ нимъ любезничали, чокались бокалами!.. Удивляюсь, какъ брудершафтъ не выпили!

— Нельзя-же съ человѣкомъ, говоря о какомъ-нибудь дѣлѣ своемъ, говорить грубо.

— Вы никакъ не должны были съ нимъ говорить!.. Онъ хоть человѣкъ не глупый, но слишкомъ неблаговоспитанный!.. Если у васъ есть съ нимъ какое-нибудь дѣло, то вы должны были повѣреннаго вашего послать къ нему!.. На это есть стражи и адвокаты.

— Но я никого изъ этихъ адвокатовъ не знаю.

— Въ такомъ случаѣ извольте мнѣ поручить

ваши дѣла и расскажите, въ чемъ они состоятъ: я буду съ г. Хмуринымъ разговаривать за васъ.

Предложеніе это смутило Домну Осиповну. Она не хотѣла, чтобы Бѣгушевъ подробно зналъ ея состояніе, и обыкновенно говорила ему только, что она женщина обезпеченная.

— Не хочу я тебя беспокоить моими дѣлами,—возразила она:—ты самъ говоришь, что мы не должны обременять другъ друга ничѣмъ и что пусть насъ связываетъ одна нравственная привязанность!

Говоря это, Домна Осиповна будто-бы отъ жару сняла свои буikli и распустила немного косу и растянула нѣсколько пуговицъ у платья. Маневромъ этимъ она видимо хотѣла произвести пріятное впечатлѣніе на Бѣгушева и достигнула этого.

— Посмотри, пожалуйста!—воскликнулъ онъ:—не въ тысячу-ли разъ ты въ этомъ видѣ прелестнѣе, чѣмъ давеча была?

— Неужели-же я растрепанная лучше, чѣмъ одѣтая?—спросила Домна Осиповна.

— Гораздо, потому что природа у тебя прекрасная, но вкуса нѣтъ.

Домна Осиповна при этомъ опять покраснѣла.

— Ну хоть въ такомъ видѣ люби меня. Ты не сердись больше на меня? Скажи! — говорила она, вставая и подходя къ Бѣгушеву.

— Я не сержусь, но я огорченъ!.. Я желалъ бы, чтобы ты была лучше всѣхъ въ мірѣ или крайней мѣрѣ умнѣе въ каждомъ поступкѣ твоей жизни.

— Въ такомъ случаѣ учи меня,—продолжала Домна Осиповна, цѣлуя его въ лобъ:—что же дѣлать, если я такая глупенькая родилась на свѣтъ!

— Не глупенькая, а тебѣ надобно гувернантку хорошую нанять.

— Найми гувернантку мнѣ!—сказала покорнымъ голосомъ Домна Осиповна.

Въ это время, безъ всякой осторожности, явился Прокофій, такъ что Домна Осиповна не успѣла даже прервать поцѣлуя своего, не то что поостойти отъ Бѣгушева.

— Подано кушать-съ!—сказалъ Прокофій почти повелительнымъ голосомъ,

Разсердясь на барина, никогда почти не ужинава-шаго, а тутъ вдругъ ни съ того, ни съ сего приказавшаго готовить затѣйливый ужинъ, Прокофій строжайшимъ образомъ распорядился, чтобы поваръ сейчасъ-же начиналъ все готовить, а молодымъ лакеямъ велѣлъ накрывать столъ.

— Хотите скушать чего-нибудь? — сказалъ Бѣгушевъ, уже начавъ Домнѣ Осиповнѣ говорить: «вы».

— Хорошо,—отвѣчала та, поправляя прическу у себя.

Они прошли въ столовую.

— Я нарочно велѣлъ приготовить пулярдку съ трюфелями, чтобы вамъ показать, какіе могутъ быть настоящіе трюфели, сравнительно съ тѣми пробками, которыми насъ угощали сегодня нашъ амфитріонъ.—

И Бѣгушевъ самъ наложилъ Домнѣ Осиповнѣ пулярды и трюфелей.

Она скушала ихъ всѣ.

— Есть, надѣюсь, разница? — спросилъ ее Бѣгушевъ.

— Да!—согласилась Домна Осиповна, но въ са-

момъ дѣлѣ, она такъ не думала, и даже врядъ-ли тѣ трюфели не больше ей нравились.

— Теперь позвольте вамъ предложить и краснаго вина, которое, надѣюсь, повыше сортомъ вина изъ садовъ герцога Бургунскаго!

И Бѣгушевъ налилъ Домнѣ Осиповнѣ, дѣйствительно, превосходнаго краснаго вина.

— О, это гораздо лучшее вино! — согласилась Домна Осиповна, все-таки не чувствуя въ винѣ никакого особеннаго превосходства. Въ слѣдующемъ за тѣмъ маседуанѣ она обнаружила наконецъ нѣкоторое пониманіе.

— Какъ хорошо это пирожное; его никакъ нельзя сравнить съ давешнимъ!...—начала уже она сама.

— Это изъ свѣжихъ фруктовъ, а то изъ сухой дряни. Мѣщане!.. Они никогда не будутъ порядочно ѣсть!..—заклучилъ Бѣгушевъ.

Послѣ ужина, гостя и хозяинъ снова перешли въ кабинетъ и, по поводу коснувшагося разговора о Хмуринѣ и Янсутскомъ, Бѣгушевъ сталъ толковать Домнѣ Осиповнѣ, что эти дрянные люди суть продуктъ капитала, самой пагубной силы настоящаго времени; что существовавшее нѣкогда рыцарство, по своему деспотизму, ничто въ сравненіи съ капиталомъ. Кромѣ того, это кулачное, рыцарское право было весьма ощутимо; стоило только противъ него набрать тоже кулаковъ,—и его не стало! Но пусть теперь попробуютъ бороться съ капиталомъ, съ этими миллиардами денежныхъ знаковъ! Это вода, которая всюду просачивается и которую ничѣмъ нельзя остановить: въ одномъ мѣстѣ захватить, въ другомъ просочится!

Домна Осиповна, по наружности, слушала Бѣгушева весьма внимательно; но въ душѣ скучала и недоумѣвала: «Богъ знаетъ, что такое онъ это говоритъ: деньги—зло, пагубная сила!» думала она про себя и при этомъ была страшно утомлена, такъ что чрезвычайно обрадовалась, когда, наконецъ, часу въ четвертомъ утра, экипажъ Бѣгушева повезъ ее на Таганку. Легши въ такой поздній часъ, Домна Осиповна однако проснулась на другой день часовъ въ девять, а въ десять совсѣмъ была одѣта, и у крыльца ея дождалась наемная, извозничья карета, сѣвъ въ которую, Домна Осиповна велѣла себя везти въ знакомую намъ банкирскую контору и при этомъ старалась какъ можно глубже сѣсть въ экипажъ: она, кажется, боялась встрѣтить Бѣгушева и быть имъ узнанной.

Въ конторѣ она нашла того-же жида, который пѣ нѣсколько минутъ заплатилъ ей по чеку восемьдесятъ тысячъ. Уложивъ эти деньги въ нарочно взятый для нихъ сакъ-вояжъ, Домна Осиповна отправилась въ контору Хмурина, гдѣ сидѣлъ всего одинъ артельщикъ, который, когда Домна Осиповна сказала, что пріѣхала купить акціи, проворно всталъ и проговорилъ: «Пожалуйте съ; отъ Селивестра Кузмича былъ ужъ приказъ!» Домна Осиповна подала ему свой сакъ-вояжъ съ деньгами, сосчитавъ которыя артельщикъ выдалъ ей на восемьдесятъ тысячъ акцій. Домна Осиповна, сѣвъ въ карету съ этими акціями, сначала было велѣла себя везти въ банкъ, но потомъ передумавъ приказала извознику ѣхать въ прежнюю банкирскую контору.

— Я заѣхала къ вамъ спросить, почему теперь

Хмуринаскія акціи стоятъ, которыя я сейчасъ купила, — отнеслась она къ тому же жиду.

— Еще на десять рублей повысились со вчерашняго дня, — отвѣчалъ тотъ, махнувъ рукой.

Домна Осиповна, нѣкоторое время оставалась въ недоразумѣніи.

— Ужь я не знаю, не продать-ли мнѣ поэтому ихъ, — проговорила она.

— Что-жь, продайте, купимъ! — подхватилъ жидъ.

— А послѣ гдѣ-же я ихъ возьму, — продолжала Домна Осиповна прежнимъ нерѣшительнымъ тономъ.

— У насъ-же купите, когда онѣ упадутъ въ цѣнѣ.

— Ну, купите ихъ у меня! — произнесла Домна Осиповна, какимъ-то робкимъ голосомъ и подавая мѣшокъ съ акціями жиду. Тотъ что-то долго вычислялъ на бумажкѣ.

— Сто шесть тысячъ вамъ слѣдуетъ.

Домна Осиповна при этомъ радостно вспыхнула въ лицѣ: ровно двадцать шесть тысячъ она наживала себѣ лишнихъ.

— Деньгами-ли прикажете, или какими-нибудь бумагами? — спрашивалъ ее жидъ.

— Дайте бумагами, которыя только повѣряе.

— Пятипроцентными?

— Хорошо, согласилась Домна Осиповна. Затѣмъ, получивъ пятипроцентные и отвезя ихъ въ банкъ на храненіе, она разсуждала сама съ собой: «а Бѣгушевъ бранилъ меня, что я полюбезничала съ Хмуринымъ; за такіе подарки, я думаю, можно полюбезничать! — право, иногда умные люди въ нѣкоторыхъ вещахъ бываютъ совершенные дураки!»

XI.

Прошло мѣсяца два. Часовъ въ одиннадцать утра Домна Осиповна хотя уже и проснулась, но продолжала еще нѣжиться на своей мягкой и эластической постели. Она вообще очень любила и въ постелькѣ поваляться, и покушать не столько хорошо и тонко, сколько много, и погулять на чистомъ воздухѣ, и покупаться въ свѣжей водѣ, и быть въ многолюдномъ обществѣ, а болѣе всего потанцовать до упаду и до бѣшенства, можетъ быть, потому, что Домна Осиповна считала себя очень граціозною въ танцахъ. По происхожденію своему она была дочь экзекутора изъ какого-то присутственнаго мѣста и безъ преувеличенія можно сказать, что на ворованныя деньги отъ метель, отъ песку, отъ дровъ, была рождена, возвращена и воспитана. Въ началѣ жизни своей, такимъ образомъ, Домна Осиповна, кромѣ красиваго личика, стройнаго стана и разнообразной практической изворотливости ничего не имѣла. Родители ея, не смотря на скудость средствъ, вывозили ее по всевозможнымъ публичнымъ собраніямъ и маскарадамъ, смутно предчувствуя, что она воспользуется этимъ... Такъ и случилось: Домна Осиповна въ очень недолгомъ времени съумѣла плѣнить господина Олухова, молодого купчика (теперешняго супруга своего), и, понявъ юнымъ умомъ своимъ, сколь выгодна была для нея эта партія, не замедлила сего послѣдняго женить на себѣ, и были даже слухи, что, по поводу этого обстоятельства, родителями Домны Осиповны была взята съ господина Олухова нѣсколько принудитель-

наго свойства записочка, но какъ-бы то ни было, бѣдность и нужда, вслѣдствіе этого, остались сзади Домны Осиповны, и она вынесла изъ нея только неизмѣрную расчетливость, доходящую до дрожанія надъ каждымъ кускомъ, надъ всякой копѣйкой и вмѣстѣ съ тѣмъ ненасытимую жажду къ приобрѣтенію. Даже въ настоящія минуты Домна Осиповна обдумывала: какимъ-бы образомъ ей весь, передъ тѣмъ только сдѣланный, туалетъ не очень въ убытокъ продать и заказать себѣ весь новый у madame Минангуа, тогда она и посмотритъ, какъ съ нею будетъ равняться стрекоза Мѣрова; слова Бѣгушева объ ея нарядѣ на обѣдѣ у Янсутскаго не выходили изъ головы Домны Осиповны.

Вошла ея горничная.

— Господинъ Гроховъ пріѣхалъ къ вамъ, доложила она.

Домна Осиповна почти обмерла, услышавъ имя своего адвоката. Съ тѣхъ поръ какъ онъ, Богъ знаетъ за что, стянулъ съ нея двадцать тысячъ, она стала его ненавидѣть и почти бояться.

— Но я еще не одѣта совсѣмъ,—проговорила она.

— Онъ говоритъ, что ему телеграмму надобно сегодня посылать въ Петербургъ, — присовокупила горничная.

«Что такое, телеграмму въ Петербургъ?» Домна Осиповна понять этого не могла, но тѣмъ не менѣе все-таки чувствовала страхъ.

— Куда-жь ты его приняла, гдѣ посадила?—спросила она, вставая и начиная одѣваться.

— Они въ гостиной съ теперь,—объяснила горничная.

Гроховъ дѣйствительно находился въ гостиной и, усѣвшись тамъ на одно изъ кресель, грустно-сентиментальнымъ взоромъ глядѣлъ на висѣвшую противъ него огромную масляную картину, изображающую Психею и Амура. На этотъ разъ онъ былъ совершенно трезвъ. Послѣ того похмѣлья, въ которомъ мы въ первый разъ встрѣтили его, онъ не пилъ ни капли и былъ здоровъ, свѣжъ и не столь мраченъ.

Хозяйка наконецъ вышла: она была еще въ блузѣ и, не успѣвъ голову причесать хорошенько, надѣла чепчикъ и въ этомъ нарядѣ была очень интересна; но Гроховъ вовсе не замѣтилъ этого и только, при ея приходѣ, всталъ и очень почтительно раскланялся съ ней.

— Здравствуйте! Что скажете хорошенькаго? — проговорила Домна Осиповна, садясь на диванъ и не безъ трепета въ голосъ.

Гроховъ тоже сѣлъ и, наклонивъ нѣсколько голову свою внизъ, началъ съ разстановкой:

— Я-съ... получилъ... отъ вашего супруга письмо!

Домна Осиповна немного поблѣднѣла при этомъ.

— До меня касающееся? — спросила она.

— До васъ, — отвѣчалъ Гроховъ, опять нѣсколько протяжно.

— Что-жъ такое угодно ему писать обо мнѣ? — спросила Домна Осиповна, стараясь придать насмѣшливый оттѣнокъ своему вопросу.

— Позвольте мнѣ прочесть вамъ самое письмо, сказалъ ей на это Гроховъ.

— Пожалуйста, — отвѣчала Домна Осиповна.

Гроховъ вынулъ изъ кармана письмо и принялся читать его ровнымъ и монотоннымъ голосомъ.

«Почтеннѣйшій Григорій Мартыновичъ! случилась чортъ знаетъ какая оказія: третьяго дня я получилъ отъ дѣда изъ Сибири письмо ругательное, какъ только можно себѣ вообразить, и все за то, что я разошелся съ женой, и если, пишетъ, я не сойду съ ней, такъ онъ лишитъ меня наслѣдства, а эта штука, какъ самъ ты знаешь, стоитъ милліоновъ пять серебромъ. Съѣзди, Бога ради, къ Домнѣ Осиповнѣ и упроси ее, чтобы она позволила прѣвхаться къ ней жить, и жить только для виду. Пусть старый хрычъ думаетъ, что мы дѣлаемъ по его».

Прочитавъ это, Гроховъ пріостановился не надолго, видимо желая услышать мнѣніе Домны Осиповны. Она-же, въ свою очередь, сплѣла блѣдная, какъ полотно.

— Нѣтъ, это невозможно! — произнесла она рѣшительно.

— Отчего-жь?—спросилъ ее почти иѣжно и съ живымъ участіемъ Гроховъ. Вопросъ этотъ повидимому удивилъ Домну Осиповну.

— Съ какой-же стати я опять съ нимъ буду жить? — сказала она.

— Да, вѣдь, для виду только!—объяснилъ ей Гроховъ.

— Сдѣлайте милость, для виду, — воскликнула Домна Осиповна, голосъ ея принялъ какой-то даже ожесточенный тонъ: — знаю я его очень хорошо, онъ теперь говоритъ одно, а послѣ будетъ совсѣмъ другое.

Лицо Домны Осиповны горѣло при этомъ. Вѣроятно, въ этомъ отношеніи она сохранила довольно сильныя и непріятныя воспоминанія.

— Нѣтъ-съ, онъ пишетъ для виду только...— повторилъ Гроховъ.

Домна Осиповна взяла себя за голову и долгое время думала.

— Кто-жь дѣдушкѣ написалъ, что мы живемъ врознь?..—спросила она.

— Старикъ пишетъ въ письмѣ, что Хмуриный, богачъ этотъ здѣшній, пріятель его,—отвѣчалъ Гроховъ.

Домна Осиповна прикусила язычекъ; значить, она сама и виновата была во всемъ, потому что очень разоткровенничалась съ Хмуринымъ.

— Если вы не съѣдетесь, пяти милліоновъ вашъ супругъ лишится, а это не бездѣлица!..—проговорила многозначительно Гроховъ.

Домна Осиповна перевела при этомъ тяжелое дыханіе.

— Не надолго хватить ему этихъ пяти милліоновъ, когда получатъ!.. Скоро ихъ промотаетъ на разныхъ гослужъ своихъ!—проговорила она.

— О, нѣтъ-съ!.. Зачѣмъ-же?.. — возразилъ ей Гроховъ, какъ-бы проникнувшій въ самую глубь ея мыслей. Прежде всего онъ имѣетъ въ виду васъ обезпечить!—присовокупилъ онъ и снова началъ читать письмо. «Ежели Домна Осиповна окажетъ мнѣ эту милость, то я сейчасъ-же, какъ умретъ старый хрѣнь, выдѣлю ей изъ его денегъ пятьсотъ тысячъ».

Услыхавъ это, Домна Осиповна, какъ ни старалась, не могла скрыть своего волненія, у ней губы дрожали и грудь волновалась.

— Нѣтъ, это невозможно,—повторила она еще

разъ, беря себя за голову, но замѣтно уже не столь рѣшительнымъ тономъ.

— Отчего-же невозможно? — спросилъ ее опять съ нѣкоторою нѣжностью Гроховъ. Онъ какъ-будто бы самъ влюбленъ въ нее былъ и умолялъ ее не быть къ нему жестокою.

— А если ужъ я люблю другаго? Я женщина, а не камень! — отвѣтила Домна Осиповна, гордо взмахнувъ передъ нимъ голову свою.

— Такъ что-жъ такое!.. ну и Господь съ вами, любите! — успокоивалъ ее Гроховъ.

— Какъ, любите другаго? — спросила его со строгостью Домна Осиповна.

— Такъ-съ, любите! — сказалъ нисколько несмущенный ея вопросомъ Гроховъ: — супругъ вашъ предусмотрѣлъ это: «надѣюсь, пишетъ онъ, что она позволить мнѣ привезти мою Глашу, и я тоже ни въ чемъ ее не остановлю: пусть живетъ, какъ хочетъ!»

— Еще-бы онъ меня остановилъ!.. — проговорила Домна Осиповна и усмѣхнулась несовсѣмъ естественнымъ смѣхомъ. Самый простой, здравый смыслъ и даже нѣкоторое чувство великодушія говорили Домнѣ Осиповнѣ, что на такихъ условіяхъ она должна была сойтись съ мужемъ, во-первыхъ затѣвъ, чтобы не лишиться его, все-таки близкаго ей человѣка, пяти милліоновъ; а что дѣдъ, если они не послушаются его, дѣйствительно исполнить свою угрозу, — въ этомъ она не сомнѣвалась; а потомъ зачѣмъ-же и самой ей терять пятьсотъ тысячъ? При мысли объ этихъ тысячахъ у ней голова даже начинала мутиться, въ глазахъ темнѣло и точно звѣз-

дочки свѣтлыя мелькала передъ ней цифра — пять сотъ тысячъ; но препятствіемъ ко всему этому стоялъ Бѣгушевъ. Домна Осиповна предчувствовала, что это на него произведетъ страшное и убійственное впечатлѣніе. Въмѣстѣ съ тѣмъ изъ послѣдней, происшедшей между ними размолвки, она убѣдилась, что Бѣгушевъ вовсе не считалъ ея за такое высокое и всесовершенное существо, въ которомъ не было бы никакихъ недостатковъ; напротивъ, онъ находилъ ихъ много, а съ теченіемъ времени, вѣроятно, найдетъ еще и больше!.. (Домна Осиповна была опытна и прозорлива въ жизни).

«Что-жь въ итогъ потомъ будетъ?» продолжала она быстро соображать: «что, во имя какой-то не вполне вселяющей довѣріе любви, она пренебрежетъ громаднѣйшимъ состояніемъ, а что это глупо и не благоразумно, скажетъ конечно всякій.» Но тутъ передъ Домной Осиповной являлась и другая сторона медали: положимъ, что это сближеніе ея съ мужемъ такъ поразитъ и такъ взбѣситъ Бѣгушева, что онъ броситъ ея и покинетъ совершенно. Что онъ чловѣкъ довольно неудержимаго характера, она видѣла этому два, три опыта. «Ну, что-же, если и броситъ, говорилъ въ Домнѣ Осиповнѣ умъ. Богъ съ нимъ, значить, онъ не любитъ ея!» «Нѣтъ, напротивъ, это-то и покажетъ, что онъ ея безумно и страстно любитъ», возражало сердце Домны Осиповны и при этомъ начинало ныть до такой степени, что бѣдная женщина теряла всякую способность разсуждать далѣе.

Гроховъ всю эту борьбу въ ней подмѣтилъ.

— Можетъ быть, вы желаете поразмыслить нѣсколько о предложеніи вашего супруга, — сказалъ онъ.

— Да!.. я конечно должна подумать! — отвѣчала она.

— Поразмыслите и поразсудите!.. — одобрилъ Гроховъ.

— И что-же, мужъ, вѣроятно, предполагаетъ внизу у меня въ домѣ жить? — спросила Домна Осиповна.

— Безъ сомнѣнія, внизу-съ! Зачѣмъ его вамъ на верхъ къ себѣ пускать.

— И что-же,—продолжала Домна Осиповна, лицо ея снова при этомъ покрылось сильнымъ румянцемъ: — госпожа эта тоже будетъ жить вмѣстѣ съ нимъ въ моемъ домѣ?

— Ай, нѣтъ! сохрани отъ этого Богъ, — воскликнулъ Гроховъ и замахалъ даже руками: — надобно сдѣлать такъ для виду, что вы будто-бы какъ настоящій мужъ съ женой живете... Дѣдушка, старикъ лукавый... онъ провѣдывать непременно будетъ, а эту госпожу пусть супругъ вашъ поселить гдѣ хочетъ, посекретнѣе только, и пускай къ ней ѣздить.

— Но какъ же она смотритъ, что онъ хочетъ сойтись со мной?—спросила Домна Осиповна.

— Какъ смотритъ? Не сумасшедшая!.. Поняла, что нельзя человѣка изъ пустой ревности лишать пяти милліоновъ наслѣдства.

— Да, ну прекрасно, — продолжала Домна Осиповна, окончательно овладѣвшая собой:—я вотъ, подумать страшно, на какую ужасную жизнь себя обреку... Можетъ быть, всѣмъ здоровьемъ моимъ пожертвую тутъ, а мужъ, получивъ наслѣдство, вдругъ раскапризничается, опять предложитъ мнѣ жить отдѣльно, не вознаградивъ меня ничѣмъ.

— Но онъ пятьсотъ тысячъ вамъ обѣщаетъ! — возразилъ Гроховъ.

— Обѣщать обѣщаетъ, но можетъ и передумать, — произнесла Домна Осиповна.

Гроховъ понялъ, куда она бѣтъ.

— Мы-съ бумагу съ него возьмемъ, обяжемъ его условіемъ, что вотъ, въ случаѣ полученія имъ наслѣдства, онъ долженъ не медля выдать вамъ пятьсотъ тысячъ; въ противномъ случаѣ обязанъ заплатить неустойку.

Домна Осиповна выслушала его со вниманіемъ, какъ обыкновенно она выслушивала всякій дѣловой разговоръ.

— А вы потомъ опять съ меня десять процентовъ возьмете за это дѣло? — замѣтила она съ злой улыбкой.

— Я съ васъ ничего не возьму, ни копѣчки! — успокоилъ ее Гроховъ: — а того барина щипну маленько. Чѣмъ-же намъ кормиться! До свиданья, — заключилъ онъ вставая.

— До свиданья! — сказала Домна Осиповна, тоже вставая.

— Когда-же мнѣ прикажете ждать отъ васъ рѣшительнаго отвѣта? — продолжалъ Гроховъ. Домна Осиповна подумала нѣкоторое время.

— Завтра я вамъ отвѣчу! — сказала она.

— Слушаю-съ!.. — сказалъ Гроховъ и, затѣмъ, поцѣловавъ у ней руку и неуклюже расшаркавшись, ушелъ. Оставшись одна, Домна Осиповна впала въ мучительное раздумье, хоть въ сущности она уже окончательно рѣшила въ мысляхъ своихъ сойтись съ мужемъ, потому что лишиться пятисотъ тысячъ

было выше всякихъ нравственныхъ силъ ея и почти равнялось бы самоубійству; но весь вопросъ для нея состоялъ въ томъ, какъ ей поступить въ этомъ случаѣ съ Бѣгушевымъ? Прямо всего было бы рассказать ему, какъ дѣло есть!.. Будь другой человекъ на мѣстѣ Бѣгушева, болѣе благоразумный и практический, Домна Осиповна такъ бы съ тѣмъ и поступила, тотъ бы понялъ ее; но она знала очень хорошо, что Бѣгушевъ, не смотря на свои пятьдесятъ лѣтъ, былъ еще мечтатель и безумецъ, чего добраго, онъ, пожалуй, насильно ей свяжетъ руки, посадить въ экипажъ и увезетъ за-границу. Она очень хорошо помнила его бѣснованіе при первомъ объясненіи въ любви, когда она хотѣла его немного повыдержатъ. «Лучше всего», сказала себѣ мысленно Домна Осиповна, «въ отношеніи подобныхъ людей дѣйствовать такъ, что сначала сдѣлать окончательно что имъ неприятно, а потомъ и сказать: они побѣсятся, поволнуются, покричатъ, но и успокоятся-же когда-нибудь», тѣмъ болѣе, что Домна Осиповна будетъ ему говорить и можетъ даже ясно доказать, что она живетъ съ мужемъ только для виду. Принявъ такое намѣреніе, она однако протерзалась и проплакала цѣлый день и всю ночь. Проснувшись на другой день съ зеленымъ цвѣтомъ лица и съ распухшими отъ слезъ глазами, она все-таки пересилила себя и написала Грохову: «Телеграфируйте мужу, что онъ можетъ пріѣхать ко мнѣ». По отпращиваніи этого письма, Домной Осиповной овладѣлъ новый страхъ: ну, какъ мужъ пріѣдетъ въ то время, какъ у нея сидитъ Бѣгушевъ и по своей болтливости прямо воскликнетъ: «Благодарю тебя, душенька, что ты

позволила прїѣхать къ тебѣ!» А она желала, чтобы это навсегда осталась тайною для Бѣгушева и чтобы онъ полагалъ, что мужъ возвратился къ ней нахрапомъ, безъ всякаго согласія съ ея стороны. Изобрѣтательность женская помогла въ этомъ случаѣ Домнѣ Осиповнѣ. Воспользовавшись тѣмъ, что у нея начали перекрашивать въ дѣвичьей полъ, она написала Бѣгушеву такое письмо: «мой дорогой другъ, позволь мнѣ переѣхать къ тебѣ на нѣсколько дней, у меня выкрашена дѣвичья, и я умираю отъ маслянаго запаха.» На это она получила отъ Бѣгушева восторженный отвѣтъ: «прїѣзжайте, сокровище мое, и оживите, какъ свѣтозарное свѣтило, мою келью!» а вечеромъ въ тотъ же день, Домна Осиповна была уже въ домѣ Бѣгушева.

XII.

Надобно было имѣть силу характера Домны Осиповны, чтобы, живя у Бѣгушева цѣлую недѣлю и все почти время проводя вмѣстѣ съ нимъ, скрывать отъ него волнующія ея мысли и чувствованія, тѣмъ болѣе, что самъ Бѣгушевъ былъ очень веселъ, разговорчивъ и безпрестанно фантазировалъ, что вотъ онъ, съ наступленіемъ зимы, увезетъ Домну Осиповну въ Италію, въ которой она еще не бывала, познакомитъ ее съ антиками, раскроетъ передъ ней тайну искусствъ, и Домна Осиповна ни однимъ словомъ, ни однимъ звукомъ не выразила, что она ожидаетъ совершенно иначе провести грядущую зиму: напротивъ, изъясляла удовольствіе и почти восторгъ

на всѣ предложенія Бѣгушева. Прокофій въ эти дни превзошелъ самого себя: онъ съ нескрываемымъ презрѣнiемъ смотрѣлъ на Домну Осиповну и даже кушанья за обѣдомъ сначала подавалъ барину, а потомъ ужь ей, такъ что Бѣгушевъ наконецъ прикрикнулъ на него: «Начинай съ Домны Осиповны!» Прокофій сталъ начинать съ нея; но и тутъ — то забудеть ей подать салату, горчицы, то не поставитъ передъ нею соли. Изъ женской прислуги у Бѣгушева была всего только одна жена Прокофiя, по имени Минодора, женщина благоразумная и неглупая. Она, разумѣется, озаботилась на дамской половинѣ дома приготовить для Домны Осиповны, въ особо-отдѣланной комнатѣ, постель и, когда та пришла въ эту комнату, Минодора не замедлила явиться къ ней и помочь ей раздѣться. Прокофій, по этому поводу, спросилъ на другой день суровымъ голосомъ:

— Ты зачѣмъ ходила эту гостью раздѣвать, у ней у самой иѣтъ развѣ рукъ?

— Ахъ, ты дуракъ, дуракъ этакой! — сказала Минодора: —какая-бы госпожа ни прiѣхала къ барину, я должна служить, а ужь Домнѣ Осиповнѣ и подавно: это все равно, что барыня наша теперь!

— Хороша барыня! — воскликнулъ Прокофій, и у него при этомъ перекосило даже ротъ отъ злости: — похожа она на барыню! — присовокупилъ онъ и очень возможно, что въ мысляхъ своихъ сравнивалъ Домну Осиповну съ Натальей Сергѣвной, о которой Прокофій всегда съ какимъ-то благоговѣнiемъ отзывался. Онъ все время житья Бѣгушева заграницей былъ при немъ и даже немножко говорилъ по-французски и по-нѣмцки. <http://rcin.org.pl>

Въ одно утро Прокофій выкинулъ новую штуку. Бѣгушевъ, какъ только пріѣхала къ нему Домна Осиповна, всей прислугѣ приказалъ никого не принимать, пока гоститъ она у него, и первые три дня прошло благополучно; но на четвертый поутру, когда Домна Осиповна, совсѣмъ еще neodѣтая, сидѣла у Бѣгушева въ диванной и пила съ нимъ чай, вдругъ раздался довольно слабый звонокъ.

— Кто-то, кажется, позвонилъ?—произнесла Домна Осиповна и хотѣла было уйти.

— Не примуть! — успокоилъ ее Бѣгушевъ.

Но Домна Осиповна явственно начала слышать мужскіе шаги, которые все болѣе и болѣе приближались къ диванной, такъ-что она поспѣшила встать и только-что успѣла скрыться въ одну изъ дверей во внутреннія комнаты, какъ изъ противоположныхъ дверей появился графъ Хвостиковъ.

Бѣгушевъ побагровѣлъ отъ злости. Онъ убѣжденъ былъ, что графа принялъ Прокофій и принялъ съ умысломъ, а не просто. Первымъ его движеніемъ было идти и избить Прокофія до полусмерти, но отъ этого онъ, какъ и всегда, удержался, только лицо его оставалось искаженнымъ отъ гнѣва. Графъ Хвостиковъ, замѣтивъ это и относя неудовольствіе хозяина къ себѣ, сконфузился и почти испугался.

— Pardon, mon cher!... Я, можетъ быть, обезпокоилъ тебя? — пробормоталъ онъ.

Нѣтъ, ничего! — отвѣчалъ Бѣгушевъ.

— Не занятъ-ли ты чѣмъ-нибудь? Я и въ другое время могу зайти къ тебѣ! — продолжалъ графъ.

— Ничего, оставайтесь! — повторилъ еще разъ Бѣгушевъ. Графъ сѣлъ на диванъ и, закинувъ голову

назадъ, началъ добрымъ и въ то же время сохраняющимъ достоинство тономъ:

— Какъ мнѣ пріятно было войти въ твой домъ!... Такъ вотъ и видишь въ этихъ маленькихъ, отдѣльныхъ комнаткахъ, что это была какая-нибудь молельная твоей матушки, а это, можетъ быть, комнатка сестеръ твоихъ, а это уголокъ дальняго родственника, пригрѣтаго бѣдняка!...

Бѣгушевъ не безъ удивленія выслушалъ эти эгегическія изліянія графа и сначала объяснить себѣ не могъ, зачѣмъ это онъ имъ предавался.

Графъ между тѣмъ продолжалъ:

— Ты все это, mon cher, сохранилъ и потому честь и хвала тебѣ за то великая, а мы все это растеряли, уничтожили!

— Кто-жь васъ заставлялъ это дѣлать? — произнесъ насмѣшливо Бѣгушевъ.

— Вѣтренность и глупость наша! — подхватилъ графъ: — и это бы еще ничего... Конечно, это священныя воспоминанія, которые пріятно сохранять каждому!.. Но мы надурили больше того: мы растратили и промотали все наше состояніе.

Бѣгушевъ на это промолчалъ. Онъ начиналъ смутно уразумѣвать, куда разговоръ клонился.

— А ты, cher ami, скажи, все состояніе твое капитализировалъ, кажется?—перешелъ ужъ прямо къ дѣлу графъ.

— Нѣтъ!... — пробурчалъ Бѣгушевъ.

— Но, разумѣется, если бы ты это сдѣлалъ, то у тебя огромный бы капиталъ составился.

— Не знаю, не рассчитывалъ... не считалъ!..—отвѣчалъ Бѣгушевъ.

— Счастливей чловѣкъ! — воскликнулъ графъ: — имѣть такое состояніе, что даже не считаетъ, а мы и рады-бы считать, да нечего!

Презрительная улыбка промелькнула на губахъ Бѣгушева.

— Да-съ, да! — не унимался графъ: — три тысячи душъ, батюшка, я прожилъ, по милости женщинъ и картъ, а теперь на старости лѣтъ и приходится аферами заниматься!

— Что-жь, на этомъ поприщѣ ты можешь отлично поправить твои дѣла, — произнесъ не безъ ядовитости Бѣгушевъ.

— Непремѣнно поправлю, сомнѣнія нѣтъ никакого! — воскликнулъ радостно графъ: — но все-таки, согласишь, нравственно тяжело. Я былъ камергеръ, чловѣкъ придворный, теперь же очутился какимъ-то бупцомъ, такъ что не далѣе, какъ въ прошломъ январѣ, на балѣ во дворцѣ великіе князья меня спрашиваютъ, чѣмъ я занимаюсь? «Pardon, Altesse, говорю, я занимаюсь теперь аферами!» Хотѣлъ, знаешь, объяснить имъ мое положеніе, потому что, какъ ты хочешь, правительству слѣдовало бы немножко поддерживать насъ, хоть и безумцевъ, но все-таки людей ему преданныхъ: хоть-бы службишку дали кабую-нибудь или пенсіюшку небольшую, а то ничего, никакого участія!...

— За что тебѣ дать пенсію, когда ты самъ говоришь, что только и дѣлалъ, что по женщинамъ ѣздилъ и въ карты игралъ?

— Я про себя не говорю! — возразилъ графъ: — а говорю вообще про дворянство; я же, слава Богу! вотъ у меня явилась способность писать проэкты; я

ихъ болѣе шести написалъ, одинъ изъ нихъ уже и утвержденъ, такъ что я недѣли черезъ двѣ пятьдесятъ тысячъ за него получу; но комизмъ или, правильнѣе сказать, драматизмъ заключается въ томъ, что черезъ мѣсяцъ я буду имѣть капиталъ, котораго, вѣроятно, хватитъ на всю остальную мою жизнь; но теперь сижу совершенно безъ денегъ и взять ихъ не откуда: у дочери, каковой былъ маленькій капиталецъ, перебралъ весь, къ этимъ-же разнымъ торгашамъ я обращаться не хочу, потому что люблю ихъ держать въ почтительномъ отдаленіи отъ себя, чтобы они мнѣ были обязаны, а не я имъ!

Бѣгушеву было отвратительно и омерзительно слушать вранье графа Хвостикова. Онъ очень хорошо зналъ, что графъ въ ноги бы готовъ былъ каждодневно кланяться этимъ торгашамъ, если-бы только они ему денегъ давали.

— Не можешь ли ты дать мнѣ въ займы тысячи три на весьма короткое время? — хватилъ Хвостиковъ, желая сразу ошеломить Бѣгушева.

— Нѣтъ, не могу! — отвѣчалъ тотъ.

— Отчего?

— Много очень, сумма велика.

— Въ такомъ случаѣ дай хоть двѣ тысячч, по крайней мѣрѣ.

— И то много! — повторилъ Бѣгушевъ монотоннымъ голосомъ.

— Ну, тысячу, чортъ возьми, — произнесъ, какъ бы даже смѣясь, графъ.

— И эта велика сумма! — какъ кукушка куковалъ Бѣгушевъ.

— Что-жь за деньги: тысяча... велики ли это?—
воскликнулъ съ удивленіемъ графъ.

Бѣгушевъ на это молчалъ.

— Но какую же собственно суммою, не стѣсняя себя, ты можешь ссудить меня? — продолжалъ графъ съ какою-то уже тоскою въ голосъ.

— Я не знаю! — отвѣчалъ съ убійственнымъ равнодушіемъ Бѣгушевъ.

— Пятьсотъ рублей тебя не стѣснитъ?

— Стѣснитъ.

— А двѣсти стѣснитъ?

— Стѣснитъ!

— Но неужели даже ста рублей ты не можешь мнѣ дать?... — заключилъ графъ.

Бѣгушевъ на это нѣкоторое время молчалъ.

— Сто, пожалуй, могу! — умиловивился онъ наконецъ:—но только не займы, а такъ дамъ, безъ уплаты.

— Какъ безъ уплаты?—спросилъ графъ, повидимому, совершенно счастливый тѣмъ, что ему и сто даютъ:—это, знаешь, немного выйдетъ щекотливо!

— Какъ хочешь, у меня правило: въ займы никому не давать, а такъ помогать, сколько могу, помогаю!

— Это, конечно, очень великодушно съ твоей стороны, но все-таки согласиесь, что принять такимъ образомъ... Хоть мы и товарищи старые... обстоятельства мои, конечно, ужасны; я теперь тебѣ прямо скажу, что я нищій, ѣздящій въ каретѣ, потому что каретникъ мнѣ вѣритъ еще, но въ мелочныхъ лавочкахъ не даютъ ни на грошъ!

На нѣкоторое время между собесѣдниками воцарилось довольно странное молчаніе.

— Дай хоть безъ уплаты, если не хочешь мѣнять своего правила, — проговорилъ наконецъ графъ Хвостиковъ.

Бѣгушевъ вынулъ бумажникъ и подалъ графу сторублевую бумажку.

— Merci, mon cher, merci!.. До конца дней моихъ не забуду твоего одолженія.

У графа даже слезы на глазахъ навернулись при этомъ.

— Не смѣю тебя больше беспокоить, — продолжалъ онъ, вставая и берясь за шляпу. — Еще разъ тебя благодарю, — заключилъ онъ и, дружески пожавъ руку Бѣгушеву, пошелъ отъ него весьма гордой походкой.

По уходѣ графа, Бѣгушевъ поднялъ кулакъ на небо и заскрежеталъ зубами.

— О, негодяй! О, мерзавецъ! — заревѣлъ онъ на весь домъ, такъ что находившаяся въ содѣдной комнатѣ Домна Осиповна съ испугомъ вбѣжала къ нему.

— Что такое съ тобой, Александръ? — спросила она.

— Мерзавецъ!.. Негодяй! — продолжалъ Бѣгушевъ свое, потрясая кулаками.

— Графъ Хвостиковъ это, вѣроятно, мерзавецъ? — говорила Домна Осиповна, видѣвшая въ зеркалѣ изъ сосѣдней комнаты, кто былъ у Бѣгушева.

— Миѣ въ глаза каналья говоритъ, что онъ три тысячи душъ промоталъ, тогда какъ у него трехъ сотъ душонокъ, никогда не бывало; на моихъ гла-

захъ всю молодость былъ на содержаніи у старыхъ барынь; за лакейство и за цѣлованіе ручекъ и ножекъ у начальства терпѣли его на какой-то службѣ, а теперь онъ оскорбляется, что ему еще пенсіи не дали. До какой степени въ людяхъ нахальство и живость могутъ доходить!.. За это убить его можно.

— Ахъ, Александръ, какъ тебѣ не совѣстно сердиться на такіе пустяки! — произнесла Домна Осиповна, дѣйствительно, не понимавшая, что такое тутъ могло вывести Бѣгушева изъ себя. — Но за чѣмъ же собственно онъ пріѣзжалъ къ тебѣ?

— За тѣмъ, разумѣется, чтобы денегъ просить, — отвѣчалъ скороговоркой Бѣгушевъ.

— И ты далъ, конечно?

— Но это чортъ съ нимъ, далъ не взаймы только, а такъ! Главное, зачѣмъ это ломанье и коверканье передъ мной! это, навѣрное, извоилиъ пустить его Прокофій! Ну, я, наконецъ, раздѣлаюсь съ нимъ! Эй!.. Прокофья ко мнѣ!

— Саша, умоляю тебя не беспокоиться и плюнуть на все это!.. — упрашивала его Домна Осиповна.

— Нѣтъ-съ, нѣтъ, довольно этотъ господинъ надругался надо мной!.. Прокофья!..

Прокофій наконецъ явился. Лицо его было совершенно покойно.

— Кто принималъ графа Хвостикова? — спросилъ почти страшнымъ голосомъ Бѣгушевъ.

— Я-съ, — отвѣчалъ мрачно и угрюмо Прокофій.

— Для чего-жь ты это сдѣлалъ? — продолжалъ Бѣгушевъ, едва сдерживая себя: — ты, значить, окончательно рѣшился не исполнять ни одного моего приказанія?

— Никакъ нѣтъ-съ; я всё ваши приказанія исполняю,—отвѣчалъ Прокофій и явно уже разсмѣялся.

— А это вотъ недавнее мое приказаніе, когда я сказалъ, чтобы ты никого не принималъ, а ты принялъ графа.

— Я не принималъ его.

— Какъ же сейчасъ сказалъ, что принялъ, а теперь не принималъ.

— Не принималъ-съ!—повторилъ Прокофій:—онъ спрашиваетъ: «дома ли вы-съ?» Я говорю: «дома!» и хотѣлъ сказать, что вы не принимаете, а онъ и пошелъ самъ!... Не за волосы же мнѣ его хватать и останавливать!

— Развѣ такъ слѣдовало отвѣчать?... Ты долженъ былъ прямо сказать, что дома нѣтъ: а то дома и не принимаетъ! Я не министръ еще пока: этимъ могутъ обидѣться.

Прокофій злобно усмѣхнулся.

— Обидятся!.. какъ-же!.. мало еще ихъ ѣдятъ! — произнесъ онъ.

Бѣгушевъ ужь и не зналъ, сердиться-ли ему на Прокофья или нѣтъ!

— Ты былъ дуракъ, есть дуракъ и будешь имъ до смерти! — проговорилъ онъ.

У Прокофья еще больше перекосила злоба ротъ.

— У васъ, извѣстно, я во всемъ виноватъ; вотъ теперь горничная ихняя, — продолжалъ онъ, замѣтно возвышая голосъ и показывая на Домну Осиповну:—сидитъ у насъ въ кухнѣ и просится сюда, я и въ томъ виноватъ?

— Какъ горничная?—произнесли въ одинъ голосъ Бѣгушевъ и Домна Осиповна.

— Горничная-съ!.. супругъ ихній пріѣхалъ къ нимъ и требуютъ ихъ къ себѣ, — продолжалъ Прокофій.

— Мужъ? — произнесла Домна Осиповна, какъ-бы совершенно удивленная и потупляя въ землю глаза.

— Это что такое значитъ? — спросилъ ее тоже удивленный и пораженный Бѣгушевъ.

— Не знаю, я сейчасъ пойду и спрошу горничную, — проговорила Домна Осиповна и хотѣла было идти.

— Лучше позовите ее сюда, я тоже хочу узнать и спросить ее, — остановилъ Домну Осиповну запальчиво Бѣгушевъ. — Позови сюда горничную! — приказалъ онъ затѣмъ Прокофью.

Тотъ пошелъ и почти громкимъ голосомъ произнесъ:

— То вотъ зови у нихъ, то нѣтъ!

Но Бѣгушевъ и Домна Осиповна, подъ вліяніемъ услышанной новости, и не слышали этого.

— Онъ писалъ вамъ, что будетъ и пріѣдетъ сюда? — спрашивалъ Бѣгушевъ.

— Ничего не писалъ! — едва достало силы у Домны Осиповны отвѣтить ему.

Пришла горничная.

Домна Осиповна поспѣшила расспрашивать ее.

— Михайло Сергѣичъ пріѣхалъ?

— Да-съ! — отвѣчала та.

— Одинъ?

Горничная нѣсколько позамялась.

— Да говори, все говори... Не одинъ? — настаивала Домна Осиповна.

— Не одинъ-съ!.. съ этой дамой какой-то.

— Гдѣ-жь они?.. У меня въ домѣ?

— У насъ внизу.

— И, поэтому, Михайло Сергѣичъ тебя послалъ за мной?

— Никакъ нѣтъ-съ, они только спросили, что могутъ-ли васъ видѣть? я имъ сказала, что вы уѣхали, а потомъ переговорила съ кухаркой, та и говоритъ: «сѣзди за барыней!»

— Миѣ надобно ѣхать! — сказала Домна Осиповна.

— Если нужно, то конечно, — отвѣчалъ Бѣгушевъ.

— Но вы вечеромъ пріѣзжайте, узнать эту загадку!.. Я вовсе не намѣрена стѣснять себя для господина Олухова, — проговорила Домна Осиповна и, торопливо надѣвъ шляпку, уѣхала вмѣстѣ съ горничной.

Бѣгушевъ остался одинъ, какъ громомъ пришибленный. Онъ все задавалъ себѣ вопросъ: зачѣмъ пріѣхалъ мужъ къ Домнѣ Осиповнѣ? Она нѣсколько разъ и особенно послѣднее время говорила ему, что у ней съ ей супругомъ прерваны всякія человѣческія сношенія! Но, можетъ быть, по какому-нибудь совершенно случайному обстоятельству онъ заѣхалъ сюда на короткое время? Однако онъ пріѣхалъ съ какой-то госпожей своей, это что значитъ? Тутъ Бѣгушевъ терялъ всякую нить къ объясненію. Чтобы сократить время до вечера, онъ гулялъ по Тверскому бульвару, ранѣе обыкновеннаго отобѣдалъ, выпилъ больше вина, чтобы заснуть послѣ обѣда, и все-таки не заснулъ. Какой-то и на что-то мучительный гнѣвъ

терзалъ его. Наконецъ, дождавшись вождедѣнныхъ семи часовъ, Бѣгушевъ поѣхалъ, или, лучше сказать, полетѣлъ на всѣхъ рысяхъ къ Домнѣ Осиповнѣ. Подъѣзжая къ дому ея, онъ увидалъ, что верхній и нижній этажи его были освѣщены. На звонокъ Бѣгушева горничная сейчасъ-же отворила ему дверь. Онъ прямо пошелъ въ извѣстный намъ кабинетъ. Тамъ сидѣла Домна Осиповна и была вся въ слезахъ. Понявъ всю тяжесть подвига, на который обрекала себя, она тоже страдала не менѣе Бѣгушева, и тутъ только узнала, до какой степени любила его!.. Что если онъ оставить и покинетъ ее?.. Какъ и чѣмъ ей тогда будетъ наполнять жизнь! Очертя голову и не зная, чѣмъ все это разрѣшится, она ждала его. Бѣгушевъ, почти не поздоровавшись съ ней, сѣлъ на свое обычное кресло.

— Что-жь, объяснилось, что это такое? — спросилъ онъ.

— Объяснилось! — отвѣчала Домна Осиповна и утерла платкомъ свои запекшіяся губы.

— Онъ надолго пріѣхалъ?

— Да.

Бѣгушевъ, по обыкновенію, побагровѣлъ въ лицѣ.

— Съ какой-же цѣлью?

— Съ цѣлью, что...—начала Домна Осиповна, овладѣвъ нѣсколько собой:—я тебѣ говорила, кажется, что у мужа есть дѣдъ, сибирякъ, богачъ?

— Говорила.

— Онъ тамъ черезъ кого-то узналъ, что мужъ не живетъ со мной... вдругъ пишетъ ему, что онъ лишитъ его наслѣдства пяти милліоновъ, если онъ не сойдется со мной.

— Да, вотъ какая причина!..—И Бѣгушевѣ сердито постучалъ ногою.

— Причина очень важная, — произнесла съ грустной усмѣшкой Домна Осиповна.

— Для кого какъ! — подхватилъ Бѣгушевѣ.

— Мужа такъ это поразило, онъ умоляетъ теперь меня, чтобы я позволила ему это сдѣлать! — продолжала Домна Осиповна.

Бѣгушевѣ еще больше побагровѣлъ.

— И вы позволили ему? — спросилъ онъ.

— Я не сочла себя вправѣ не позволить, — отвѣчала Домна Осиповна. Она была велика въ эти минуты по степени той борьбы, которую переживала внутри, и той власти, какую обнаруживала надъ собой.

Бѣгушевѣ провелъ рукой по своей довольно еще густой гривѣ волосъ.

— Наши отношенія поэтому должны быть кончены? — спросилъ онъ съ дрожаніемъ въ голосъ.

— Зачѣмъ же кончены? — спросила съ кроткой усмѣшкой Домна Осиповна: — я схожусь съ мужемъ для виду только; мы будемъ только жить съ нимъ подъ одной кровлей... Я даже ему сказала, что люблю тебя!

Бѣгушевѣ при этомъ поглядѣлъ ей пристально въ лицо.

— Главное, — снова продолжала она: — что я мужу всѣмъ обязана: онъ взялъ меня изъ грязи, изъ ничтожества, все, что я имѣю теперь, онъ сдѣлалъ; чувство благодарности, которое даже животныя имѣютъ, заставляетъ меня не лишать его пяти милліоновъ наслѣдства, тѣмъ болѣе, что у него своего теперь

ничего нѣтъ, кромѣ какъ на рукахъ женщина, которую онъ любитъ.... Будь я мужчина, я-бы возненавидѣла такую женщину, которая-бы на моемъ мѣстѣ такъ жестоко отнеслась въ человѣку, когда-то близкому къ ней.

Бѣгушевъ понималъ, что въ словахъ Домны Осиповны была, пожалуй, большая доля правды, только правда эта была изъ какого-то совершенно иного міра, ему чуждаго, и при этомъ почему-то, невѣдомо для него самого, пронесся передъ нимъ образъ Натальи Сергѣевны. Бѣгушевъ припомнилъ, когда она пріѣхала къ нему на гауптвахту, когда онъ содержался тамъ за дуэль съ ея мужемъ, припомнилъ, какъ она жила съ нимъ въ лагерѣ на Кавказѣ и питалась одними сухарями съ водой. Отъ окончательно прилившей крови къ головѣ, Бѣгушевъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ. Домна Осиповна ожидала, что сейчасъ вотъ разразится надъ ней буря, и трепетала всѣми нервами; но Бѣгушевъ только сѣлъ на довольно отдаленное кресло и понурилъ голову. Домна Осиповна видѣла, что онъ сильно страдаетъ.

— Я не знаю, собственно, что тебя такъ сильно можетъ тутъ тревожить? — спросила она тихимъ, тихимъ голосомъ.

— Меня? — переспросилъ Бѣгушевъ.

— Да.

— Ложь всеобщая, круговая, на которой должна устроиться всябудущая жизнь наша! — проговорилъ онъ.

— Сходясь съ замуженной женщиной, надобно было быть готовымъ на это! — сказала Домна Осиповна опять тихимъ голосомъ.

— Но я полагаю, что ты не имѣешь къ мужу

никакихъ обязательствъ ни нравственныхъ, ни денежныхъ!..

Разговоръ этотъ былъ прерванъ приходомъ горничной, которая доложила Домнѣ Осиповнѣ, что Михаилъ Сергѣевичъ проситъ позволенія придти къ ней.

— Хорошо, я тебѣ сейчасъ скажу! — отвѣтила ей торопливо Домна Осиповна.

Горничная ушла.

— Мужъ можетъ придти ко мнѣ? — спросила Домна Осиповна Бѣгушева.

— Конечно!.. — разрѣшилъ тотъ.

Домна Осиповна вышла и что-то приказала горничной.

Супругъ ея вскорѣ явился. Оказалось, что онъ почти еще молодой человѣкъ (Олуховъ былъ ровесникъ женѣ своей), очень недуренъ собой, весьма приличный въ манерахъ. Онъ вошелъ замѣтно сконфуженный. Домна Осиповна познакомила его съ Бѣгушевымъ.

— Мужъ мой!.. Александръ Ивановичъ Бѣгушевъ, — сказала она.

Тотъ и другой поклонились другъ другу.

— Какъ я вамъ благодаренъ, — началъ Олуховъ первый: — жена рассказывала мнѣ, что за границей вы были такъ добры къ ней, приняли такое въ ней участіе, когда она была больна...

Бѣгушевъ на это молчалъ. Въ воображеніи его опять носилась сцена изъ прошлой жизни. Онъ припомнилъ старика генерала, мужа Натальи Сергѣевны, и его свирѣпое лицо, когда тотъ подходилъ къ барьеру во время дуэли, припомнилъ его крикъ, который вырвался у него, когда онъ падалъ окровав-

ленный: «сожалѣю объ одномъ, что я не убилъ тебя, злодѣя!»

Домна Осиповна видѣла необходимость ужь со своей стороны поддержать разговоръ.

— Я и нынѣшнее лѣто непременно поѣду за границу, — сказала она какъ-будто-бы мужу.

— Что-жь, можно, — отвѣчалъ тотъ: — а я останусь по дѣламъ въ Москвѣ..

— Вы на постоянное жительство переѣхали въ Москву? — спросилъ его Бѣгушевъ.

Олуховъ замѣтно растерялся.

— Не думаю, чтобы совсѣмъ! Огь обстоятельствъ это будетъ зависѣть... — проговорилъ онъ и затѣмъ обратился къ женѣ: — я пришелъ къ тебѣ, чтобы ты приписала въ письмѣ моемъ къ дѣдушкѣ.

— Давай, — сказала Домна Осиповна и, взявъ у мужа приготовленное имъ письмо къ дѣду, подошла къ своему столу и принялась писать.

Бѣгушевъ и Олуховъ сидѣли молча.

Домна Осиповна спѣшила дописать письмо, чтобы снова поддержать бесѣду; но когда она кончила, то Бѣгушевъ уже взялся за шляпу. Домна Осиповна обмерла.

— Куда-же вы такъ рано? — сказала она, подавая небрежно письмо мужу.

— Я усталъ и притомъ нездоровится, — произнесъ Бѣгушевъ, сколько только могъ ласковымъ голосомъ, потомъ онъ раскланялся съ Олуховымъ и пошелъ.

Домна Осиповна пошла проводить его.

Въ гостиной она его остановила.

— Послушай, ты сердить на меня, ты взбѣшенъ? — спросила она задыхающимся голосомъ.

— Нѣтъ-же! — отвѣчалъ Бѣгушевъ.

— Но отчего ты такой ужасный, страшный?...

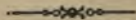
— Отъ того, что, какъ я тебѣ и говорилъ, ложь воцарится во всѣхъ насъ, какъ это и было нынѣшній вечеръ! — отвѣчалъ ей знаменательно Бѣгушевъ.

— Это ничего, все устроится! — полувоскликнула Домна Осиповна: — люби только меня, а я тебя безумно, страстно люблю! Приѣдешь завтра?...

— Приѣду! — отвѣчалъ Бѣгушевъ и снова пошелъ.

Домна Осиповна закрыла себѣ сначала глаза рукой, провела потомъ этой рукой по лицу и, съ свойственной ей силою овладѣвъ наконецъ собою, возвратилась въ кабинетъ.

Бѣгушевъ, выйдя на улицу, не сѣлъ въ экипажъ свой, а пошелъ на противоположный тротуаръ и прямо заглянулъ въ освѣщенные окна кабинета Домны Осиповны. Онъ увидѣлъ, что Олуховъ подошелъ къ женѣ, сказалъ ей что-то и какъ-будто-бы хотѣлъ поцѣловать у ней руку. Бѣгушевъ поспѣшилъ опустить глаза въ землю и взглянулъ въ нижній этажъ: тамъ онъ увидѣлъ молодую женщину, которая въ домашнемъ костюмѣ разбирала и раскладывала вещи. Бѣгушеву отъ всего этого сдѣлалось невыносимо грустно, тошно и гадко!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Прошло четыре дня, а Бѣгушевъ не прїѣзжалъ къ Домнѣ Осиповнѣ. Напрасно она, пока было свѣтло, сидѣла у окна и безпрестанно взглядывала въ маленькое зеркальце, придѣланное съ улицы къ косягу и обращенное въ ту сторону, откуда Бѣгушевъ долженъ былъ придти или прїѣхать, напрасно прислушивалась къ малѣйшему шуму въ передней, въ ожиданіи услышать его голосъ,—надежды ея не исполнялись. Терпѣнія у Домны Осиповны болѣе не достало. Она велѣла себѣ привести извозчика и сама поѣхала къ Бѣгушеву съ намѣреніемъ сдѣлать ему хорошенькую сцену, потому что такъ поступать, какъ онъ поступалъ, по ея мнѣнію, было не только что жестоко съ его стороны, но даже неблаго-родно!

Подѣхавъ къ крыльцу Бѣгушева, Домна Осиповна судорожно и громко позвонила. Ей неторопливо отворилъ дверь Прокофій, лицо котораго было на этотъ разъ еще мрачнѣе обыкновеннаго и какое-то даже исхудалое.

— Александръ Ивановичъ дома? — спросила она.

— Они нездоровы-съ очень, — отвѣчалъ ей Прокофій протяжно.

— Чтожь вы мнѣ не прислали сказать? — говорила Домна Осиповна.

Прокофій не счелъ за нужное отвѣчать ей на это, и тайная мысль его была такова: «ну да, какъ же, до васъ было»!

— Онъ у себя въ спальнѣ?.. — продолжала Домна Осиповна.

— У себя-съ... Гдѣ-же имъ быть? — говорилъ Прокофій, снимая съ нея салопъ.

Домна Осиповна прошла въ спальню.

Бѣгушевъ лежалъ на своей кровати, отвернувшись къ стѣнѣ, и былъ съ закрытыми глазами. Жаръ такъ и пылалъ отъ него на всю комнату.

«Господи, онъ умираетъ!» — пришло въ голову Домнѣ Осиповнѣ, и она готова была разрыдаться, но удержалась однако и сѣла въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ больного.

Въ спальню вошла тихими шагами Минодора, а вслѣдъ за ней въ дверяхъ выглянула и физиономія Прокофія.

— Минодорушка, что такое съ Александромъ Иванычемъ? — отнеслась къ ней Домна Осиповна.

— Приѣхали тогда отъ васъ, всю ночь, должно быть, не почивали, а поутру стали мучиться... метаться... — объяснила ей та.

— Кто-жь его пользуется?

— Никто... Прокофій хотѣлъ было сбѣгать за докторомъ, не приказали!

— Но это невозможно! — полувоскликнула Домна Осиповна.

Бѣгушевъ при этомъ открылъ глаза.

— Ахъ, это вы?—проговорилъ онъ.

Минодора поспѣшила выйти изъ комнаты.

Домна Осиповна подошла къ Бѣгушеву, наклонилась къ нему и стала его цѣловать.

— Другъ мой, это я все виновата, что вы больны! — шептала она.

Бѣгушевъ чувствовалъ, какъ ея горячія слезы падали ему на лицо.

— Чѣмъ-же вы?—сказалъ онъ.

Домнѣ Осиповнѣ показалось, что онъ едва говорить.

— Другъ мой, какъ вы хотите, но я сейчасъ же поѣду за докторомъ. Вы будете лѣчиться, не правда-ли?

— Если это васъ успокоитъ, — произнесъ Бѣгушевъ.

— О, да!.. Я очень скоро возвращусь.

Съ этими словами Домна Осиповна поспѣшно пошла въ переднюю; Прокофій тоже пошелъ за ней.

— За докторомъ? — спросилъ онъ ее съ несвойственнымъ ему любопытствомъ.

— Да, за докторомъ!.. — отвѣчала Домна Осиповна и, выйдя на улицу, она наняла извозчика, сказавъ ему, чтобы онъ взялъ что хочетъ, только бы скорѣе ѣхалъ. Извозчикъ поскакалъ благимъ матомъ.

Домна Осиповна проѣхала къ своему доктору, Ивану Иванычу Перехватову, котораго, къ великому горю своему, не застала дома.

— Я этого ожидала... — произнесла она почти въ отчаяніи, но въ этомъ случаѣ ей помогла ея практическая сообразительность.

— Вѣроятно, онъ теперь въ англійскомъ клубѣ?—спросила она лавя, отворившаго ей дверь.

— Надо быть, что тамъ! — подтвердилъ тотъ.

Домна Осиповна поскакала въ англійскій клубъ. Старикъ швейцаръ удивился даже, когда въ его передней появилась дама.

— Докторъ Перехватовъ, Иванъ Ивановичъ, здѣсь, въ клубѣ?—спросила она его стремительно.

— Здѣсь-съ, здѣсь!.. — отвѣчалъ швейцаръ.

— Вызовите его, пожалуйста!.. Скажите, что его проситъ дама... Олухова.

— Олухова? — переспросилъ ее швейцаръ, привыкшій къ болѣе аристократическимъ фамиліямъ. Самъ онъ, разумѣется, не пошелъ, а послалъ одного изъ лакеевъ, и черезъ нѣсколько минутъ къ Домнѣ Осиповнѣ вышелъ Перехватовъ, мужчина лѣтъ тридцати пяти, очень красивый изъ себя и, по случайному конечно стеченію обстоятельствъ, въ красотѣ его было нѣчто схожее съ красотой Домны Осиповны, тоже что-то мазочное, хотя онъ вовсе не притирался, какъ дѣлала это она. Одѣтъ докторъ былъ безукоризненнымъ франтомъ.

— Бога ради, поскорѣе къ одному больному, самому близкому моему другу...—говорила стремительно Домна Осиповна, беря доктора за обѣ руки и пожимая ихъ.

— Къ вашимъ услугамъ!.. Сію минуту... посажу только кого-нибудь за себя въ карты играть! — сказалъ тотъ и ушелъ.

Домна Осиповна, оставшись въ передней одна съ швейцаромъ, была видимо подъ вліяніемъ сильнаго безпокойства. Старикъ смотрѣлъ на нее съ участіемъ.

— Что же, это вашъ сродственникъ, или супругъ заболѣлъ?—спросилъ онъ.

— Родственникъ! — отвѣчала отрывисто Домна Осиповна и, когда докторъ возвратился, поспѣшно прибавила тому:—у меня экипажъ есть, вы со мной и поѣдете.

— Если вамъ угодно!—согласился докторъ.

Затѣмъ они сѣли на извозчика Домны Осиповны, который и поскакалъ съ ними.

— Кто-жь это другъ вашъ? — спросилъ докторъ, не безъ удовольствія придерживая Домну Осиповну за ее стройный станъ, чтобы она какъ-нибудь не упала отъ быстрой ѣзды изъ саней.

— Бѣгушевъ,—отвѣчала она.

— Это извѣстный Бѣгушевъ? — переспросилъ докторъ.

— Оны! — подтвердила Домна Осиповна.

— О, это очень пріятно съ нимъ познакомиться, по слухамъ онъ очень умный человѣкъ!

— Умный и превосходный человѣкъ! — подхватила Домна Осиповна.

— А какихъ онъ лѣтъ?

— Около пятидесяти.

— Уже?.. А дамамъ, говорятъ, все-таки еще нравится, — замѣтилъ докторъ: онъ совершенно догадался, въ какихъ отношеніяхъ находилась Домна Осиповна съ Бѣгушевымъ, и даже припомнилъ кой-какіе городскіе рассказы объ этомъ.

— Еще бы онъ не нравился, — произнесла она самодовольнымъ тономъ.

Въ это время они пріѣхали. Домна Осиповна повела доктора прямо въ спальню больного.

— Какой старинный барскій домъ! — говорилъ онъ, идя за ней. Перехватовъ имѣлъ привычку прежде всего обинуть взглядомъ обстановку каждаго своего новаго паціента, чтобы судить, съ какимъ субъектомъ онъ будетъ имѣть дѣло. Вообще онъ былъ врачъ не столько ученый и кабинетный, сколько практическій, и здѣсь я считаю не лишнимъ сказать нѣсколько болѣе подробныхъ словъ о немъ, такъ какъ онъ, подобно другимъ описываемымъ мною лицамъ, представлялъ собою истиннаго сына вѣка. Чтобы составить себѣ въ Москвѣ практику, врачу существуетъ въ настоящее время два пути: одинъ, болѣе вѣрный, это заслужить вниманіе и любовь кого-либо изъ университетскихъ боговъ-врачей, обильно и щедро раздающихъ практику всѣмъ истинно-вѣрующимъ въ нихъ; второй же, болѣе рискованный и трудный, быть самому ловкимъ и не брезговать никакими средствами... Перехватову не удалось заслужить любви никого изъ боговъ; значить, самому пришлось пробивать себѣ дорогу, и онъ употребилъ для этого довольно распространенные за послѣднее двадцатилѣтіе между врачами приемы. Родомъ изъ сибиряковъ, неизвѣстно какъ и на что существовавши въ университетѣ, Перехватовъ, тѣмъ не менѣе, однако, кончивъ курсъ, успѣлъ гдѣ-то добыть себѣ пять тысячъ; можетъ быть, занялъ ихъ у кого-нибудь изъ добрыхъ людей, или ему помогла въ этомъ случаѣ его красивая наружность... На деньги эти онъ нанялъ щегольскую квартиру, отлично мебелировалъ ее, потомъ съѣздилъ заграницу, добился тамъ, чтобы въ газетахъ было напечатано: «о работахъ молодаго русскаго врача Перехватова», сдѣлалъ за-

тѣмъ въ нѣкоторыхъ медицинскихъ обществахъ рефераты; затѣмъ возвратившись въ Москву, завелъ себѣ карету, сталъ являться во всѣхъ почти клубахъ, гдѣ замѣтно старался заводить знакомства, и злые языки (изъ медиковъ, разумѣется) къ этому еще прибавляли, что Перехватовъ нарочно заѣзжалъ въ московскій трактиръ ужинать, дружился тамъ съ половыми и, одѣливъ ихъ карточками своими, поручалъ имъ, что если кто изъ публики спросить о докторѣ, такъ они на него бы указывали желающимъ и подавали бы эти вотъ именно карточки, на которыхъ подробно было обозначено время, когда онъ у себя принимаетъ и когда дѣлаетъ визиты.

Къ Домнѣ Осиповнѣ Перехватовъ попалъ въ домашніе врачи тоже довольно непонятнымъ образомъ: она послала дворника за своимъ обычнымъ старымъ докторомъ, и дворникъ, сказавъ, что того доктора не засталъ, пригласилъ къ ней Перехватова, кучеръ котораго, какъ оказалось впоследствии, былъ большой пріятель этому дворнику. Домна Осиповна, впрочемъ, рада была такой замѣнѣ. Перехватовъ ей очень понравился своею наружностью и тѣмъ, что говорилъ нѣсколько витіевато, а она любила это свойство въ людяхъ и полагала, что сама не безъ краснорѣчія!

Въ результатъ всей вышеизложенной дѣятельности молодого врача онъ съ каждымъ годомъ начиналъ все болѣе и болѣе оперяться и въ настоящее время имѣлъ уже маленькій капиталецъ!

Когда Перехватовъ вошелъ въ спальню Бѣгушева, то сей послѣдній лежалъ вверхъ лицомъ, совершенно открытыми и даже блистающими гла-

зами, и своей внушительной фигурой произвелъ довольно сильное впечатлѣніе на него. Перехватовъ въ первый еще разъ видѣлъ Бѣгушева.

— Господинъ докторъ!—сказала ему Домна Осиповна, показывая на Перехватова. Бѣгушевъ слегка и молча мотнулъ головою, приподнявъ ее немного съ подушки. Перехватовъ въ свою очередь тоже не безъ апломба усѣлся въ кресла и первоначально сталъ тереть свои красивыя руки, чтобы согрѣть ихъ, а потомъ взялъ Бѣгушева за пульсъ.

— Жарокъ у васъ довольно сильный! — проговорилъ онъ и, придавъ серьезнѣйшее выраженіе лицу своему, принялся тщательно считать удары артерій. По лицу Бѣгушева пробѣжала насмѣшливая улыбка.

— Но что-же вы еще кромѣ жару чувствуете?— заключилъ Перехватовъ.

— Злость,—отвѣчалъ Бѣгушевъ.

Такой отвѣтъ нѣсколько озадачилъ доктора.

— Конечно, злость хоть и считаютъ за чувство нравственное, но, пожалуй, оно настолько-же и физическое! — произнесъ онъ, желая въ одно и то же время явить изъ себя идеалиста и матеріалиста.— Печень у васъ, вѣроятно, раздражена; вы позволите васъ освидѣтельствовать?

Бѣгушевъ и на это только молча кивнулъ головою. Домна Осиповна поняла, что ей нельзя было оставаться въ спальнѣ, и вышла въ другую комнату; она очень успокоилась, видя, что Бѣгушевъ боленъ неопасно, а скорѣе только нравственно потрясенъ.

Въ этой-же комнатѣ, прислонясь головою къ косяку дверей, идущихъ въ спальню Бѣгушева, стоялъ и Прокофій, съ которымъ рѣшительно случилась не-

вѣроятная перемѣна: съ самой болѣзни Бѣгушева онъ сдѣлался ему вдругъ очень услужливъ, не спалъ почти всѣ ночи и все прислушивался, что дѣлается въ спальнѣ больнаго; на жену свою онъ безпрестанно кричалъ: «ну, ты копытами-то своими завозилась!» и самъ все ходилъ на цыпочкахъ. Жаль-ли ему было Бѣгушева, или онъ просто испугался за себя, смутно сознавая, что если Бѣгушевъ умретъ, то кто-же его, этакого скота, со столькими дѣтьми возьметъ къ себѣ въ услуженіе. Стоя у дверей, онъ уха не отнималъ и внимательнѣйшимъ образомъ прислушивался къ тому, что говорилъ Бѣгушеву докторъ, но врядъ-ли, однако, что-нибудь понялъ изъ ихъ бесѣды.

— Вотъ теперь я совершенно діагностировалъ васъ,—говорилъ Перехватовъ, выслушавъ и постукавъ у Бѣгушева во всевозможныхъ мѣстахъ.

— Какая-же мнѣ польза отъ того, что вы меня діагностировали?—спросилъ Бѣгушевъ.

— Такая, что я могу васъ сознательно лѣчить. Бѣгушевъ слегка усмѣхнулся.

— Лѣчить, я знаю, что вы можете, но вылѣчить другой вопросъ!

На это уже докторъ усмѣхнулся.

— Разумѣется,—началъ онъ:—въ медицинѣ бываетъ и такъ, что дважды два выходитъ пять; но въ отношеніи васъ я утвердительно могу сказать, что дважды два выйдетъ четыре и что я васъ навѣрное вылѣчу!

— Чѣмъ?

— Пропишу вамъ курсъ довольно сильныхъ водъ.

Бѣгушевъ захохоталъ.

— Этимъ меня безъ всякихъ постукиваній лѣтъ тридцать лѣчатъ,—проговорилъ онъ.

— Васъ лѣчили, вѣроятно, врачи, хорошо знающіе вашъ организмъ, мнѣ же надобно было познакомиться: наука наша строжайшимъ образомъ предписываетъ намъ дѣлать подобныя изслѣдованія!

— Наука!.. нашли какую науку!—повторилъ насмѣшливо Бѣгушевъ.

Перехватовъ наострилъ уши.

— Значитъ, вы медицину не считаете за науку?—спросилъ онъ.

— Я считаю ее искусствомъ, а еще болѣе того шарлатанствомъ.

Доктора нѣсколько передернуло, но онъ постарался скрыть это.

— Приговоръ очень рѣзкій, — проговорилъ онъ, продолжая улыбаться. У Перехватова было не въ характерѣ и не въ привычкахъ возражать своимъ пациентамъ и волновать ихъ ни къ чему не ведущими спорами!

— Неужели вы думаете,—продолжалъ Бѣгушевъ, все болѣе и болѣе раздражительнымъ тономъ:—что медицина на крупицу можетъ увеличить ту жизненную силу, которая дана мнѣ при моемъ зарожденіи.

— Совершенно справедливо, что мы не можемъ увеличить этой силы, — началъ уже серьезно возражать докторъ:—но человекъ можетъ уменьшить ее, и наша обязанность предостерегать его отъ этого и уклонять отъ него всякаго рода вредныя вліянія.

— Знаю я, какъ вы уклоняете: къ вамъ приходитъ чиновничекъ, получающій рублей 15-ть въ мѣсяцъ жалованья, и вы ему говорите: «вамъ надобно

жить въ сухихъ квартирахъ, употреблять здоровую, питательную пищу!» а у него едва хватаетъ денегъ пріютиться въ кануръ какой-нибудь и питаться протухлой колбасой. «Но всего полезнѣе для васъ,—со-вѣтуете вы:—повъжайте въ теплый, благорастворенный климатъ!»

Докторъ при этомъ расхохотался самымъ веселымъ смѣхомъ, какъ-бы услыхавъ величайшую нелѣпость.

— Кто-жь это говоритъ бѣднымъ чиновникамъ... это обыкновенно говорятъ людямъ, у которыхъ средства на то есть; вотъ напримѣръ, какъ врачу не сказать вамъ, что кухня и ваше питанье повредило вашему, по наружности, гигантскому здоровью,—проговорилъ онъ, показывая Бѣгушеву на два большіе прыща, которые онъ замѣтилъ на груди его изъ подъ распахнувшейся рубашки.

— Вы думаете, что я безъ кухни и питанья не могъ-бы жить и существовать?—спросилъ тотъ.

— Питанье питанью рознь; позвольте васъ спросить: вы пьете вино?

— Пью и много!

— А сколько?

— Бутылки по три въ день краснаго вина.

Лицо доктора исполнилось удивленія.

— Теперь позвольте мнѣ разсчитать, — началъ онъ, съ знаменательнымъ видомъ: — въ годъ, значитъ, вы выпиваете около тысячи бутылокъ; раздѣлите это число бутылокъ на ведра, и мы получимъ семьдесятъ ведеръ; это цѣлое море!

Въ глазахъ Бѣгушева отразилась досада.

— А вы не пьете ничего? — спросилъ онъ съ своей стороны доктора.

— Ничего почти не пью! — отвѣчалъ тотъ.

— Ну, а мяса вы ѣдите и по сколько? — продолжалъ его допрашивать Бѣгушевъ.

— Мяса я ѣмъ фунта три въ день, — отвѣчалъ докторъ.

— Неправда: больше съѣдите, фунта четыре, а потому въ годъ, вы проглотите около пятидесяти пудовъ; это почти два быка!

— О, то совсѣмъ другое дѣло! — воскликнулъ Перехватовъ.

— Совершенно одно и то же, и какъ вы не понимаете, что все, что поглощается нами втеченіе времени, втеченіе этого же времени и растрачивается? Я убѣжденъ, что ваше остроумное исчисленіе пришло только сію минуту вамъ въ голову, такъ что вы не успѣли хорошенько обдумать, какъ оно неосновательно...

Всѣ эти слова Бѣгушевъ произнесъ почти строго-наставническимъ тономъ.

Перехватовъ не зналъ: сердиться-ли ему на своего новаго паціента, или внутренно смѣяться надъ нимъ, и, сочтя послѣднее за лучшее, не выразилъ даже въ лицѣ нивакого неудовольствія.

— Чрезвычайно вы строги въ вашихъ приговорахъ, — проговорилъ онъ: — и, какъ видно, сильно не любите докторовъ.

— На столько-же, какъ и другихъ людей, хоть убѣжденъ, что докторская профессія есть самая лживая изъ всѣхъ человѣческихъ профессій!

— Мысль для меня совершенно новая! — сказалъ насмѣшливо докторъ.

— Мысль весьма простая, — не унимался Бѣгу-

шевъ: — скажите, сколько разъ въ день вы солжете умышленно передъ вашими больными?

Если-бы Перехватовъ видѣлъ Бѣгушева въ другой, болѣе бѣдной обстановкѣ, то, можетъ быть, наконецъ обидѣлся-бы при такомъ вопросѣ; тутъ же опять успокоилъ себя тѣмъ, что на слова людей болѣющихъ и раздражительныхъ не стоитъ обращать вниманіе.

— Очень много, — отвѣчалъ онъ откровенно: — но мы это дѣлаемъ для блага: ложь часто бываетъ во спасеніе!

— Согласенъ, что во спасеніе, только все-таки согласитесь, что каждый день лгать скучно!

— Да, скучно! — не оспаривалъ докторъ и поднялся съ креселъ, чтобы закончить свой визитъ. А рецептикъ вамъ позвольте прописать! — присовокупилъ онъ.

— Противъ чего? — спросилъ Бѣгушевъ.

— Противъ желчи!.. очень ея у васъ много накопилось!.. Въ брюшной полости вашей, должно быть, сильное раздраженіе!

— У меня тамъ адъ!

— Вотъ видите!.. — проговорилъ докторъ и прописалъ рецептъ: — угодно вамъ будетъ принимать или нѣтъ предлагаемое мною средство, это дѣло вашей воли, а я свой долгъ исполнилъ!.. Завтра прикажете васъ провѣдать?

— Пожалуйста!.. — произнесъ мрачно Бѣгушевъ.

Докторъ раскланялся съ нимъ и вышелъ. Въ слѣдующей комнатѣ къ нему обратилась Домна Осиповна.

— У Александра Иваныча, значитъ, ничего нѣтъ

серьезнаго?—спросила она съ оттѣнкомъ нѣкотораго безпокойства.

Докторъ пожалъ плечами.

— И есть, и нѣтъ!.. мизантропія въ высшей степени. Вы, я думаю, слышали нашъ разговоръ: каждое слово его дышало ядомъ.

— Но въ этомъ ничего нѣтъ опаснаго?

— Опаснаго, конечно, нѣтъ; но ему самому, вѣроятно, очень тягостна жизнь.

Эти слова доктора нисколько не обезпокоили Домну Осиповну: она твердо была увѣрена, что вся мизантропія Бѣгушева (что такое собственно за болѣзнь мизантропія, Домна Осиповна хорошенько не понимала), вся его мизантропія произошла отъ того, что къ ней пріѣхалъ мужъ.

— Отъ этой болѣзни я надѣюсь вылечить его, — сказала она.

— Безъ сомнѣнія!..—воскликнулъ Перехватовъ:— женщины въ этомъ случаѣ гораздо полезнѣе докторовъ! Кто любитъ и любимъ, тотъ не можетъ скучать и хандрить!

Домна Осиповна нисколько не оскорбилась на такое отвретенное замѣчаніе доктора, который, все еще находясь подъ вліяніемъ бесѣды съ Бѣгушевымъ и какъ-бы не удержавшись, присовокупилъ:

— Какой, однако, чудакъ господинъ Бѣгушевъ: я лѣчу во многихъ барскихъ и купеческихъ домахъ, но и тамъ даже между людьми самыми отсталыми не встрѣчалъ такихъ оригиналовъ по мысли.

— Отъ того, что онъ умнѣ этихъ людей, — замѣтила Домна Осиповна.

— Конечно, отъ того!—подтвердилъ докторъ, но врядъ-ли въ тайнѣ думалъ это.

Въ передней Домна Осиповна, подавая ему на прощаньи руку, вмѣстѣ съ тѣмъ передала и десятирублевую бумажку, цѣнность которой Перехватовъ очень точно опредѣлилъ по одному осязанію и мысленно остался не совсѣмъ доволенъ такой платой. «Хотя бы за массу ругательствъ на докторовъ, которую я отъ господина Бѣгушева выслушалъ, слѣдовало-бы мнѣ заплатить пошедрѣ!» подумалъ онъ.

— Баринъ скоро выздоровѣетъ?—спросилъ вдругъ какимъ-то дикимъ голосомъ Прокофій, тоже провожавшій доктора.

— Вѣроятно, скоро!—успокоилъ его тотъ.

Физиономія Прокофія просіяла.

Когда Домна Осиповна возвращалась къ Бѣгушеву, странная мысль мелькнула у нея въ головѣ: что какимъ образомъ она возвратитъ отъ него сейчасъ только отданную ею изъ собственныхъ денегъ десятирублевую бумажку. Бѣгушевъ, впрочемъ, самъ заговорилъ объ этомъ:

— Что же вы не взяли денегъ дать доктору?

— Я дала ему десять рублей, — отвѣчала Домна Осиповна.

— Мало это!.. они нынче очень жадны! — проговорилъ Бѣгушевъ.

— Совершенно довольно, а то вы его избалуете; онъ и съ насъ, грѣшныхъ, будетъ того же требовать.— Домна Осиповна не любила ни своихъ, ни чужихъ денегъ тратить много.

— Въ такомъ случаѣ возьмите со стола сто-рублевую и расплачивайтесь съ нимъ, какъ знаете,

Домна Осиповна съ удовольствіемъ исполнила это приказаніе и, беря деньги, увидала рецептъ.

— Послать надо это? — спросила она.

— Да! — произнесъ несовсѣмъ охотно Бѣгушевъ.

Домна Осиповна немедля отправила Прокофія въ аптеку, а сама подошла къ кровати Бѣгушева и даже встала передъ нимъ на колѣни.

— Ты не сердисься теперь больше на меня? — говорила она нѣжнымъ голосомъ и, поймавъ руку Бѣгушева, начала ее цѣловать. — Ахъ, какъ я люблю тебя! — шептала она.

Бѣгушевъ тоже умилился душой.

— Дѣйствительно, — сказалъ онъ: — надобно, чтобы женщина меня очень любила: я сознаю теперь, какой я злой и пустой человѣкъ!

— Ты не злой, но очень ты уменъ! — замѣтила Домна Осиповна.

— Поглупѣй, лучше бы было?

— Лучше! — отвѣчала Домна Осиповна. — А докторъ, скажи, какъ тебѣ понравился?

— Пролазъ, должно быть, великій!

— Но собой, не правда ли, какъ онъ хорошъ?

— Красота придворнаго лакея, — опредѣлилъ Бѣгушевъ.

— Ахъ, да, это вѣрно! — подхватила Домна Осиповна. Въ самомъ дѣлѣ докторъ напоминалъ ей нѣсколько придворнаго лакея, но впрочемъ она любила въ мужчинахъ подобную красоту.

Бѣгушевъ между тѣмъ сдѣлался опять серьезенъ.

— У меня просьба къ тебѣ: напиши отъ меня, подъ мою диктовку, письмо къ Тюменеву, — проговорилъ онъ.

— Съ удовольствіемъ! — сказала Домна Осиповна и сѣла за письменный столъ.

Бѣгушевъ сталъ диктовать ей:

«Любезный другъ! я боленъ и это письмо пишу къ тебѣ рукою Домны Осиповны. Пріѣзжай ко мнѣ на святкахъ погостить; мнѣ нужно поговорить и посоветоваться съ тобою объ очень серьезномъ для меня дѣлѣ.»—О какомъ это серьезномъ дѣлѣ?—подумала Домна Осиповна, заканчивая письмо.

— А какія могутъ быть у васъ серьезные дѣла съ Тюменевымъ? можетъ быть, какая-нибудь старая любовь, про которую онъ знаетъ? — спросила она Бѣгушева, какъ бы шутя.

— Вовсе не любовь, а хочу съ нимъ посоветоваться о наслѣдствѣ послѣ себя, — объяснилъ Бѣгушевъ.

— О, нѣтъ, не вѣрю, — продолжала Домна Осиповна въ томъ же шутливомъ тонѣ, а потомъ, когда она ѣхала отъ Бѣгушева въ его каретѣ домой, то опять довольно странная мысль промелькнула въ ея головѣ: «Что неужели же Бѣгушевъ, если онъ будетъ дѣлать духовную, то обойдетъ ее и не завѣщаетъ ей хоть этой, напимѣръ, кареты съ лошадыми!» Но мысль эту Домна Осиповна постаралась отогнать отъ себя: «О, Господи, пусть онъ живетъ; онъ единственное сокровище мое», — прошептала она и нѣсколько даже разсердилась на себя, но что дѣлать: «гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно!»

II.

Тюменевъ былъ человекъ, по наружности по крайней мѣрѣ, чрезвычайно сухой и черствый, *прямолинейный*, какъ называлъ его обыкновенно Бѣгушевъ, и единственнымъ нѣжнымъ чувствомъ сего государственнаго сановника до послѣдняго времени можно было считать его дружбу къ Бѣгушеву, который могъ ему говорить всякія оскорбленія и причинять безпокойства; видаться и бесѣдовать съ Бѣгушевымъ было наслажденіемъ для Тюменева, и онъ, не смотря на свое большое самолюбіе, прямо высказывалъ, что считаетъ его рѣшительно умнѣе себя. Откуда проистекало все это, опредѣлить трудно; можетъ быть, въ силу того, что сухія и завядшія растенія любятъ влагу и только въ ней оживаютъ. Получивъ письмо Бѣгушева, Тюменевъ, не дождавшись даже праздниковъ, поѣхалъ къ нему въ Москву. Онъ очень встревожился, увидавъ, до какой степени Бѣгушевъ пожелтѣлъ и похудѣлъ.

— Что такое съ тобой?—было первое его слово.

— Итогъ подводится: старѣюсь!...—отвѣчалъ сначала уклончиво Бѣгушевъ, но потомъ вскорѣ же перешелъ къ тому, что послѣднее время, по преимуществу, занимало и мучило его.—Ничего не можетъ быть отвратительнѣе! жизни старѣющихся людей, подобныхъ мнѣ!—началъ онъ.

Тюменевъ приподнялъ нѣсколько свои брови отъ удивленія.

Бесѣда эта между пріятелями, по обыкновенію, происходила въ диванной, куда перебрался Бѣгушевъ изъ спальни, хотя и былъ еще несовсѣмъ здоровъ.

— Я такой же старѣющійся человекъ и такой же холостякъ, какъ и ты, однако не чувствую этого,— возразилъ ему Тюменевъ, полагая, что Бѣгушевъ намекалъ на свою холостую, бездѣтную жизнь.

— Ты гораздо лучше меня!— полувоскликнулъ Бѣгушевъ:— ты имѣешь право не презирать себя, но я нѣтъ.

— Какъ презирать себя!.. что за вздоръ такой!...— тоже почти воскликнулъ Тюменевъ: — за что ты можешь презирать себя, и чѣмъ я лучше тебя?

— Всѣмъ: ты всю жизнь служилъ и служилъ трудолюбиво; теперь ты занимаешь весьма важный постъ; въ массѣ дѣлъ, передѣланныхъ тобою, конечно, есть многопустяковъ, пожалуй, даже вреднаго; но есть и полезное... а что же я творилъ всю жизнь? ничего!...

— Ты мыслилъ, говорилъ; слово такое же дѣло, какъ и другое!

— Печатное, да!... можетъ быть и дѣло; но проболтанное только языкомъ—ничего!.. пыль... прахъ, разлетающійся въ пространствѣ и перестающій существовать, и, что унижительное всего, между нами, русскими, сотни такихъ болтуновъ какъ я, которые никогда никакого настоящаго дѣла не дѣлали и только разговариваютъ и поучаютъ, забывая, что еслибы слова Христа не записали, такъ и христіанства бы не существовало.

— Но почему-же ты знаешь?... Можетъ быть, кто-нибудь изъ слушателей и записалъ твои слова!..

— Ну да, какъ же!... какія великія истины я изрекалъ,—и хорошъ расчетъ: надѣяться, что другіе запишутъ!.. Нѣтъ!.. Попробуй-ка самъ написать на бумагѣ, что за часъ только передъ тѣмъ съ величайшимъ успѣхомъ болталъ, и увидишь, что половина

мыслей твоихъ или пошлость, или бессмыслица; сверхъ того и языкомъ говорилъ неправильнымъ и пустозвоннымъ!

— Постои однако!—возразилъ Тюменевъ:—въ парламентахъ устные рѣчи многихъ ораторовъ записываются слово въ слово стенографами и представляютъ собой образецъ краснорѣчія и правильности!

— Тамъ—другое дѣло!—перебилъ его съ досадою Бѣгушевъ:—тамошніе ораторы хоть и плуты большіе, но говорить и мыслить логически умѣютъ... кромѣ того сама публика держитъ ихъ въ границахъ, какъ лошадь въ уздѣ; если онъ въ сторону закинется, такъ ему сейчасъ закричатъ: „къ дѣлу“, а мы обыкновенно пребываемъ въ пустомъ пространствѣ: носи высокопарную чепуху, о чемъ хочешь: о финансовомъ разстройствѣ, объ актерѣ, объ общинѣ, о православіи, а тутъ еще барынь разныхъ насаждаютъ въ слушательницы... Тѣ ахаютъ, восхищаются и сами тоже говорятъ хорошія слова!

— Въ Петербургѣ этого меньше? — замѣтилъ Тюменевъ.

— Вѣроятно, потому что Петербургъ умнѣй Москвы!—подхватилъ Бѣгушевъ.

— Ты думаешь? — спросилъ не безъ удовольствія Тюменевъ.

— Я всегда это думалъ!.. одно чиновничество, котораго въ Петербургѣ такъ много и которое, конечно, составляетъ самое образованное сословіе въ Россіи... Литература петербургская худа-ли, хороша-ли она, но довольно уже распространенная и разнообразная; все <http://reio.ru> даетъ ему перевѣсъ; а здѣсь

что?... хорошаго маленькіе кусочки только, остальное-же все замосковорѣчье на-голо, что въ переводѣ значитъ: малосольная бѣлужина, принявшая на время форму людей.

— Малосольная бѣлужина, принявшая на время форму человѣка!—повторилъ усмѣхаясь Тюменевъ, готовый наслаждаться всякой фразой Бѣгушева:—меня, впрочемъ, очень заинтересовала твоя мысль о нашихъ дебатахъ,—говорилъ онъ далѣе:—мы дѣйствительно не умѣемъ диспутировать, наши частные разговоры отличаются болѣе отвлеченностью, чѣмъ знаніемъ и умомъ... Къ несчастію, это свойство перешло и на наши общественныя учрежденія: мнѣ случалось бывать на нѣкоторыхъ собраніяхъ, и какое столпотвореніе вавилонское я тамъ встрѣчалъ, повѣрить трудно!... Точно всё говорятъ на разныхъ языкахъ, никто никого не хочетъ ни слушать, ни понимать!

Тюменевъ, какъ человѣкъ порядка, давнымъ-давно терпѣть не могъ всё наши общественныя учрежденія.

Бѣгушевъ слушалъ его мрачно.

— Но мнѣ-бы хотѣлось добраться до причины всего этого,—продолжалъ Тюменевъ:—нельзя же все объяснять переходнымъ временемъ, незрѣлостію нашею. Ростемъ, растемъ и все вырасти не можемъ.

— Причинъ много...—сказалъ Бѣгушевъ:—прежде всего наше безтолковое образованіе: мы все знаемъ и ничего не знаемъ; потомъ непривычка къ правильному, постоянному труду, отсутствіе собственной изобрѣтательности, вслѣдствіе того всюду и во всемъ слѣпое подражаніе, а главное сытый желудокъ и гро-

маднѣйшее самолюбіе; схвативши верхушки кой-какихъ знаній, мы считаемъ униженіемъ для собственнаго достоинства дѣлать какія-нибудь обыкновенныя вещи, которыя дѣлаютъ люди заурядные, и хотимъ, создать восьмое чудо, но въ результатѣ явимъ, какъ я, напримѣръ, пятидесятилѣтнюю жизнь тунядца.

— Пятьдесятъ лѣтъ не Богъ знаетъ какіе года; ты теперь можешь начать работать, если такъ ясно созналъ свою ошибку, и которая дѣйствительно была твоею ошибкой.

— Что ты говоришь теперь... Работать можно начинать лишь въ молодости, когда человѣкъ вѣритъ въ себя и во многое, а я ужь не вѣрю ничему!

Тюменевъ пожалъ плечами.

— По моему ты совершенно неправильно объясняешь самъ себя,—началъ онъ:—ты ничего осязательнаго не сдѣлалъ не по самолюбію своему; а потому, что идеалъ твой былъ всегда высокъ, и ты по натурѣ своей брезгливъ ко всякой пошлости. Наконецъ, чортъ возьми!—и при этомъ Тюменевъ какъ-будто бы даже разгорячился:—неужели всякій человѣкъ непременно обязанъ служить всему обществу? Достаточно, если онъ послужилъ въ жизни двумъ, тремъ личностямъ: ты вотъ женщинъ всегда очень глубоко любилъ, не какъ мы вѣтренники!

— Что-же я этимъ женщинамъ какое добро и пользу сдѣлалъ?

— Ты имъ доставилъ нѣсколько такихъ счастливыхъ годовъ, какихъ онѣ, вѣроятно, не встрѣтили бы съ другими мужчинами!

Бѣгушевъ при этомъ злобно засмѣялся.

— Однако одна изъ нихъ отъ этихъ счастливыхъ годовъ ужь умерла,—сказалъ онъ.

— Это ты вообразилъ, что она умерла отъ того...

— Нѣтъ, не я; она мнѣ сама это сказала.

— Мало ли что человѣкъ говоритъ въ предсмертныя минуты, когда онъ, можетъ быть, и сознание потерялъ!

— Нѣтъ, она это въ полномъ сознаниіи говорила, и потомъ любить женщинъ? Что такое это за высокое качество? Конечно, всѣ люди, большіе и малые, начиная съ идіота до генія первой величины, живутъ подъ вліяніемъ двухъ главнѣйшихъ инстинктовъ: это сохраненіе своей особы и сохраненіе своего рода; изъ послѣдняго чувства и вытекаетъ любовь со всѣми ея поэтическими подробностями, но сохранить свой родъ не все еще для человѣка: онъ обязанъ заботиться о цѣломъ обществѣ и даже будто бы о всемъ челоуѣчествѣ.

— Это слишкомъ большія требованія, и я опять повторяю, что чортъ возьми съ этими далекими вѣхами, до которыхъ, я думаю, никто еще не добѣгалъ! Скажи мнѣ лучше, что твоя Домна Осповна?—заклучилъ Тюменевъ.

Этимъ переходомъ разговора на Домну Осповну онъ полагалъ доставить Бѣгушеву пріятный предметъ для разговора и тѣмъ отвлечь его отъ мрачныхъ мыслей.

— Мучится и страдаетъ тоже, благодаря моему характеру и недугамъ моимъ!—отвѣчалъ тотъ.

— Постой!.. мнѣ кто-то говорилъ!.. Да, Хмуринъ этотъ, что она сошлась съ мужемъ?—спросилъ неосторожно Тюменевъ.

Лицо Бѣгушева мгновенно и очень сильно омрачилось.

— Она сошлась только для виду!—проговорилъ онъ.—У мужа ея есть дѣдъ богатый, который написалъ имъ, что если они не сойдутся, то онъ лишитъ ихъ пяти миллионовъ наслѣдства! Они хоть и живутъ въ одномъ домѣ, но у него существуетъ другая женщина... Не сдѣлать этого они нашли очень неразсчетливымъ!

Когда говорилъ это Бѣгушевъ, то у него лицо пылало: видно, что ему совѣстно было произносить эти слова. Тюменевъ же нашелъ совершенно рациональнымъ такой поступокъ Олуковыхъ.

— Конечно, было бы не разсчетливо!—подтвердилъ онъ.

— Лѣтомъ, вѣроятно, я уѣду съ Домной Осиповой за границу и уѣду надолго! — добавилъ Бѣгушевъ.

— Отлично сдѣлаешь!—одобрилъ его Тюменевъ:— а ты еще считаешь себя несчастнымъ человѣкомъ и за что-то чувствуешь презрѣніе къ себѣ!.. Сравни мое положеніе съ твоимъ... Меня ни одна молоденькая, хорошенькая женщина не любила искренно, каждый день я долженъ бывать на службѣ....

Послышался звонокъ.

Пріѣхала Домна Осиповна. Она, впродолженіе всей болѣзни Бѣгушева, пріѣзжала къ нему обѣдать и оставалась затѣмъ у него на весь день. Утро обыкновенно Домна Осиповна проводила, тщательно скрывая это отъ Бѣгушева, въ бесѣдѣ съ своимъ мужемъ, спрашивая того о всѣхъ дѣлахъ его, даже объ его возлюбленной, и по поводу взбал-

мошнаго характера послѣдней давала ему разные благоразумные совѣты... О своихъ же отношеніяхъ къ Бѣгушеву она хоть и сказала тому, что будто бы прямо объявила мужу, что любитъ его, но въ сущности Домна Осиповна только намекнула, что въ настоящее время она, можетъ быть, въ состояніи будетъ полюбить одного человѣка; словомъ, отношеніямъ этимъ старалась придать въ глазахъ Олухова характеръ нерѣшенности еще!...

Встрѣтивъ у Бѣгушева Тюменева, Домна Осиповна очень ему обрадовалась, предчувствуя, какъ оживительно бесѣды съ другомъ подѣйствуютъ на больного.

— Вотъ это очень хорошо, что вы пріѣхали къ намъ въ Москву! — сказала она, дружески и вѣрно пожимая руку Тюменеву.

— А съ вашей стороны очень не хорошо, что вы допустили такъ расхвораться Александра Ивановича, — отвѣчалъ ей тотъ.

Домна Осиповна замѣтно сконфузилась; она подумала, что Бѣгушевъ разсказалъ Тюменеву о главной причинѣ своей болѣзни.

— Что дѣлать!.. не въ моей то волѣ... — сказала она, неопредѣленно и потупляя глаза.

— Она одна и спасла меня!.. — подхватилъ Бѣгушевъ, желая снять всякое подозрѣніе съ Домны Осиповны въ своей болѣзни, и при этомъ опять покраснѣлъ, смутно сознавая, что онъ сказалъ неправду.

— Кушанье готово!.. — возвѣстилъ явившійся Проконій во фракѣ, бѣломъ галстухѣ, напомаженный, завитой и видимо хотѣвшій торжествовать выздоровленіе барина.

Пошли въ столовую. Въ концѣ обѣда Домна Осиповна отнеслась къ Бѣгушеву:

— Меня все графъ Хвостиковъ умоляетъ, чтобы я позволила ему пріѣхать и навѣстить тебя!

Домна Осиповна уже не стѣняясь говорила Бѣгушеву при Тюменевѣ: *ты*.

— Пусть его пріѣзжаетъ; кто ему мѣшаетъ! — отвѣчалъ Бѣгушевъ.

— Кромѣ того madame Мѣрова желаетъ у тебя быть, а, можетъ быть, даже и Янсутскій, — присовокупила Домна Осиповна. Последнему она хотѣла, за его услугу по Хмуринымъ акціямъ, отплатить такой же услугой, т. е. дать ему возможность встрѣтиться съ Тюменевымъ, чѣмъ тотъ, какъ она предполагала, очень дорожилъ.

— О, madame Мѣрову и я прошу принять! — воскликнулъ Тюменевъ.

— Я знала, что вамъ это пріятно будетъ!.. — подхватила съ удареніемъ Домна Осиповна. По своей житейской опытности она сразу же на обѣдѣ у Янсутскаго замѣтила, что madame Мѣрова произвела пріятное впечатлѣніе на Тюменева.

Когда встали изъ-за стола, Домна Осиповна собралась уѣхать.

— Куда вы? — спросилъ ее Бѣгушевъ съ замѣтнымъ неудовольствіемъ.

— Мнѣ мужа надобно проводить: онъ уѣзжаетъ въ Сибирь, къ дѣду! — объяснила она.

— Уѣзжаетъ? — спросилъ удивленнымъ тономъ Бѣгушевъ, и между тѣмъ удовольствіе замѣтно выразилось на его лицѣ.

— Да!

— И надолго?

— Конечно надолго!.. я сегодня-же и извѣщу всѣхъ этихъ господъ, что они могутъ къ тебѣ прїѣхать?

— Извѣсти,—проговорилъ Бѣгушевъ.

— Непремѣнно сегодня!..—подхватилъ Тюменевъ.

Домна Осиповна лукаво посмотрѣла на него.

— Для васъ собственно я приглашу одну только madame Мѣрову, — сказала она ему.

— Почему-же одну m-me Мѣрову?

— Потому, что я знаю почему!..

— Но однако мнѣ начинаютъ становиться очень любопытны ваши слова.

— Любопытство смертный грѣхъ!

— Я готовъ даже идти на смертный грѣхъ, ради того, чтобы вы разъяснили ваши намеки!

Тюменеву пришло въ голову, что не открылась ли madame Мѣрова Домнѣ Осиповнѣ въ томъ, что онъ очень ей понравился!

— Никогда я вамъ не разъясню этихъ намековъ!— объяснила Домна Осиповна. Затѣмъ она сказала Бѣгушеву, протягивая ему руку: «прощай!»

— А сама прїѣдешь ужо?—спросилъ тотъ, цѣлуя ея руку.

— Непремѣнно!.. ранешенько! — отвѣчала Домна Осиповна и, кивнувъ привѣтливо головой Тюменеву, ушла. Всю эту сцену она вела весело и не безъ кокетства, желая нѣсколько поконкурировать съ madame Мѣровой въ глазахъ Тюменева, чего отчасти и достигнула, потому что, какъ только Домна Осиповна уѣхала, онъ не удержался и сказалъ Бѣгушеву:

— Домна Осиповна сегодня прелестна!.. Гораздо

лучше, чѣмъ была на обѣдѣ у Янсутскаго, гдѣ она, въ чемъ тебѣ я признаюсь теперь, была не того...

— Очень даже не того! — согласился Бѣгушевъ.

— Но вотъ еще маленькій вопросъ относительно madame Мѣровой, — продолжалъ Тюменевъ:—она до сихъ поръ еще en liaison съ Янсутскимъ?

— Кажется!

— Что ей за охота любить такую дрянъ, и я не думаю, чтобы она хранила ему вѣрность?

— Не вѣдаю того: духовникомъ ея не былъ!

Тюменевъ въ это время зѣвнулъ во весь свой ротъ.

— Ты, можетъ быть, уснуть хочешь, усталъ съ дороги?—спросилъ его Бѣгушевъ.

— Желалъ бы: я не спалъ всю ночь и кромѣ того послѣ твоихъ затѣйливыхъ обѣдовъ всегда едва дышешь!..

— Ступай, тебѣ все тамъ готово.

— Знаю! — проговорилъ Тюменевъ и, зѣвнувъ еще разъ, ушелъ къ себѣ въ комнату.

Бѣгушевъ, оставшись одинъ, прикурнулъ тоже на диванѣ къ подушкѣ головой и заснулъ крѣпчайшимъ сномъ. Его очень успокоили и обрадовали слова Домны Осиповны, что Олуховъ уѣзжаетъ на долго въ Сибирь. Странное дѣло: Бѣгушевъ, не сознаваясь даже самому себѣ, ревновалъ Домну Осиповну къ мужу, хотя не имѣлъ къ тому никакихъ данныхъ!

III.

Часовъ въ восемь вечера Бѣгушевъ и Тюменевъ снова сидѣли въ диванной.

— Я хочу посовѣтоваться съ тобой о наслѣдствѣ послѣ меня,—говорилъ Бѣгушевъ:—состояніе мое не огромное, но совершенно ясное и незапутанное. Оно двухъ свойствъ: родовое и благопріобрѣтенное!.. Родовое я желаю, чтобы шло въ родъ и первоначально, разумѣется, бездѣтной сестрѣ моей Аделаидѣ Ивановнѣ, а изъ благопріобрѣтеннаго надо обезпечить Прокофья съ семьей, дать по небольшой суммѣ молодымъ лакеямъ и тысячи три повару; онъ хоть и воровалъ, но довольно еще умѣренно... Остальныя всѣ деньги Домнѣ Осиповнѣ...

— Велика сумма?—спросилъ Тюменевъ.

— Тысячъ около ста.

Домна Осиповна, значить, напрасно думала, что Бѣгушевъ можетъ забыть ее въ своей духовной, и какъ бы радостно забилося ей сердце, если бы она слышала эти слова его, и какъ бы оцѣнила ихъ.

— Домъ этотъ,—продолжалъ Бѣгушевъ:—который ты всегда любилъ, я, со всею мебелью, картинами, библіотекою, желаю оставить тебѣ.

— Зачѣмъ онъ мнѣ, милый мой!—возразилъ Тюменевъ, даже весь вспыхнувшій при послѣднихъ словахъ пріятели.

— Можетъ быть, когда-нибудь и поживешь въ немъ: какъ ни высоко твое служебное положеніе, но и Суворовъ жилъ въ деревнѣ.

— Наконецъ этого сдѣлать нельзя! Домъ твой, я знаю, родовой; а потому вмѣстѣ съ родовымъ и долженъ идти...—продолжалъ возражать Тюменевъ.

— Испроси Высочайшее повелѣніе... Я просьбу готовъ написать объ этомъ Государю!..—стоялъ на своемъ Бѣгушевъ.

Тюменевъ пожалъ плечами.

— Странный ты человекъ, Александръ Ивановичъ, отъ маленькой и ничтожной болѣзни воображалъ, что можешь умереть и что долженъ спѣшить дѣлать духовную,—проговорилъ онъ.

О тайномъ намѣреніи Бѣгушева закрѣпить за Домной Осиповной этой духовною часть своего состоянія Тюменевъ не догадывался.

— Ничего я не вообразилъ,—сказалъ тотъ съ досадою:—а хочу, если я въ жизни не сдѣлалъ ничего путнаго, такъ по крайней мѣрѣ послѣ смерти еще чего-нибудь не наглупить, и тебя, какъ великаго юриста, прошу написать мнѣ духовную на строгихъ, законныхъ основаніяхъ.

— Это изволь, я напишу, но на счетъ дома, пожалуйста, отмѣни твое желаніе завѣщать его мнѣ,—произнесъ Тюменевъ съ кислой гримасой. Желаніе это въ самомъ дѣлѣ было очень ему непріятно: по своему замѣчательному безкорыстію, Тюменевъ былъ извѣстенъ всему Петербургу; онъ даже награды денежныхъ никогда отъ правительства не бралъ.

— Низачто не отмѣню, ни за что!—отрѣзалъ Бѣгушевъ.

Вскорѣ пріѣхала Домна Осиповна, очень веселая и весьма къ лицу одѣтая.

— Проводила мужа?—спросилъ ее Бѣгушевъ.

— Проводила!

— Плакала?

— Очень много!... Изошла вся слезами!.. madame Мѣрова будетъ непременно!.. Сама вышла къ моей посланной и сказала ей это!...—отнеслась Домна Осиповна къ Тюменеву.

— Заранѣе восхищаюсь, что увижу ее!..— произнесъ онъ съ улыбкой.

— Конечно, восхищаетесь!. Что тутъ притворяться!.

Слѣдующій гость былъ докторъ. Онъ постоянно въ этотъ часъ прѣзжалъ къ Бѣгушеву и на этотъ разъ замѣтно былъ чѣмъ-то сконфуженъ, не въ обычномъ своемъ спокойномъ расположеніи духа. Разспросивъ Бѣгушева о состояніи его здоровья и удивившись, что все идетъ къ лучшему, докторъ съѣлъ и какъ-то разсѣянно задумался.

Домна Осиповна первая это замѣтила.

— Что вы такой грустный сегодня?—обратилась она къ нему.

— Рѣшительно ничего. На практикѣ усталъ!— поспѣшилъ онъ ей отвѣтить и потомъ, какъ бы не утерпѣвъ, вслѣдъ-же затѣмъ продолжалъ: — Москва, это удивительная сплетница: поутру я навѣщалъ одного моего больного биржевика, который съ ужасомъ мнѣ разсказалъ, что на биржѣ распространилась паника, можетъ быть, совершенно ложная, а онъ между тѣмъ на волосъ отъ удара... Вотъ и лечи этихъ биржевиковъ!..

— Какая же паника и отъ чего?—спросила Домна Осиповна.

— Говорятъ,.. конечно, всего вѣроятнѣе, что это враки... что какой-то Хмуринь обанкрутился, а вмѣстѣ съ нимъ и банкъ «Безкорыстная дѣятельность», который ему кредитовалъ.

Говоря это, докторъ скрылъ, что онъ очень хорошо зналъ, кто именно этотъ Хмуринь, и даже мечталъ въ свободное время по ночамъ, когда не

спалось, что какъ бы ему пробраться лечить къ Хмурину.

— Это банкротство весьма вѣроятно: въ Петербургѣ давно ходили объ этомъ слухи,— подтвердилъ Тюменевъ.

— Не думаю, чтобъ это была правда!— настаивалъ докторъ, какъ бы стараясь насильственно отклонить отъ себя подобную мысль: у него у самого были скоплены восемь тысячъ и положены въ банкъ «Безкорыстная дѣятельность».

— Я всегда очень радъ этого рода крахамъ,— произнесъ Бѣгушевъ:— потому что тутъ всегда наказывается какой-нибудь аферистъ и вмѣстѣ съ нимъ нѣсколько дураковъ корыстолюбивыхъ.

— Вкладчиковъ, вы хотите сказать?.. отчего-жь они корыстолюбивые?— спросилъ докторъ.

— Оттого, что суютъ свои деньги разнымъ банкамъ и торговымъ конторамъ для большаго процента.

— Но что же тогда прикажете съ деньгами дѣлать?— воскликнулъ докторъ.

— Устраивайте на нихъ сами что-нибудь.

— А если челоуѣку, по другимъ его обязанностямъ, некогда что-либо предпринимать?

— Тогда пользуйтесь маленькимъ, казеннымъ процентомъ.

— Это совершенно все вѣрно и справедливо, что говоритъ Александръ Ивановичъ,— подхватила Домна Осиповна:— но скажите, акціи Хмурина, вѣроятно, упадутъ?— обратилась она къ доктору.

— Онѣ ужъ и упали съ двухсотъ рублей на пятьдесятъ,— отвѣчалъ докторъ съ горькой усмѣшкой.

Домна Осиповна самодовольно улыбулась.

«Какая же я умница, что продала эти акціи!» подумала она про себя.

— На биржѣ даже не могутъ понять, какимъ образомъ Хмуринъ могъ обанкрутиться!..—говорилъ докторъ.

— Очень понятно это!.. — вмѣшался опять въ разговоръ Тюменевъ:—онъ бралъ предпріятіе за предпріятіемъ; одно не успѣетъ еще кончить, берется за другое, чтобы и тамъ успѣть захватить деньги; надобно же было этому кончиться когда-нибудь!

— Но по общей молвѣ, Хмуринъ, извините вы меня, никогда не былъ такимъ,—возразилъ довольно рѣзко докторъ. Онъ не зналъ собственно, кто такой былъ Тюменевъ. Бѣгушевъ, знакомя ихъ, назвалъ только фамиліи, а не пояснилъ званія того и другаго.

— Напротивъ, онъ никогда инымъ не былъ,—продолжалъ Тюменевъ:—мнѣ самому весьма часто приходилось обсуждать въ совѣтѣ самыя нелѣпыя, врывыя и назойливыя его ходатайства.

Тутъ Перехватовъ понялъ, съ кѣмъ онъ бесѣдуетъ, и мгновенно исполнился уваженія въ Тюменеву.

Въ это время въ диванную впорхнула madame Мѣрова.

— Я непременно хотѣла быть у васъ,—заговорила она, своимъ дѣтскимъ голосомъ и крѣпко пожимая и потрясая своей маленькой ручкой могучую руку Бѣгушева.—Папа тоже непременно хотѣлъ ѣхать со мною, но сегодня съ утра еще куда-то ушелъ и до сихъ поръ нѣтъ. Я думаю, Богъ съ нимъ, и поѣхала одна.

— Благодарю васъ за участіе,—говорилъ ей Бѣгушевъ.

Мѣрова повернувшись увидала Тюменева и почти вскрикнула отъ удивленія.

— Вы никакъ, вѣроятно, не ожидали встрѣтить меня?—проговорилъ тотъ, протягивая ей съ замѣтною радостью руку.

— Никакъ!—отвѣчала она, пожимая его руку.

Съ Домной Осиповной Мѣрова дружески поцѣловалась.

Всѣ усѣлись. Прокофій внесъ на серебряномъ подносѣ въ старинномъ сервизѣ чай. Печенья отъ Бартольса было наложено масса. Принялись пить чай, но бесѣда была очень вяла, такъ что Домна Осиповна не удержалась и спросила:

— А что, мы сегодня въ карты будемъ играть?

Съ тѣхъ поръ какъ Бѣгушевъ сталъ поправляться, у него каждый вечеръ устраивались карты. Играли онъ самъ, докторъ и Домна Осиповна. Последняя находила, что больнаго это очень развлекало, также и ее, а отчасти и доктора. Они обыкновенно всякій разъ обыгрывали Бѣгушева рублей на 20, на 30.

— А вы будете тоже играть? — прибавила она Тюменеву, вспомнивъ объ немъ.

— Я не играю!—отвѣтилъ тотъ.

— Въ такомъ случаѣ и мы не будемъ играть!—проговорила Домна Осиповна, взглянувъ на Бѣгушева.

— Нѣтъ, отчего-же, играйте!.. Пожалуйста играйте!—упрашивалъ Тюменевъ.—Я даму буду имѣть: вы, конечно, тоже не станете играть?—отнесся онъ къ Мѣровой.

— Да, я не играю!—отвѣтила та.

— Въ такомъ случаѣ я буду занимать васъ и буду вашимъ cavalier servant.

— Будьте!

— Вы позволите мнѣ вашу руку?

Мѣрова подала ему руку и почувствовала, что рука самого Тюменева слегка дрожала; все это начало ее немножко удивлять.

— Вы незнакомы съ убранствомъ дома Александра Ивановича?—продолжалъ онъ.

— Нѣтъ.

— Угодно вамъ взглянуть?.. Оно замѣчательно по своему вкусу.

— Хорошо!—согласилась Мѣрова.

Они пошли въ залу.

— Тюменевъ, я васъ понимаю!..—крикнула имъ вслѣдъ Домна Осиповна, усаживаясь съ Бѣгушевымъ и докторомъ за карточный столъ.

Тюменевъ на этотъ разъ ничего ей не отвѣтилъ и только усмѣхнулся.

— Въ чемъ Домна Осиповна понимаетъ васъ?—спросила его Мѣрова.

— О, она цѣлый день надо мной подтруниваетъ и, можетъ быть, права въ этомъ случаѣ! — произнесъ Тюменевъ съ сентиментально-горькой усмѣшкой.

Въ это время они проходили уже гостиную.

— Посмотрите: это настоящій Каляма! — говорилъ Тюменевъ, показывая на одну изъ картинъ и видимо желая привести свою даму въ нѣсколько поэтическое настроеніе.

— Каляма?—повторила равнодушно Мѣрова.

— Да!... — протянулъ Тюменевъ и довольно сильно пожать локтемъ ея руку.

Мѣрова поспѣшила освободить отъ него свою руку.

— А это женская головка, — продолжалъ неунывая Тюменевъ и показывая на другую картину: — сколько въ ней нѣги, граціи... Какъ, вѣроятно, былъ счастливъ тотъ, кто имѣлъ право цѣловать эту голову.

— А можетъ быть ея никто и не цѣловалъ! — возразила Мѣрова.

— Нѣтъ, непременно цѣловалъ! — воскликнулъ Тюменевъ. — Я неисправимый поклонникъ женской красоты, — присовокупилъ онъ, и что-то въ родъ вздоха вылетѣло изъ его груди.

— Вы? — переспросила его Мѣрова.

— Я!.. и убѣжденъ, что человѣкъ, который имѣлъ бы право васъ цѣловать, о, онъ былъ бы счастливъ безконечно.

Тюменевъ, какъ мы видимъ, не совсѣмъ искусно и тонко любезничалъ и съ Домной Осиповной, и съ Мѣровой; привычки не имѣлъ на то: все некогда было, служба!

— Не полагаю, чтобы былъ счастливъ! — возразила Мѣрова.

Въ маленькой гостиной они усѣлись рядомъ на диванѣ.

— Знаете что, — началъ Тюменевъ, окончательно развернувшійся: — въ молодости я ужасно былъ влюбленъ въ одну женщину!.. (Никогда онъ во всю жизнь свою не былъ очень влюбленъ). — Эта женщина, — продолжалъ онъ, дѣлая сладкіе глазки и устремляя ихъ

на Мѣрову:—какъ двѣ капли воды, походила на васъ.

— На меня?.. Но что же изъ этого?—спросила она.

— То, что вы, поэтому, мой идеаль! — больше какъ-бы прошептала Тюменевъ.

— Вотъ какъ!.. Это очень лестно!—проговорила Мѣрова негромко.

— Лестно, но и только?—спросилъ Тюменевъ.

— Чего же вамъ еще?—отвѣчала Мѣрова.

— Маленькаго участія, маленькаго сожалѣнія!—говорилъ Тюменевъ нѣжнымъ голосомъ.

Сильно можно подозрѣвать, что надъ всеѣмъ этимъ объясненіемъ Мѣрова въ душѣ смѣялась; но, по наружности, была совершенно серьезна.

— Фи!.. сожалѣнія!..—произнесла она съ маленькой гримасой.

— Въ такомъ случаѣ дайте мнѣ чувство ваше,—шептала Тюменевъ.

— Если оно будетъ!—отвѣчала Мѣрова, пожимая своими плечиками.

Послышался звонокъ; Прокофій поспѣшилъ отворить дверь.

Мѣрова прислушалась, кто именно пріѣхалъ.

— Это, должно быть, Петръ Евстигнѣвичъ,—проговорила она и, проворно вставъ съ дивана, пошла къ играющимъ въ карты.

Мѣрова по опыту знала, что еслибы ея Петръ Евстигнѣвичъ увидѣлъ, что она вдали отъ прочаго общества сидитъ вдвоемъ съ мужчиной, такъ не поблагодарилъ бы ея; разрѣшая себѣ всевозможныя шалости, онъ не позволялъ ей малѣйшаго вожетства съ кѣмъ бы то ни было.

Опѣшенный такимъ быстрымъ уходомъ, Тюменевъ тоже послѣдовалъ за ней.

Пріѣхалъ дѣйствительно Янсутскій, а вмѣстѣ съ нимъ и графъ Хвостиковъ.

Всѣ замѣтили, что на обоихъ лица не было, особенно на Янсутскомъ, который позеленѣлъ даже.

— Извините, Александръ Ивановичъ, — началъ онъ:— я нѣсколько опоздалъ, дѣла меня задержали, но я все-таки непремѣнно желалъ навѣстить васъ, а потомъ вотъ и за ней заѣхалъ!

На послѣднихъ словахъ Янсутскій указалъ головой на Мѣрову, которая смотрѣла на него съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ принялась глазами отыскивать свою шляпку.

Тюменеву Янсутскій сначала было издали поклонился; но тотъ на этотъ разъ самъ протянулъ ему руку. Янсутскій объяснилъ эту благосклонность Тюменева тѣмъ, что онъ покормилъ его обѣдомъ.

Докторъ, бывший тоже домашнимъ врачомъ Янсутскаго, не выдержалъ и спросилъ его:

— Правда, что Хмуринь обанкрутился?

— Совершенная правда!..—отвѣчалъ Янсутскій:— мы сейчасъ отъ него.

— Что же онъ говорить?.. Какъ самъ объясняетъ свое банкротство?—разспрашивалъ докторъ.

— Какъ онъ объясняетъ? добьешься толку отъ этого кулака и мошенника!..—бранился Янсутскій.— По его, все это отъ Бога произошло: «Богъ,—говорить,—далъ, Богъ и взялъ!» А у васъ его акціи еще на рукахъ?—спросилъ онъ Домну Осиповну.

— Ни одной нѣтъ: я тогда же ихъ отправила къ мужу въ Петербургъ, а онъ ихъ тамъ продалъ!—

мгновенно придумала та и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлала аккуратнѣйшій счетъ своему выигрышу, такъ какъ пуля кончилась.

— Счастливица!—произнесъ Янсутскій.

— А васъ Хмурина зацѣпилъ немножко?—спросилъ Бѣгушевъ.

— Не немножко!.. напротивъ, очень множко... Россія, это такая подлая страна, что...—Янсутскій, не докончивъ своей мысли, обернулся къ Мѣровой:— если вы хотите, такъ поѣдте!

— Да, я поѣду!—отвѣчала та, надѣвая шляпку, которую уже держала въ рукахъ. Не смотря на свою непрактичность, Мѣрова, однако, поняла, что съ Янсутскимъ что-то такое очень нехорошее случилось.

— Вамъ лучше въ Петербургъ ѣхать... Тамъ главная операція Хмурина... Очень можетъ быть, что онъ фальшивый банкротъ!—посоветовалъ Тюменевъ Янсутскому.

— Это даже навѣрное можно сказать!—подхватилъ тотъ съ окончательнымъ искаженнымъ лицомъ.— Я надняхъ же переѣзжаю совсѣмъ туда!

— А вы?—обратился Тюменевъ къ Мѣровой.

— Не знаю!—отвѣчала она.

— Конечно, переѣдетъ! Нельзя при такомъ положеніи дѣлъ жить на двухъ квартирахъ,—объяснилъ откровенно Янсутскій и черезъ нѣсколько минутъ уѣхалъ вмѣстѣ съ Мѣровой.

Вслѣдъ за нимъ поднялся и докторъ, получившій, по обыкновенію, отъ Домны Осиповны десять рублей за визитъ, каковсой платой онъ остался болѣе чѣмъ когда-либо недоволенъ.

— Тамъ банки лопаются, въ которыхъ теряешь

последнее, а они платятъ все по десяти рублей!— проговорилъ онъ, садясь въ карету и съ досадою засовывая бумажку въ карманъ.

Остатокъ вечера у Бѣгушева провели въ разговорахъ о Хмуриинѣ.

— Его крахъ васъ тоже, кажется, поразилъ? — спросилъ Тюменевъ графа Хвостикова.

— Очень!.. Я съ нимъ большія дѣла имѣлъ!— отвѣчалъ тотъ, хотя въ сущности онъ никакихъ съ Хмуринымъ дѣлъ не имѣлъ, а получалъ отъ него иногда небольшія порученія, за которыя и попадало ему рублей пятьдесятъ—сто.

Графъ Хвостиковъ сидѣлъ послѣ того около часа. Онъ все дожидался, не оставятъ ли его ужинать, но Бѣгушевъ не оставилъ, и графъ, дѣлать нечего, невесело простился и невесело побрелъ пѣшкомъ на свою скудную квартиру.

По уходѣ его, Домна Осиповна тоже начала собираться и сказала Бѣгушеву, что она забыла въ его кабинетѣ одну вещь. Тамъ Домна Осиповна объявила ему, что ей цѣлый вечеръ ужасно хотѣлось поцѣловать его, что она и намѣрена исполнить, и дѣйствительно исполнила, начавъ цѣловать Бѣгушева въ губы, щеки, глаза, лобъ. Онъ никогда почти не видалъ ея такою страшною.

Домна Осиповна очень счастлива была, во-первыхъ тѣмъ, что мужъ уѣхалъ, а потомъ отъ того, что она не попалась на Хмуринскихъ акціяхъ.

IV.

Бѣгушевъ хоть и выздоровѣлъ совершенно, но сдѣлался окончательно мраченъ и угрюмъ характе-

ромъ: не говоря уже о постоянно и тайно питаемомъ презрѣннѣи къ самому себѣ, онъ сталъ къ другимъ людямъ еще болѣе подозрителенъ. Домна Осиповна въ этомъ случаѣ тоже не избѣгнула его взгляда, или, лучше сказать, этотъ взглядъ Бѣгушевъ преимуществу устремилъ на нее. Разъ они ѣхали вмѣстѣ въ городъ. Проѣзжая мимо Иверской, Бѣгушевъ сказалъ Домнѣ Осиповнѣ:

— Заѣдемте помолиться!

— Что за пустяки?—возразила она, будучи вполне убѣждена, что Бѣгушевъ совершеннѣйшій богоотступникъ.

Тотъ посмотрѣлъ на нее сурово и вечеромъ, когда Домна Осиповна пріѣхала къ нему, онъ ее спросилъ, почему она не хотѣла заѣхать помолиться.

— А развѣ ты желалъ этого?

— Желалъ.

— Для чего?

— Для того, что слезъ и горя тамъ излито много, много горячихъ молитвъ вознесено къ Богу. Въ такихъ мѣстахъ мнѣ представляется, что самый воздухъ пропитанъ святыней и благочестіемъ.

Домна Осиповна ничего не поняла изъ этихъ словъ Бѣгушева.

— А въ церковь вы иногда ходите? — вывѣдывалъ онъ ее.

Домна Осиповна замѣтила это и сдѣлалась осторожнѣе въ отвѣтахъ.

— Конечно, хожу!—отвѣчала она.

— Почему-же вы церковь предпочитаете часовнѣ?

— Ахъ, Боже мой, въ церкви насъ вѣнчаютъ, причащаютъ, крестятъ, отпѣваютъ...

Изъ такого мнѣнія Домны Осиповны Бѣгушевѣ заключилъ, что настоящаго религіознаго чувства въ ней совсѣмъ не было, и что она, не отдавая себѣ отчета, признавала религію только съ формальной и утилитарной стороны, а это, по его мнѣнію, было хуже даже, чѣмъ безвѣріе нигилистовъ: тѣ, по крайней мѣрѣ, вѣрують въ самый принципъ безвѣрія. Самъ Бѣгушевъ, не признавая большой разницы въ религіяхъ, въ сущности былъ пантеистъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ Бога живаго, вездѣсущаго и даже въ громахъ и славѣ царствующаго, любилъ вѣрять. Представленіе это онъ вынесъ еще изъ дѣтства: Бѣгушевъ выросъ и воспитывался въ благочестивомъ и нравственномъ семействѣ.

— А когда умирать придется, тутъ какъ?—вздумалъ онъ попугать Домну Осиповну.

— Умру, какъ и другіе умирають,— отвѣчала она, даже разсмѣявшись.

— А страхъ, что будетъ тамъ, «въ безвѣстной сторонѣ, откуда нѣтъ возврата, нѣтъ прищельцовъ?..» — прочиталъ ей Бѣгушевъ тираду изъ «Гамлета».

— Я никогда не думаю, что будетъ тамъ,—объявила съ своей стороны Домна Осиповна: — скорѣе всего, что ничего! Я желаю одного: чтобы меня въ жизни любили тѣ люди, которыхъ я люблю, и уважали бы въ обществѣ.

«Идеаль не высоконькій!» сказалъ самъ себѣ Бѣгушевъ и въ то же время рѣшилъ въ своихъ мысляхъ, что у Домны Осиповны ни на копѣйку не было фантазіи, и что она, по теоріи Бенеке, могла идти только до той черты, до которой способенъ дости-

гать умъ, а что за этой линіей было, для нея ничего не существовало.

Невдолгъ послѣ этого разговора Домна Осиповна привезла Бѣгушеву довольно странную новость.

— Ты слышалъ, — начала она, едва успѣвъ усѣться: — Янсутскій бросилъ Мѣрову.

Бѣгушевъ первоначально выслушалъ это извѣстіе весьма равнодушно.

— Откуда ты это знаешь?—спросилъ онъ.

— Графъ Хвостиковъ пріѣзжалъ ко мнѣ... Онъ въ отчаяніи и рассказываетъ про Янсутскаго такія вещи, что повѣрить трудно: конечно, Янсутскій потерялъ много состоянія въ дѣлахъ у Хмурина, но не разорился же совершенно, а между тѣмъ онъ до такой степени сталъ мало выдавать Лизѣ денегъ, что у ней какихъ-нибудь шести цѣлковыхъ не было, чтобы купить себѣ ботинки... кормилъ ее Богъ знаетъ какой дрянью... она не выдержала наконецъ, перѣѣхала отъ него и будетъ существовать въ номерахъ...

— Подѣломъ! не торгуй собой!.. — замѣтилъ Бѣгушевъ.

— Она не торговала собой!.. Янсутскаго Лиза любила, это я навѣрное знаю!.. — возразила Домна Осиповна.

Бѣгушевъ молчалъ: ему казалось невозможнымъ, чтобы кабая-нибудь женщина могла любить Янсутскаго.

— Но тутъ интереснѣе всего то, — продолжала Домна Осиповна... — Графъ Хвостиковъ мнѣ по секрету сказалъ, что Лизѣ теперь очень покровительствуетъ Тюменевъ.

Бѣгушевъ встрепенулся.

— Какъ Тюменевъ?—воскликнулъ онъ:— съ какой стати ему покровительствовать ей и въ какомъ отношеніи?

— Деньгами, конечно, ей помогаетъ!

— Но у него ихъ вовсе не такъ много, чтобы онъ могъ поддерживать постороннюю ему женщину!

— Можетъ быть, она ужъ не совсѣмъ посторонняя ему женщина! Онъ давно влюбленъ въ нее; съ первой же встрѣчи на обѣдѣ у Янсутскаго.

— Что вы такое говорите! Тюменевъ влюбленъ...

— По крайней мѣрѣ онъ здѣсь, въ вашемъ домѣ, въ маленькой гостиной, объяснялся Лизѣ въ любви. Она передъ отъѣздомъ въ Петербургъ рассказала мнѣ это.

Бѣгушевъ былъ окончательно сбитъ съ толку.

— Чтожь, и она отвѣтила на его чувство?—спросилъ онъ.

— О, тогда, конечно, нѣтъ! но теперь вѣроятно! Разумѣется, не въ смыслѣ любви: — кто же этого безобразнаго и сладчаваго старика полюбить?.. А уступила его исканіямъ потому, что...

— Нонеужели же она такая вѣтренная и пустая?—перебилъ Домну Осиповну Бѣгушевъ.

— Отчасти и вѣтренна!.. Собственно говоря, я, при всей пустотѣ Лизы, очень ее люблю и чрезвычайно буду рада, если все это такъ устроится, какъ я предполагаю!..

— А какъ вы предполагаете, что это устроится?—спросилъ Бѣгушевъ; въ его голосѣ слышалась иронія.

— А такъ,—отвѣчала Домна Осиповна:— Тюменевъ, конечно, не такой эгоистъ и не съ такимъ дурнымъ характеромъ, какъ Янсутскій; по всему

вѣроятію, онъ привяжется къ Лизѣ, обезпечить ее совершенно, и она хоть немного успокоится; ей надобно подумать и о здоровьи своемъ: у ней, говорятъ, чахотка!

Бѣгушевъ много бы могъ возразить Домнѣ Осиповнѣ, начиная съ того, что пріятеля своего Тюменева онъ издавна зналъ за весьма непостояннаго человѣка въ отношеніи женщинъ, а потому жалѣлъ въ этомъ случаѣ дурочку Мѣрову, предчувствуя, что врядъ-ли ей приведется надолго успокоиться; кромѣ того, самое мнѣніе Домны Осиповны, касательно успокоенія Мѣровой подобнымъ способомъ, коробило Бѣгушева. «Какъ эта городская, столичная жизнь,—подумалъ онъ съ досадою,—понижаетъ нравственное чутье въ женщинахъ и дѣлаетъ ихъ всѣхъ какими-то практическими набойками!..»

Домна Осиповна, въ свою очередь, тоже втайнѣ сердилась на Бѣгушева. Поводомъ къ ея гнѣву было такое обстоятельство, котораго Бѣгушевъ во всю бы жизнь не отгадалъ.

Разъ какъ-то въ разговорѣ онъ проговорился Домнѣ Осиповнѣ, что надняхъ ему прислали десять тысячъ выкупной ссуды и что онъ не знаетъ даже, что ему дѣлать съ этими деньгами. Домна Осиповна ничего на это не сказала; но досада шевельнулась въ ея душѣ; съ самаго начала любви своей къ Бѣгушеву она все ожидала, что онъ сдѣлаетъ ей какой-нибудь цѣнный подарокъ: простая вѣжливость этого требовала!.. и чтобы навести его на эту мысль, Домна Осиповна неоднократно высказывала ему, что ей очень бы хотѣлось имѣть свою дачу. Бѣгушевъ какъ-будто бы мимо ушей это пропускалъ.

При рассказѣ его о выкупной ссудѣ, Домнѣ Осиповнѣ невольно подумалось, что чего бы лучше ему подарить ей эти лишнія для него десять тысячъ... Можетъ быть, утѣшала она себя, онъ ждетъ дня ея рожденія, который долженъ былъ наступить черезъ недѣлю и на который она заранѣе его пригласила. Но день рожденія пришелъ, а отъ Бѣгушева никакого подарка не было!.. Впродолженіе всего обѣда, Домна Осиповна употребляла надъ собой большее усиліе, чтобы не сидѣть надутой. Она нѣсколько разъ порывалась, особенно когда Бѣгушевъ немного подвыпилъ, прямо сказать ему, чтобы онъ купилъ ей дачу, и будь на его мѣстѣ другой обожатель, тому бы она сказала или даже приказала. Бѣгушевъ-же, она знала это напередъ, подарить ей дачу—сейчасъ подарить, но при этомъ, пожалуй, вернетъ такую ядовитую фразу, что и не проглотишь ея, а Домна Осиповна все еще хотѣла высоко стоять въ его глазахъ.

Раздоръ, какъ и любовь, растутъ быстро; между Домной Осиповной и Бѣгушевымъ произошла наконецъ до нѣкоторой степени явная ссора. Однажды Домна Осиповна пріѣхала къ Бѣгушеву съ лицомъ сильно разсерженнымъ.

— Научи меня, что мнѣ дѣлать съ этой госпожей... («госпожей этой» Домна Осиповна обыкновенно называла возлюбленную мужа).— Она живетъ еще въ моемъ домѣ...

— Но вы мнѣ говорили, что она будетъ жить на другой квартирѣ,—замѣтилъ мрачно Бѣгушевъ.

— Она и жила бы, но мужъ не успѣлъ ее пристроить и уѣхалъ къ дѣду, а теперь она... я рѣши-

тельно начинаю понимать мужчинъ, что они презираютъ женщинъ... она каждый вечеръ задаетъ у себя оргіи... мужъ, рассказываютъ, безпрестанно присылаетъ ей деньги, она на нихъ пьянствуетъ и даже завела себѣ другаго поклонника.

Бѣгушевъ еще болѣе нахмурился: эта возня Домны Осиповны съ своимъ супругомъ была ему противнѣе всего.

— Но вамъ какое до всего этого дѣло? — возразилъ онъ съ тоскою въ голосѣ.

— То, что она сожжетъ мой домъ: она кутить до 5 до 6 часовъ утра... наконецъ она профанируетъ человѣка, который ей всеѣмъ пожертвовалъ! — воскликнула Домна Осиповна.

— Какого человѣка профанируетъ и чѣмъ?—проговорилъ Бѣгушевъ, котораго слово *профанируетъ*, по обыкновенію, ударило, какъ плетью по уху.

— Мужа моего измѣной своей ему!—отвѣчала съ рѣзкостью Домна Осиповна.

Бѣгушевъ еще болѣе обозлился.

— Откровенно говоря,—началъ онъ съ разстановкой:—я никогда не воображалъ встрѣтить такую женщину, которая бы говорила, что она *не любитъ мужа* и, по ея словамъ, *любитъ другаго*, и въ то же время такъ заботилась-бы объ мужѣ, какъ, я думаю, не много нѣжныхъ матерей заботятся о своихъ *балованныхъ сыновьяхъ!*

Все подчеркнутыя слова Бѣгушевъ подчеркивалъ тономъ своего голоса.

— Я забочусь потому, что мужъ мнѣ, я ужъ вамъ это говорила, далъ все: положеніе въ свѣтѣ и возможность существовать, а другіе — ничего!

Бѣгушевъ понялъ ея намекъ; гнѣву его предѣловъ не было: до того слова Домны Осиповны показались ему несправедливыми и оскорбительными.

— Другимъ нечего было и дѣлать, когда вы все получили отъ мужа!—произнесъ онъ, сдерживая себя сколько могъ: — и по мнѣ, совсѣмъ другая причина вашего вниманія къ мужу: вы еще любите его до сихъ поръ!

— Нисколько!.. Нисколько!..—воскликнула Домна Осиповна совершенно искренно.

— Нѣтъ, вы любите его!—повторилъ Бѣгушевъ: — не помню, какой-то французскій романистъ доказывалъ, что женщины сохраняютъ на всю жизнь любовь къ тѣмъ, кого онѣ перваго полюбили, а во второй любви вы отнёслись *такъ себѣ!*

— Эта вторая любовь тоже отнеслась ко мнѣ *такъ себѣ!*

— А какіе факты на это? — спросилъ Бѣгушевъ.

— О, ихъ много! — произнесла Домна Осиповна, хоть сама сознавала, что у ней всего одинъ былъ фактъ: то, что Бѣгушевъ, имѣя средства, не дарилъ ей дачи; но какъ это было высказать! Кромѣ того она видѣла, что очень его разсердила, а потому поспѣшила перемѣнить свой тонъ.—Пощади меня, Александръ: ты видишь, какъ я сегодня раздражена! — произнесла она умоляющимъ голосомъ.—Ты знаешь ли, что возлюбленная мужа способна отравить меня, потому что это очень выгодно для нея будетъ!

Послѣдними словами Домна Осиповна сильно подѣйствовала на Бѣгушева. Подозрительность его немедленно подшепнула ему, что это весьма возможно

и что подобныя негодяйки изъ-за денегъ способны на все рѣшительно!

— Тогда прогоните ее сейчасъ-же, сію секунду! — началъ онъ настойчиво: — или лучше всего переѣзжайте ко мнѣ, и мы уѣдемъ совсѣмъ за-границу! Я могу, безъ всякихъ вашихъ средствъ, жить съ вами совершенно обезпеченно!

Бѣгушевъ въ первый еще разъ произнесъ эти страшныя въ настоящемъ положеніи дѣла для Домны Осиповны слова: «уѣдемъ за-границу!» Она уѣхать бы, конечно, желала, но какъ было оставить ей безъ ближайшаго наблюденія пять милліоновъ, находящіеся почти въ рукахъ ея мужа? Это до такой степени было близко ея сердцу, что она не удержалась и сказала объ этомъ Бѣгушеву:

— Я много разъ тебѣ говорила, что пока я не могу кинуть мужа безъ надзора; ты долженъ понимать, что онъ ребенокъ, а у него дѣдъ умираетъ, оставляя ему въ наслѣдство громадное состояніе, которое безъ меня все прахомъ разлетится! А вотъ, Богъ дастъ, я все это устрою, и пусть тогда онъ живетъ какъ знаетъ: я весь свой нравственный долгъ исполню тогда въ отношеніи его!

— «Славься симъ, Максимъ Петровичъ, славься, нѣжная къ намъ мать!» — продекламировалъ насмѣшливо Бѣгушевъ.

— Я буду такой же нѣжной матерью и въ отношеніи васъ, если только обстоятельства потребуютъ того! Помните вашу недавнюю болѣзнь; я тутъ мало думала о себѣ: такой ужъ глупый нравъ мой!..

Бѣгушевъ, вспомнивъ свою болѣзнь и то, съ какою горячностью за нимъ ухаживала Домна Оси-

повна, постихъ нѣсколько: ему совѣстно сдѣлалось очень язвить ее... У Домны Осиповны не свернулось это съ глазу, и она очень была довольна, что поуспокоила *«своего тигра»*, какъ называла Домна Осиповна иногда въ шутку Бѣгушева.

— Я только теперь не знаю, — продолжала она, какъ-бы опять спрашивая его совѣта: — писать ли мнѣ моему безалаберному супругу о продѣлкахъ его Глаши... (Слово *безалаберный* Домна Осиповна съ умысломъ присоединила къ имени мужа, чтобы доставить тѣмъ удовольствіе Бѣгушеву.)

— Ни слова!.. Ни звука!..—воскликнулъ тотъ:— это ихъ дѣло: свои люди, разберутся. Но сама переѣзжай ко мнѣ, если боишься, что она отравитъ тебя!

— О, отравы ея я нисколько не боюсь! — произнесла Домна Осиповна. (Она въ самомъ дѣлѣ нисколько этого не боялась, а сказала затѣмъ только, чтобы напугать Бѣгушева, и напугала, какъ мы видѣли.)—Но я не могу оставить домъ, потому что она навѣрное его обокрадетъ! (Послѣдняго обстоятельства Домна Осиповна дѣйствительно боялась!)

По отъѣздѣ ея, Бѣгушевъ впалъ въ мрачное раздумье. Мечты его о поѣздкѣ за-границу и о полномъ обладаніи Домною Осиповною рушились: жди, пока она покончитъ всѣ дѣла мужа! Какъ ему ничтожно показалось бытіе человѣка! «О, хоть бы умереть поскорѣй!» сказалъ онъ и прослезился. Въ то время, какъ Бѣгушевъ страдалъ отъ какихъ-то чисто вымышленныхъ, по мнѣнію Домны Осиповны, страданій, на нее сыпались дѣла самаго серьезнаго свойства, вызывающія на серьезныя безпокойства: мужу она, не смотря на запрещеніе Бѣгушева, все-

таки написала довольно подробно о поведеніи его возлюбленной, потому что Глаша, дѣйствительно, послѣднее время допилась почти до чортиковъ; любовниковъ у нея былъ ужь не одинъ, а сколькимъ только угодно было: натура чухонско-петербургской кокетки въ ней проснулась во всей своей прелести!!

Отъ мужа Домна Осиповна навѣрное ожидала получить бранчивый отвѣтъ и нисколько этого не боялась, такъ какъ считала для себя священнымъ долгомъ говорить ему во всѣхъ случаяхъ жизни правду. Присланный отвѣтъ, однако, оказался явнымъ: «Безцѣнный другъ мой, Домоша,» писалъ Олуховъ: «несказанно благодарю тебя за увѣдомленіе о поведеніи моей прелестной Глашки; я заранѣе это предчувствовалъ: она при мнѣ еще пила и прочее другое. Церемониться съ ней нечего: потрудись ее немедленно вытурить съ квартиры; пусть существуетъ, какъ ей угодно!» И въ концѣ письма онъ прибавлялъ, что дѣдъ не сегодня, такъ завтра издохнетъ.

Прочитавъ все это, Домна Осиповна впала въ раздумье: приказать такъ сдѣлать, конечно, легко, но исполнить это приказаніе дѣло иное!.. Надобно было посовѣтоваться съ настоящимъ умнымъ человекомъ. Бѣгушева она на подобнаго рода дѣла считала совершенно не пригоднымъ; лучше бы всѣхъ, конечно, былъ Янсутскій, но того въ Москвѣ не было; оставался поэтому одинъ Гроховъ, но тутъ Домна Осиповна невольно вспомнила, до какой степени этотъ человекъ былъ жаденъ на деньги. Разсудивъ впрочемъ, она рѣшилась заранѣе назначить ему цѣну, выше которой онъ потомъ не будетъ

смытъ требовать; съ этою дѣлюю она въ тотъ же день послала ему записку, написанную нѣсколько свысока: «я вамъ заплачу двѣ тысячи рублей, если вы поможете мнѣ по двумъ моимъ дѣламъ, которыя я объясню вамъ при личномъ свиданіи. Пріѣзжайте ко мнѣ завтра, какъ можно пораньше, часовъ въ десять!» Въ назначенный срокъ Гроховъ явился. Домна Осиповна немедленно приняла его, сохраняя важный видъ, дабы выбить изъ корыстолюбивой головы адвоката всякую мысль о томъ, что онъ ей очень необходимъ.

— Мужъ мой,—начала она небрежнымъ тономъ:—далъ мнѣ странное порученіе! Госпожа его все еще продолжаетъ жить въ моемъ домѣ... дурить, Богъ знаетъ какъ... Михаилу Сергѣичу написали объ этомъ... (На послѣднихъ словахъ Гроховъ на мгновение вскинулъ глаза на Домну Осиповну). Онъ меня проситъ теперь вытурить ее изъ моей квартиры; я очень рада этому, но какимъ способомъ — неудомаваю; чрезъ квартальнаго, что ли?

Гроховъ нѣкоторое время подумалъ.

— Какъ она у васъ живетъ: по найму, по контракту?..—спросилъ онъ.

— Никакого нѣтъ ни найма, ни контракта,—отвѣчала Домна Осиповна.

Гроховъ еще немного подумалъ.

— Въ такомъ случаѣ не сочтете ли вы болѣе удобнымъ, чтобы я сходилъ и переговорилъ съ ней предварительно? — произнесъ онъ своимъ дѣловымъ тономъ.

— Пожалуй!—согласилась Домна Осиповна.

— Это лучше будетъ!.. Я схожу къ ней и переговорю,—сказалъ Гроховъ и поднялся было.

— О, нѣтъ, нѣтъ, это еще не все!.. Я, какъ писала вамъ, пригласила васъ по двумъ дѣламъ, за которыя и заплачу вамъ съ удовольствіемъ двѣ тысячи рублей, если только вы устроите ихъ въ мою пользу, а если нѣтъ, такъ ничего!.. Дѣдъ умираетъ и оставляетъ мужу все наслѣдство, то какъ же мнѣ отъ мужа получить пятьсотъ тысячъ?

— О, вы получите съ Михаила Сергѣевича даже больше! Вы видите, какъ все идетъ въ вашу пользу...— сказалъ Гроховъ: онъ понималъ хорошо людей!

— Но вы все-таки будете требовать съ меня двѣ тысячи?

— Только-съ!.. Какія вы нынче мнительныя стали!

— Будешь мнительна, по пословицѣ: кто обжегся на молоко, станетъ дуть и на воду,— кольнула его Домна Осиповна; но Гроховъ, какъ будто бы совершенно не понявъ ее, раскланялся и ушелъ.

Черезъ весьма короткое время Домна Осиповна получила отъ него визитную карточку съ надписью: «Все устроено благополучно!» А къ вечеру она увидѣла подѣхавшую фуру Шиперки для перевозки мебели изъ квартиры Глаши. Когда Домна Осиповна спросила дворника, куда эта госпожа переѣзжаетъ, тотъ отвѣчалъ ей, что въ Грузины, въ домъ господина Грохова, незадолго передъ тѣмъ имъ купленный. Глашу онъ, по обыкновенной своей методѣ, пугнулъ, сказавъ ей, чтобы она немедленно съѣзжала съ квартиры Олуховой, тогда онъ обѣщался помирить ее съ Михайломъ Сергѣичемъ, отъ котораго Глаша тоже получила письмо понятнаго содержанія;

но когда она не послушаетъ его, объяснялъ ей Гроховъ, такъ онъ плюнетъ на нее, и ее выгнать черезъ мирового!

V.

Въ подтвержденіе петербургскихъ слуховъ касательно Мѣровой и Тюменева, Бѣгушевъ получилъ отъ сего послѣдняго письмо такого пылкаго содержанія, что, прочитавъ его, развелъ отъ удивленія руками:

«Любезный другъ,» писалъ Тюменевъ, своимъ красивымъ, но замѣтно взволнованнымъ почеркомъ: «Не могу удержаться, чтобы не передать тебѣ о моемъ счастьи: я полюбилъ одну женщину и ею любимъ. Предчувствую заранѣе, что ты, по своей безпощадной откровенности, скажешь мнѣ, что это ложь, старческая сантиментальность, но ошибаешься!.. Прежде, дѣйствительно, я покупалъ женскую любовь, но теперь мнѣ ее дали за то, что я самъ люблю! Кто эта особа, ты вѣроятно догадываешься: это прелестная madame Мѣрова, которая для меня бросила Янсутскаго.»

На этомъ мѣстѣ Бѣгушевъ отъ досады приостановился читать письмо.

— Мѣрова для него бросила Янсутскаго?.. Полно, не Янсутскій-ли бросилъ ее?.. — воскликнулъ онъ и хотѣлъ съ этой мысли начать отвѣтъ пріятелю, но передумалъ: «Пускай его обманывается; развѣ я не также обманывался, да обманываюсь еще и до сихъ поръ», сказалъ онъ самъ себѣ и рѣшился лучше ничего не писать Тюменеву.

Вечеромъ Бѣгушевъ повѣхалъ къ Домнѣ Осиповнѣ, чтобы похвалить ее за проникательность. Онъ цѣлые три дня не былъ у ней. Последнее время они замѣтно рѣже видались. Домну Осиповну Бѣгушевъ засталъ дома и, такъ какъ были сумерки, то сначала и не замѣтилъ, что она сидѣла непричесанная, не одѣтая и вообще сама на себя не походила. Усѣвшись Бѣгушевъ не замедлилъ рассказать ей содержаніе письма Тюменева. Домна Осиповна слегка улыбулась.

— Я вамъ говорила это! — сказала она.

— А что же мечты моего друга о томъ, что ему подарили чувство, справедливы? — началъ ее вывѣдывать Бѣгушевъ.

Домна Осиповна отрицательно покачала головой.

— Не думаю! — проговорила она:—по крайней мѣрѣ, Лиза, рассказывая мнѣ объ объясненіи въ любви Тюменева, смѣялась надъ нимъ.

— Однако онъ лгуномъ никогда не былъ и если пишетъ, что ему дали любовь, такъ его конечно увѣряли въ этомъ.

— Будешь увѣрять во всемъ, какъ нужда заставитъ, — сказала невеселымъ голосомъ Домна Осиповна:—мы, женщины, такія несчастныя существа, что намъ ничего не позволяютъ дѣлать: если мы хлопчемъ немножко сами о себѣ, насъ называютъ прозаичными, безсердечными! а если очень понадѣмся на мужчинъ, нами тяготятся!

Бѣгушевъ понялъ, что въ этихъ словахъ и ему поставлена была шпилька, но прямо на нее онъ ничего не возразилъ, видя, что Домна Осиповна и безъ того была чѣмъ-то разстроена, и, только улы-

баясь, замѣтилъ ей, что она сама очень еще недавно говорила, что ей понятно, почему мужчины не уважаютъ женщинъ.

— Да, дрянныхъ женщинъ!.. Но не всѣ же онѣ такія!..—возразила она и затѣмъ, безъ всякой паузы, объявила, что мужъ ея вернулся изъ Сибири.

Лицо Бѣгушева мгновенно омрачилось.

— Когда? — спросилъ онъ глухимъ голосомъ.

— Третьяго дня! — отвѣчала Домна Осиповна.

— Что-же, дѣдъ простилъ его? — продолжалъ Бѣгушевъ.

— Дѣдъ умеръ!

— И господинъ Олуховъ, потому, сдѣлался наследникомъ пяти милліоновъ?

— Не знаю, собственно пяти-ли милліоновъ, но состояніе огромное, хоть и въ дѣлахъ все.

— По которымъ хлопотать вамъ придется?

— Конечно, и мнѣ будутъ хлопоты.

Далѣе Бѣгушевъ не спрашивалъ и перенесъ разговоръ на другое.

— А съ своей привязанностью господинъ Олуховъ помирился?

— Нѣтъ, кажется!

— И она не живетъ больше въ вашемъ домѣ?

— Давно!.. я тогда-же черезъ полицію почти просила ее удалиться...

И объ этомъ Бѣгушевъ не сталъ болѣе спрашивать.

Вскорѣ раздался звонокъ.

— Это мужъ вашъ, конечно? — проговорилъ Бѣгушевъ и взглянулъ мелькомъ на свою шляпу, какъ бы затѣмъ, чтобы взять ее и убраться восвояси.

— Не думаю!.. скорѣй это докторъ; мужъ уѣхалъ къ нашему адвокату и не скоро вернется, — отвѣчала Домна Осиповна.

Пріѣхалъ въ самомъ дѣлѣ докторъ Перехватовъ. Отъ потери восьми тысячъ въ банкѣ *Безкорыстная дѣятельность* онъ нѣсколько утратилъ свѣжесть своего превосходнаго румянца.

Войдя въ кабинетъ, Перехватовъ первоначально поклонился почтительно Бѣгушеву, а потомъ отнесся къ самой хозяйкѣ.

— Какъ сегодня ваше здоровье? — говорилъ онъ, беря ее за руку и, по обыкновенію, щупая пульсъ: — сегодня поспокойнѣ!.. гораздо поспокойнѣ!..

— Развѣ вы были больны? — спросилъ Бѣгушевъ Домну Осиповну.

— Такъ, неособенно, — отвѣчала та.

— Какое неособенно, — обличилъ ее докторъ: — я десять лѣтъ практикую, а такихъ истерикъ не встрѣчалъ!

— Онѣ у меня часто бываютъ, — объяснила Домна Осиповна.

— Не вѣрю... — возразилъ докторъ: — если бы онѣ у васъ въ такой степени часто повторялись, вы давно бы съ ума сошли!

— Фантазіи какія! съ ума сошла! — произнесла Домна Осиповна.

Бѣгушевъ внимательно прислушивался къ этому разговору. Ему страннымъ казалось, что Домна Осиповна не прислала ему сказать, что она больна, — и отчего съ ней могла случиться такая сильная истерика?.. «Ужъ не произошло ли у ней что-нибудь не-пріятное съ мужемъ?» пришло ему въ голову.

— Когда-же вы именно захворали? — спросилъ онъ ее.

— Вчера только! — отвѣчала Домна Осиповна и постаралась весело улыбнуться.

Бѣгушевъ не ошибался въ своемъ предположеніи: у Домны Осиповны дѣйствительно была непріятность съ мужемъ! Дѣло въ томъ, что Олухову его Глаша своей выпивкой, отъ которой она и дурнѣла съ каждымъ днемъ, все болѣе и болѣе дѣлалась противна. а вмѣстѣ съ тѣмъ видя, что Домна Осиповна къ нему добра, ласкова, и при этомъ, узнавъ отъ людей, что она находится съ Бѣгушевымъ вовсе не въ идеальныхъ отношеніяхъ, онъ началъ завидовать тому и мало-по-малу снова влюбляться въ свою жену. Домна Осиповна, еще до поѣздки его въ Сибирь, видѣла, что онъ все какъ-то ласкался къ ней, дѣловалъ безъ всякаго повода руки; тогда это не смущало ее; она даже была отчасти довольна такого рода его вниманіемъ, рассчитывая черезъ то сохранить на него болѣе сильное вліяніе.

Возвратясь же изъ Сибири и сдѣлавшись обладателемъ пяти милліоновъ, Олуховъ, не смотря на ничтожность своего характера, увѣровалъ однако въ одно, что когда у него денегъ много, такъ онъ можетъ командовать людьми, какъ хочетъ! Первоначальное и главное его намѣреніе было заставить Домну Осиповну бросить Бѣгушева, котораго Олуховъ началъ считать единственнымъ разрушителемъ его семейнаго счастья.

Въ первый день пріѣзда мужа, Домна Осиповна успѣла только замѣтить, что онъ былъ сверхъ обыкновенія важенъ и гораздо солиднѣе, чѣмъ прежде

держалъ себя, чему она и порадовалась; но на другой день Олуховъ прїѣхалъ домой къ обѣду послѣ завтрака въ Славянскомъ Базарѣ и былъ сильно выпивши. Усѣвшись съ прежнею важною за столъ, онъ прямо объявилъ Домнѣ Осиповнѣ, что желаетъ съ ней жить, какъ мужъ съ женой: «Будетъ ужь,—присовокупилъ Олуховъ,—довольно подурачились и вы, и я». Слова эти точно стрѣлы, пропитанныя ядомъ, пронзили все существо Домны Осиповны. Олуховъ ей былъ противенъ до омерзѣнія.

— Нѣтъ, это невозможно...—произнесла она тихо, и передъ ней мелькнули пятьсотъ тысячъ, которыя Домна Осиповна впрочемъ надѣялась получить отъ мужа и черезъ судъ, еслибы онъ не сталъ ихъ отдавать, а изъ прочаго его состоянія ей ничего не надо было, такъ покрайней мѣрѣ она думала въ настоящую минуту. Озадаченный отвѣтомъ жены, Олуховъ, въ свою очередь, поблѣднѣлъ: самодуръ дѣдъ въ немъ отчасти жилъ еще!

— Въ такомъ случаѣ я увезу васъ съ собою въ Сибирь: намъ тамъ надобно быть у нашихъ дѣлъ!..—проговорилъ онъ съ дрожащими губами.

— Я не поѣду съ вами! — возразила ему твердо Домна Осиповна:—у меня есть отъ васъ бумага, по которой я могу жить, гдѣ хочу.

— Я бумагу эту уничтожу! — воскликнулъ Олуховъ и ударилъ кулакомъ по столу.

— А когда вы такъ, — начала Домна Осиповна (она съ своими раздувшимися ноздрями и горящими глазами была въ гнѣвѣ пострашнѣй мужа):—то уберите совсѣмъ отъ меня!.. Домъ мой!.. заплатите мнѣ пятьсотъ тысячъ и ни ногой ко мнѣ!

— Пятисотъ копѣекъ вы отъ меня не получите!.. — кричалъ Олуховъ и, вставъ изъ-за стола, ушелъ къ себѣ внизъ.

Послѣ этого разговора съ Домной Осиповной и сдѣлался припадокъ истерики.

Олуховъ, между тѣмъ, выпавшись почувствовалъ робость въ отношеніи жены, очень хорошо сознавая, что безъ ея участія въ дѣлахъ ему одному ничего не сдѣлать. Придя къ ней вечеромъ, какъ только съ ней кончилась истерика, и она, совершенно еще ослабѣвшая, лежала въ постели, онъ сталъ просить у ней прощенія. На это ему Домна Осиповна сказала: «оставь меня совершенно на свободѣ и слушайся только, что я тебѣ буду совѣтовать».

Олуховъ на все согласился и уѣхалъ въ Эрмитажъ, чтобы хоть тамъ разсѣяться послѣ сибирской скуки.

Покорность мужа не очень успокоила Домну Осиповну. Она знала, какіе экспромты отъ него бываютъ, по прежней своей жизни съ нимъ. Что касается Бѣгушева, такъ она и подумать о немъ боялась, зная напередъ, что съ нимъ бороться ей гораздо будетъ труднѣе, чѣмъ съ мужемъ... Словомъ, она находила себя очень похожей на слабый челнъ, на который со всѣхъ сторонъ напираютъ волны и которому единственное спасеніе скользить какъ-нибудь посреди этого и не падать духомъ.

— Мужъ мнѣ сказывалъ, — продолжала она занимать своихъ гостей и обращаясь болѣе къ доктору: — что въ дѣлѣ Хмурина открылись уголовныя преступленія и что будто-бы онъ арестованъ!

— Объ этомъ въ газетахъ есть!.. — сказалъ Пе-

рехватовъ.—Да хоть-бы что-нибудь съ этими господами дѣлали!—продолжалъ онъ съ несвойственнымъ ему озлобленіемъ:—нельзя же имъ позволить грабить людей, честно добывающихъ себѣ копѣйку и сберегшихъ ее.

Въ это время вдругъ вошелъ Олуховъ, а за нимъ и Гроховъ.

— Это откуда ты и отчего не звонилъ?..—спросила не совсѣмъ дружелюбно мужа Домна Осиповна.

— Мы прямо съ низу, съ моей половины, по черной лѣстницѣ прошли, — отвѣчалъ ей Олуховъ тоже довольно сурово и помѣстился на самое отдаленное кресло: съ Бѣгушевымъ онъ почти не поклонился.

— Какъ это пріятно ходить по грязнымъ чернымъ лѣстницамъ!..—сказала Домна Осиповна.

Ей очень не понравилось такое нечаянное появленіе мужа, которое потомъ онъ и повторять, пожалуй, будетъ!

Грохова она представила Бѣгушеву и доктору, назвавъ его «адвокатъ Гроховъ».

— Онъ хлопочетъ и по вашимъ дѣламъ?—спросилъ ее докторъ тихо.

— Да!

Докторъ сдѣлалъ знаменательную мину и неодобрительно качнулъ головой.

Гроховъ неувлѣже раскланялся Бѣгушеву и доктору.

Домна Осиповна пригласила его садиться.

Гроховъ сѣлъ. Выраженіе лица его и вообще вся посадка его были исполнены самодовольства. Домна Осиповна очень хорошо понимала причину этого

самодовольства и заранѣе предчувствовала, что за дѣло, которое думала она предложить ему, онъ страшную цѣну заломить; но она дала себѣ слово не очень ему поддаваться.

Начавшійся затѣмъ разговоръ опять перешелъ на Хмурина.

— Неизвѣстно-ли вамъ, какъ человѣку, ближе насъ стоящему къ судебному вѣдомству, за что арестованъ Хмурина?—спросилъ докторъ Грохова.

На лицѣ того появилась насмѣшливая улыбка.

— Арестовалъ его еще пока только прокурорскій надзоръ!—проговорилъ онъ.

— Но прокурорскій надзоръ, конечно, сдѣлалъ это на основаніи какихъ-нибудь фактовъ!.. Факты эти вы знаете?

— Знаю!—отвѣчалъ, ядовито усмѣхаясь, Гроховъ.

— Какіе-же они?—допрашивалъ докторъ.

— А такіе,—продолжалъ Гроховъ:—что будто бы найдены въ банковскомъ портфелѣ господина Хмурина векселя съ фальшивыми подписями отъ людей уже умершихъ и фальшивыми, замѣтите, по мнѣнію только экспертизы, а какова наша экспертиза, это знаетъ все русское общество!.. Далѣе, прокурорскій надзоръ рассказываетъ, что существуютъ подложныя накладныя отъ фирмы господина Хмурина, подложныя счета для залога товаровъ... спрашивается: стоило ли такому богачу какъ Селиверстъ Кузьмичъ заниматься подобнымъ вздоромъ!.. Вотъ - съ вамъ факты прокурорскаго надзора!..

На прокурорскій надзоръ Гроховъ главнымъ образомъ былъ сердитъ за то, что самъ его очень побаивался по случаю своей собственной дѣятельности

— Но какой-же богачъ вашъ Селиверстъ Кузьмичъ, когда онъ банкротомъ сдѣлался! — воскликнулъ докторъ:—разорилъ цѣлый банкъ, а съ нимъ и тысячи людей?

— Банкротомъ онъ сдѣлался послѣднее время и то по политическимъ причинамъ, а векселя и накладныя гораздо раньше существовали, и наконецъ... Это не вѣроятно даже.. прокурорскій надзоръ дошелъ до того, что обвиняетъ господина Хмурина, какъ бы вы думали въ чемъ? Въ убійствѣ-съ, ни больше, ни меньше, какъ въ убійствѣ одного изъ своихъ кредиторовъ, съ которымъ онъ случайно пообѣдалъ въ трактирѣ, и тотъ вскорѣ послѣ того померъ!.. значить, господинъ Хмуринъ убилъ его?

— Эта исторія была вовсе не такъ, — продолжалъ горячиться докторъ:—вовсе!.. Я ее слышалъ подробно: господинъ Хмуринъ нѣсколько времени и весьма усердно упрашивалъ этого кредитора своего отобѣдать съ нимъ, говоря, что тутъ онъ и получить отъ него расчетъ... взялъ для этого обѣда самый отдаленный номеръ... Въ номерѣ этомъ нѣкоторые изъ публики слышали крикъ и когда спрашивали половыхъ: «что такое тамъ?»... имъ отвѣчали, что купцы одни разгулялись, а послѣ этого кредиторъ этотъ, не выходя изъ трактира, умеръ, и при немъ ни векселя, ни денегъ не найдено!

На такой рассказъ Гроховъ громко расхохотался.

— Романъ-съ!.. романъ!—сказалъ онъ:—и какъ это правдоподобно: убить или отравить, что-ли, тамъ, человека средь бѣлаго дня... въ трактирѣ... при стеченіи публики.

— Мнѣ самой это кажется невѣроятнымъ!—под-

держала Грохова и Домна Осиповна:—впрочемъ, что мы все говоримъ о чужихъ дѣлахъ; пора намъ о своемъ дѣлѣ потолковать,—прибавила она, взглянувъ на Бѣгушева, который все время сидѣлъ, потупя голову.

— Именно-съ, лучше о своихъ дѣлахъ намъ толковать! — согласился съ ней Гроховъ.

Докторъ при этомъ всталъ.

— До свиданья! — сказала онъ, протягивая ей руку.

— До свиданья! — проговорила Домна Осиповна, всовывая ему въ руку пятирублевку.

Она очень рада была, что докторъ уѣзжаетъ, рассчитывая, что совѣщаніе ея съ Гроховымъ и мужемъ недолго продолжится, что тѣ тоже уѣдутъ скоро, и она останется съ Бѣгушевымъ вдвоемъ.

— Извините, Александръ Ивановичъ, я черезъ минуту вернусь къ вамъ, — отнеслась Домна Осиповна къ тому. Бѣгушевъ ни слова ей не отвѣтилъ, и когда Домна Осиповна, Олуховъ и Гроховъ ушли, онъ сталъ съ понуренной головой и мрачнымъ выраженіемъ въ лицѣ прислушиваться къ довольно оживленному разговору, начавшемуся между ними въ сосѣдней комнатѣ. Гроховъ говорилъ: «Прежде всего-съ, надобно, чтобы духовная была утверждена, а потомъ ходатайствовать о введѣ во владѣніе!» — «Но кто же это сдѣлаетъ?.. Кто?..» настойчиво спрашивала Домна Осиповна.—«Я-съ, если это вамъ угодно!..» отвѣчалъ Гроховъ.—«А что же это будетъ стоить со всѣми казенными расходами и съ платой вамъ?» любопытствовала Домна Осиповна.—«Стоить будетъ порядочно, но, слава Богу, найдется потомъ

изъ чего заплатить!..» объяснялъ Гроховъ.—«Да, но эта неопредѣленность хуже всего!..» произнесла Домна Осиповна, «и потомъ какъ же и отъ кого я получу слѣдующія мнѣ собственно пятьсотъ тысячъ?»—«Въ такомъ случаѣ», возразилъ ей Гроховъ, «возьмите вы довѣренность отъ Михаила Сергѣевича и хлопочите сами, тогда не будетъ для васъ никакой *неопредѣленности!*»

Домна Осиповна видѣла, что онъ обидѣлся, и сочла за лучшее нѣсколько уступить ему.

— Сама хлопотать я не могу, вы это знаете... хлопотать вы будете, и только возьмите за это къ тѣмъ двумъ тысячамъ, которыя я вамъ должна, еще трп, и выйдетъ пять!—проговорила она.

— А дорога въ Сибирь ваша? — спросилъ Гроховъ.

— Нѣтъ, ужь все ваше! — отвѣчала Домна Осиповна.

— Какъ это можно: дорога должна быть наша! — произнесъ еще первое слово Олуховъ, припомнившій, сколько онъ самъ просадилъ денегъ по дорогѣ въ Сибирь и оттуда и напиваясь на каждой станціи шампанскимъ.

— Вотъ поди ты и разговаривай съ барынями! — сказалъ, усмѣхнувшись и мотнувъ ему головой, Гроховъ.

— Что-жь съ барынями?.. Адвокатовъ нынче много, не первое время... — замѣтила Домна Осиповна.

— Но много-ли добросовѣстныхъ?.. — спросилъ Гроховъ.

— Есть и добросовѣстные! Извольте: дорога

наша... — раскошелилась наконецъ Домна Осиповна.

— Слушаю-съ! — произнесъ не безъ удовольствія въ голосъ Гроховъ.

— Итакъ, по рукамъ, значить?—сказала Домна Осиповна.

— Да-съ, по рукамъ!.. — подхватилъ Гроховъ, и они въ самомъ дѣлѣ ударили рука въ руку.

Послѣ этого Гроховъ и Олуховъ стали собираться уѣзжать... Послѣднему смертельно хотѣлось въ Эрмитажъ, чтобы тамъ такъ разсвѣяться, какъ и вчера; но только у него въ карманѣ денегъ не было ни копѣйки.

— Дай мнѣ, пожалуйста, рублей двѣсти! — шепнулъ онъ женѣ.

Та съ удовольствіемъ подала ему изъ своего портмоне просимую имъ сумму и при этомъ тоже очень тихо сказала ему:

— Вы, пожалуйста, когда возвратитесь, то приходите къ себѣ внизъ: я знаю, какіе вы явитесь!

— Понимаю я это! — отвѣчалъ тотъ и не замедлилъ уѣхать вмѣстѣ съ Гроховымъ.

Бѣгушевъ изъ всего предыдущаго разговора, конечно, слышалъ только половину, но и того было очень достаточно!

Домна Осиповна возвратилась къ нему съ лицомъ добрымъ, любящимъ и, повидимому, совершенно покойнымъ. По ея мнѣнію, что ей было скрывать передъ нимъ?.. То, что она хлопотала по своимъ дѣламъ, но это очень естественно, а что въ отношеніи его она была совершенно чиста, въ этомъ онъ не долженъ былъ бы сомнѣваться!

Бѣгушевъ, когда она усѣлась около него, все еще не поднималъ головы. Домна Осиповна сама уже взяла и поцѣловала его руку, тогда только онъ взмахнулъ на нее глазами.

— Ну вотъ, наконецъ, начинается все понемногу устраиваться,—сказала она:—черезъ какіе-нибудь полгода я уѣду съ вами надолго... надолго..

— Никогда ты не уѣдешь со мной надолго!.. — проговорилъ Бѣгушевъ: — полгода еще ждать! — воскликнулъ онъ,—но какъ же я эти полгода буду существовать посреди того общества, въ которое вы меня поставили?

— Въ какое я тебя общество поставила?—спросила съ удивленіемъ Домна Осиповна.

— А въ такое, какое сегодня у васъ было!

— Ахъ, Боже мой! ты можешь совсѣмъ не видать этого общества; я къ тебѣ буду ѣздить, а ты ко мнѣ и не заглядывай.

У Бѣгушева на языкѣ вертѣлось сказать ей: «а сама ты развѣ не такая, какъ окружающее тебя общество?»

— Но какъ же ты хочешь, чтобы мы устроили жизнь нашу?—спросила его Домна Осиповна.

— Не знаю какъ!..—отвѣчалъ Бѣгушевъ:—я захочу устроить такъ, а твои дѣла потребуютъ другаго!

Домнѣ Осиповнѣ показалось, что Бѣгушевъ отбояривается отъ нея и что она ему надоѣла; но, взглянувъ на мученическое выраженіе лица его, она убѣдилась, что онъ любитъ ее и глубоко любить!

— Ты сегодня не въ духѣ, и я не въ духѣ; не будемъ больше объ этомъ говорить; дай я тебя поцѣлую!..—И она начала его цѣловать, но Бѣгушевъ

сидѣлъ какъ истуканъ и потомъ, вдругъ поднявшись, сказалъ: «прощай!»

Домна Осиповна начала было умолять его, чтобы онъ посидѣлъ, но Бѣгушевъ, отрицательно мотнувъ головой, поцѣловалъ ее, и она замѣтила при этомъ, что глаза его были полны слезъ.

Домна Осиповна хотѣла было проводить его, по обыкновенію, до передней, Бѣгушевъ не позволилъ ей того.

— Не провожайте меня!.. Для чего это! — проговорилъ онъ досадливымъ голосомъ и быстро ушелъ.

Домна Осиповна опустила тогда на свое кресло и, услыжавъ, что за Бѣгушевымъ горничная заперла дверь, она взяла себя за голову и произнесла съ рыданіемъ въ голосъ: «Несчастливая, несчастная я женщина, никто меня не понимаетъ!» Ночь Домна Осиповна всю не спала, а на другой день ее ожидала еще новая радость: она получила отъ Бѣгушева письмо, въ которомъ онъ писалъ ей: «Прощайте, я уѣзжаю!.. Я ли васъ мучилъ, вы ли меня, не знаю!.. Но намъ вмѣстѣ жить нельзя! Всякія человѣческія отношенія между нами должны быть покончены навсегда!» Домна Осиповна затрепетала всѣмъ существомъ своимъ и сейчасъ же поѣхала къ Бѣгушеву, но тамъ ея Прокофій не принялъ и сказалъ, что баринъ уѣхалъ или въ Петербургъ, или за-границу—неизвѣстно! У Домны Осиповны едва достало силы возвратиться домой, гдѣ съ ней опять сдѣлалась истерика. Олуховъ, бывший въ это время дома, поспѣшилъ послать за Перехватовымъ, который не замедля пріѣхалъ и оставался у Домны

Осиповны до глубокой ночи: постигшій ее на этотъ разъ припадокъ былъ еще сильнѣе прежняго.

Бѣгушевъ, когда прїѣзжала къ нему Домна Осиповна, былъ дома и только заранѣе еще велѣлъ всѣмъ говорить, что онъ уѣхалъ изъ Москвы. Послѣ ея звонка и когда Прокофій не принялъ ея, Бѣгушевъ усмѣхнулся, но такъ усмѣхаться не дай Богъ никому! Черезъ недѣлю онъ въ самомъ дѣлѣ уѣхалъ за-границу.

VI.

Парижъ, освѣщенный полдневнымъ солнцемъ, блисталъ бѣлизною своихъ зданій. Къ театру Большой Оперы подходили съ противоположныхъ сторонъ два человѣка, и, сойдясь у передняго фаса, оба они произнесли на русскомъ языкѣ довольно радостныя восклицанія.

— Кузень!..—сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Ваше превосходительство! — отвѣчалъ другой.

Это были Бѣгушевъ и тотъ широкоплечій генералъ, котораго мы нѣкогда встрѣтили въ Москвѣ. Они были нѣсколько съ-родни и считались кузенами.

Генералъ на этотъ разъ былъ, по заграничному обычаю, въ штатскомъ платьѣ, и отъ этого много утратилъ своей воинственности. Оказалось, что плечи его въ мундирѣ были ваточныя, грудь тоже понастегана, коротенькое пальто совершенно не шло къ нему и неловко на немъ сидѣло, но при всемъ томъ маленькая рука генерала и съ высокимъ подъ-

еюмъ нога, а болѣе всего мягкія манеры говорили объ его чистокровномъ аристократическомъ происхожденіи. Фамилія генерала была Траховъ.

— Неправда ли, какъ хорошъ этотъ театръ! — говорилъ онъ Бѣгушеву.

— Нѣтъ, не хорошъ! — отвѣчалъ тотъ; генераль былъ удивленъ такимъ мнѣніемъ.

— Чѣмъ? — спросилъ онъ.

— Пестро и липій ломаныхъ много!

— Да, но согласитесь, что и видъ сундука, какъ у нашихъ театровъ, не очень пріятенъ!

Бѣгушевъ на это ничего не отвѣтилъ и пошелъ еще разъ обходить кругомъ театръ. Генераль тоже послѣдовалъ за нимъ, но ему скоро сдѣлалось это скучно.

— Гдѣ вы завтракаете? — спросилъ онъ Бѣгушева.

— Гдѣ придется! — отвѣчалъ тотъ.

— Въ такомъ случаѣ пойдемте вотъ тутъ недалеко къ Адольфу Пеле, въ недавно открытый рестораникъ: прелесть что такое!

Бѣгушевъ согласился.

Въ рестораникъ Адольфа Пеле, должно быть, очень хорошо знали генерала и безконечно его уважали, потому что сейчасъ же отвели ему маленькое, но особое отдѣленіе. Усѣвшись тамъ съ Бѣгушевымъ, онъ произнесъ, съ удовольствіемъ потирая руки:

— Вы, конечно, ничего не будете имѣть противъ спинки молодого барашка? — сказалъ онъ Бѣгушеву.

— Напротивъ, я всегда за это блюдо!

Генераль приказалъ приготовить сказанную спинку, пояснивъ при этомъ главному гарсону, что другъ

его, Бѣгушевъ, такой же, если не большій гастрономъ, какъ и самъ генераль.

— О, одинъ видъ monsieur... (фамилію Бѣгушева французъ не запомнилъ сразу)... видъ monsieur говоритъ это.

Баранья спинка скоро была подана. Генераль съ классическимъ мастерствомъ разрѣзалъ ее и одну половинку положилъ Бѣгушеву на тарелку, а другую себѣ.

— Вы согласны, что парижская баранина лучшая въ мірѣ?—говорилъ онъ.

— Кавказская, по моему, лучше!..—сказалъ Бѣгушевъ.

— Такъ!.. такъ!.. виноватъ, я и забылъ это!—воскликнулъ генераль: — вообще, mon cher, я очень счастливъ, что встрѣтилъ васъ, — продолжалъ онъ, удовлетворивъ первое чувство голода.

Бѣгушевъ поблагодарилъ его.

— Я чрезвычайно люблю всѣхъ москвичей, даже самую Москву, грязноватую конечно, но въ которой въ то же время есть что-то родное, близкое сердцу каждаго русскаго человѣка!

— Можетъ быть, эта самая грязь и есть намъ родное!—произнесъ усмѣхаясь Бѣгушевъ.

— Можетъ быть, —согласился генераль:—но, какъ бы то ни было, я Москву люблю!

— А я, напротивъ, всегда считалъ васъ заклятымъ петербуржцемъ, — продолжалъ Бѣгушевъ съ прежней усмѣшкой.

— Нѣтъ!.. нѣтъ!..—возразилъ генераль: — особенно послѣднее время, особенно!.. когда всѣ тамъ какъ-то перессорились...

Бѣгушевъ вопросительно взглянулъ на него.

— Чего лучше было нашихъ отношеній съ вашимъ другомъ Ефимомъ Ѳедоровичемъ Тюменевымъ, — объяснилъ генералъ, разводя своими небольшими руками: — онъ каждую недѣлю у насъ обѣдалъ... Жена моя, вы знаете, была въ постоянномъ восторгѣ отъ него и говорила, что это лучший человѣкъ, какого она когда-либо знала, а теперь мы не кланяемся!

Бѣгушевъ усмѣхнулся.

— Изъ-за службы, вѣроятно, что-нибудь вышло? — спросилъ онъ.

Генералъ пожалъ плечами.

— Изъ-за службы, если хотите... Впрочемъ, прежде надобно рыбу заказать: барбю, конечно?

— Хорошо, — одобрилъ Бѣгушевъ.

— Барбю съ этимъ... моимъ соусомъ! — сказалъ генералъ гарсону.

— Oui, monsieur! — отвѣчалъ тотъ.

Генералъ снова приступилъ къ своему разсказу:

— Прошлой зимой съ письмомъ отъ Ефима Ѳедоровича вдругъ является ко мнѣ... вы непременно знаете его... является графъ Хвостиковъ.

— Хвостиковъ съ письмомъ отъ Тюменева? — переспросилъ Бѣгушевъ.

— Да!.. съ письмомъ, гдѣ Ефимъ Ѳедоровичъ проситъ меня опредѣлить графа Хвостикова на одно вакантное мѣсто. Я давнымъ-давно знаю графа лично... всегда разумѣлъ его за остроумнаго бонмотиста и человѣка очень пріятнаго въ обществѣ, но тутъ вышелъ такой случай, что лѣтъ 15 тому назадъ онъ уже служилъ у меня и занималъ именно это мѣсто, котораго теперь искалъ, и я вынужден-

нымъ былъ... хоть никогда не слылъ за жестокаго и безсердечнаго начальника... былъ принужденъ заставить графа выйти въ отставку.

— За что? — спросилъ Бѣгушевъ.

Генералъ пожалъ плечами.

— Онъ растратилъ у меня казенныя деньги!..

Послѣднія слова генералъ хотя и говорилъ по-русски во французскомъ ресторанѣ, но все-таки счелъ за лучшее сказать почти шепотомъ Бѣгушеву.

— Такъ что я, спасая уже честь моего вѣдомства, внесъ за него и внесъ довольно значительную сумму; — понимаете?

— Понимаю, — проговорилъ Бѣгушевъ.

— Графу я конечно не напомнилъ объ этомъ и только сухо и холодно объявилъ ему, что мѣсто это обѣщано другому лицу, но въ то же время, дорожа дружбой Ефима Ѳедоровича, я рѣшился тому прямо написать, и вотъ вамъ слово въ слово мое письмо: «Ефимъ Ѳедоровичъ», пишу я ему: «зная ваше строгое и никогда ни передъ чѣмъ не склоняющееся безпристрастіе въ службѣ, я представляю вамъ факты...» И подробно описалъ ему самый фактъ... «и спрашиваю васъ, бывъ въ моемъ положеніи, взяли ли бы вы опять къ себѣ на службу подобнаго человѣка.»

— Очень хорошо сдѣлали, что такъ прямо поставили Тюменеву вопросъ; онъ, вѣроятно, и не зналъ этой продѣлки Хвостикова, — сказалъ Бѣгушевъ.

— А вышло, cher cousin, нехорошо!.. — продолжалъ генералъ грустнымъ голосомъ: — Ефимъ Ѳедоровичъ страшно на меня обидѣлся и, встрѣтясь вскорѣ

послѣ того со мной въ Англійскомъ клубѣ, онъ повернулся ко мнѣ спиной и даже ушелъ изъ той комнаты, гдѣ я сѣлъ обѣдать, а потомъ, какъ водится, это стало отражаться и на самой службѣ: теперь какое бы то ни было представленіе отъ моего вѣдомства, Ефимъ Федоровичъ всегда противъ, и своей неумолимой логикой разбиваетъ все въ пухъ...

На этомъ мѣстѣ генераль былъ отвлеченъ отъ своего разговора: принесли барбю съ дымящимся соусомъ. При видѣ этого блага, нѣчто въ родѣ легкаго, радостнаго ржанія послышалось изъ груди генерала. Онъ забылъ въ одно мгновеніе Тюменева, всѣ служебныя дразги и принялся ѣсть.

— Эта рыба, я вамъ говорю, какъ бархатъ мягкій щекотитъ пріятно во рту. А соусъ какъ вы находите?

— Хорошъ!—одобрилъ Бѣгушевъ.

— Изобрѣтатель его я! — произнесъ генераль съ гордостью, указывая на себя.

— Вивать вамъ! — сказалъ Бѣгушевъ улыбаясь. Генераль потомъ обратился къ стоявшему недалеко гарсону.

— Французской публикѣ нравится мой соусъ? — спросилъ онъ.

— Oui, monsieur! — воскликнулъ тотъ и, съ свойственной французамъ лъстивостью, объяснилъ, что весь Парижъ въ восторгѣ отъ этого соуса.

Генераль самодовольно улыбнулся.

— Но почему вы, — сказалъ ему Бѣгушевъ: — еще разъ не писали Тюменеву или даже просто не подошли къ нему и не спросили у него, за что онъ такъ сильно на насъ разсердился?

— Ну, cher cousin, согласитесь, что это было бы очень щекотливо для моего самолюбія; кромѣ того, оказалось бы, вѣроятно, и бесполезно... мнѣ вскорѣ потомъ рассказали... — Тутъ генералъ приостановился какъ-бы въ нерѣшительности, говорить ли то, что онъ хотѣлъ говорить... — Но только, пожалуйста, чтобы это было *entre nous*, и не проговоритесь какъ-нибудь Тюменеву, — началъ онъ, — мнѣ рассказали... вотъ ужъ именно какъ справедливо говорить, что если гдѣ выйдетъ неприятность, такъ прежде всего надо спрашивать: какую тутъ роль женщина играла?.. рассказали, что *madame Мѣрова*, дочь графа Хвостикова, которую, можетъ быть, вы видали?..

— Видалъ!—проговорилъ Бѣгушевъ.

— Она очень хорошенькая, и главное чрезвычайно пикантная, что весьма рѣдко между русскими женщинами: онѣ или совсѣмъ больныя, или толстыя... *madame Мѣрова* прежде была въ интимныхъ сношеніяхъ съ Янсутскимъ, котораго вы тоже, вѣроятно, встрѣчали въ обществѣ?

— Встрѣчалъ,—отвѣчалъ съ презрительною улыбкою Бѣгушевъ.

— А кстати, онъ здѣсь, въ Парижѣ, и хотѣлъ сюда придти завтракать со мной.

Бѣгушевъ нахмурился.

— Я не охотникъ до него!—произнесъ онъ.

— Я самъ имѣлъ его прежде на очень худомъ счету, но вотъ, встрѣтись въ Парижѣ съ нимъ, убѣдился, что онъ человѣкъ очень услужливый, расторопный, и все мнѣ жаловался на *madame Мѣрову*, говорилъ, что она такая мотовка, что невозможно!..

Послѣднее время сотни тысячъ она стала изъ него тянуть!

— Вретъ онъ все, негодяй! — воскликнулъ Бѣгушевъ:— послѣднее время онъ не кормилъ ее даже!

Генераль былъ пораженъ.

— *Quoi?*—спросилъ онъ по-французски.

— Чортъ его знаетъ *quoi*; отдѣлаться, видно, хотѣлъ отъ нея, — отвѣчалъ Бѣгушевъ.

— Скажите, — произнесъ генераль, — но мнѣ потомъ рассказывали, — прибавилъ онъ негромко, — что *madame Мѣрова* составляетъ предметъ страсти Тюменева; — вы слышали это?

— Слышалъ что-то такое, — проговорилъ Бѣгушевъ.

— И вы не придаете этому никакого значенія большаго?

— Совершенно никакого!

— Ну-съ, а я вамъ на это скажу, что Ефимъ Ѳедоровичъ влюбленъ въ эту дамочку до безумія, до сумашествія!... до дурачества... это въ Петербургѣ всѣ знаютъ и всѣ говорятъ!

— До какихъ дурачествъ?—спросилъ Бѣгушевъ.

— До разныхъ!... Дѣлать можно многое; но понимаете, приличіе во всемъ! Еще Пушкинъ сказалъ: «свѣтъ не караетъ заблужденій, но тайны требуетъ для нихъ!» А Ефимъ Ѳедоровичъ сдѣлался очень неостороженъ... причину его ссоры со мной, конечно, всѣ очень скоро отгадали и это бросило на него сильную тѣнь... Потомъ... только опять умоляю, чтобы все это осталось между нами!... Онъ живетъ теперь въ Петергофѣ на одной дачѣ съ *madame Мѣровой*; ихъ постоянно видятъ вмѣстѣ на парходѣ

и на желѣзной дорогѣ; они катаются, гуляютъ вдвоемъ, а въ Петергофѣ, какъ нарочно, нынѣшнее лѣто очень много поселилось сенаторовъ, членовъ государственнаго совѣта... всѣ они знакомы съ Ефимомъ Ѳедоровичемъ и, встрѣчая его съ этой авантюристкой, удивляются, шовируются!... Жена моя, которая тоже живетъ въ Петергофѣ, просто въ отчаяніи, и не знаетъ:—принимать ли ей Ефима Ѳедоровича, или нѣтъ, когда онъ прїѣдетъ къ ней.

— Фу ты, Боже мой, какая строгость!—воскликнулъ Бѣгушевъ:—мало у васъ этого въ Петербургѣ!

— Безъ сомнѣнія!... Но Ефиму Ѳедоровичу не слѣдовало бы это дѣлать; къ нему какъ-то это нейдетъ! Жена моя, понимаете, никакъ не можетъ помириться съ этою мыслью, и прямо мнѣ пишетъ, что она ото всѣхъ людей ожидала подобнаго рода жизни, но не отъ Тюменева.

— Мало-ли чего женщины ожидаютъ и не ожидаютъ отъ мужчинъ!...—замѣтилъ не безъ намека Бѣгушевъ.

— Разумѣется!... особенно жена моя, которая черезъ-чуръ ужъ rude!... — подхватилъ генераль и потомъ послѣ короткаго молчанія присовокупилъ:— а что, мы не выпьемъ ли съ вами бутылку шампанскаго:— я русскій человекъ, не могу безъ шампанскаго.

Бѣгушевъ не отказался.

— Шампанскаго!—приказалъ генераль гарсону.

— Frappé à la glace?—спросилъ тотъ.

— Un tout petit peu!—отвѣчалъ генераль.

Шампанское подали, которое оказалось не frappé à la glace и очень плоховатаго качества, но какъ

бы то ни было, выпивъ его стакана два, генераль рѣшительно пришелъ въ умиленное состояніе.

— Какія иногда странныя мысли приходятъ въ голову человѣка! мнѣ вотъ, сидя въ этомъ маленькомъ кабацкѣ, припомнилось, какъ мы съ вами, cousin, служили на Кавказѣ и ставали на бивуакахъ... Для васъ, конечно, это было очень тяжелое время!

— Напротивъ, я никогда не былъ такъ счастливъ, какъ тогда!—возразилъ Бѣгушевъ.

— И это возможно!... Очень возможно!... согласился генераль:—одна молодость сама по себѣ, и то уже счастье!... Я послѣ васъ долго оставался на Кавказѣ, и вы оставили тамъ по себѣ очень хорошую память, главное, какъ о храбромъ офицерѣ!

— Что за особенно храбрый я былъ!—возразилъ Бѣгушевъ скромно.

— Очень храбрый!... Товарищи и начальники ваши тогда искренно сожалѣли, что вы оставили военную службу, для которой положительно были рождены; даже покойный государь Николай Павловичъ...—Эти слова генераль началъ опять говорить потише... — который, надо говорить правду, не любилъ васъ, но нашему полковому командиру, который приходился мнѣ и вамъ дядей, говорилъ нѣсколько разъ: «Какой бы изъ этого дѣвчѣ Бѣгушева.... извините за выраженіе.... вышелъ боевой генераль!» потому что дѣйствительно, когда вы на вашемъ десятитысячномъ конѣ вѣхали впереди вашего эскадрона, которымъ вы, замѣтьте, командовали въ чинѣ корнета, что было тогда очень рѣдко, то мнѣ одна изъ grandes dames... не Наталья Сергѣевна,

нѣтъ, другая, говорила, что вы ей напоминаете рыцаря средневѣковаго!

Бѣгушевъ при этомъ поднялся.

— Куда же вы?... подождите Янсутскаго, всё бы вмѣстѣ день и провели, — останавливалъ его генераль.

— Нѣтъ, я имѣю дѣло!—сказалъ ему рѣшительно Бѣгушевъ, главнымъ образомъ спѣшившій оставить ресторанъ, чтобы не встрѣтиться съ Янсутскимъ.

— Еще одно слово, cher cousin, — воскликнулъ генераль:—напишите, пожалуйста, если можно завтра же, къ Тюменеву, что я ни въ чемъ передъ нимъ не виноватъ, что я не зналъ даже ничего, отказывая графу Хвостикову.

Генераль главнымъ образомъ боялся Тюменева по службѣ!

— Хорошо, напишу,—отвѣчалъ ему съ улыбкой Бѣгушевъ и, расплатившись за завтракъ, ушелъ.

Генераль дожидался Янсутскаго часовъ до трехъ, наконецъ тотъ явился тоже въ штатскомъ платьѣ, съ окончательно пожелтѣлой, перекошенной и какъ-бы оглоданной рожей.

— Гдѣ вы были это?—спросилъ его генераль.

— Въ разныхъ мѣстахъ!... — отвѣчалъ Янсутскій:—дюжину устрицъ!...—прибавилъ онъ гарсону.

— Какъ можно въ маѣ мѣсяцѣ ѣсть устрицы!—остановилъ его генераль.

— Отчего не ѣсть?—спросилъ Янсутскій.

— Устрицы въ маѣ любятъ, а у нихъ четыре сердца, и вообразите, какія онѣ должны быть исхудалыя,—разъяснилъ генераль.

— Въ такомъ случаѣ я ничего не хочу... Дайте мнѣ кофе и коньяку!—сказалъ Янсутскій гарсону.

Тотъ подалъ ему требуемое.

Янсутскій, приливъ значительное количество коньяку въ кофе, началъ прихлебывать его: видимо, что онъ чѣмъ-то былъ очень встревоженъ и разстроень.

— Я завтра уѣзжаю въ Петербургъ, — объявилъ онъ генералу.

— Зачѣмъ? — спросилъ тотъ съ удивленіемъ и нѣкоторымъ сожалѣніемъ.

— Вызываютъ по дѣлу Хмурина, — отвѣчалъ Янсутскій съ окончательнымъ перекошеннымъ ртомъ.

— Хмурина?..—повторилъ генералъ еще съ большимъ удивленіемъ.

— Въ качествѣ свидѣтеля, не больше! — поспѣшилъ сказать Янсутскій; но втайнѣ онъ думалъ, что не въ качествѣ свидѣтеля, а ожидалъ чего-нибудь похуже! — Это въ одной только Россіи могутъ такъ распорядиться... вдругъ вызываютъ человека черезъ посольство, чтобы непременно пріѣхалъ... спроси бумагой, если что нужно, я имъ отвѣчу, а они меня отрываютъ отъ всѣхъ моихъ дѣлъ, когда у меня здѣсь, въ Парижѣ, и заказовъ пропасть по моимъ дѣламъ, и многое другое!

— Но чтожь было общаго между вами и Хмуринымъ?—спросилъ генералъ.

— Между нами, крупными дѣятелями, всегда очень много общаго! Офонькина вонъ тоже тянутъ, того даже изъ Египта, съ его виллы, гдѣ онъ проживалъ.

— Это жиды этого Офонькина?—сказалъ презрительно генералъ.

— Положимъ, онъ жидъ, но онъ человекъ очень богатый и чрезвычайно честный!.. — возразилъ Янсутскій:—не чета этому подлецу Хмуруну.—Прежде, когда Янсутскій обдѣлывалъ дѣла съ Хмуринымъ, то всегда того хвалилъ больше чѣмъ Офонькина, а теперь, начавъ съ Офонькинымъ оперировать, возносилъ его до небесъ!

— Такъ наша поѣздка въ Елисейскія поля, можетъ быть, не состоится?—произнесъ генералъ невеселымъ голосомъ.

— Отчего же не состоится?.. Нисколько!.. — воскликнулъ повеселѣвшимъ голосомъ Янсутскій; онъ въ это время выпилъ еще чашку кофе съ коньякомъ. — Я, что касается до удовольствій, особенно парижскихъ, то передъ смертной казнью готовъ идти на нихъ.

— Въ такомъ случаѣ жаль, что я Бѣгушева не пригласилъ на нашу прогулку, — продолжалъ генералъ:—онъ сейчасъ здѣсь со мной завтракалъ!..

— Съ Бѣгушевымъ, слуга покорный!.. я нигуда не пойду!

— Но что такое у васъ съ нимъ?—спросилъ генералъ съ любопытствомъ:—онъ какъ-то этакъ... да и вы тоже!..

— Рѣшительно ничего!.. просто не любимъ другъ друга, взаимныя антипатіи! — сказалъ Янсутскій, начавшій окончательно ненавидѣть Бѣгушева, потому что Домна Осиповна, послѣ разрыва съ послѣднимъ, въ порывѣ досады на него, рассказала Янсутскому, какъ Бѣгушевъ бранилъ ее за обѣдъ у него и какъ даже бранилъ самого Янсутскаго!

— Между прочимъ Бѣгушевъ мнѣ сказалъ, что онъ зналъ madame Мѣрову?—продолжалъ разспрашивать генераль. Онъ очень любилъ разговаривать о молоденькихъ и хорошенькихъ женщинахъ, чего дома ему рѣшительно не позволялось дѣлать.

— Какъ ему не знать... она близкая пріятельница его бывшей пріятельницы.

— Это madame Олуховой, если я не ошибаюсь...

— Сей самой-съ!—подхватилъ Янсутскій.

— Но она ужь больше не пріятельница Бѣгушева?—спросилъ генераль.

— Нѣтъ!.. напротивъ, врагъ его!.. исторію эту вашему превосходительству такъ надо рассказать... существовали въ Москвѣ два гражданскіе брака: мой съ Мѣровой и Бѣгушева съ Олуховой, и оба въ очень не долгомъ времени одинъ послѣ другаго расторглись по причинамъ далеко не схожимъ.

— А именно?—любопытствовалъ генераль.

— Я-съ долженъ былъ разстаться, потому что, какъ говорилъ вамъ, когда приливъ денегъ былъ большой, тогда можно еще было удовлетворять желанія госпожи Мѣровой, но когда ихъ уменьшилось, такъ что же тутъ сдѣлаешь?..

— Гмъ!..—произнесъ генераль, припомя слова Бѣгушева по этому поводу.

— А какая же причина у Бѣгушева?.. — спросилъ онъ

— Нѣсколько иная!.. Домна Осиповна главнымъ образомъ возмущалась тѣмъ, что Бѣгушевъ оказался скупцомъ великимъ!

— Бѣгушевъ!—даже воскликнулъ генераль, зная всегда кузена за человѣка весьма тароватаго.

— То есть, не въ смыслѣ жизни для себя, нѣтъ, а для другихъ!

— И то неправда!—сказалъ генералъ: — онъ мнѣ кузенъ, его щедрость извѣстна въ нашемъ родственномъ кругу!

Янсутскій, по обыкновенію, не надолго опѣшилъ: онъ не зналъ, что Бѣгушевъ былъ родня генералу.

— По крайней мѣрѣ, въ отношеніи Домны Осиповны Александръ Ивановичъ былъ таковъ. Онъ ей, въ продолженіе всей ихъ любви, не подарилъ даже какой-нибудь ленты рублевой,—проговорилъ онъ.

Генералъ сдѣлалъ небольшую гримасу. Онъ рѣшительно недоумѣвалъ, зачѣмъ Домнѣ Осиповнѣ была нужна рублевая лента?

Янсутскій, какъ бы понявъ его, выразился точнѣе.

— Конечно, дѣло не въ лентѣ рублевой, но Домна Осиповна, что очень естественно и свойственно женщинамъ, желала, чтобы Александръ Ивановичъ подарилъ ей что-нибудь, ну, хоть какую-нибудь дачку тысячь въ пять, въ шесть!

— Она сама богата! Сама бы могла купить себѣ дачу! — замѣтилъ генералъ.

— Но Домна Осиповна желала получить отъ него, потому что кто же къ богатству не стремится присоединить еще большаго богатства: это общее свойство людей! кромѣ того, въ подарокъ Бѣгушева Домна Осиповна увидѣла бы доказательство любви его.

Генералъ понималъ, что женщину, не имѣющую средствъ, мужчина долженъ на послѣднія средства поддерживать, понималъ, что женщина можетъ разорить мужчину: его самого въ молодости одна тан-

цовщица такъ завертѣла, что онъ только женитьбой поправилъ состояніе, но чтобы достаточной женщиной ждаты подарковъ отъ своего ami de coeur... это казалось генералу чувствомъ горничныхъ.

— За то, что Бѣгушевъ не подарилъ madame Олуховой дешевенькой дачки, она и подала ему карету? — спросилъ онъ съ несвойственной ему ядовитостью.

— За то, — отвѣчалъ Янсутскій, которому вовсе это было не удивительно въ Доминѣ Осиповнѣ. — По крайней мѣрѣ, она сама мнѣ говорила, что это одна изъ главныхъ причинъ! — присовокупилъ онъ.

Хорошо, что съдовласый герой мой не слышалъ, что рассказывалъ Янсутскій въ настоящія минуты о немъ и о Доминѣ Осиповнѣ. О, какъ бы возненавидѣлъ онъ ее, а еще болѣе самого себя зато, что любилъ подобную женщину!

Вечеромъ Бѣгушевъ еще разъ встрѣтилъ генерала. Томимый скукою, онъ шелъ съ понуренной головой по бульварамъ, среди многолюдной толпы, идущей, разговаривающей, смѣющейся, ѣвшей, пившей въ открытыхъ кофейняхъ, и, совершенно случайно, взмахнувъ глазами въ сторону, увидалъ небыстро ѣдущее ландо, въ которомъ на задней скамейкѣ сидѣли двѣ молодыя дамы, а на передней Янсутскій и генералъ. Оба кавалера разговаривали съ своими дамами самымъ развязнымъ и веселымъ образомъ. О томъ, какого сорта были эти особы, сомнѣваться нечего!.. Бѣгушевъ, попавъ въ лучъ зрѣнія кузена и вспомнивъ сужденія его о Тюменевѣ, погрозилъ ему пальцемъ.

Генералъ довольно громко крикнулъ ему по-русски:
— Я въ Парижѣ, а не въ Петербургѣ, — и затѣмъ приложилъ пальцы своей руки къ губамъ, давая тѣмъ знать Бѣгушеву, что онъ касательно этой встрѣчи долженъ всю жизнь носить замокъ на устахъ своихъ!

VII.

Все, что ни говорилъ генералъ Траховъ о Тюменевѣ, была правда. Ефимъ Федоровичъ, какъ-бы забывъ все въ мірѣ, предавался идилліи и жилъ на прелестнѣйшей дачѣ въ Петергофѣ вмѣстѣ съ madame Мѣровой; при нихъ также обиталъ и папаша ея, графъ Хвостиковъ. Съ Ефимомъ Федоровичемъ случилось явленіе, весьма часто повторяющееся между грубой половиной человѣческаго рода, мужчинами. Вначалѣ онъ предполагалъ войти въ легкія и кратковременныя отношенія съ madame Мѣровой. Ефимъ Федоровичъ, какъ мы знаемъ, не испытывалъ ни разу еще, такъ называемыхъ, благородныхъ интригъ и не вѣдалъ ни розъ, ни терній оныхъ: на первыхъ порахъ madame Мѣрова совершенно его очаровала и, только благодаря своему благоразумному темпераменту, онъ не надѣлалъ окончательныхъ дурачествъ.

Въ одно утро Тюменевъ сидѣлъ на широкой террасѣ своей дачи и пилъ кофе, который наливала ему Мѣрова. Тюменевъ рѣшительно являлъ изъ себя молодого человѣка: на немъ была соломенная шляпа, лѣтній пиджакъ и узенькія брючки. Что касается до

madame Мѣровой, то она была одѣта небрежно и нельзя сказать, чтобы похорошѣла, напротивъ, похудѣла и постарѣла. Напившись кофе, Тюменевъ сталъ просматривать газету, а madame Мѣрова начала глядѣть задумчиво вдаль. Вдругъ она увидѣла подѣхавшую къ ихъ дачѣ пролетку, въ которой сидѣлъ Бѣгушевъ.

— Боже мой, кого я вижу!—воскликнула Мѣрова съ неподдѣльнымъ удовольствіемъ и, соскочивъ съ террасы, бросилась на встрѣчу Бѣгушеву, обняла и даже поцѣловала его.

За ней слѣдовалъ и Тюменевъ. Онъ былъ очень доволенъ этою искреннею радостью Мѣровой пріѣзду его друга.

— Откуда? — спрашивалъ онъ, тоже обнимая и цѣлуя Бѣгушева.

— Изъ заграницы!—отвѣчалъ тотъ.

— Но какъ-же тебѣ не грѣхъ было не отвѣтить мнѣ на мое весьма важное для меня письмо, да и потомъ ни строчки!

— Я къ тебѣ и прежде не часто писалъ! — произнесъ себѣ подъ носъ Бѣгушевъ и при этомъ потупился.

— Знаю я... Этимъ только и успокоивалъ себя... Но гдѣ-же Домна Осиповна?... Отчего ты не привезъ ее къ намъ?

Мѣрова взглянула при этомъ на Бѣгушева.

Домна Осиповна давно увѣдомила ее о разрывѣ своемъ съ нимъ, и при этомъ описала его въ самыхъ черныхъ краскахъ, называя его эгоистомъ, скупцомъ, злецомъ. Мѣрова объ этомъ письмѣ ничего не говорила Тюменеву.

— Домны Осиповны, вѣроятно, здѣсь нѣтъ! Я не знаю даже, гдѣ она, объяснилъ ему Бѣгушевъ. Тюменевъ исполнился удивленія.

— Даже не знаешь!.. — проговорилъ онъ.

— Даже не знаю! — отвѣчалъ Бѣгушевъ съ удареніемъ.

Во все это время Мѣрова чрезвычайно внимательно смотрѣла на него.

— А за-границей вы лѣчили?—спросила она его.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Бѣгушевъ.

— Но ты, однако, очень перемѣнился... совѣмъ посѣдѣлъ... похудѣлъ!..—сказалъ ему Тюменевъ.

— Ужасно!.. невѣроятно!.. — подхватила съ участіемъ Мѣрова.

Бѣгушевъ при этомъ улыбнулся.

— Въ природѣ все мѣняется: таковъ ея законъ!—сказалъ онъ.

Затѣмъ, Тюменевъ началъ было его разспрашивать объ Европѣ, объ ея литературныхъ, художественныхъ, политическихъ новостяхъ и при этомъ, къ удивленію своему, замѣтилъ, что Бѣгушевъ какъ-бы никого тамъ не видалъ и ничего не читалъ.

— Но гдѣ-же ты собственно былъ? — спросилъ онъ его въ заключеніе.

— Въ Парижѣ.

— И чтожь тамъ дѣлалъ?

— Спалъ.

Тюменевъ расхохотался.

— Господи!.. въ Парижѣ спать?.. — воскликнула Мѣрова, припоминая, какъ она, бывши тамъ съ Янсутскимъ, бѣгала по красивымъ парижскимъ улицамъ въ какомъ-то ражѣ, почти въ сумашествіи.

Вслѣдъ затѣмъ она, такъ какъ ей пора было дѣлать туалетъ, оставила террасу, взявъ напередъ слово съ Бѣгушева, чтобы онъ никуда, никуда не смѣлъ отъ нихъ уѣзжать!

Когда пріятели остались вдвоемъ, между ними сейчасъ же начался болѣе откровенный разговоръ.

— Я все-таки, любезный другъ, желаю знать опредѣлительно, что неужели-же между тобой и Домной Осиповной совершенно и навсегда все кончено?

— Совершенно и навсегда!

— По какому поводу?

— По какому... — отвѣчалъ Бѣгушевъ неторопливо:— не скрываю, что я, можетъ быть, неправъ: по поводу того, что она пошлянка и мѣщанка!

Тюменевъ махнулъ рукою.

— Ну, да, понимаю!—сказалъ онъ:—а съ ея стороны?

— Съ ея стороны, я не знаю! Впрочемъ, она меня не оставляла, а я ее оставилъ.

Тюменевъ покачалъ неодобрительно головою.

— Капризникъ ты величайшій, вотъ что я тебѣ скажу.

— Не спорю!..—согласился Бѣгушевъ:—но самъ ты счастливъ вполнѣ съ madame Мѣровой? — добавилъ онъ.

Что-то въ родѣ кислой улыбки проскользнуло на губахъ Тюменева.

— Полнаго счастья въ жизни нѣтъ; но на сколько оно возможно, я счастливъ,—отвѣчалъ онъ.

— А противъ тебя тутъ вопіетъ все общество за твою любовь,—продолжалъ Бѣгушевъ.

— Кто тебѣ это говорилъ?

— Кузень мой, Траховъ.

— А, генераль отъ кухни!.. — произнесъ Тюменевъ съ явнымъ озлобленіемъ.

— Онъ умоляетъ тебя простить его за то, что имъ не былъ принятъ на службу графъ Хвостиковъ, хоть ты и ходатайствовалъ за него, — говорилъ Бѣгушевъ съ полуулыбкой.

— Твой кузень этотъ такой дуракъ, — началъ Тюменевъ, все болѣе и болѣе разгораясь: — и дуракъ неблагодарный: я дѣлалъ ему тысячи одолженій, а онъ не захотѣлъ взять къ себѣ больнаго, голодающаго старика на какое-то пустѣйшее мѣсто, которое тотъ ужъ и занималъ прежде.

— Но графъ на этомъ мѣстѣ проворовался, замѣтилъ Бѣгушевъ.

— Вздоръ-съ, выдумки все это! — воскликнулъ Тюменевъ.

Хвостиковъ съ божбой и клятвой успѣлъ его увѣрить, что онъ никогда ничего подобнаго не дѣлалъ.

— Тутъ, главное, то досадно, — продолжалъ Тюменевъ: — что у этого кухоннаго генерала половина чиновниковъ хуже графа, а онъ еще ломается, благородничаетъ!.. Впрочемъ, будемъ говорить о чемъ-нибудь болѣе пріятномъ... Скажи, madame Мѣрову ты хорошо знаешь? — заключилъ онъ.

— Нѣтъ; слышалъ только, что она добрая.

— Ну, а еще что слышалъ? пожалуйста, говори откровенно.

— Слышалъ еще, что мотовка великая!

Объ этомъ свойствѣ Мѣровой Бѣгушеву натвер-

дила Домна Осиповна и очень всегда обвиняла за то пріятельницу.

— Это есть отчасти, мотовата! — подтвердилъ Тюменевъ:—но полагаю, что отъ этого недостатка всякую женщину можно отучить убѣжденіями и разъясненіями.

Бѣгушевъ на лицѣ своемъ какъ-будто бы выразилъ, что: «пожалуй, можно; а, пожалуй, и нельзя!»

— Ты не предполагаешь жениться на Мѣровой?.. Она вдова!—сказалъ онъ.

При этомъ вопросъ Тюменева даже всего подернуло.

— Что за странная мысль пришла тебѣ въ голову; развѣ это возможно!—проговорилъ онъ.

— Отчего же невозможно?

Тюменевъ пожалъ плечами.

— Жена моя, — сказалъ онъ:—должна бывать во дворцѣ, но Елисавету Николаевну туда не пригласятъ, потому что прошедшее ея слишкомъ не безупречно, сверхъ того и характеръ ея!.. характеръ ея во всякомъ случаѣ меня остановилъ бы.

— Что-жь она капризна, зла?

— Не то что зла, взбалмошна! — отвѣчалъ Тюменевъ и вставъ притворилъ дверь съ террасы на дачу: — нагляднѣе всего это можно видѣть изъ нашихъ сердечныхъ отношеній, — продолжалъ онъ: — то иногда она сама начнетъ теревить, тормошить меня, спрашивать: «люблю-ли я ее?» Я конечно въ восторгѣ, а потомъ, когда я спрошу ее: «Лиза, любишь ты меня?»—она то проговоритъ: «да, немножко!» или комическимъ образомъ продекламируетъ: «люблю, люблю, безумно! пламенно!» А вотъ надняхъ такъ

ужь прямо, не перемонясь, объявила мнѣ, что я, по моимъ лѣтамъ, ничего отъ нея не имѣю права требовать, кромѣ уваженія, а потомъ задумалась и сдѣлалась мрачна, какъ я не знаю что! Разумѣется, я очень хорошо понимаю, что все это какое-то школьничество, рѣзвость, но все-таки, при отсутствіи другихъ данныхъ, необходимыхъ для семейной жизни, жениться мнѣ на Лизѣ страшновато!

Madame Мѣрова возвратилась и была, какъ слѣдуетъ на дачѣ, очень мило и просто одѣта. Бѣгушевъ, взглянувъ на часы, предложилъ было ѣхать въ Петербургъ обѣдать къ Дону, но Тюменевъ, подъ вліяніемъ своего идиллическаго настроенія, не согласился.

— Нѣтъ, отобѣдаемте здѣсь, на чистомъ воздухѣ; у насъ есть превосходная зелень, свѣжее молоко, грибы, вообще ты встрѣтишь, благодаря хозяйству Елисаветы Николаевны, обѣдъ не дурной,— проговорилъ онъ. Но увы!.. обѣдъ оказался очень плохъ, такъ что Тюменевъ принужденъ былъ объяснить Бѣгушеву, что кухарка у нихъ очень плохая.

— Да и хозяйка такая же!.. — созналась откровенно Мѣрова.

— О, нѣтъ!—хотѣлъ возразить ей Тюменевъ, но въ это время проходившій мимо дачи почтальонъ подалъ Елисаветѣ Николаевнѣ письмо, прочитавъ которое, она поблѣднѣла.

— Отъ кого это и что такое?—спросилъ ее Тюменевъ, обезпокоенный ея видомъ.

— Я не знаю что такое?.. ничего не понимаю!.. прочтите!.. — говорила она трепетнымъ голосомъ, и подала письмо Тюменеву: глаза ея были полны слезъ.

Тюменевъ, пробѣжавъ бѣгло письмо, тоже, какъ видно, былъ пораженъ. Мѣрова, между тѣмъ, начала уже рыдать.

— Папа, мой бѣдный папа!—воскликнула она.

— Померъ, что-ли, графъ?—спросилъ Бѣгушевъ.

— Нѣтъ, это бы еще было въ порядкѣ вещей; но онъ сегодня уѣхалъ въ Петербургъ, и пишетъ теперь, что арестованъ.

Бѣгушевъ тоже удивился.

— За что?

— Будто бы за знакомство съ Хмуринымъ, но за знакомство по политическимъ только дѣламъ арестуютъ... боюсь, чтобы со стороны графа не было болѣе серьезнаго проступка!

— Какой у него можетъ быть серьезный проступокъ!—воскликнула madame Мѣрова, продолжая рыдать:—вѣроятно, взялъ чьи-нибудь чужія деньги и прожилъ ихъ... Это все я, гадкая, скверная, виновата... Я мало ему помогала послѣднее время. Въ Москвѣ, онъ мнѣ самъ говорилъ, что по нѣскольку дней ему ѣсть было нечего! Я сейчасъ поѣду къ нему въ Петербургъ!

— Что-жъ вы поѣдете, — остановилъ ее Тюменевъ:—себя еще больше разстроите и никакой пользы не принесете. Лучше я поѣду, все тамъ узнаю и поправлю сколько возможно!

— Ничего вы не поправите!.. Очень нуженъ вамъ мой отецъ!—капризничала Мѣрова.

— Не отецъ вашъ, но ваше спокойствіе мнѣ нужно!—замѣтилъ ей тотъ съ нѣкоторою строгостью.

— Что же вы сдѣлаете? Попросите-ли, чтобы его выпустили.

— Можетъ быть, выпрошу, что и выпустятъ. Я поѣду прямо къ прокурору!..—говорилъ Тюменевъ, беря шляпу и пальто:—ты, пожалуйста, останься съ Елисаветой Николаевной, а то она одна тутъ истерзается!..—сказалъ онъ Бѣгушеву.

— Да, душенька, Александръ Ивановичъ, останьтесь со мной! — умоляла Мѣрова, беря его за руку.

— Останусь! — отвѣчалъ тотъ.

Тюменевъ послѣ того остановилъ ѣхавшаго порожнякомъ извозчика, нанялъ его и уѣхалъ.

— Бѣдный папа, бѣдный! — начала было снова восклицать Мѣрова и рыдать при этомъ.

— Зачѣмъ вы заранѣе такъ себя тревожите? Весьма вѣроятно, что все это кончится ничѣмъ, пустяками!—сказалъ ей Бѣгушевъ.

— Вы думаете, что пустяками? — переспросила его Елисавета Николаевна, сразу успокоенная немного этими словами его.

— Конечно, пустяками!—повторилъ Бѣгушевъ.— Что вы такая нѣжная дочь, это, разумѣется, хорошо!

— Ахъ нѣтъ, я дурная дочь!.. — перебила его Мѣрова.

Въ это время къ террасѣ подошелъ молодой человѣкъ и приподнялъ свою шляпу.

— Здравствуйте, Мильшинскій!.. — сказала ему еще сквозь слезы Мѣрова.

Мильшинскій приподнялъ свою шляпу также и Бѣгушеву; тотъ ему отвѣтилъ тѣмъ же.

— А вы за нами, вѣроятно?.. Думаете, что мы пойдемъ гулять... — сказала плачевнымъ голосомъ Мѣрова.

— Вы вчера это изволили говорить!—произнесъ вѣжливо молодой человѣкъ.

— Ахъ да, вчера другое дѣло; но сегодня со мной несчастье случилось, страшное, ужасное!

— Какое? — спросилъ молодой человѣкъ съ замѣтнымъ участіемъ.

— Послѣ скажу! — отвѣчала скороговоркой Мѣрова.

Молодой человѣкъ постоялъ еще нѣсколько времени около рѣшетки.

— А Ефимъ Ѳеодоровичъ?—спросилъ онъ.

— Онъ уѣхалъ въ Петербургъ! — отвѣчала Мѣрова.

Молодой человѣкъ все-таки не отходилъ отъ рѣшетки, и Бѣгушеву показалось, что какъ-будто бы сей юноша и Мѣрова кидали другъ на друга какіе-то робкіевзгляды и когда тотъ, сказавъ:—до свиданья!—пошелъ, то Елисавета Николаевна крикнула ему:

— Вы куда теперь?

— Въ Петергофъ иду пѣшкомъ! — отвѣчалъ ей молодой человѣкъ съ доброй улыбкой, и Мѣрова долго, долго слѣдила за нимъ, пока онъ совсѣмъ не скрылся изъ виду. Всѣ эти мелочи породили много мыслей въ пронизательномъ умѣ Бѣгушева.

— Кто этотъ молодой человѣкъ? — спросилъ онъ.

— Это Мильшинскій, онъ служитъ у Ефима Ѳеодоровича, — отвѣчала небрежно Елисавета Николаевна, потомъ помолчавъ, присовокупила нѣсколько нерѣшительнымъ голосомъ:—Александръ Ивановичъ, вы не разсердитесь на меня, если я васъ спрошу, какъ вы разстались съ Домной Осиповной.

— Въ какомъ смыслѣ вы хотите знать, какъ я съ ней разстался?—спросилъ тотъ.

— Въ такомъ, что много она плакала?

— Не знаю, я ея потомъ не видалъ.

— И объясненія между вами никакого не было?

— Никакого.

— Это, впрочемъ, лучше! — произнесла Мѣрова и взяла себя за голову. — Что тутъ объясняться? Зачѣмъ?

Бѣгушевъ молчалъ.

— А вы ее очень любили? — продолжала она.

— Любилъ!

— Можетъ быть, и теперь ее любите?

— Не знаю!—отвѣчалъ Бѣгушевъ.

— Но тогда для чего же вы ее покинули? — Она васъ любила, вы ее любили: изъ-за чего все это произошло?

— Изъ-за многого! — сказалъ Бѣгушевъ, не хотѣвшій Елисаветѣ Николаевнѣ объяснять поводы къ разлукѣ съ Домной Осиповной и полагавшій, что она не пойметъ ихъ.

— Домна Осиповна больна была очень послѣ того и писала мнѣ отчаянное письмо, гдѣ она называла вашу поступокъ *безчеловѣчнымъ*; я тоже согласна съ ней: вотъ другое дѣло, если бы вы не любили ея!..—заключила или, лучше сказать, какъ-то оборвала свои слова Мѣрова.

— Госпожа Олухова и до сихъ поръ больна? — спросилъ протяжно Бѣгушевъ.

— О, нѣтъ!..—воскликнула Мѣрова:—теперь она совершенно здорова и весела. Папа недавно былъ въ Москвѣ и заѣзжалъ къ ней. Онъ говоритъ, что

она опять сошлась съ мужемъ, формально сошлась живеть въ одномъ домѣ съ нимъ, у него нѣтъ никакихъ привязанностей... она заправляетъ всѣми его дѣлами... разъѣзжаетъ съ нимъ по городу въ щегольской коляскѣ... Янсутскій строитъ имъ домъ огромный, тысячъ въ пятьсотъ... Каждую недѣлю у нихъ обѣды и балы!

Складъ губъ Бѣгушева при этомъ разказѣ выразилъ чувство гадливости.

— И папа еще сказывалъ (у него обыкновенно ничего не сорвется съ глаза),—продолжала Мѣрова:—что за Домной Осиповной докторъ ея очень ухаживаетъ.

— Перехватовъ?—спросилъ Бѣгушевъ.

— Да... красавецъ московскій, херувимъ съ вербы,—развѣ тутъ что-нибудь не произойдетъ ли?—проговорила Мѣрова. Начавъ разговаривать о пріятельницѣ, она, кажется, совсѣмъ позабыла объ отцѣ.

Гадливость все болѣе и болѣе отражалась на лицѣ Бѣгушева.

— А сами вы ни въ кого не влюбились? — полюбопытствовала Мѣрова.

— Зачѣмъ же влюбляться?.. Развѣ это непрѣмная обязанность!..—произнесъ онъ.

— Не обязанность, но вы, я убѣждена, можете еще полюбить, если только какая-нибудь счастливица удостоится чести понравиться вамъ...

Бѣгушевъ при этихъ словахъ взглянулъ на Елисавету Николаевну: у ней что-то странное выразилось въ глазахъ.

— Нѣтъ, не могу!—сказалъ онъ.

— Рѣшительно не можете? — переспросила его еще разъ Мѣрова.

— Рѣшительно!

Странное выраженіе глазъ оставалось у Елисаветы Николаевны.

— А какъ вы сблизились съ моимъ другомъ, Ефимомъ Ѳедоровичемъ?— спросилъ ее въ свою очередь Бѣгушевъ.

Вопросъ этотъ на первыхъ порахъ смутилъ нѣсколько Елисавету Николаевну.

— Сблизилась, — начала она съ маленькой гримаской: — онъ мнѣ сдѣлалъ признаніе въ любви... сталъ принимать во мнѣ большое участіе... съ Янсутскимъ я тогда уже разсорилась и жила въ номерахъ.

— Но сами вы его любите теперь? — допытывался Бѣгушевъ.

Мѣрова еще болѣе смутилась и потомъ, вдругъ поднявъ свои глазки на Бѣгушева, пристально посмотрѣла на него.

— Я бы вамъ призналась, но вы расскажете Ефиму Ѳедоровичу,—произнесла она какимъ-то почти дѣтскимъ голосомъ.

— Нѣтъ, не расскажу,—успокоилъ ее Бѣгушевъ.

— Поклянитесь, что не расскажете?

— Зачѣмъ же клясться? Если я говорю, что не скажу, то и не скажу.

— Ну хорошо. Ефима Ѳедоровича я уважаю только; любить его нельзя, онъ очень старъ, какой-то невеселый и при этомъ нѣжничаетъ еще, фи!..

«Бѣдный другъ мой!» подумалъ про себя Бѣгушевъ.

— Моя жизнь очень тяжела, — продолжала Мѣрова:—я по наружности только смѣюсь и болтаю, а спросили бы меня, что я чувствую... Доктора вонъ говорятъ, что у меня чахотка; а я все не могу умереть!

При этихъ ея словахъ Бѣгушеву сдѣлалось ужь ей жаль. Понятно, что Елисавета Николаевна несколько не любила Тюменева.

— Неужели же Янсутскій лучше Ефима Ѳедоровича?—сказалъ онъ.

— Я не говорю этого, но Янсутскій больше развлекалъ меня: мы почти каждый вечеръ ѣздили то въ театръ, то въ собраніе, то въ гости, а Ефимъ Ѳедоровичъ все сидитъ дома и читаетъ мнѣ стихи Лермонтова!

Послѣднее занятіе повидимому было болѣе всего неприятно Мѣровой.

Бѣгушевъ при этомъ невольно улыбнулся, воображая, какъ его высокопочтенный другъ передъ своей юной подругой читалъ съ чувствомъ и съ удареніемъ: *«Терекъ воетъ, дикъ и злобенъ межъ утесистыхъ громадъ!»*

Елисавета Николаевна наконецъ встала: безпокойство и досада виднѣлись въ ея хорошенькихъ глазкахъ.

— Какой досадный этотъ Тюменевъ: до сихъ поръ не ѣдетъ!—произнесла она раздраженнымъ голосомъ. — Пойдемте, пожалуйста, въ Петергофъ, пѣшкомъ ему на встрѣчу, чтобы мнѣ поскорѣе узнать о папа!

Бѣгушевъ согласился, но вмѣстѣ съ тѣмъ заподозрилъ, что не одно желаніе узнать поскорѣе объ

участи отца заставляло Мѣрову придумать эту прогулку, и что въ этомъ скорѣе таилась надежда встрѣтиться съ молодымъ человѣкомъ, ушедшимъ именно по этой дорогѣ.

Предположеніе его врядъ-ли было не справедливо, потому что Мѣрова, какъ только издалека еще видѣла идущаго имъ на встрѣчу мужчину, то сейчасъ же, прищуривъ глазки, начинала смотрѣть на него и, когда оказывалось, что это былъ совсѣмъ не знакомый ей, она дѣлала досадливую мину и обращалась съ разговоромъ къ Бѣгушеву. Въ Петергофѣ имъ пришлось ожидать поѣзда цѣлый часъ. Чтобы занять себя чѣмъ-нибудь, они ходили по Петергофскому саду, взбирались на его горы, глядѣли на фонтанъ *Самсонъ*. Бѣгушевымъ отъ всѣхъ этихъ далеко не новыхъ ему видовъ овладѣла невыносимая скука; Мѣрова же была озабочена своими собственными мыслями. Наконецъ въ половинѣ восьмаго они направились къ вокзалу и едва успѣли войти въ него, какъ Мѣрова, шедшая подъ руку съ Бѣгушевымъ, явно радостнымъ голосомъ произнесла: «Ахъ, и вы тутъ?» Бѣгушевъ обернулся и увидѣлъ, что около нихъ стоялъ Мильшинскій. Подозрѣніе его окончательно утвердилось: «Бѣдный другъ мой!» повторилъ онъ еще разъ и хотѣлъ заняться внимательнымъ наблюденіемъ за Мѣровой и ея знакомымъ, но въ это время раздался свистъ подходящаго поѣзда. Елисавета Николаевна стремглавъ бросилась на платформу, такъ что Бѣгушевъ едва успѣлъ за нею, и черезъ нѣсколько минутъ изъ вагона перваго класса показался Тюменевъ, а за нимъ шелъ и графъ Хвостиковъ. Мѣрова съ рыданьями бросилась отцу

на шею. У графа Хвостикова тоже появились слезы на глазахъ.

— Тебя выпустили, папа!—говорила она.

— Послѣ!.. послѣ!.. — перебилъ ее тотъ и обратился къ Бѣгушеву.

— Вы видите передъ собой преступника и арестанта!..—И при этомъ графъ съ горечью показалъ на себя.

Когда всѣ вошли въ залу, то Мильшинскій былъ еще тамъ и, при проходѣ мимо него Тюменева, почтительно ему поклонился, а тотъ ему на его поклонъ едва склонилъ голову: очень ужъ Мильшинскій былъ ничтоженъ по своему служебному положенію передъ Тюменевымъ! На дачу согласились идти пѣшкомъ. Тюменевъ пошелъ подъ руку съ Мѣровой, а графъ Хвостиковъ съ Бѣгушевымъ. Графъ шелъ съ наклоненной головой и очень печальный. Бѣгушеву казалось не деликатнымъ начать его спрашивать о причинѣ ареста, но тотъ, впрочемъ, самъ заговорилъ объ этомъ:

— Блаженъ, блаженъ, кто не ходитъ на совѣтъ нечестивыхъ! — началъ онъ мелодраматическимъ голосомъ: — пока я не водился съ мошенниками, было все хорошо; а повелся, самъ оказался мошенникомъ.

— Въ чемъ же васъ обвиняютъ?.. Неужели въ знакомствѣ только?

— Обвиняютъ меня въ ужасной вещи, въ гадкой... Вы знаете, я занимался у Хмурина дѣлами, главнымъ образомъ, въ томъ смыслѣ, что въ трудныхъ случаяхъ, когда его собственной башки не хватало, помогалъ ему совѣтами. Разъ онъ мнѣ поручилъ продать на биржѣ нѣсколько векселей съ его блан-

новыми подписями, которые потомъ оказались фальшивыми, спрашивается, могъ я знать, что они фальшивыя?

— Конечно, могли и не знать! — сказалъ Бѣгушевъ, думая про себя, что если бы ты, голубчикъ, и зналъ это, такъ все-таки продалъ бы векселя изъ угожденія Хмурину. — Однако васъ выпустили; доказательство, что въ поступкѣ вашемъ не видятъ ничего важнаго! — прибавилъ онъ вслухъ.

— Пока выпустили!.. Я не знаю, какъ Тюменевъ это устроилъ!.. — проговорилъ графъ Хвостиковъ нѣсколько страннымъ голосомъ: — меня тутъ больше всего беспокоитъ, что Лизу, говорилъ мнѣ Ефимъ Федоровичъ, очень это огорчило.

— Очень! — подтвердилъ Бѣгушевъ.

— О, она любитъ меня... я видѣлъ много тому доказательствъ, — произнесъ съ чувствомъ графъ, и слезы у него снова навернулись на глазахъ. Отъ старости и отъ разнаго рода житейскихъ передрагъ Хвостиковъ становился наконецъ слезливъ.

— Какъ я тебѣ благодарна, что ты спасъ отца, — говорила въ это время Мѣрова.

Тюменевъ ничего ей на это не отвѣтилъ.

— Ты, я думаю, какъ только пріѣхалъ и попросилъ тамъ, его сейчасъ же и выпустили.

— Да, я съѣздилъ къ прокурору!.. — проговорилъ протяжно Тюменевъ и съ нѣсколько кислой улыбкой на губахъ: въ сущности, онъ обязался внести залогу пять тысячъ рублей за графа Хвостикова. — Только чтобы родитель вашъ не улизнулъ куда-нибудь, тогда я за него въ отвѣтъ буду! — объяснилъ онъ.

— Куда-жь ему улизнуть?—воскликнула Мѣрова,— у него денегъ нѣтъ доѣхать даже до Петербурга!

— И не давайте, пожалуйста, ему теперь денегъ! — объявилъ Тюменевъ.

Проводя друзей своихъ до дачи, Бѣгушевъ распрощался съ ними и отправился обратно въ Петербургъ. Невозможно описать, какая тоска имъ владѣла. Отчего это происходило: отъ разстройства-ли брюшныхъ органовъ или отъ встрѣчаемаго всюду и вездѣ безобразія, онъ самъ бы не могъ отвѣтить.

Войдя въ свой просторный номеръ, Бѣгушевъ торопливо спросилъ себѣ бутылку хереса и почти залпомъ выпилъ ее. Последнее время онъ довольно часто сталъ прибѣгать къ подобному развлеченію.

VIII.

Въ обвинительномъ актѣ по дѣлу Хмурина графъ Хвостиковъ не былъ обозначенъ. Тюменевъ успѣлъ кому слѣдуетъ растолковать, до какой степени графъ глупъ и какой онъ нищій. Сей послѣдній, конечно, не зналъ этого и былъ въ восторгѣ, что спасся отъ бѣды. По наружности, впрочемъ, графъ Хвостиковъ сохранилъ довольно гордый и спокойный видъ и всѣмъ говорилъ: «Я зналъ это! Совершенно увѣренъ былъ въ томъ!..» А между тѣмъ, скрывая отъ всѣхъ, онъ ходилъ въ Казанскій соборъ, когда тамъ никого не было народу, становился на колѣни передъ образомъ Казанской Божьей Матери и горячо молился: «Богородица, Богородица, я въ тебя не

вѣрилъ прежде, а теперь вѣрую и исповѣдаю Тя!»— говорилъ онъ, колотя себя въ грудь и сворачивая нѣсколько въ *славянскій тонъ*: «дай мнѣ только прокормиться въ жизни и не умереть съ голоду, заступница и хранительница всѣхъ неимущихъ!..»— шепталъ онъ далѣе.

Когда начался судъ по дѣлу Хмурина, графъ, выпросивъ позволеніе у Тюменева переѣхать въ городъ на его квартиру, являлся на каждое засѣданіе, а потомъ забѣгалъ къ Бѣгушеву въ гостиницу и питался у него. По самой пустотѣ своей, Хвостиковъ не былъ злой человѣкъ, но и онъ въ неистовство приходилъ, рассказывая Бѣгушеву, какъ Янсутскій и Офонькинъ вывертывались у слѣдователя на судебномъ слѣдствіи.

— Это такіе, я тебѣ скажу, мошенники,— говорилъ онъ, ходя съ азартомъ по комнатѣ въ то время, какъ Бѣгушевъ полулежалъ на диванѣ и съ любопытствомъ слушалъ его:— такіе, что... Особенно Янсутскій. (На послѣдняго графъ очень злился за дочь). Всѣ знаютъ, что онъ вмѣстѣ обдѣлывалъ разныя штуки съ Хмуринымъ, а выходитъ чистъ, какъ новорожденный младенецъ... Слѣдователь, надобно отдать ему честь, умѣлъ читать душу у всѣхъ насъ; но Янсутскій и тому отводилъ глаза: на все у него нашлось или росписочка отъ Хмурина, или приказъ Хмурина!

— Онъ полякъ, должно быть! — замѣтилъ Бѣгушевъ, не мѣняя своей позы.

— Вѣрное замѣчаніе!.. Непремѣнно полякъ!.. согласился Хвостиковъ:—но это бы еще не бѣда!..

Я самъ человѣкъ французскаго воспитанія... Даже болѣе того: французъ по происхожденію.

— Это съ какой стати? воскликнулъ Бѣгушевъ.

Графъ Хвостиковъ немного позамялся.

— Эта исторія, я думаю, извѣстна всѣмъ: я сынъ не графа Хвостикова, а эмигранта французскаго, бѣжавшаго въ Россію послѣ первой революціи, который былъ гувернеромъ моихъ старшихъ братьевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ *le bien aimé* моей матери...

«Этакой болванъ! — подумалъ Бѣгушевъ:— для вздорной болтовни не щадитъ и матери».

— Но я все-таки русакъ,—продолжалъ Хвостиковъ. По какому-то отдаленному чутью онъ предугадывалъ, что въ послѣднее время битъ въ эту сторону стало недурно!

— Офонькинъ тоже, должно быть, на слѣдствіи красивъ: перепугался, вѣроятно, до-нельзя!...—сказалъ Бѣгушевъ.

— Въ началѣ очень, а теперь нѣтъ. Отлично отлыниваетъ; у него всё дѣла вотъ какъ переплетены были съ дѣлами Хмурина:..—говорилъ графъ и при этомъ пальцы одной руки вложилъ между пальцами другой:—но по дѣлу выходить, что ничего, никакой связи не было.

— Онъ жидъ!—замѣтилъ Бѣгушевъ.

— Чистѣйшій!.. Безъ отмѣтины!..—продолжалъ Хвостиковъ:—такъ что, я вижу, присяжные даже злятся, что отчего же эти господа не на скамьѣ подсудимыхъ, потому что они хуже тѣхъ, которыхъ судятъ!.. О, я тебѣ скажу, у насъ вездѣ матери Митрофаніи: какое дѣло ни копни, мать Митрофанія № 1-й, мать Митрофанія № 2-й и 3-й!

Бѣгушевъ расхохотался, послѣдняя мысль графа ему очень понравилась. Тотъ это подмѣтилъ и продолжалъ:

— Сатирикомъ ужь я сдѣлался!.. Впрочемъ говорить, что я давно на Вольтера походилъ.

— Только на беззубаго,—поумѣрилъ его Бѣгушевъ.

— Это такъ!— согласился Хвостиковъ:—ни одного своего зуба нѣтъ: всѣ вставленные.

— А какъ Хмуринь себя держитъ на судѣ?—полюбопытствовалъ Бѣгушевъ.

— Великолѣпно, гордо, спокойно, осанисто, и когда эти шапки Янсутскій и Офонькинъ начнутъ его щипать, онъ только имъ возражаетъ: «Помните Бога, господа, такъ-ли это было?—Не вы-ли мнѣ это совѣтовали, не вы-ли меня на то и на другое науськивали!» словомъ, какъ истинный русскій человѣкъ!

Графъ Хвостиковъ, по преимуществу, за то былъ доволенъ Хмуринымъ, что тотъ, какъ только его что-либо при слѣдствіи спрашивали относительно участія графа въ дѣлѣ, махалъ рукой, усмѣхался и говорилъ: «графъ тутъ нипричемъ! Мы ему ничего серьезнаго никогда не объясняли!» И Хвостиковъ простодушно воображалъ, что Хмуринь его хвалилъ въ этомъ случаѣ.

Въ одно утро графъ вошелъ въ номеръ Бѣгушева въ сильныхъ попыхахъ и задыхаясь.

— Я за тобой,—сказалъ онъ:—Тюменевъ и Елисавета Николаевна стоятъ у подѣзда, они ѣдутъ въ судъ; поѣдемъ и ты съ нами: сегодня присяжные выносятъ вердиктъ.

Бѣгушевъ сначала было не хотѣлъ, но потомъ

надумалъ: очень ужь ему скучно было! Сойдя вмѣстѣ съ графомъ на улицу, Бѣгушевъ увидѣлъ, что Елисавета Николаевна и Тюменевъ сидѣли въ коляскѣ, и при этомъ ему невольно кинулось въ глаза, что оба они были съ очень сердитыми лицами. Бѣгушевъ сказалъ имъ, чтобы они ѣхали и что онъ пріѣдетъ одинъ. Графъ Хвостиковъ проворно вскочилъ въ коляску и захлопнулъ дверцы ея. Бѣгушевъ послѣдовалъ за ними на извозникъ. Въ судѣ начальство хотѣло было провести и посадить Тюменева на одно изъ почетныхъ мѣстъ; но онъ просилъ позволить ему сѣсть, гдѣ приведется, вмѣстѣ съ своими знакомыми; такимъ образомъ, онъ и все прочее его общество очутилось на самой задней и высокой скамейкѣ... публики было — яблоку упасть негдѣ... Передъ глазами нашихъ посѣтителей виднѣлись всюду мундиры, а мѣстами и звѣзды, фраки, пиджаки, головы плѣшивыя, сѣдые, рыжія, черныя, бѣлокурыя, дамскіе уборы красивые и безобразные. Моментъ этотъ былъ величественный. Хмуринъ, по-прежнему, щеголевато одѣтый въ длинный сюртукъ и съ напомаженной головой, началъ говорить свое послѣднее оправдательное слово. Болѣе мелкіе подсудимые (все почти прикащики, было, впрочемъ, два-три жидка и одинъ заштатный чиновникъ), всѣ они еще ранѣ сказали свое слово. Тишина въ залѣ царствовала полнѣйшая!

— Господа присяжные!—говорилъ Хмуринъ звучнымъ и яснымъ голосомъ: — я человекъ простой, лыкомъ, какъ говорится, шитый; всякъ меня опутывалъ и обманывалъ, не погубите и вы меня вдо-

сталь, оправдайте и отпустите на вольную волюшку, дайте мнѣ еще послужить нашей матушкѣ Россіи!»

Слова эти въ нѣкоторой части публики вызвали слезы, а въ другой усмѣшку и даже раздалось довольно громкое восклицаніе: «Ванька Каинъ въ тюрьмѣ точно также причитывалъ!»

Предсѣдатель обратилъ было глаза въ ту сторону, откуда это слышалось; но узнать, кто именно сказалъ, было невозможно.

— Я старикъ старій, — продолжалъ подсудимый: — и не отъ міра сего жить желаю, а чтобы въ добрѣ и чести, какъ жилъ я до окаяннаго моего разоренія, покончить дни мои!..

Проговоривъ это, Хмуриинъ вдругъ за своей рѣшеткой поклонился въ землю, явно желая тѣмъ выразить, что онъ кланяется въ ноги присяжнымъ.

Это всѣмъ не понравилось, а больше всѣхъ графу Хвостикову.

— Oh! diable! Я-бы никогда этого не сдѣлалъ! — произнесъ онъ съ благороднымъ негодованіемъ.

Предсѣдатель затѣмъ объявилъ, что присяжные могутъ удалиться. Тѣ пошли въ комнату. Судебный приставъ заперъ ихъ тамъ. Въ публикѣ поднялся легкій шумъ: стали приходить, уходить, негромко разговаривать. «Обвинять, непременно обвинять!..» бормоталъ адвокатъ Хмурина, съ русской физиономіей и съ выпученными, испуганными глазами. — «Но почему вы думаете это?» спросилъ его другой адвокатъ съ сильнымъ польскимъ акцентомъ. — «Присяжные все нѣмцы и чиновники», объяснилъ адвокатъ Хмурина. — «А отчего-же вы не отвели ихъ?» возразилъ ему третій адвокатъ съ жидовскою физиономіей.

«А кого мнѣ было предпочесть имъ; нынче весь составъ ихъ таковъ!..» воскликнулъ уже довольно громко Хмуринскій адвокатъ. При этомъ стоявшій невдалекѣ отъ него судебный приставъ взглянулъ на него, а потомъ, подойдя къ одному изъ своихъ товарищей, шепнулъ ему, показывая головой на адвоката:

— Какъ боится, что обвинять: тогда половина только гонорара попадетъ ему въ карманъ!

— Добереть еще за кассационную жалобу, тогда не помилуетъ!..— отвѣчалъ тотъ съ грустію.

Янсутскій и Офонькинъ были тоже, въ залѣ и вели себя омерзительно! Они смѣялись переглядывались съ какими-то весьма подозрительнаго тона дамами. Графъ Хвостиковъ видѣлъ все это и старался смотрѣть на нихъ тигромъ. Къ довершенію картины, изъ открытыхъ оконъ залы слышался то гулъ проѣзжавшаго экипажа, то крикъ: «говяжій студень! говяжій студень!» то перебранка жандарма съ извозчиками: «Я тѣ, чортъ, дамъ! Куда лѣзешь!»—«Я не лѣзу-съ!»—отвѣчалъ извозчикъ и все-таки ѣхалъ. Наконецъ жандармъ трахъ его по спинѣ ножами сабли, извозчикъ тогда уразумѣлъ, что ѣхать нельзя тутъ и повернулъ лошадь назадъ. Прошелъ такимъ образомъ часъ, два, три; всѣ начали чувствовать сильное утомленіе; наконецъ, раздался звонокъ изъ комнаты присяжныхъ. Хмуринъ, сидѣвшій все время неподвижно и съ опущенною головою, вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ.

Присяжные начали выходить. Впереди шелъ председатель ихъ, человекъ пожилой и строгой наружности.

— Этотъ, кажется, не помилуется! — замѣтилъ Бѣгушевъ тихо Тюменеву.

— Вѣроятно!.. Я его знаю, онъ очень умный и честный человѣкъ! — отвѣчалъ тотъ.

На всѣ вопросы: «виновенъ-ли Хмурина въ томъ-то и въ томъ-то?» было отвѣчено: «Да, виновенъ!»

Хмурина опустился на спинку своего стула. Графъ Хвостиковъ заплакалъ и поспѣшилъ утереть глаза платкомъ, который оказался весь дырявый.

Бѣгушевъ, болѣе не вытерпѣвъ, всталъ съ своего мѣста и сказалъ Тюменеву вслухъ:

— Судъ хоть и необходимая вещь, но присутствовать на немъ изъ простаго любопытства безнравственно.

Затѣмъ онъ пошелъ.

— Ты ужь уходишь? — спросилъ его Тюменевъ.

— Да.

— Домой?

— Домой!

При выходѣ къ Бѣгушеву отнесся адвокатъ Хмурина, весь даже дрожавшій.

— Я слышалъ, что вы сказали; благодарю! — проговорилъ онъ.

Бѣгушевъ, не совсѣмъ хорошо понявши, за что собственно тотъ его благодарилъ, отвѣтилъ ему молчаливымъ поклономъ и, выйдя изъ зданія суда, почувствовалъ, какъ-будто бы онъ изъ ада вырвался.

— Люди тѣ-же шакалы, тѣ-же! — повторялъ онъ мысленно, идя къ своей гостиницѣ, хотя передъ тѣмъ только еще поутру думалъ: «Хорошо, еслибы

кого-нибудь изъ этихъ каналовъ, въ примѣръ прочимъ, на каторгу закатали!»—а теперь что онъ говорилъ?.. По уму онъ былъ очень строгій человѣкъ, а сердцемъ добрый и чувствительный.

Передъ самымъ обѣдомъ, когда Бѣгушевъ хотѣлъ было сходить внизъ, въ залу за табльдотъ, къ нему вошли въ номеръ Тюменевъ и графъ Хвостиковъ.

— Мы къ тебѣ съ наянкомъ!—сказалъ первый:—какъ хочешь, накорми насъ обѣдомъ!

— Отлично сдѣлали!—сказалъ Бѣгушевъ съ удовольствіемъ и немедля распорядился, чтобы обѣдъ на три прибора подали къ нему въ номеръ и къ оному приличное число краснаго вина и шампанскаго.

— Виновница тому,—началъ Тюменевъ:—что мы у тебя такъ нечаянно обѣдаемъ, Елисавета Николаевна, которая, выходя изъ суда, объявила намъ, что на дачѣ у насъ ничего не готовлено, что сама она поѣдетъ къ своей модисткѣ и только къ вечеру вернется въ Петергофъ; зачѣмъ ей угодно было предпринять подобное распоряженіе, я не вѣдаю!—заявлялъ онъ и сдѣлалъ злую гримасу. Видимо, что эта выходка Мѣровой ему очень не понравилась.

— Когда женщины думаютъ о нарядахъ, онѣ забываютъ все другое и теряютъ всякую логику!—сказалъ графъ Хвостиковъ, желая оправдать дочь свою въ глазахъ Тюменева.

Обѣдъ хоть и былъ очень хорошій и съ достаточнымъ количествомъ вина, однако не развеселилъ ни Тюменева, ни Бѣгушева, и только графъ Хвостиковъ, выпившій стакановъ шесть шампанскаго, принялся врать, на чемъ свѣтъ стоитъ: онъ рассказывалъ, что отецъ его, т. е. губернерь-французъ, по

боковой линии происходилъ отъ Бурбоновъ, и что поэтому у него въ гербѣ бѣлая лилія, вмѣсто черной собаки, рисуемой обыкновенно въ гербѣ графовъ Хвостиковыхъ.

Собесѣдники графа, конечно, не слушали его, а Бѣгушевъ все продолжалъ взглядывать на Тюменева внимательно, который начиналъ ужь беспокоить его своимъ озлобленнымъ видомъ.

— А когда ты въ Москву уѣзжаешь?—спросилъ между тѣмъ тотъ.

— Надняхъ!—отвѣчалъ Бѣгушевъ:

— Надняхъ! — воскликнулъ почти съ испугомъ графъ Хвостиковъ: съ отъѣздомъ Бѣгушева изъ Петербурга ему прекращалась всякая возможность перекусить гдѣ-нибудь и что-нибудь, когда онъ пріѣзжалъ съ дачи въ городъ.

— Зачѣмъ такъ скоро?—проговорилъ Тюменевъ.

— Номерная жизнь надоѣла! — отвѣчалъ Бѣгушевъ. Ему въ самомъ дѣлѣ прискучили, особенно въ послѣднюю поѣздку за-границу, отели, съ ихъ табльдотами, кельнерами! Ему даже начинала улыбаться мысль, какъ онъ войдетъ въ свой московскій прохладный домъ, какъ его встрѣтитъ глупый Прокофій и какъ поваръ его вмѣсто фабрикованнаго, трактирнаго обѣда, изготovitъ ему что-нибудь по-оригинальнѣе, хоть при этомъ онъ не могъ не подумать: «А что же сверхъ того ему дѣлать въ Москвѣ? То же, что и вездѣ: страдать!» отвѣчалъ себѣ Бѣгушевъ.

Тюменевъ, отобѣдавъ, вскорѣ собрался ѣхать на дачу: должно быть, его тамъ что-то такое очень беспокоило. При прощаніи онъ взялъ съ Бѣгушева

честное слово завтра прїѣхать къ нему въ Петергофъ на цѣлый день. Бѣгушевъ общалъ. Когда графъ Хвостиковъ, уѣзжавшій тоже съ Тюменевымъ вмѣстѣ, садясь въ коляску, пошатнулся немного, благодаря выпитому шампанскому, то Тюменевъ при этомъ толкнулъ еще его ногой: злясь на дочь, онъ вымещалъ свой гнѣвъ и на отцѣ.

Утро на другой день оказалось довольно свѣжее и сѣроватое. Бѣгушевъ для своей поѣздки въ Петергофъ велѣлъ себѣ привести парную коляску, онъ рѣшилъ ѣхать по шоссе, а не по желѣзной дорогѣ, которая ему не менѣе отелей надоѣла; впродолженіе своей жизни онъ проѣхалъ по нимъ десятки тысячъ верстъ, и съ тѣхъ поръ, какъ онъ вошли въ общее употребленіе, для него вся прелесть путешествія пропала: «такъ птицъ только можно возить, а не людей!» говорилъ онъ почти каждый разъ, входя въ узенькое отдѣленіе вагона.

Выбравшись съ петербургской мостовой, извозчикъ поѣхалъ довольно быстрой рысью. Бѣгушевъ не безъ удовольствія покачивался въ спокойномъ фаэтонѣ: въ настоящія минуты онъ былъ хоть и не въ веселомъ, то, по крайней мѣрѣ, въ довольно покойномъ расположеніи духа, и мысли его мало-помалу устремились на воспоминаніе о Домнѣ Осиповнѣ: то, что она теперь дѣлала и какого рода жизнь вела, ему и вообразить было противно; но у него существовало прошедшее съ Домной Осиповной, и хорошее прошедшее. Если-бы эта прежняя Домна Осиповна въ настоящую минуту сидѣла около него въ экипажѣ, пусть-бы даже такъ же глупо, какъ сидѣла она нѣкогда, ѣхавши съ нимъ по Москвѣ на

обѣдъ къ Янсутскому, то Бѣгушеву и тогда было-бы пріятно. До ссоры съ Домной Осиповной онъ видѣлъ въ ней единственную цѣль всей своей жизни, а теперь что-же у него осталось? Ничего!..

Когда Бѣгушевъ подъѣхалъ къ дачѣ Тюменева, то былъ немного удивленъ, что на террасѣ никого не было. Обыкновенно въ этотъ часъ Тюменевъ и Мѣрова всегда сидѣли на ней. Онъ хотѣлъ черезъ дверь террасы пройти во внутреннія комнаты, но она оказалась запертою. Бѣгушевъ пошелъ черезъ дворъ.

— Господа дома? — крикнулъ онъ мывшей тамъ посуду кухаркѣ, должно быть, чухонкѣ и безобразнѣйшей на видъ.

— Не знаю, спросите курьера: онъ тамъ! — отвѣчала она, показывая мочалкой на входъ съ крыльца.

Бѣгушевъ вошелъ въ эту дверь. Тамъ его дѣйствительно встрѣтилъ курьеръ.

— Ефимъ Федоровичъ у себя? — спросилъ Бѣгушевъ.

— Сейчасъ доложу-сь!.. Потрудитесь пожаловать въ гостиную! — отвѣчалъ курьеръ и указалъ на смежную комнату. Бѣгушевъ вошелъ туда. Это была пріемная комната, какія обыкновенно бываютъ на дачахъ. Курьеръ скоро возвратился и просилъ Бѣгушева пожаловать къ Ефиму Федоровичу на верхъ. Тотъ пошелъ за нимъ и засталъ пріятеля сидящимъ около своего письменнаго стола въ калитѣ, что весьма рѣдко было съ Тюменевымъ. Къ озлобленному выраженію лица своего, Тюменевъ на

этотъ разъ присоединялъ важничанье и обычное ему топорщенье.

— Очень радъ, что ты пріѣхалъ!—сказалъ онъ, съ замѣтнымъ чувствомъ пожимая руку Бѣгушеву. Тотъ сѣлъ напротивъ него.

— Ты одинъ на дачѣ?—спросилъ онъ.

— Одинъ!

— А гдѣ-же Елисавета Николаевна?

— Елисавета Николаевна сбѣжала отъ меня, — отвѣчалъ съ презрительной улыбкой Тюменевъ.

— Куда?

— Не знаю!

— Но жива-ли она? Не случилось-ли съ ней чего-нибудь?—проговорилъ съ безпокойствомъ Бѣгушевъ.

— Ничего не случилось! — произнесъ Тюменевъ. Презрительная и злая усмѣшка не сходила съ его рта.

— Стало быть, она и ночевать не пріѣзжала?—разспрашивалъ Бѣгушевъ.

— Нѣтъ, я ее ждалъ въ одиннадцать часовъ, въ двѣнадцать, въ два часа, въ четыре часа!.. Можешь себѣ представить, что я перечувствовалъ... Наконецъ, утомленный только-что задремалъ, какъ получилъ отъ нея телеграмму...

При этихъ словахъ Тюменевъ пододвинулъ къ Бѣгушеву лежавшую на столѣ телеграмму.

Тотъ прочелъ.

Мѣрова коротко телеграфировала: «Не ищите меня: я полюбила другаго».

— Во-первыхъ, какое безстыдство телеграфировать о себѣ подобныя извѣстія, — продолжалъ Тюменевъ:—и потомъ кого она могла полюбить другаго?.. кого?

— Можетъ быть, и полюбила кого-нибудь!.. — сказалъ Бѣгушевъ:— у тебя кто часто бывалъ на дачѣ?

— Кромѣ тебя, никого!

— А молодой человѣкъ, Мильшинскій, бывалъ у васъ?

— Мильшинскій?.. — переспросилъ Тюменевъ, и мозгъ его какъ-бы освѣтился уразумѣніемъ. — Онъ тутъ часто торчалъ у рѣшетки, но на дачу я его не принималъ. Къ чему, однако, ты сдѣлалъ этотъ вопросъ?

— Такъ, ни къ чему!—отвѣчалъ Бѣгушевъ, ему стало совѣстно,—точно онъ сплетничаетъ.

— Постой, однако, ты далъ мнѣ путеводную нить!—сказалъ Тюменевъ и позвонилъ.

Вошелъ курьеръ.

— Сходи на дачу 8-й номеръ и спроси: тамъ-ли еще живетъ Мильшинскій?.. — приказалъ Тюменевъ.

Курьеръ пошелъ. Тюменевъ съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ поджидалъ его. Курьеръ, впрочемъ, очень скоро воротился и доложилъ, что Мильшинскій перѣѣхалъ съ дачи въ Петербургъ.

Тюменевъ злобно засмѣялся и махнулъ курьеру рукой, чтобы онъ уходилъ.

Курьеръ скрылся.

— Какъ вамъ это покажется... а?.. Хороша?..— обратился Тюменевъ къ Бѣгушеву.—Надняхъ только я выпустилъ этого негодяя изъ службы и очень радъ былъ тому, такъ какъ онъ былъ никуда и ни на что негодный чиновникъ; но, признаюсь, теперь жалѣю: останься онъ у меня, я давнулъ-бы его порядкомъ за эту продѣлку!

Послѣднія слова Тюменева очень не понравились Бѣгушеву.

— Что это такая мелочность! — произнесъ онъ.

— Будешь мелочень! — воскликнулъ Тюменевъ, и у него при этомъ маленькая бѣлая пѣнка показалась по краямъ губъ. — Но онъ еще чортъ съ нимъ! Я его меньше виню... Главное Мѣрова!.. Чего я для нея не дѣлалъ?.. Я жертвовалъ для нея всѣми приличіями, деньгами, временемъ, хлопоталъ о ея негодяѣ-родителѣ... она ничего этого не одѣнила и предпочла мнѣ кого-же?.. Дрянъ какую-то, ничтожество... Говоря откровенно, я очень радъ, что она избавила меня отъ себя, потому что, кромѣ того, что нравственно, но она физически меня мучила: готова была швырнуть въ меня чѣмъ ни попадо... царапала меня!.. Послѣднее время я цѣлыя ночи не спалъ и долженъ былъ или препинаться съ ней, или успокаивать ее!

Бѣгушевъ слушалъ пріятеля молча: онъ очень хорошо понималъ, что въ Тюменевѣ не столько было огорчено чувство любви, сколько уязвлено самолюбіе.

— А гдѣ же отецъ ея, графъ Хвостиковъ?—спросилъ онъ.

— Уѣхалъ отыскивать ее въ Петербургъ!.. Любопытно, гдѣ онъ ее найдетъ? Въ домѣ терпимости, можетъ быть, какомъ-нибудь!.. Скоро, вѣроятно, вернется и разрѣшитъ наши сомнѣнія!—проговорилъ Тюменевъ и потомъ вдругъ перемѣнилъ разговоръ:— ты знаешь, я уѣзжаю за-границу на воды!

— Но не поздно ли теперь на воды?—замѣтилъ Бѣгушевъ.

— Можетъ быть, и поздно; но мнѣ неловко оставаться здѣсь, а особенно если Мѣрова убѣжала съ Мильшинскимъ!.. Это конечно извѣстно во всемъ министерствѣ, и я въ глазахъ всѣхъ являюсь какимъ-то дуракомъ!.. Пускай хоть время немного пройдетъ!

— Не старикомъ ли скорѣй, чѣмъ дуракомъ!.. — замѣтилъ Бѣгушевъ.

— Но и то не лестно!.. — отвѣчалъ Тюменевъ.

Къ обѣду возвратился графъ Хвостиковъ. На него жаль было смотрѣть: онъ какъ сѣлъ на поставленный ему стулъ передъ приборомъ на столѣ, такъ сейчасъ же склонилъ свою голову на руки и заплакалъ.

— Разыскали? — спросилъ Тюменевъ безжалостнымъ и грубымъ тономъ.

— Да!

— Въ Петербургѣ она?

— Нѣтъ!.. Уѣхала!

— Одна?

— Съ этимъ чивовничкомъ, Мильшинскимъ.

— Куда?

— Не знаю.

— Прелестнѣйшая женщина!.. Превосходная!.. — говорилъ Тюменевъ. Гнѣвъ скоро воскресъ въ его душѣ.

Графъ Хвостиковъ ничего ужъ не говорилъ на этотъ разъ въ защиту дочери.

Тюменевъ послѣ того отнесся къ Бѣгушеву:

— Значить, мы въ одно время уѣдемъ изъ Петербурга: ты покатишь въ Москву, а я за-границу!

Слова эти графъ Хвостиковъ прослушалъ, какъ-бы

приговоренный къ смертной казни, и когда Бѣгушевъ взялся за шляпу, чтобы уѣзжать, онъ, съ замѣтнымъ усиленіемъ надъ собой, подошелъ къ нему и робко спросилъ его:

— Не довезете ли вы меня, Александръ Ивановичъ, до Петербурга?.. Мнѣ надобно тамъ сдѣлать распоряженіе объ оставленномъ по разнымъ мѣстамъ гардеробѣ дочери!

Тотъ конечно не отказалъ ему. При прощаньи Тюменевъ съ Бѣгушевымъ нѣжно расцѣловался, а графу протянулъ только руку, и даже не сказалъ ему: «до свиданья!» По отъѣздѣ ихъ, онъ немедленно ушелъ въ свой кабинетъ и сталъ внимательно разбирать свои бумаги и вещи: *прямолинейность* и плотный мозгъ Ефима Федоровича совершенно уже восторжествовали надъ всѣми ощущеніями. Графъ Хвостиковъ, ѣдучи въ это время съ Бѣгушевымъ, опять принялся плакать.

— Перестаньте! Что за малодушіе, — сказалъ тотъ не безъ досады.

— Но вы поймите мое положеніе, — началъ графъ: — Тюменевъ уѣзжаетъ за-границу, да если бы и не уѣзжалъ, такъ мнѣ оставаться у него нельзя!.. Это не человекъ, а вотъ что!.. — и Хвостиковъ постучалъ при этомъ по желѣзной пластинкѣ коляски. — Я вполне понимаю дочь мою, что она оставила его, и не укоряю ее нисколько за то; однако, что же мнѣ съ собой осталось дѣлать?.. Приѣхать вотъ съ вами въ Петербургъ и прямо въ Неву!

Бѣгушеву сдѣлалось жаль его.

— Зачѣмъ же въ Неву?.. Поѣзжайте лучше со мной въ Москву и поживите у меня!.. — проговорилъ онъ.

— Неужели?.. Нѣтъ?.. Не можетъ быть!.. — воскликнулъ графъ, у него голосъ даже захлебывался отъ радости.

— Только вы на меня не претендуйте, я самъ тоже старикъ и капризенъ!—прибавилъ ему Бѣгушевъ.

— Ахъ, Боже мой!.. Миѣ быть на васъ въ претензіи за всѣ ваши благодѣянія, когда всѣ меня кинули, всѣ!.

И слезы, какъ ихъ ни старался удержать графъ, снова заискрились на его глазахъ, и онъ только старался поскорѣе ихъ смигнуть, чтобы не сердить ими Бѣгушева. Собственно подъ распоряженіемъ по гардеробу дочери Хвостиковъ разумѣлъ то, что, собравъ оставленные ею вещи и платья въ городской квартирѣ Тюменева, продалъ ихъ за безцѣнокъ!

IX.

Черезъ нѣсколько дней на станцію Московской желѣзной дороги къ вечернему экстренному поѣзду пріѣхалъ Бѣгушевъ вмѣстѣ съ графомъ Хвостиковымъ, и когда онъ сталъ было брать два билета, графъ вдругъ воскликнулъ:

— Пожалуйста, берите одинъ билетъ, а я возьму себѣ!

— Что за вздоръ!—возразилъ тотъ.

— Ну, если непременно хотите, такъ возьмите миѣ по крайней мѣрѣ во второмъ классѣ; въ немъ ѣдетъ мой знакомый, и миѣ съ нимъ переговорить нужно!

Бѣгушевъ взялъ графу во второмъ классѣ, не понимая, отчего въ томъ вдругъ такая разсчетливость явилась. Графъ Хвостиковъ, получивъ билетъ, мгновенно скрылся изъ вокзала.

Все это скоро объяснилось: когда Бѣгушевъ послѣ втораго звонка вошелъ въ вагонъ, то на самыхъ первыхъ шагахъ увидалъ кузена своего, генерала Трахова. Понятно, что графъ Хвостиковъ, сообразившій, что Траховъ непременно поѣдетъ въ 1-мъ классѣ, отъ него удиралъ, считая генерала злѣйшимъ врагомъ себѣ за то, что тотъ откровенно написалъ о немъ Тюменеву. Встрѣтя кузена, Бѣгушевъ сначала сдѣлалъ довольную мину; но потомъ перемѣнилъ ее на сердитую, вслѣдствіе того, что вмѣстѣ съ генераломъ ѣхала и супруга его, madame Трахова... Здѣсь я долженъ оговориться, что этимъ именемъ сію даму никто никогда не называлъ, и всѣ именовали ее Татьяной Васильевной, даже мужу ея давали иногда титулъ не генерала Трахова, а мужа Татьяны Васильевны,—до такой степени она была лицо распространенное.

Какъ ни было неприятно Бѣгушеву, однако онъ усѣлся рядомъ съ своими родственниками. Татьяна Васильевна сначала осмотрѣла его съ головы до ногъ, а затѣмъ не преминула обратиться къ нему съ упрекомъ:

— Я васъ тысячу лѣтъ не видала и только мелькомъ иногда слышу объ васъ!

— Ужь не тысячу же лѣтъ,—возразилъ Бѣгушевъ.

— Немного меньше!.. Впрочемъ нынѣшній годъ мы не видимся даже и съ вашимъ другомъ, Ефимомъ Федоровичемъ Тюменевымъ.

— Теперь, вѣроятно, вы будете опять скоро видаться съ нимъ,—проговорилъ съ улыбкой Бѣгушевъ.

— Вы думаете?.. — спросилъ съ радостью генералъ:—поэтому вы говорили ему, убѣдили его?

— Нѣтъ, но по другимъ обстоятельствамъ я это предполагаю.

Татьяна Васильевна внимательно прислушивалась къ ихъ разговору.

Еслибы Бѣгушева спросили, чтобы онъ сказалъ, какая, по его мнѣнію, самая противная и несносная женщина въ Россіи, то онъ, конечно бы, не задумавшись указалъ на свою кузину, которая тоже въ свою очередь не прилюбливала его. По происхожденію своему, Татьяна Васильевна была дочь нѣкогда извѣстнаго масона, богача и скупца и въ молодости она до приторности сладкимъ языкомъ писала сантиментально-нравственныя повѣсти. Сдѣлавшись дамою, Татьяна Васильевна пыталась было играть роль въ нашихъ государственныхъ и дипломатическихъ кружкахъ, но тутъ у ней не вытанцовывалось, и она, перейдя въ оппозицію, устремилась въ православіе: устроила у себя домовую церковь, наняла священника и ежедневно выстаивала заутреню, обѣдню и даже вечерню. Последнее время Татьяна Васильевна, по преимуществу, впитала въ области спиритизма. Благодаря всѣмъ этимъ штучкамъ, она слыла въ обществѣ за женщину очень умную и въ высокой степени нравственную, хотя въ этомъ отношеніи, кажется, никогда не могло и быть ей опасности, такъ какъ Татьяна Васильевна съ самыхъ юныхъ лѣтъ одновременно походила на лягушку и на сову, вѣчно была съ флюсомъ то на одной щекѣ, то на другой, вѣчно пахла какими-то аптекарскими травами, мазями, и вообще, какъ говорилъ про нее Бѣгушевъ, она принадлежала не къ женщинамъ, а къ какимъ-то безполымъ существамъ, по-

тому что не представляла въ себѣ никакихъ женскихъ признаковъ. Будь на мѣстѣ генерала другой человѣкъ, онъ давно бы убѣждалъ отъ Татьяны Васильевны на край свѣта, утопился бы, удавился, но онъ, въ силу своего превосходнаго пищеваренія, какъ-будто бы не видѣлъ ея безобразія, не чувствовалъ ея злаго характера и только одно его очень уѣдало: это ея философствованіе. Что касается до Тюменева, то почти положительно можно сказать, что Татьяна Васильевна была влюблена въ него или, по крайней мѣрѣ, она долгое время и съ большимъ увлеченіемъ считала его идеаломъ всѣхъ мужчинъ. Тюменевъ же, дѣйствительно, весьма часто бывавшій у Траховыхъ, дѣлалъ это вначалѣ чисто по служебному расчету, чтобы показывать себя въ извѣстномъ, высшемъ словѣ общества, а потомъ у него это обратилось въ привычку; кромѣ того Татьяна Васильевна очень ужъ ему и льстила.

— Вы, кузень, предполагаете, что Тюменевъ опять будетъ посѣщать насъ; но онъ сказалъ вамъ, *за что* я на него сердита? — спросила Татьяна Васильевна, сдѣлавъ сильное удареніе на словѣ *за что*.

— Мужъ вашъ мнѣ говорилъ, что вы сердитесь на Тюменева за его дурное поведеніе.

— Болѣе, чѣмъ дурное, ужасное, совершенно непонятное для меня въ немъ; но, безъ сомнѣнія, вы въ этомъ случаѣ не будете со мной согласны!

— Совершенно несогласенъ, — отвѣчалъ Бѣгушевъ и, видя, что кузина начинаетъ посерживаться, рѣшился еще болѣе ее разозлить: — а мы тогда, кузень, съ вами въ Парижѣ очень недурно позавтракали у Адольфа Пеле!.. — отнесся онъ вдругъ къ генералу.

— Отлично!.. превосходно!.. — подхватилъ было тотъ съ одушевленіемъ, но, вспомнивъ о присутствіи супруги, мгновенно смолкъ: Татьяна Васильевна терпѣть не могла гастрономическихъ восторговъ мужа и съ отвращеніемъ всегда говорила, что онъ не для того ѣсть, чтобы жить, но для того живетъ, чтобы ѣсть. Съ приближеніемъ къ Любаньской станціи, генераль, впрочемъ, не вытерпѣлъ и, какъ-то особеннымъ образомъ востепенувшись и взявъ Бѣгушева за руку, проговорилъ ему почти нѣжнымъ голосомъ:

— Вы пойдете со мной поужинать?

— Непремѣнно! — утѣшилъ его тотъ.

Когда поѣздъ остановился, они отправились въ вокзалъ.

— Пришли мнѣ чаю! — приказала Татьяна Васильевна мужу.

— А хлѣба бѣлаго хотите?.. — спросилъ онъ ее.

— Нѣтъ, я съ просфорой буду пить!

Войдя въ вокзалъ, генераль прежде всего исполнилъ приказаніе супруги и отправилъ къ ней въ вагонъ огромный чайникъ чая съ приличнымъ количествомъ сахара.

— Татьяна Васильевна, попрежнему, любить чай?—спросилъ его Бѣгушевъ.

— Цѣлыя ведра его выпиваетъ съ своими монахами,—отвѣчалъ генераль, махнувъ рукой, и быстро устремился къ главному буфетчику.

— Готово?—спросилъ онъ.

— Готово-съ! — отвѣчалъ тотъ, показывая на стоявшее особнякомъ закрытое блюдо.

Генераль и Бѣгушевъ сѣли около этого блюда.

Оказалось, что тамъ была мѣрная, жирная, разварная стерлядь.

— Когда вы успѣли заказать это? — поинтересовался Бѣгушевъ.

— По телеграфу!.. Выѣзжая, далъ знать, чтобы заранѣе приготовили: нельзя же ѣсть эту дрянъ, которая стоитъ у нихъ на столахъ! — отвѣчалъ генералъ

По возвращеніи въ вагонъ, они нашли Татьяну Васильевну, выпившую чашки четыре крѣпчайшаго чая и потому пришедшую нѣсколько въ экзальтированное состояніе.

— Александръ Ивановичъ, сядьте со мной рядомъ, а мужъ пусть пересядетъ къ овну! — распорядилась она.

Бѣгушевъ поуперся было, но генералъ, согласно приказанію супруги, занялъ его мѣсто, такъ что Бѣгушевъ, по необходимости, долженъ былъ сѣсть рядомъ съ Татьяной Васильевной и при этомъ тщательно старался, чтобы ни одной точкой своего платья не прикоснуться къ ней. Татьяна Васильевна хотѣла серьезно побесѣдовать съ Бѣгушевымъ, потому что хоть и не любила его, но все-таки считала за человѣка далеко не дюжиннаго, напротивъ, за очень даже умнаго, много видѣвшаго, но, къ сожалѣнію, не просвѣщеннаго истинно; и съ какимъ бы удовольствіемъ она внесла въ его душу лучъ истиннаго просвѣщенія, если бы только онъ самъ захотѣлъ того!

Прежде всего она начала съ нимъ разговаривать объ Европѣ.

— А вы и нынѣшній годъ не утерпѣли и были въ этой Европѣ?

Татьяна Васильевна обыкновенно никогда не говорила: Парижъ, Лондонъ, Франція, Германія, — все это было для нея безразлично, и она, совершенно соглашаясь съ довольно ходячимъ мнѣніемъ, считала, что весь Западъ гниетъ или даже уже сгнилъ!

— Былъ въ этой Европѣ, — отвѣчалъ ей насмѣшливо Бѣгушевъ. Онъ, какъ мы знаемъ, далеко не былъ большимъ поклонникомъ Европы, но передъ Татьяной Васильевной, на зло ей, хвалилъ безусловно все существующее тамъ.

— Удивляюсь вамъ! — сказала она.

— Отчего жъ вы мужу вашему не удивляетесь? — замѣтилъ Бѣгушевъ: — онъ тоже былъ за границей и еще дольше меня!

Генералъ сдѣлалъ Бѣгушеву легонькій знакъ рукою и глазами, но тотъ какъ-будто этого не видѣлъ.

— Я на мужа давно махнула рукой! — произнесла Татьяна Васильевна. Она, въ самомъ дѣлѣ, давно считала генерала за дурака набитаго и безвозвратно падшаго нравственно.

— Но неужели-же Москва, куда мы теперь ѣдемъ, лучше большихъ европейскихъ городовъ? — поддразнивалъ ее Бѣгушевъ.

— Москва!.. Наша Москва? — воскликнула Татьяна Васильевна: — это городъ святыни нашей!.. городъ народа!..

— Но такихъ святыхъ и народныхъ городовъ, по своему конечно, и въ Европѣ много!

— И вы полагаете, что мы и европейцы одно и то же?

— Полагаю!.. съ тою только разницею, что тѣ племена постарше насъ, поумнѣй и больше нашего сдѣлали!

— Тѣ?.. — произнесла Татьяна Васильевна и далѣе говорить не могла: у ней прервался голосъ.

— Тѣ!.. — повторилъ Бѣгушевъ и хоть въ это время генераль ужь толкалъ его ногой, умоляя не сердить больше Татьяны Васильевны, онъ однако продолжалъ:—На счетъ этого существуютъ довольно мѣткіе афоризмы.

— Какіе? — спросила Татьяна Васильевна.

— Такіе, что... Гдѣ нѣмецъ, тамъ интрига...

Татьяна Васильевна въ знакъ согласія мотнула головой.

— Гдѣ французъ, тамъ фраза!

Татьяна Васильевна и на это одобрительно кивнула головой.

— Гдѣ полякъ, тамъ лесть!

Татьяна Васильевна и это выслушала благосклонно.

— Гдѣ англичанинъ, тамъ лукавство и корысть!

— Такъ!.. Такъ!.. — произнесла она съ восторгомъ. — И послушайте, вотъ что мнѣ рассказывалъ одинъ священникъ, — продолжала она съ одушевленіемъ:—разъ его призвали къ умирающему человѣку, очень хорошему, честному, самобытному, но, къ несчастію, невѣрующему!.. — Тутъ Татьяна Васильевна сдѣлала на груди небольшое крестное знаменіе... — Священникъ сталъ увѣщевать его и говорить ему: «Причаститесь, иначе вы лишитесь царствія небеснаго!»—«Царствія небеснаго нѣтъ!» закричалъ несчастный. — Татьяна Васильевна снова слегка пере-

крестилась. — «А еслибы оно было, такъ англичане давно бы туда пробрались и заняли бы всё мѣста!» Не правда-ли, что какъ ни безумны эти слова, но они ярко и вѣрно характеризуютъ англичанъ.

— Да, конечно!—отвѣчалъ вѣжливо Бѣгушевъ:— но вы позволите, однако, мнѣ продолжать мои афоризмы.

— Даже прошу васъ о томъ! — разрѣшила ему Татьяна Васильевна.

— Гдѣ итальянецъ, тамъ le soleil и farniente!

— Такъ!..—согласилась и съ этимъ Татьяна Васильевна.

— Гдѣ русскій...

— Слушаю!.. слушаю!.. — произнесла Татьяна Васильевна, наостривая уши.

— Гдѣ русскій, тамъ либо терпи, либо авось!

Татьяна Васильевна задумалась надъ отвѣтомъ Бѣгушева; главнымъ образомъ она недоумѣвала, что это такое: порицаніе или сожалѣніе.

— Что вы хотѣли сказать послѣднимъ афоризмомъ?—спросила она.

— Право не знаю, не я авторъ этихъ изреченій,—отвѣчалъ Бѣгушевъ.

— Ну, это неправда, вы авторъ; во всякомъ случаѣ я все-таки вижу, что Россія, по вашему, лучше Европы!

— Нѣтъ, хуже! — возразилъ Бѣгушевъ.

— Чѣмъ?

— Хоть бы тѣмъ, что тотъ же спиритизмъ, это великое открытіе послѣдняго времени... (Бѣгушевъ прежде еще слышалъ, что Татьяна Васильевна

сильно ударилась въ эту сторону)—развѣ Россія, а не Европа выдумала его?

— Но и не Европа, а Америка! — воскликнула Татьяна Васильевна; къ Америкѣ она была еще нѣсколько благосклонна и даже называла американцевъ, по примѣру своихъ единомышленниковъ: *наши заатлантическіе друзья!*

— Но Америка та же Европа. Это все переселенцы европейскіе!—замѣтилъ Бѣгушевъ.

— Да, но какіе переселенцы! — произнесла Татьяна Васильевна, прищуривая свои золотушные глаза. — Это все сектанты, не хотѣвшіе, чтобы церковь была подчинена государству, не признававшіе ни папы, ни Лютера!

— Я скорѣе полагаю, что это просто были люди безпорядка, антигосударственники?

— А вы думаете, что я за государство? Что я государственница? — спросила Татьяна Васильевна какимъ-то ужъ торжественнымъ тономъ. — Впрочемъ, объ этомъ не время и не мѣсто говорить!

— Кажется! — произнесъ, грустно усмѣхаясь, генералъ.

— Но за то, вотъ видите, мужъ вашъ чистѣйшій государственникъ! — указаль на генерала Бѣгушевъ.

— Онъ, я думаю, ни то, ни другое! — отозвалась съ презрительной гримасой Татьяна Васильевна.

— Нѣтъ, я государственникъ! — возразилъ генералъ, начинавшій не на шутку сердиться на Бѣгушева, что тотъ болталъ всю эту чепуху съ его супругой, которую Траховъ, въ свою очередь, тоже

считалъ душой, но только ученой и начитанной. Въ настоящій моментъ, когда разговоръ коснулся государства, генералъ болѣе всего боялся, чтобы рѣчь какъ-нибудь не зашла о Петрѣ Великомъ, пунктъ, на которомъ Татьяна Васильевна была почти помѣшана и обыкновенно во всеуслышаніе объявляла, что она съ дѣтскихъ лѣтъ все, что писалось о Петрѣ Великомъ, обыкновенно закалывала булавкою и не читала! «Поэтому вы не знаете дѣяній Петра?» осмѣливались ей замѣчать нѣкоторые. «Знаю!» восклицала Татьяна Васильевна и затѣмъ начинала говорить часа два, три... На этотъ разъ она, слава Богу, о Петрѣ не вспомнила, можетъ быть потому, что въ головѣ ея вдругъ мелькнула мысль, что нельзя-ли Бѣгушева обратить къ спиритизму, такъ какъ онъ передъ тѣмъ только сказалъ, что это ученіе есть великое открытіе нашего времени!

— А что, скажите, какъ поживаетъ спиритизмъ въ Парижѣ?—спросила она сначала издалека и какъ-бы въ шутку.

— Не знаю, я что-то тамъ съ нимъ не встрѣчался! — отвѣчалъ Бѣгушевъ. — Не правда-ли, кузенъ, мы не встрѣчались въ Парижѣ съ спиритизмомъ? — обратился онъ къ генералу.

Тотъ обмеръ.

— Нѣтъ, я тамъ бывалъ на нѣсколькихъ сеансахъ спиритовъ, — пробормоталъ онъ.

— Онъ бывалъ на сеансахъ... — повторила за мужемъ Татьяна Васильевна. — Расскажи, что ты тамъ видѣлъ?

Генералъ поставленъ былъ въ отчаянное положеніе: онъ, какъ справедливо говорилъ Бѣгушевъ,

нигдѣ не встрѣчался съ спиритизмомъ, но, возвратясь въ Россію и желая угодить женѣ, рассказалъ ей все, что пробѣгалъ въ газетахъ о спиритическихкихъ опытахъ, и, разумѣется, только то, что говорилось въ пользу ихъ.

— Что ты видѣлъ, рассказывай! — повторила Татьяна Васильевна.

— Видѣлъ я женскую руку и плечи, — началъ онъ.

— Женскихъ рукъ и плечъ мы съ вами, кузень, много видѣли; но, сколько помнится, все это были живыя и на землѣ существующія! — замѣтилъ Бѣгушевъ.

Генераль чуть не провалился на мѣстѣ.

— Бѣгушевъ, не забываетесь: вы знаете, что я терпѣть не могу этого! — сказала строго Татьяна Васильевна.

— Чего этого? — спросилъ Бѣгушевъ.

— Ну, будетъ! Пожалуйста, не развивайте дальѣе. Говори, что ты еще видѣлъ! — повторила она снова мужу.

— Еще видѣлъ я... видѣлъ летающія гитары! — бухнулъ тотъ на-авось.

— Нѣтъ, постойте, этого вы не могли, кузень, видѣть: это было въ Лондонѣ! — остановилъ его Бѣгушевъ.

— Точно тоже было и въ Парижѣ! — вздумалъ было возразить генераль.

— Не говори неправды; это было только въ Лондонѣ! — объявила ему супруга.

— Я, наконецъ, перезабылъ, гдѣ и что видѣлъ, — этому столько времени прошло! — произнесъ генераль съ досадой.

— И подобныя вещи можно забывать!.. Забыть могутъ!..—воскликнула Татьяна Васильевна.— Стыдись... Это простиительно такому невѣрующему ни во что, какъ Бѣгушевъ, а не тебѣ!

Генераль постоянно притворялся передъ женой и выдавалъ себя за искренняго послѣдователя спиритизма.

— Почему-же вы меня считаете совершенно невѣрующимъ? — спросилъ Бѣгушевъ, по наружности, смиреннымъ и покорнымъ голосомъ.

— Потому что спиритизмъ отыскиваетъ сердца простыя, а не такое какъ ваше!

— Мое сердце точно такое-же, какъ у Тюменева! — возразилъ Бѣгушевъ.

— Теперь да, оно такое-же, но прежде сердца ваши были разныя! — произнесла знаменательно Татьяна Васильевна. — Ефимъ Ѳедоровичъ вѣрить искренно въ спиритизмъ!

Тюменевъ, въ самомъ дѣлѣ, всегда очень терпѣливо выслушивалъ Татьяну Васильевну, когда она по цѣлымъ часамъ развивала передъ нимъ всевозможныя объясненія спиритическихъ явленій.

— Еслибы я и невѣрующій былъ, то согласитесь, что могу сдѣлаться и вѣрующимъ: увѣровалъ-же Савлъ во Христа, — говорилъ Бѣгушевъ, какъ-бы угадывая тайное намѣреніе Татьяны Васильевны посвятить его въ адепты спиритизма.

Золотушные глаза той при этомъ заблистали.

— Вы правду это говорите или нѣтъ? — спросила она.

— Какъ кажется мнѣ, что правду, — отвѣчалъ Бѣгушевъ уже уклончиво.

— Въ такомъ случаѣ вотъ видите что, — произнесла Татьяна Васильевна, энергически повертываясь лицомъ къ Бѣгушеву на своемъ длинномъ креслѣ, на которомъ она до того полулежала, вся обернутая плечами, и при этомъ ея поворотѣ отъ нея распространился запахъ камфоры на весь вагонъ. — Поѣдемте вмѣстѣ со мной на будущее лѣто по этой ненавистой мнѣ Европѣ: я васъ введу во всѣ спиритическія общества и вы, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ увѣруете!..

— Пожалуй!.. — согласился Бѣгушевъ, бывший, какъ мы видѣли, въ этотъ вечеръ въ давно уже небываломъ у него веселомъ настроеніи, и даже не на шутку подумавшій, что было-бы очень забавно прокатиться по Европѣ съ смѣшной кузиной и поближе посмотреть спиритовъ. Онъ этого новаго шарлатанства человѣчества не зналъ еще въ подробностяхъ.

— Не вѣрь, ма сѣге, не поѣдетъ!.. Онъ въ Парижѣ даже скучаль, а поѣдетъ онъ съ тобой!.. — неосторожно проговорился генераль: онъ по опыту зналъ, каково было путешествовать съ его супругой.

— Съ тобой онъ скучаль, а со мной не будетъ! не правда-ли? — спросила Татьяна Васильевна Бѣгушева.

— Конечно, — подтвердилъ тотъ и потомъ вдругъ всталъ: ему ужъ надоѣло дурачиться.

— До свиданья! — сказалъ онъ.

— Куда же вы? — спросила Татьяна Васильевна почти съ испугомъ.

— Спать хочу!

— При такомъ интересномъ разговорѣ... спать

идти, — возразила обиженнымъ голосомъ Татьяна Васильевна.

— Разговоръ очень интересенъ, но спать все-таки надо.

— А если вы такой любитель сна, то я васъ не возьму съ собой въ Европу!

— Очень жаль! — сказала Бѣгушевъ и перешелъ на самое отдаленное кресло.

Генераль въ душѣ благодарилъ Бога, что разговоръ между Бѣгушевымъ и его супругой кончился, не принявъ черезчуръ остраго характера.

Бѣгушевъ, улегшись на кресло, притворился, что заснулъ, а Татьяна Васильевна начала читать духовный журналъ, чѣмъ она постоянно утѣшала себя, встрѣчая въ людяхъ или неблагодарность, или непониманіе.

Поутру генераль, отличнымъ образомъ проспавши всю ночь и видя, что Татьяна Васильевна, измученная чтеніемъ, наконецъ заснула, пошелъ пить кофе и даже разбудилъ для этого Бѣгушева.

Тотъ пошелъ съ нимъ.

— Вы до Москвы только ѣдете? — спросилъ Бѣгушевъ генерала, когда они усѣлись за столъ.

— Нѣтъ, до Троицы: жена тамъ говѣтъ будетъ.

— И вы будете говѣтъ?

— Буду, конечно!

Все это генераль говорилъ очень невеселымъ голосомъ.

Въ Московскомъ вокзалѣ Татьяну Васильевну встрѣтили: грязный монахъ съ трясущейся головой, къ которому она подошла къ благословенію и по-

томъ поцѣловала его руку, квартальный надзиратель, почтительно приложившій руку къ фуражкѣ, и толстый мужикъ—вѣроятно, деревенскій староста; всѣ они сообща ее и генерала усадили въ карету. Съ кузеномъ своимъ Татьяна Васильевна даже не простилась: до того она разсердилась на него за быстро прерванный имъ наканунѣ разговоръ.

Х.

Вскорѣ по возвращеніи Бѣгушева въ Москву, у него въ домѣ, сверхъ графа Хвостикова, появилась еще новая жилища. Въ самый первый день, какъ онъ пріѣхалъ, и едва только успѣлъ немного отдохнуть съ дороги, къ нему вошелъ Прокофій и съ глупо глубокомысленнымъ видомъ проговорилъ:

— Ваша сестрица, Аделаида Ивановна здѣсь!

— Ты почему знаешь?

— Онѣ съ мѣсяцъ еще тому назадъ заѣзжали и приказывали, чтобы, когда вы пріѣдете, прислать имъ сказать.

— Гдѣ-жь она живетъ? — спросилъ Бѣгушевъ.

— Да тутъ... такъ... въ какихъ-то комнаткахъ, у дьячка.

— У какого дьячка?

— Какъ этотъ приходъ, не помню... недалеко отъ насъ!.. Зеленая этакая церковь...—безтолково объяснилъ Прокофій.

— Но зачѣмъ сестра пріѣхала сюда?

Прокофій придавъ еще болѣе глубокомысленное выраженіе своему лицу.

— Надо быть, для свиданья съ вами и тамъ тоже... Мало ли что онѣ говорили, развѣ ихъ разберешь!

— Поздравляю!.. словъ человѣческихъ начинаешь ужъ не понимать!.. — сказала Бѣгушевѣ:—поди, позови ко мнѣ Минодору, она толковѣй тебя разскажетъ.

Прокофій, по обыкновенію, обидѣлся.

— Что-жь толковѣй!.. Развѣ женщина можетъ быть супротивъ мужчины,—проговорилъ онъ недовольнымъ тономъ.

— Позови,—повторилъ свое приказаніе Бѣгушевѣ. Прокофій не-хотя пошелъ.

— Поди, баринъ тебя зоветъ,—сказалъ онъ женѣ, и когда та пошла, произнесъ ей насмѣшливо вслѣдъ:—докладчицу какую нашелъ себѣ, ишь ты!

Минодора объяснила Бѣгушеву, что Аделаида Ивановна пріѣхала въ Москву по дѣламъ своимъ.

— Я недавно у нихъ была,—разсказывала она:—и Аделаида Ивановна сами мнѣ говорили, что онѣ въ хозяйствѣ своемъ очень разстроились: запашки, какая у нихъ была, мужики не слушаются, не запахи-ваютъ; домъ тоже очень ветхъ... боятся, чтобы полъ или потолокъ не провалился.

— Отчего она въ мою усадьбу не переѣдетъ... тамъ все новое.

— Церемонятся!.. Не желаютъ васъ стѣснить... Окромя того, это ужъ ихъ Маремьяша по секрету мнѣ сказала, что Аделаида Ивановна пріѣхала сюда долги собирать: имъ очень многіе должны!

— Охъ, ужъ мнѣ эти долги ей! — произнесъ съ досадою Бѣгушевъ и застучалъ ногой.

— И здѣсь живя, очень нуждаются, — заключила Минодора.

Бѣгушевъ продолжалъ стучать ногою.

— Такъ какъ ты знаешь, гдѣ сестра живетъ, то послѣ обѣда вели заложить карету и поѣзжай за ней.

— Слушаю-съ! — сказала Минодора и ушла.

Аделаида Ивановна, родная сестра Бѣгушева, была лѣтъ на десять старше его. Онъ ее очень любилъ, но въ то же время она выводила его иногда совершенно изъ терпѣнія: изъ очень значительнаго родительскаго наслѣдства Бѣгушевъ отдѣлилъ Аделаидѣ Ивановнѣ втрое болѣе, чѣмъ ей слѣдовало, и впослѣдствіи благодарилъ Бога, что не отдалъ ей половины, какъ онъ думалъ вначалѣ: Аделаидѣ Ивановнѣ нисколько бы это не послужило въ пользу! По всему существу своему, Аделаида Ивановна была кротчайшее и добрѣйшее существо въ мірѣ: хорошо для своего времени образованная, чувствительная, сантиментальная, превосходная музыкантша и не по ученью, а по природному дарованію, она очень также любила поля, луга, цвѣты, ручейки и всѣхъ почти животныхъ. Замужъ Аделаида Ивановна не пошла, хоть и были у ней женихи, не потому чтобы она ненавидѣла мужчинъ, о, нѣтъ! она многихъ изъ нихъ уважала, съ большимъ удовольствіемъ и не безъ нѣкотораго кокетства бесѣдовала съ ними, но въ то же время какъ-то побаивалась, а еще болѣе того стыдилась ихъ. Главною же страстью Аделаиды Ивановны было ея стремленіе къ знакомству и даже къ дружбѣ, хоть и съ захудалыми, но все-таки аристократическими семействами. Это болѣе всего бѣ-

сило Бѣгушева. «Какой ты интересъ видишь въ этой затхлой средѣ?» восклицалъ онъ, когда она начинала безконечно длинное повѣствованіе о комъ-нибудь изъ своихъ друзей.

При такомъ восклицаніи брата, Аделаида Ивановна вспыхивала, конфузилась очень... *elle était hors de lui dans ce moment*» говорила она потомъ по секрету нѣкоторымъ своимъ подругамъ. Собственно для этихъ знакомыхъ Аделаида Ивановна жила по зимамъ въ Москвѣ, сама ихъ посѣщала, они ее посѣщали, увѣряли въ уваженіи и любви и вмѣстѣ съ тѣмъ занимали у ней деньги. Аделаида Ивановна съ наслажденіемъ отсыпала имъ все, сколько у нея было, и въ прежнее время нѣкоторые изъ этихъ знакомыхъ возвращали ей вполнѣ всю сумму, а другіе аккуратно платили проценты, причемъ Аделаида Ивановна отнѣкивалась, зажимала себѣ уши и ее почти силою надо было заставить взять деньги, но съ отмѣною крѣпостнаго права, этого единственнаго источника благосостоянія для многихъ дворянъ, она не стала получать отъ своихъ высоко-благородныхъ знакомыхъ ни капиталовъ, ни процентовъ, а между тѣмъ въ этихъ розданныхъ ею деньгахъ заключалось почти все ея состояніе, такъ что Аделаида Ивановна вынужденною нашлась на безукоризненно-правильномъ французскомъ языкѣ и въ самыхъ мягкихъ выраженіяхъ напомнить своимъ должникамъ объ уплатѣ ей хоть частички, но ни отъ кого изъ нихъ она и отвѣта даже не получила. Брату Аделаида Ивановна долго не объясняла своего положенія, наконецъ рѣшилась и написала ему все откровенно. Бѣгушевъ, заранѣе это предчувствовавшій, выслалъ

ей денегъ, присовокупивъ къ тому, что если и впредь она будетъ нуждаться, такъ не стѣснялась бы и относилась къ нему; но Аделаида Ивановна рѣдко его обременяла и перебивалась кое-какъ!.. Изъ словъ Минодоры, Бѣгушевъ понялъ, что у сестры очень тонко, и ему пришло въ голову взять къ себѣ Аделаиду Ивановну и поселить ее въ своемъ московскомъ домѣ до конца дней. Графа Хвостикова онъ тоже рѣшилъ держать до конца дней.

Часовъ въ восемь Минодора привезла въ каретѣ Аделаиду Ивановну, которая, послѣ ѣзды на трясикхъ извозничьихъ пролеткахъ, съ удовольствіемъ проѣхалась въ покойномъ экипажѣ. Минодора, выскочивъ первая, почтительно высадила ее изъ кареты. Аделаида Ивановна, хоть и совершенно уже была старушка, но еще довольно свѣжая, благообразная, нѣсколько похожая на брата, росту небольшого, кругленькая, съ бѣлыми пухленькими ручками, которыя всѣ унижены были на пальцахъ кольцами, носимыми по разнымъ дорогамъ для нея воспоминаніямъ: одно кольцо было покойной матери, другое тетки, третье подруги, четвертое съ раки Митрофанія. Одѣта Аделаида Ивановна была нѣсколько по-старинному, но чопорно и со вкусомъ. Минодора хотѣла было вести ее подъ руку на лѣстницу.

— Нѣтъ, нѣтъ, голубушка, не трудись! — сказала кроткимъ голосомъ Аделаида Ивановна. То, что она становится стара и слаба, Аделаида Ивановна тщательно скрывала отъ всѣхъ, не желая никому быть въ тягость.

Встрѣченная Бѣгушевымъ въ гостиной, она бросилась ему на шею и начала цѣловать его.

— Братъ и другъ, какъ я счастлива, что вижу тебя!—повторяла она неоднократно.

Бѣгушевъ поспѣшилъ ее усадить въ покойное кресло.

— Ну что, здоровъ-ли ты?—говорила старушка, ласково-ласково смотря на него.

— Здоровъ! — отвѣчалъ Бѣгушевъ.

— Но похудѣлъ, и знаешь, значительно похудѣлъ, но это хорошо, повѣрь мнѣ!.. Полнота не здоровье!.. Я это чувствую по себѣ!.. Но ты еще молодецъ, смотри какой молодецъ!.. Чудо что такое!

Брата своего Аделаида Ивановна находила полнымъ совершенствомъ по уму, по благородству чувствъ и по наружности... О, наружность его была неотразима!.. По этому поводу она многое видѣла и слышала.

— Отъ чего ты не остановилась у меня въ домѣ, а гдѣ-то у дьячка? — спросилъ ее Бѣгушевъ.

Аделаида Ивановна при этомъ слегка покраснѣла.

— Какъ же у тебя?.. Тебя не было!.. Ты человѣкъ холостой!.. пріѣхалъ-бы, и я могла стѣснить тебя.

— Никогда ты не можешь меня стѣснить ни въ чемъ! Завтра же извольте переѣзжать ко мнѣ. Я тебѣ отведу твою прежнюю половину.

— Ахъ, помню я ее,—сказала Аделаида Ивановна и пріостановилась не надолго, какъ бы не рѣшаясь докончить то, что ей хотѣлось сказать:—у меня со мной горничная здѣсь, Маремьяша, и ты, я думаю, знаешь, что мы не можемъ жить ни я безъ нея, ни она безъ меня,—объяснила она наконецъ.

— Переѣзжай, конечно, и съ Маремьяшей!—разрѣшилъ ей Бѣгушевъ, всегда, впрочемъ, терпѣть не могшій эту Маремьяшу и хорошо знавшій, что это за птица.

— Вотъ за это merci, grand merci!—произнесла старушка:—но это еще не все,—продолжала она, и при этомъ ужъ засмѣялась добродушнѣйшимъ смѣхомъ:—со мной также и мои болонки... ихъ цѣлый десятокъ... прехорошенькія все!.. Я боюсь, что онѣ тебя будутъ беспокоить!

— Чѣмъ онѣ могутъ меня беспокоить, вели только ихъ держать на твоей половинѣ!

— Конечно на моей,—подхватила Аделаида Ивановна:—куда-жь ихъ, дурочекъ, сюда пускать, хоть я увѣрена, что когда ты ихъ увидишь, особенно Партушку, ты полюбишь ее... она всеобщая любимица... я ее потому Парту и прозвала... comprenez-vous? всюду и вездѣ.

Бѣгушеву отчасти становилось ужъ и скучно слушать сестру, но та, ободренная его ласковымъ приемомъ, разболталась до безконечности.

— А Натали-то, Натали!—говорила она, грустно покачивая головой:—кто бы могъ подумать: какая цвѣтущая, здоровая... у меня до сихъ поръ сохранился ея портретъ.—Аделаида Ивановна нѣкогда принимала самое живое и искреннее участіе въ первой любви брата!—Если ты такъ добръ,—продолжала она далѣе:—что приглашаешь меня жить у тебя, то я буду съ тобой совершенно откровенна: я пріѣхала сюда, чтобы поугагать нѣкоторыхъ господъ и госпожъ!—Лицо старушки приняло при этомъ нѣсколько лукавое выраженіе.—И теперь вотъ именно, въ сію минуту

мнѣ пришла мысль... Не знаю, одобришь-ли ты ее!..— разсуждала она:—я думаю пригласить ихъ сюда, къ тебѣ въ домъ, и въ присутствіи твоёмъ спрошу ихъ, что когда же они мнѣ заплатятъ?.. Что они тогда отвѣтятъ, любопытно будетъ!..—Лицо Аделаиды Ивановны при этомъ дышало окончательнымъ лукавствомъ; она сама въ себѣ, въ совѣсти своей считала себя очень лукавою, въ чемъ и каялась даже священнику, который каждый разъ ее успокоивалъ, говоря: «какія-съ вы лукавыя, не подобаетъ вамъ думать того!»

— Отвѣтятъ тоже, что и не въ моемъ присутствіи, то есть обмануть тебя!—возразилъ ей Бѣгушевъ.

— О, нѣтъ, это не такіе люди!.. Въ нихъ point d'honneur очень силенъ; кромѣ того, тебя побоятся... Они очень тебя уважаютъ и все рассказывали мнѣ, что часто встрѣчали тебя за-границей, и что на водахъ, гдѣ они видѣли тебя, ты будто бы постоянно гулялъ съ какой-то прехорошенькой дамой!—И старушка засмѣялась стыдливимъ смѣхомъ.

На этихъ словахъ Аделаиды Ивановны вдругъ точно изъ-подъ земли выросъ графъ Хвостиковъ, который съ самаго еще утра, какъ только успѣлъ умыться и переодѣться съ дороги, отправился гулять по Москвѣ.

Въ этомъ отношеніи графъ Хвостиковъ представлялъ собою весьма любопытное психическое явленіе: гдѣ бы онъ ни поселялся или, точнѣе сказать, гдѣ бы ни поставлена была для него кровать: въ собственной-ли квартирѣ, въ гостиницѣ-ли, или въ какомъ-нибудь постороннемъ пріютившемъ его домѣ, онъ не

медля начиналъ въ этомъ мѣстѣ чувствовать скуку непреодолимую и нестерпимое желаніе уйти куда-нибудь въ гости!

Въ настоящемъ случаѣ Хвостиковъ прямо продралъ на Кузнецкій мостъ, гдѣ купилъ себѣ дюжину фуляровыхъ платковъ, съ напечатанными на нихъ нимфами, поглазѣлъ въ окна магазиновъ живописи, зашелъ потомъ въ кондитерскую къ Трамбле, выпилъ тамъ чашку шоколада, пробѣжалъ наскоро двѣ три газеты, и началъ ломать голову: куда бы ему пробраться съ визитомъ. Зайти къ кому-нибудь изъ мужчинъ онъ нѣсколько стѣснялся, заранѣе предчувствуя, что тѣ, вѣроятно, слышавшіе о его все-таки прикосновенности къ дѣлу Хмурина, будутъ сухи съ нимъ. Гораздо пріятнѣе было бы къ дамѣ какой-нибудь! «Къ Домнѣ Осиповнѣ, чего же лучше!» пришла ему вдругъ счастливая мысль, и онъ, не откладывая времени, вышелъ изъ кондитерской, взялъ извозчика и покатылъ въ Таганку; но тамъ ему сказали, что Домна Осиповна переѣхала на Никитскую въ свой большой домъ. Графу Хвостикову было немножко это досадно, но онъ рѣшился поставить на своемъ и на томъ же извозчикѣ отправился на Никитскую. Его приняли: проходя новое помѣщеніе Домны Осиповны, Хвостиковъ увидѣлъ, что оно было гораздо больше и съ лучшимъ вкусомъ убрано чѣмъ прежде. Квартиру эту для Олуховыхъ планировалъ, отдѣлывалъ и даже мебелировалъ, по своему усмотрѣнію, Ясутскій. Домна Осиповна сидѣла въ гостиной разодѣтая и подкрашенная. Графу Хвостикову Домна Осиповна почему-то очень обрадовалась.

— Здравствуйте, графъ, садитесь и рассказы-

вайте!—говорила она голосомъ, исполненнымъ любовитства, и показывая ему на кресло возлѣ себя.

Графъ сѣлъ и въ первыя минуты не зналъ, какъ себя держать: веселымъ, или печальнымъ.

— Послушайте,—начала Домна Осиповна:—миѣ Янсутскій писалъ, не знаю даже, вѣрится-ли тому, что будто бы Лиза скрылась отъ Тюменева?

Графъ понялъ, что ему приличнѣе быть печальнымъ.

— Да-съ! — отвѣтилъ онъ и вздохнулъ.

— И полюбила другаго?

— Другаго!

— Кого?

— Одною мальчишку... не имѣющаго даже мѣста.

— Сумасшедшая!—произнесла съ отѣнкомъ негодованія Домна Осиповна.

— Хуже чѣмъ сумасшедшая! Она крестъ мой! — сказалъ на это графъ:—я столько послѣднее время перестрадалъ...

— Въ одномъ отношеніи она, по моему, права,—перебила его Домна Осиповна:—что любить молодаго человѣка пріятнѣе, чѣмъ такого противнаго старикашку какъ Тюменевъ; но что же дѣлать?.. Въ ея положеніи надобно было подумать и о будущемъ!

— О будущемъ Лиза никогда не думала,—подхватилъ графъ, самъ-то пуще всего думавшій когда-нибудь о будущемъ.—Но ваше какъ здоровье?—спросилъ онъ Домну Осиповну.

— Такъ себѣ, ничего!.. дразги у меня опять разныя начались.

— Съ кѣмъ?

— Семейныя!—Болѣе этого Домна Осиповна ни-

чего не объяснила и сама спросила графа:—Зачѣмъ вы въ Москву пріѣхали и гдѣ живете?

Графъ грустно улыбнулся.

— Гдѣ-жь мнѣ жить кромѣ Москвы, а обитаю я у Бѣгушева, вмѣстѣ съ нимъ и пріѣхалъ изъ Петербурга.

— У Бѣгушева?..—повторила Домна Осиповна безъ любопытства.

— У него!.. Его благодѣяніями существую... Это такой благородный и добрѣйшій человекъ!

Но это замѣчаніе графа Домна Осиповна сдѣлала небольшую гримасу.

— Что онъ человекъ благородный, это можетъ быть, но чтобы добрѣйшій былъ, не думаю!

— И добрый!.. Его надобно хорошо узнать!

— Я его знала хорошо, но доброты въ немъ не замѣчала, — возразила съ усмѣшкой Домна Осиповна, и потомъ, какъ-бы совершенно случайно, присовокупила:—мнѣ, не помню, кто-то рассказывалъ, что послѣднее время онъ посѣдѣлъ или поста-рѣлъ.

— То и другое есть!.. Страшно хандрить... невѣроятно.

Домнѣ Осиповнѣ хотѣлось спросить, о чемъ именно хандрить Бѣгушевъ, однако она удержалась; но когда графъ Хвостиковъ сталъ было раскланиваться съ ней, Домна Осиповна оставила его у себя обѣдать и въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, которые тотъ еще оставался у ней, она нѣсколько разъ принималась спрашивать его о разныхъ пустякахъ, касающихся Бѣгушева. Графъ ясно изъ этого понялъ, что она еще интересуется прежнимъ своимъ другомъ,

и не преминулъ начать разглагольствовать на эту тему.

— Бѣгушевѣ удивительный человѣкъ!.. натура особенная!.. не намъ дюжиннымъ людямъ чета.

— Въ чемъ же эта особенность его видна?—спросила Домна Осиповна.

— Во всемъ-съ! Я, въ Петербургѣ живя, каждый день почти видѣлся съ нимъ и, замѣчая, что онъ страдаетъ и мучится, сталъ, наконецъ, усовѣщевать его: какъ тебѣ, говорю, не грѣхъ роптать на Бога: ты у всѣхъ въ почетѣ... ты богатъ, и если съ тобой бывали непріятные случаи въ жизни, то они постигаютъ всѣхъ и каждого! «И каждый,—говоритъ онъ,—принимаетъ эти случаи различно: на однихъ они нисколько не дѣйствуютъ, а у другихъ подчеркиваютъ сразу всю ихъ жизнь!» Согласитесь вы, сказать такую мысль можетъ только человѣкъ съ байроновски-глубокой душой.

Домна Осиповна слушала это, задумчиво глядя на красивые ногти своей руки.

— Словомъ, человѣкъ страдаетъ о прошедшемъ и оплакиваетъ его!—заклучилъ графъ.

Домна Осиповна на мгновеніе взяла себя за лобъ.

— Очень жаль, если это такъ! но только этого прошедшаго не воротишь!—проговорила она.

— Почему?—спросилъ ее графъ.

— Такъ, не воротишь!—повторила Домна Осиповна и не стала больше ни слова говорить о Бѣгушевѣ, но Хвостиковъ все-таки вынесъ изъ этого разговора твердое убѣжденіе, что можно воротить это прошедшее и что онъ былъ бы очень радъ способствовать тому!

Возвратясь домой и увидѣвъ сидящую съ Бѣгушевымъ старушку, графъ нѣсколько удивился.

— Это сестра моя, Адель! — пояснилъ ему Бѣгушевъ.

Графъ Хвостиковъ при этомъ почему-то сконфузился, но потомъ сейчасъ-же и поправился.

— Еще одна минута, и я бы догадался, съ кѣмъ имѣю честь встрѣтиться, такъ вы мало измѣнились!..—говорилъ онъ, беря и цѣлуя руку Аделаиды Ивановны:—извините, я по старинному!

Старушка сначала тоже не узнала его.

— Графъ Хвостиковъ!..—объяснилъ ей Бѣгушевъ.

— А, графъ Хвостиковъ!.. — произнесла своимъ добрымъ голосомъ Аделаида Ивановна, не безъ труда припоминая, что въ одну изъ давнишнихъ зимъ, когда она жила въ Москвѣ, графъ довольно часто у ней бывалъ и даже занялъ у ней двѣсти рублей, о которыхъ она, по незначительности суммы, никогда-бы, разумѣется, не рѣшилась ему сказать, но графъ, тоже не забывшій этого обстоятельства, все-таки счелъ за лучшее подольститься къ старушкѣ.

— Ну что ваша музыка?—спросилъ онъ.

— Музыка? — переспросила не безъ удовольствія Аделаида Ивановна:—играю еще... Фортепьянъ только у меня хорошихъ нѣтъ.

— Здѣсь Виртъ превосходный! — говорилъ Хвостиковъ, показывая рукой на стоявшій рояль:—надѣюсь, что вы подарите намъ нѣсколько вашихъ волшебныхъ звуковъ!

— Да, поиграю какъ-нибудь, — отвѣчала Аделаида Ивановна, очень довольная любезничаньемъ графа.

Въ это время вошла Минодора и доложила ей:

— Ваша Маремьяша прислала сына дьячка сказать вамъ, что пора домой; затемнѣетъ очень, и вы будете бояться ѣхать!

— Да, да, пора!..—заторопилась старушка.

— Но карета готова-ли? — спросилъ Бѣгушевъ.

— Подана-съ... у крыльца, — отвѣчала Минодора.

Аделаида Ивановна расцѣловалась съ братомъ и при этомъ говорила:

— Какова Маремьяша моя? каково усердіе ея?

«Хороша, нечего сказать!» думалъ про себя Бѣгушевъ, а вслухъ проговорилъ Минодорѣ:

— Адель завтра же переѣзжаетъ ко мнѣ!.. скажи ты это Маремьяшѣ этой!

— Скажу-съ!—отвѣчала та.

Старушка пошла. Графъ Хвостиковъ провожалъ ее. Она было хотѣла не позволить ему этого, но онъ слѣдовалъ за ней и посадилъ ее подъ руку въ карету.

Впродолженіе всего остальнаго вечера, графъ Хвостиковъ не рѣшался заговорить съ Бѣгушевымъ о Домнѣ Осиповнѣ, но за ужиномъ, выпивъ стакана два краснаго вина, отважился на то.

— Я сегодня между прочимъ былъ и даже обѣдалъ у Домны Осиповны, которая переѣхала близехонько сюда, на Никитскую, въ свой новый домъ.

— Для чего вы такъ поспѣшили? Я не зналъ, что вы такіе съ ней друзья! — замѣтилъ Бѣгушевъ, немного вспыхнувшій отъ словъ графа.

— Мы давно съ ней дружны, — отвѣчалъ тотъ:—и

я убѣдился... Впрочемъ, я не знаю, позволишь-ли ты мнѣ быть съ тобою совершенно откровеннымъ...

— Будь! — разрѣшилъ ему Бѣгушевъ... Краска все болѣе и болѣе появлялась въ лицѣ его.

— Я убѣдился, — продолжалъ графъ: — что она тебя до сихъ поръ любитъ!

Бѣгушевъ окончательно вспыхнулъ.

— А при этомъ другихъ двухъ любитъ, и сверхъ того супруга обожаетъ! — проговорилъ онъ съ ядовитостію.

— Кого-жь она любитъ? Неправда! — воскликнулъ графъ.

— Но ты самъ же рассказывалъ дочери твоей! — уличилъ его Бѣгушевъ.

— Я только говорилъ, что за Домной Осиповой ухаживаютъ, можетъ быть, даже не двое, а и больше... она такъ еще интересна! — вывернулся графъ:—но что я наблюдаю и замѣтилъ въ послѣднее свиданье, то меня рѣшительно убѣждаетъ, что любить собственно она тебя.

— Изъ чего ты это наблюдаю и замѣтилъ? — спросилъ его какъ-бы съ неудовольствіемъ Бѣгушевъ.

— Словъ ея я тебѣ не могу передать!.. ихъ, если ты хочешь, и не было; но эти улыбки, полугрустный трепетъ въ голосъ, явное волненіе, когда она о тебѣ что-нибудь спрашивала...

— Но что-жь она спрашивала обо мнѣ? — допытывался Бѣгушевъ: ему въ одно и то же время досаденъ и приятенъ былъ этотъ разговоръ.

— Опять-таки тоже многое и, пожалуй, ничего не спрашивала!

— Фантазеръ! — воскликнулъ Бѣгушевъ и, вставъ

со своего стула, такъ какъ ужинъ въ это время уже кончился, пошелъ было.

— Нѣтъ, я тебѣ это докажу; хочешь?—говорилъ ему вслѣдъ Хвостиковъ.

— Чѣмъ?..—спросилъ Бѣгушевъ, обертываясь къ нему лицомъ.

— Тѣмъ, что помирю васъ.

Бѣгушевъ махнулъ только на это рукой и ушелъ къ себѣ въ спальную.

Графъ Хвостиковъ, оставшись одинъ, допилъ все красное вино и рѣшился непременно привести въ исполненіе то, что задумалъ!

XI.

Вещи Аделаиды Ивановны, какъ приказалъ Бѣгушевъ, на другой же день стали переносить къ нему въ домъ. Прежде всего самъ дьячекъ, у котораго она квартировала, сынишка его и сторожъ церковный притащили на рукахъ божницу съ довольно дорогими образами и при этомъ дьячекъ просилъ доложить Бѣгушеву, что всѣ они поздравляютъ Александра Ивановича съ пріѣздомъ сестрицы; но Минодора не пошла докладывать, а сама поднесла дьячку и сторожу по огромному стакану водки, которую оба они съ удовольствіемъ выпили, крикнули и пожелали закусить. Минодора дала имъ и закусить холодной, барской кулебяки съ налимками и осетровыми печенками, а маленькому семинаристу насыпала цѣлый карманъ сладкаго печенья. Затѣмъ, вещи начали подносить одинъ ужъ сторожъ и два

поденщика съ дикими, звѣрообразными лицами. Поденщики наши, какъ извѣстно, смирный народъ, но съ виду очень страшны и, главное, опредѣлить совершенно невозможно, во что они, по большей части, бывають одѣты: на старшемъ, напримѣръ, изъ настоящихъ поденщиковъ, были худыя резиновые калоши, на босу ногу, и дыравый полушубокъ; а на другомъ лапти и коротенькая визитка. Первоначально они притащили на головахъ ванны Аделаиды Ивановны, ножныя, поясныя, и огромный умывальникъ: mademoiselle Бѣгушева любила очень полоскаться въ водѣ и каждый день почти все утро употребляла на это. За умывальникомъ былъ принесенъ попугай въ клеткѣ старымъ лакеемъ Аделаиды Ивановны, Дормидоничемъ, тоже обитавшимъ при ней, и о которомъ она не рѣшалась и упомянуть брату. Дормидоничъ, по приказанію госпожи своей, прежде всего велѣлъ спросить Александра Ивановича, что позволить-ли онъ ей взять съ собой попугая, а равно и его Дормидонича. Бѣгушевъ на это сказалъ, что она можетъ всѣхъ и все перевозить къ нему. За попугаемъ вскорѣ прибыла Маремьяша, пожилая горничная дѣвушка, съ лицомъ, точно та-туированнымъ и испещреннымъ черными пятнышками, но въ шляпкѣ, новомъ бурнусѣ, въ перчаткахъ и даже съ зонтикомъ въ рукахъ. Она привела съ собой на сворѣ десять болоночекъ, которыя, въѣжавъ въ свое новое помѣщеніе, сначала было за-лаiali, завизжали, но послѣ окрика Маремьяши и послѣ того, какъ она налила имъ на блюдечко принесеннаго съ собой въ пузыркѣ молока, онѣ принялись лакать его и сейчасъ же стихли. Маремьяша

была, сколько можно это судить по ея изжелта-зеленымъ и безпрестанно бѣгающимъ изъ стороны въ сторону глазамъ, дѣвка неглупая и очень плутоватая; Аделаиду Ивановну, когда та была богата, она обкрадывала сколько возможно, и въ настоящее время, имѣя уже довольно значительный капиталецъ, не теряла надежды поувеличить его съ полученіемъ Аделаидою Ивановною долговъ ея. Вскорѣ за Маремьяшей сторожъ и поденщики, опять-таки на головахъ, принесли огромныя перины и цѣлый ворохъ подушекъ для Аделаиды Ивановны и для Маремьяши: обѣ онѣ спали всегда очень мягко!

На всю эту сцену переноски Прокофій глядѣлъ молча, но когда Дормидонычъ спросилъ Минодору, что гдѣ же ему можно будетъ пріютиться, и когда та отвѣтила ему: «въ комнаткѣ около кухни», Прокофій не выдержалъ и воскликнулъ. «А-ли здѣсь въ домѣ!.. Будетъ, что про васъ и клеушковъ осталось». Молодые лакеи при этомъ захохотали. Дормидоныча это оскорбило.

— Не смѣйтесь, господа, можетъ быть, и самимъ вамъ придется въ клеушкахъ жить, — проговорилъ онъ.

Прокофій, собственно, Аделаиду Ивановну уважалъ какъ сестру барина, но прислугу ея считалъ за чистую сволочь.

Вскорѣ прибыла въ каретѣ Бѣгушева и сама Аделаида Ивановна. Она все утро объѣзжала чудотворныя иконы и разные монастыри и вездѣ со слезами благодарила Бога, что Онъ далъ ей такого друга и брата, съ которымъ по пріѣздѣ облобызавшись, прямо отправилась въ свое отдѣленіе размѣщать и разставлять тамъ вещи. За этой работой

она провела часа три и такъ утомилась, такой сдѣлалась замарашкой, что не рѣшилась даже выйти къ обѣду и просила къ себѣ въ комнату прислать чего-нибудь. Покушавъ Аделаида Ивановна легла почитать и заснула сномъ младенца. Вечеромъ Аделаида Ивановна, почувствовавъ себя послѣ сна бодрой, пріодѣлась и вышла на мужскую половину, гдѣ застала брата, по обыкновенію, въ диванной, а вмѣстѣ съ нимъ и графа Хвостикова, нарочно цѣлый день не уходившаго для нея изъ дому, чтобы еще болѣе къ ней приласкаться. Какъ только Аделаида Ивановна появилась, онъ сейчасъ же разсыпался передъ ней мелкимъ бѣсомъ: рассказалъ ей нѣсколько городскихъ новостей и слуховъ, разсмѣшилъ ее двумя, тремя обветшалыми каламбурами, а затѣмъ прямо свелъ рѣчь на музыку:

— Умоляю васъ хоть сегодня сыграть намъ что-нибудь, — говорилъ онъ.

— Ахъ, нѣтъ!.. нѣтъ!.. Я сегодня еще такая усталая, — отпѣкивалась старушка жеманно.

— Вы нисколько не усталая, нисколько! — воскликнулъ графъ и подалъ Аделаидѣ Ивановнѣ руку.

Она усмѣхнулась, но отказаться не могла и пошла съ Хвостиковымъ въ гостиную къ роялю.

Аделаида Ивановна едва только дотронулась до клавишей, какъ мгновенно же увлеклась, тѣмъ болѣе, что на такомъ хорошемъ и отлично-настроенномъ инструментѣ она давно не играла: изъ-подъ ея маленькихъ и пухленькихъ пальчиковъ полились звуки тихіе, мягкіе. Что собственно Аделаида Ивановна играла, она сама не помнила и чисто фантазировала: слушая ее, графъ Хвостиковъ безпрестанно

схватывалъ себя за голову и восклицалъ на французскомъ языкѣ: «божественно, превосходно!»

Все это онъ продѣлывалъ кромѣ той цѣли, чтобы заставить Аделаиду Ивановну забыть о деньгахъ, которыя онъ ей долженъ былъ, но онъ, рассчитывая на ея безконечную доброту и женское самолюбіе, мечталъ снова занять у ней: изобрѣтательность и смѣтка графа Хвостикова доходила въ этомъ случаѣ до геніальности! Бѣгушевъ, между тѣмъ, сидя одинъ, думалъ о Домнѣ Осиповнѣ. Разсказъ графа Хвостикова, что будто-бы она еще любитъ его, не выходилъ у него изъ головы, и онъ все проводилъ параллель между нею и madame Мѣровой: Развѣ Домна Осиповна сдѣлала что-нибудь подобное въ отношеніи его, что сдѣлала та противъ Тюменева? Развѣ она мучила его хоть сколько-нибудь напризами? Напротивъ! Домна Осиповна всегда старалась его умѣрить, когда онъ впадалъ въ раздраженіе!.. Наконецъ, развѣ ея вина, что судьба заставила ее жить въ дрянной средѣ, изъ которой, можетъ быть, Домна Осиповна нѣсколько и усвоила себѣ; но не его ли была обязанность растолковывать ей это постепенно, не вдругъ, съ кротостью и настойчивостью педагога, а не рубить вдругъ и сразу прекратить всякія отношенія.—Какой мастеръ былъ Бѣгушевъ обвинять себя въ большей части случаевъ жизни, мы видѣли это изъ предъидущаго. Желаніе узнать, что есть ли хоть сотая доля правды въ томъ, что наболталъ ему Хвостиковъ, которому онъ мало вѣрилъ, узнать по крайней мѣрѣ пообстоятельнѣе, какъ Домна Осиповна живетъ, гдѣ бываетъ, съ кѣмъ видается, овладало Бѣгушевымъ все болѣе и болѣе, а между

тѣмъ сестра его Аделаида Иванова на другой день немножко прихворнула. Онъ почти обрадовался ея болѣзни, сообразивъ, что это отличный предлогъ ему пригласить Перехватова и выспросить его о Домьянъ Осиповнѣ.

— Я сейчасъ пошлю за докторомъ! — сказалъ онъ Аделаидѣ Ивановнѣ. Та, думая, что она все-таки обременяетъ (этимъ брата, сначала была и руками, и ногами противъ приглашенія доктора.

— Приѣздъ доктора кромѣ твоей болѣзни меня успокоитъ, потому что онъ мнѣ скажетъ, чѣмъ ты собственно больна! — возразилъ Бѣгушевъ.

Аделаида Ивановна глубоко сердцемъ поняла брата и друга и болѣе ему не возражала. Перехватовъ въ то же утро приѣхалъ къ Бѣгушеву на его приглашительную записку. Онъ пополнѣлъ нѣсколько и сдѣлался еще представительнѣе. Румянецъ, попрежнему, горѣлъ на его щекахъ. Досадливаго выраженія въ лицѣ, которое у него было послѣ потери имъ въ банкѣ восьми тысячъ, слѣда не было, можетъ быть потому, что Перехватовъ вполне успѣлъ пополнить практикой этотъ убытокъ. Костюмъ его на этотъ разъ состоялъ изъ вѣщъ-мундира и Владиміра третьей степени на шеѣ. Не смотря на свои молодые лѣта, Перехватовъ, бывъ ревизоромъ какихъ-то больницъ и, получа въ послѣднее время сей почти генеральскій крестъ, началъ въ немъ ѣздить къ своимъ кліентамъ, изъ которыхъ многіе (по большей части купцы) сразу же сочли нужнымъ возвысить ему плату до десяти рублей серебромъ за визитъ.

Войдя къ Бѣгушеву и зная оригинальность того,

Перехватовъ не спѣшилъ его разспрашивать о томъ, чѣмъ онъ боленъ, и сказалъ только:

— Вы недавно пѣзъ заграницы?

— Мѣсяца полтора.

— Лѣчилисъ тамъ?

— Нѣтъ!

На лицѣ Перехватова выразилось маленькое недоумѣніе: зачѣмъ же собственно его Бѣгушевъ пригласилъ къ себѣ.

— Не я боленъ, но у меня живетъ сестра родная: она заболѣла! — проговорилъ ему тотъ.

— А!—произнесъ докторъ: — гдѣ же я могу видѣть больную?

Бѣгушевъ, самъ проводивъ Перехватова до комнаты сестры, просилъ его зайти къ нему и рассказать, что такое съ нею.

— Непремѣнно! — отвѣчалъ докторъ, и пробывъ весьма недолгое время у Аделаиды Ивановны, онъ прошелъ къ Бѣгушеву.

— Ничего, — сказалъ онъ: — маленькая гастрическая лихорадка... Старушка, вѣроятно, діеты не соблюдала.

Аделаида Ивановна, дѣйствительно, послѣ скуднаго обѣда, который она брала отъ дѣячка, понавѣ на изысканный столъ Бѣгушева, съ большимъ аппетитомъ и очень много кушала: не смотря на свое поэтическое и сантиментальное міросозерцаніе, Аделаида Ивановна, подобно брату своему, была нѣсколько обжорлива. Бѣгушевъ не спѣшилъ платить доктору. Тотъ отчасти изъ этого, а потомъ и по другимъ признакамъ догадался, что ему не слѣдовало уѣзжать, ради чего, не владя впрочемъ шляпы, сѣлъ.

— А вы собственно совершенно здоровы или попрежнему злитесь? — спросил онъ Бѣгушева.

— Нѣтъ, теперь хандрю только и адски скучаю! — отвѣчалъ тотъ.

— Неужели же и Европа не поразвлекла васъ нисколько?

— Напротивъ, еще большую нагнала хандру.

— Ахъ вы, обезпеченные господа! — воскликнулъ докторъ: — ей-богу, какъ посмотришь на васъ... у меня много есть подобныхъ вамъ пациентовъ... такъ даже мы, доктора, въ нашей каторжной, работающей жизни живемъ лучше!

— Вѣроятно! — согласился Бѣгушевъ, бывший подъ вліяніемъ своей главной мысли и почти не слушавшій то, что ему проповѣдывалъ Перехватовъ.

Разговоръ на нѣкоторое время прекратился; но Бѣгушевъ наконецъ не вытерпѣлъ.

— А кого вы изъ нашихъ общихъ знакомыхъ выдаете? — спросилъ онъ.

— То есть, кого же общихъ?.. — спросилъ докторъ, смутно впрочемъ догадывавшійся, что вопросъ этотъ исключительно касался Домны Осиповны. О томъ, что какъ и изъ-за чего она разсталась съ Бѣгушевымъ, онъ зналъ до мельчайшихъ подробностей по рассказамъ самой Домны Осиповны, сдѣлавшейся съ нимъ, послѣ разлуки съ Бѣгушевымъ, очень дружною.

— Видаюсь я, — продолжалъ онъ: — между прочимъ съ Янсутскимъ, съ madame Олуховой! — При послѣднемъ имени докторъ бросилъ коротенькій взглядъ на Бѣгушева.

— Какъ же она существуетъ? — спросилъ тотъ, почти задышавшійся отъ любопытства или, лучше

сказать, отъ болѣе сильнаго чувства и желавшій, чтобы ему рассказывали скорѣе и скорѣе. Но докторъ началъ довольно издалека:

— Она была нѣкоторое время больна; но потомъ поправилась было совершенно...

— А теперь что-жь, опять больна?

— Нѣтъ, но у нея пошли снова дразги съ ея мужемъ. Это ужасный человѣкъ! ужасный! — повторилъ два раза докторъ.

— Напротивъ, онъ мнѣ казался такимъ смиреннымъ и покорнымъ Домнѣ Осиповнѣ, — замѣтилъ Бѣгушевъ.

— Не дай Богъ никому такихъ покорныхъ мужей! — воскликнулъ докторъ.

— Что же собственно онъ дѣлаетъ? — спросилъ Бѣгушевъ, бывший втайнѣ очень доволенъ, что Домна Осиповна ссорится съ мужемъ.

— Кутить!.. безобразничаетъ!.. Этотъ ходатай по ихъ дѣламъ, Гроховъ, опять свелъ его съ прежнею привязанностью! Они всѣ втроемъ пьянствуютъ: у Олухова два раза была бѣлая горячка... Я по нѣскольку дней держалъ его въ сумасшедшей рубашкѣ! Можете вообразить себѣ положеніе Домны Осиповны: она только было поустроила свою семейную жизнь, какъ вдругъ пошло хуже, чѣмъ когда-либо было. Я просто совѣтую ей уѣхать за границу, какъ и сдѣлала она это прежде.

Этому совѣту доктора Бѣгушевъ вначалѣ тоже обрадовался, такъ какъ ему пришла въ голову безразсудная мысль гнаться за Домной Осиповной, куда-бы только она ни поѣхала, и молить ее возвратить ему прошедшее.

— Я очень люблю и уважаю Домну Осиповну, — продолжалъ докторъ, какъ-бы совершенно безпристрастнымъ голосомъ: — и прямо ей говорю, что подъ вліяніемъ такихъ непріятныхъ и каждодневно-повторяющихся впечатлѣній она можетъ окончательно разбить свое здоровье.

— И что-жь она... никуда не выѣзжаетъ?

— Нѣтъ!.. Выѣзжаетъ!

— Куда?

— Ѣздитъ иногда въ дворянское собраніе, гдѣ устраиваются очень хорошенькіе вечера, потомъ бываетъ въ театрѣ, гуляетъ по бульварамъ, которые отъ нея два шага!

Всѣ эти слова доктора Бѣгушевъ хорошо запомнилъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, по своей подозрительности, подумалъ, что зачѣмъ Перехватовъ, ухаживая, какъ говорятъ, за Домной Осиповной, отправляетъ ее за границу: онъ, можетъ быть, какъ нѣкогда сдѣлать и самъ Бѣгушевъ хотѣлъ, предполагаетъ увезти ее отъ мужа! Перехватовъ, въ самомъ дѣлѣ, желалъ удалить Домну Осиповну, но только не отъ мужа, а отъ начавшаго за ней ухаживать Янсутсаго.

— А вы, скажите, бывали за-границей? — спросилъ Бѣгушевъ, желая позондировать доктора въ этомъ отношеніи.

— Былъ... Я въ тамошнихъ университетахъ собственно и готовился на степень доктора.

— Но опять съѣздить не думаете?

— Очень-бы хотѣлось, но какъ это сдѣлать: практика у меня большая, на кого ее оставить?

Бѣгушевъ понялъ, что ему отъ доктора больше

ничего не добиться. Тому тоже пора было ѣхать по другимъ визитамъ. Онъ раскланялся.

Со слѣдующаго дня Бѣгушевъ повелъ совершенно несвойственную ему жизнь. Онъ всѣ утра, часовъ съ одиннадцати до пяти гулялъ по бульварамъ, а вечеромъ обыкновенно бывалъ въ обоихъ театрахъ. Большомъ и Маломъ. Явно, что Бѣгушевъ ожидалъ гдѣ-нибудь изъ этихъ мѣстъ встрѣтить Домну Осиповну. Ему хотѣлось хоть разъ еще въ жизни видѣть ея красивое лицо; судьба наконецъ надъ нимъ сжалась. Просматривая однажды газету, Бѣгушевъ наткнулся на напечатанное крупными буквами объявленіе объ имѣющемъ быть въ скоромъ времени танцевальномъ вечерѣ въ залѣ дворянскаго собранія. Бѣгушевъ порывисто позвонилъ.

Вошелъ молодой лакей.

— Графъ дома? — спросилъ его съ нетерпѣніемъ и безпокойствомъ Бѣгушевъ.

— Дома-съ! — отвѣчалъ тотъ.

— Зови его ко мнѣ сію минуту!

Лакей быстро побѣжалъ на верхъ къ графу, который, по рѣшительному отсутствію денегъ, нѣсколько дней не выходилъ изъ дома, а все время употреблялъ на то, что читалъ скабрзные французскіе романы, открытые имъ въ библіотекѣ Бѣгушева. На приглашеніе хозяина онъ немедленно сошелъ къ нему.

— Mon cher, — сказалъ ему почти нѣжнымъ голосомъ Бѣгушевъ:—въ четвергъ балъ въ дворянскомъ собраніи: мнѣ хочется быть тамъ; вы тоже пойдете со мной. Будьте такъ добры, повзжайте въ моихъ саняхъ, возьмите два билета: себѣ и мнѣ. Бѣгушевъ

при этомъ подаль графу пятидесятирублевую бумажку.

— Но, mon cher, — воскликнулъ графъ въ свою очередь:—кромѣ билета, мнѣ туалетъ мой не позволяетъ нынче бывать на балахъ.

— Сдѣлайте себѣ туалетъ новый; вотъ вамъ къ этимъ деньгамъ еще сто рублей!... — говорилъ Бѣгушевъ.

— Merci, тысячу разъ merci! — говорилъ графъ Хвостиковъ, съ удовольствіемъ засовывая деньги въ карманъ.

— Ну и потомъ... — продолжалъ Бѣгушевъ, совершенно потупляясь: — не зайдете-ли вы къ вашему другу, Доминѣ Осиповнѣ, и не узнаете-ли: будетъ она въ собраніи?...

— Непремѣнно найду!... Я самъ это думалъ! — подхватилъ графъ, хотя вовсе не думалъ этого дѣлать, на томъ основаніи, что онъ еще прежде неоднократно забѣгалъ къ Доминѣ Осиповнѣ, заводилъ съ ней разговоръ о Бѣгушевѣ, но она ни звука не произнесла при этомъ: тяжело-ли ей было говорить о немъ, или просто скучно, графъ не зналъ, какъ рѣшить.

— Только, пожалуйста, вы не скажите ей, что я васъ подсылаю!

— О, mon cher, что-жь ты меня за ребенка такого считаешь, — отвѣчалъ графъ и уѣхалъ прямо къ Доминѣ Осиповнѣ, а въ пять часовъ явился аккуратно къ обѣду Бѣгушева и имѣлъ торжествующій видъ.

— Будетъ! — сказалъ онъ лаконически, такъ какъ стѣснялся присутствіемъ Аделаиды Ивановны.

— Благодарю! — отвѣчалъ ему лаконически и Бѣгушевъ.

Но у старушки не прошли мимо ушей эти фразы. Она почти догадывалась, о комъ онѣ были сказаны.

Аделаида Ивановна давно интересовалась узнать объ отношеніяхъ ея брата къ madame Олуховой и когда ея Маремьяша, успѣвшая вывѣдать у людей Бѣгушева все и про все, сказала ей, что Александръ Ивановичъ разсорился съ этой дамой, Аделаидѣ Ивановнѣ было это чрезвычайно непріятно: она очень не любила, когда люди ссорились!

XII.

Передъ баломъ въ дворянскомъ собраніи Бѣгушевъ былъ въ сильномъ волненіи: «ну, какъ Домна Осиповна не будетъ?» задавалъ онъ себѣ вопросъ и почти въ ужасъ приходилъ отъ этой мысли. Одеться на балъ Бѣгушевъ началъ часовъ съ семи, и нельзя умолчать, что къ туалету своему приложилъ сильное и давно имъ оставленное стараніе: онъ надѣлъ превосходное парижское бѣлье, лондонскій фракъ и даже слегка надушился какими-то тончайшими духами. Графу Хвостикову Бѣгушевъ объявилъ, чтобы тотъ непременно былъ готовъ къ половинѣ девятого.

— Но зачѣмъ же такъ рано? — возразилъ было графъ.

— Я всегда люблю рано пріѣзжать! — сказалъ ему сурово Бѣгушевъ, но въ сущности онъ спѣшилъ быть въ собраніи, чтобы не прозвѣвать Домны Осиповны.

повны, а то, пожалуй, онъ разойдется съ ней и не встрѣтится цѣлый вечеръ.

Пріѣхавъ съ графомъ Хвостиковымъ въ собраніе, Бѣгушевъ остановился въ первой же со входа комнатѣ и сѣлъ на стулъ около самыхъ входныхъ дверей.

— Ты тутъ останешься? — спросилъ его графъ, начинавшій догадываться о тайной мысли Бѣгушева.

— Тутъ! — отвѣчалъ тотъ.

Графъ въ своемъ освѣженномъ туалетѣ пошелъ бродить по совершенно еще пустымъ заламъ. Публика начала съѣзжаться только въ концѣ десятаго часа. Бѣгушевъ все это время глазъ не спускалъ со входныхъ дверей и еще издали увидалъ входящую Домну Осиповну въ сопровожденіи Янсутскаго. Одѣта она была къ лицу, со вкусомъ и богато. Бѣгушевъ поспѣшилъ пройти въ большую залу и сталъ около колонны, опять потому-же, что Домна Осиповна непременно должна была пройти мимо него. Она дѣйствительно прошла и уже подъ руку съ Янсутскимъ, шедшимъ гордо и почти презрительно смотрѣвшимъ на всю публику. Съ Бѣгушевымъ Домна Осиповна была нѣсколько мгновений почти лицомъ къ лицу и вначалѣ замѣтно взволновалась, но потомъ сейчасъ-же овладѣла собой и взглянула въ сторону. Янсутскій не поклонился Бѣгушеву; тотъ ему тоже не пошевелилъ головой. Затѣмъ Янсутскій что-то такое шепнулъ Домнѣ Осиповнѣ. Она сдѣлала при этомъ небольшую гримасу и ничего ему не отвѣтила. Бѣгушевъ, попрежнему, оставался у колонны и принялъ какъ-бы спокойный видъ; его порадовало весьма маленькое обстоятельство: Домна Осиповна,

отойдя довольно далеко, обернулась и очень пристально взглянула на него.

Поданъ былъ сигналъ къ началу танцевъ. Передъ Бѣгушевымъ неожиданно предсталъ вырвавшийся изъ тѣсной толпы графъ Хвостиковъ.

— Она здѣсь! — произнесъ онъ радостно-задыхающимся голосомъ.

— Я видѣлъ ее! — отвѣчалъ Бѣгушевъ, стараясь, попрежнему, оставаться спокойнымъ.

— Я приглашу ее сейчасъ на кадрили и по-выспрошу! — объяснилъ графъ и опять юркнулъ въ толпу.

Бѣгушевъ затѣмъ все вниманіе и зрѣніе свое устремилъ на танцующихъ, потому что посреди ихъ замѣтилъ Домну Осиповну. Она танцевала съ Янсутекимъ и ходила какъ гордая павъ, что было нѣсколько смѣшно, но Бѣгушеву не показалось это смѣшнымъ. Во время пятой фигуры сзади его раздался голосъ:

— Александръ Ивановичъ, вотъ гдѣ я васъ встрѣчаю!..

Бѣгушевъ оглянулся. Это говорилъ молодой русскій художникъ, съ закинутой назадъ гривой волосъ и во фракѣ, изъ котораго онъ замѣтно выросъ.

— Ту картину мою, которую вы видѣли у меня въ Римѣ и одобряли, я кончаю!.. — говорилъ художникъ, простодушно воображавшій, что весь міръ болѣе всего озабоченъ его картиной. — Не заѣдете ли ко мнѣ въ мастерскую взглянуть на нее... Я помню, какіе прекрасные совѣты вы мнѣ давали...

— Если будетъ время, заѣду! — отвѣчалъ ему сухо Бѣгушевъ. Ему ужасно было досадно, что ху-

дожникъ, стоя передъ нимъ, совершенно закрывалъ ему своею косматою головою Домну Осиповну; но тотъ, разумѣется, этого не понималъ и продолжалъ ласково смотрѣть на Бѣгушева.

— Какое у васъ прекрасное лицо, Александръ Ивановичъ!—сказалъ онъ:—сколько въ немъ экспрессии... Вотъ еслибы вы когда-нибудь позволили мнѣ снять съ васъ портретъ, какое-бы это удовольствіе для меня было!

Бѣгушевъ молчалъ.

Художникъ наконецъ поотодвинулся съ своего мѣста и далъ ему возможность снова наблюдать Домну Осиповну хоть и ненадолго, такъ какъ танцы кончились и ея не видать стало: Впродолженіе всего своего наблюденія, Бѣгушевъ замѣтилъ къ удовольствію своему, что Домна Осиповна почти не разговаривала съ Янсутскимъ, но въ ту сторону, гдѣ онъ стоялъ, вскидывала повременамъ глаза.

Слѣдующую кадрили Домна Осиповна танцевала съ графомъ Хвостиковымъ. Бѣгушевъ видѣлъ, что графъ со своей, хотя нѣсколько и старческой ловкостью, немедля началъ занимать Домну Осиповну. Она внимательно прислушивалась къ его словамъ, но что означало выраженіе лица ея, опредѣлить было трудно! Кажется, оно болѣе всего дышало грустью; словомъ, надежды моего пятидесятилѣтняго героя все болѣе и болѣе росли, но вдругъ ему кинулся въ глаза докторъ Перехватовъ, стоявшій на противоположной сторонѣ боковой эстрады въ щегольскомъ фракѣ, въ бѣломъ галстухѣ, тугонатынутыхъ бѣлыхъ перчаткахъ, и къ нему прямо направилась Домна Осиповна. Увидавъ ее, Перехватовъ,

спустившись съ двухъ-трехъ ступенекъ эстрады, подошелъ къ ней и подалъ ей руку. Затѣмъ они ушли въ другія залы. Все это точно ножемъ кольнуло Бѣгушева въ сердце. Утомившись, наконецъ, стоятъ, онъ опустился на одну изъ ближайшихъ красныхъ скамеекъ и потупилъ голову. Ему припомнилось, что въ этой же залѣ и онъ когда-то ходилъ съ Домной Осиповной подъ руку, ходилъ бы, можетъ быть, и до сей поры, если бы самъ всего, въ своемъ бѣшеномъ безумствѣ, не разломалъ и не исковеркалъ!

Графъ Хвостиковъ, между тѣмъ, на срединѣ освободившагося отъ толпы зала разговаривалъ съ какимъ-то господиномъ совершенно сѣдымъ, очень высокимъ, худымъ и сутуловатымъ, съ глазами какъ-бы нѣсколько помѣшанными и въ то же время съ очень доброй и пріятной улыбкой. Господинъ этотъ что-то съ увлеченіемъ объяснялъ графу. Тотъ тоже съ увлеченіемъ отвѣчалъ ему; наконецъ они оба подошли къ Бѣгушеву.

— Все идетъ отлично! Оставайся непременно ужинать,—шепнулъ прежде всего графъ Бѣгушеву; а потомъ присовокупилъ, показывая на товарища своего: — господинъ Долговъ желаетъ возобновить свое старое знакомство съ вами!

Бѣгушевъ, какъ ни разстроены былъ, но узналъ Долгова, своего стараго товарища по пансіону и по университету.

— Здравствуйте!—сказалъ Бѣгушевъ, привѣтливо пожимая его руку. Онъ любилъ Долгова за его хоть и безтолковое, но все-таки постоянно идеальное направленіе. Долговъ въ каждый моментъ своей жизни

былъ увлеченъ чѣмъ-нибудь возвышеннымъ: видѣлъ ли онъ, какъ это было съ нимъ въ молодости, искусную танцовщицу на сценѣ, онъ всюду кричалъ, что это не женщина, а оживленная статуя греческая, прочитывалъ ли какую-нибудь книгу, пришедшуюся ему по вкусу, онъ дни и ночи бредилъ ею и даже прибавлялъ къ ней свое, чего тамъ вовсе и не было; захватывалъ ли во Франціи власть Людовикъ Наполеонъ, Долговъ приходилъ въ отчаяніе и говорилъ, что это узурпаторъ, интригантъ; рѣшался ли у насъ крестьянскій вопросъ, Долговъ ожидалъ обновленія всей русской жизни. Въ искренность всѣхъ этихъ увлеченій Долгова, Бѣгушевъ вѣрилъ, но въ силу—нѣтъ: очень ихъ было много и чрезвычайно они были разнообразны! Долговъ сѣлъ рядомъ съ Бѣгушевымъ на скамейку, а графъ опять въ кому-то убѣжалъ. Долговъ, подобно Бѣгушеву, также склонилъ свою голову; видимо, что жизнь сильно помяла его.

— Вы въ деревнѣ живете?—спросилъ Бѣгушевъ: онъ давнымъ давно не видалъ Долгова.

— Жилъ было въ деревнѣ, — отвѣчалъ тотъ:— хотѣлъ настоящимъ фермеромъ сдѣлаться, самъ работалъ, вонъ мозоли какіе на рукахъ натеръ! — и Долговъ показалъ при этомъ свои руки, дѣйствительно покрытыя мозолями: — но долженъ былъ бросить все это!

— Отъ чего?

— Семья подрасла! Семью надо было воспитывать.

— А велика?

— Слава Богу, четыре сына и три дочери, но

средства очень ограниченные... Мнѣ бы весьма желалось пріѣхать къ вамъ и побесѣдовать, знаете, этакъ по душѣ, какъ прежде бесѣдовали.

— Пріѣзжайте!—сказалъ Бѣгушевъ.

Снова явившійся графъ Хвостиковъ прервалъ ихъ бесѣду.

— Надо ужинать идти!.. Наши знакомые отправились!..—сказалъ онъ съ удареніемъ.

Бѣгушевъ понялъ его и поднялся съ своего мѣста.

— Пойдемте, поужинаемъ вмѣстѣ! — отнесся онъ къ Долгову.

— Хорошо! — согласился тотъ.

Когда Бѣгушевъ пришелъ въ столовую, то Домна Осиповна, Янсутскій, докторъ Перехватовъ, а вмѣстѣ съ ними и Офонькинъ сидѣли уже за отдѣльнымъ небольшимъ столомъ.

Графъ Хвостиковъ тоже потребовалъ, чтобы и для ихъ компаніи дали отдѣльный столъ.

Когда они размѣстились, то мимо ихъ прошелъ волосатый художникъ.

— Присядьте къ намъ ужинать! — сказалъ ему Бѣгушевъ, желавшій его немного вознаградить за свою недавнюю сухость къ нему.

Художникъ нѣсколько замаялся: у него ни копѣйки не было въ карманѣ денегъ.

— Это Александръ Ивановичъ даетъ ужинъ своимъ друзьямъ!..—поспѣшилъ ему пояснить графъ Хвостиковъ, очень хорошо вѣдавшій на себѣ эту болѣзнь.

Художникъ сѣлъ къ столу.

Нельзя вообразить себѣ людей, болѣе непохожихъ между собой, какъ тѣ, которые сидѣли съ

Домной Осиповной, и тѣ, которые окружали Бѣгушева: они, по нравственному складу, какъ будто-бы были существами съ разныхъ планетъ и только графъ Хвостиковъ могъ витать между этими планетами и симпатизировать той и другой.

Вскорѣ въ столовой желающихъ ужинать все болѣе и болѣе стало прибывать: нѣкоторые изъ нихъ прямо сѣли и начинали ѣсть, а другіе пока еще ходили, разговаривали, и посреди всего этого голосъ Янсутскаго раздавался громче всѣхъ. Онъ спорилъ съ Офонькинымъ:

— Русскія женщины, увѣрю васъ, самыя лучшія въ мірѣ!.. — говорилъ онъ, мелькомъ взглядывая на Домну Осиповну.

— Есть еврейки очень хорошенькія!.. — возражалъ ему тотъ съ любострастной улыбкой.

— Подите вы съ вашими еврейками! Особенно онѣ хороши у насъ въ Виленской, Ковенской губерніи, одинъ видъ ихъ такъ бррр!.. (Этимъ сотрясеніемъ губъ своихъ Янсутскій хотѣлъ выразить чувство омерзѣнія). У нашей же русачки глаза съ поволокою, рѣсницы длинныя! — говорилъ онъ, опять таки взглядывая на Домну Осиповну, у которой въ самомъ дѣлѣ были рѣсницы длинныя, глаза съ поволокой, румянецъ... натуральный, вѣроятно онъ предполагалъ сказать, но остановился.

— Вѣроятно, во всѣхъ странахъ есть хорошенькія женщины и дурныя! — выразила свое мнѣніе Домна Осиповна.

— Да!.. да! — подтвердилъ Офонькинъ.

Бѣгушевъ, сверхъ обыкновенія, ничего почти не ѣвшій, изподлѣбя, но непрерывно взгляды-

валь на Домну Осиповну. Она тоже ничего не кушала и только прихлебывала нѣсколько разъ вина изъ рюмки. Болтовни Янсутскаго, который перешелъ ужъ на неблагопристойные анекдоты, она не слушала и очень часто обращалась съ разговоромъ къ сидѣвшему рядомъ съ ней доктору. Хоть слова ея, почти всѣ долетавшія до Бѣгушева, были совершенно пустыя, но ему и то не понравилось.

Передъ жаренымъ, когда на томъ и другомъ столѣ было подано шампанское, Хвостиковъ наклонился къ Бѣгушеву и шепнулъ ему:

— Я предложу тостъ за дамъ: ты встань, подойди къ Домнѣ Осиповнѣ и выпей за ея здоровье!

— Я тебя убью, если ты сдѣлаешь это! — произнесъ почти со скрежетомъ зубовъ Бѣгушевъ.

Графъ Хвостиковъ мысленно пожалъ плечами: Бѣгушевъ ему казался робкимъ мальчишкой... школьникомъ; да и Домна Осиповна была ему странна: когда онъ говорилъ съ нею въ кадрили о Бѣгушевѣ, или, лучше сказать, объяснялъ ей, что Бѣгушевъ любитъ ее до сихъ поръ безъ ума, она слушала его внимательно, но сама не проговорила ни въ одномъ словѣ.

Къ концу ужина Янсутскій, какъ водится, значительно выпилъ и, забывъ, что онъ не поклонился даже Бѣгушеву, подошелъ къ нему и, подпершись обѣими руками въ бока, сказалъ:

— А мы съ вами, Александръ Ивановичъ, развѣ не разопьемъ бутылочки?

— Нѣтъ, не разопьемъ!—проговорилъ тотъ.

— Почему?

— Я не пью вина!—отвѣчалъ Бѣгушевъ.

Янсутскій передъ тѣмъ только видѣлъ, что онъ пилъ вино.

— Гмъ!—произнесъ язвительно Янсутскій и, повернувшись на одной ногѣ, отправился на прежнее мѣсто.

— Шампанскаго!—кривнулъ онъ.

Домна Осиповна что-то не громко, но строго ему сказала.

— Не могу! Я сегодня въ экзальтированномъ состояніи,—отвѣчалъ Янсутскій.

Домна Осиповна насмѣшливо улынулась.

— А вамъ смѣшно это?—спросилъ ее Янсутскій.

— Не смѣшно, а удивляюсь только! — отвѣчала, слегка пожимая плечами, Домна Осиповна.

— И мнѣ тоже удивительно,—подхватилъ злобно Янсутскій.

При всемъ этомъ разговорѣ докторъ на лицѣ своемъ не выражалъ ничего; онъ даже всталъ изъ-за стола и направился къ Бѣгушеву.

— Начали наконецъ и вы немножко развлекаться?—сказалъ онъ ему.

— Если вы находите, что быть въ этой духотѣ и толкотнѣ наслажденіе, такъ, пожалуй, я развлекуюсь!..—отвѣчалъ рѣзко и насмѣшливо Бѣгушевъ: онъ на доктора еще болѣе злился, чѣмъ на Янсутскаго.

Перехватовъ послѣ того отошелъ отъ него и сталъ ходить по столовой, встрѣчаясь, здороваясь и перекидываясь словами со множествомъ своихъ знакомыхъ.

Домна Осиповна смотрѣла то на него, то на Бѣгушева, у котораго за столомъ начался

между Долговымъ и молодымъ художникомъ горячій споръ.

— Микель-Анжело гигантъ!.. великанъ!.. — восклицалъ Долговъ, разгоряченный виномъ, котораго обильно ему подливалъ графъ Хвостиковъ.

— Я согласенъ, что онъ гигантъ, но не для нашего времени! — возражалъ ему, тоже горячася, молодой художникъ.

— Для всѣхъ временъ и для всѣхъ вѣковъ! — восклицалъ Долговъ: — вотъ это-то и северно въ нынѣшнихъ художникахъ: они нарисуютъ три, четыре удачныя картинки, и для нихъ ужъ никакихъ преданій, никакой исторіи живописи не существуетъ!

— Нѣтъ, существуетъ, — пѣтушился не менѣе его художникъ: — скорѣе для такихъ судей, какъ вы, не существуетъ школы современныхъ художниковъ, потому что вы ничего не видали!

— Я все видѣлъ! — закричалъ было Долговъ и остановился, потому что Бѣгушевъ въ это время порывисто всталъ изъ-за стола. Никто не понималъ, что такое съ нимъ. Дѣло въ томъ, что докторъ, пройдя нѣсколько разъ по столовой, подошелъ опять къ Домнѣ Осиповнѣ и сказалъ ей негромко нѣсколько словъ. Она въ отвѣтъ ему кивнула головой и поднялась со стула.

— Развѣ вы не со мной ѣдете? — спросилъ ее громко на всю залу Янсутскій.

— Нѣтъ, я ѣду съ Перехватовымъ.

— Предпочтеніе!.. доколотить хотите меня! — проговорилъ со злобою и съ перекошеннымъ ртомъ Янсутскій.

— Не очень, я думаю, этимъ доколочу васъ! — сказала Домна Осиповна и пошла.

Докторъ послѣдовалъ за ней.

Бѣгушевъ, какъ бы не дающій себѣ отчета въ томъ, что дѣлаетъ, тоже шелъ за ними.

Въ той комнатѣ, гдѣ раздають платье, онъ увидѣлъ, что Домна Осиповна и докторъ вмѣстѣ потребовали свои шубы и, затѣмъ, у надѣтаго Домною Осиповною капора, который къ ней очень шелъ, Перехватовъ завязывалъ ленты, и она ему за это улыбалась ласково!..

Еслибы Бѣгушевъ не прислонился въ эту минуту къ стѣнѣ, то навѣрное бы упалъ, потому что у него вся кровь бросилась въ голову: ему все сдѣлалось понятно и ничего не оставалось въ сомнѣніи. Домна Осиповна, обернувшись и увидавъ Бѣгушева, въ свою очередь, вспыхнула, какъ-будто ей сдѣлалось стыдно его; съ лѣстницы она стала спускаться медленно. Докторъ слѣдовалъ за ней: на лицѣ его видѣнъ былъ чуть замѣтный оттѣнокъ насмѣшки. Сѣвъ въ карету съ докторомъ, Домна Осиповна вся спряталась въ уголъ ея и ни слова не говорила. Докторъ тоже молчалъ и только у самага почти ея дома спросилъ ее: «вы, кажется, не хорошо себя чувствуете?» — «Немножко!» отвѣчала она, и когда карета наконецъ подъѣхала къ крыльцу, Перехватовъ еще разъ спросилъ Домну Осиповну: «вы не позволите къ вамъ зайти?» — «Нѣтъ! проговорила она: — я очень устала!» Докторъ пожалъ торопливо поданную ему Домною Осиповною руку и уѣхалъ. Она же быстро поднялась по лѣстницѣ, прошла черезъ всѣ парадныя комнаты въ спальню свою и бросилась на диванъ.

— Маша, дай мнѣ ножницы!.. поскорѣй!.. меня очень душить!..—вскричала она.

Испуганная горничная прибѣжала съ ножницами.

— Разрѣзывай мнѣ платье и корсетъ! — продолжала задыхающимся голосомъ Домна Осиповна.

Горничная дрожащими руками то и другое частію разрѣзала, такъ что платье, вмѣстѣ съ корсетомъ, спало съ Домны Осиповны, и она осталась въ одномъ бѣльѣ. Накладные волосы прически Домна Осиповна своими руками сорвала съ головы и бросила ихъ.

— Ступай, оставь меня! — приказала она горничной; та, не убравъ ничего, ушла.

Глаза Домны Осиповны, хоть все еще въ слезахъ, загорѣлись рѣшимостью. Она подошла къ своему письменному столу, взяла листъ почтовой бумаги и начала писать: «Мой дорогой Александръ Ивановичъ, вы меня еще любите, сегодня я убѣдилась въ этомъ, но разлюбите; забудьте меня, несчастную, я не стою больше вашей любви...» Написавъ эти строки, Домна Осиповна остановилась. Падавшія обильно изъ глазъ ея слезы мгновенно изсыхли.

— Нѣтъ, — сказала она, закидывая рукою свои красивые, распустившіеся волосы. О, какъ въ этомъ видѣ всегда любилъ ее Бѣгушевъ.—Нѣтъ, я не буду съ нимъ совершенно откровенна!.. онъ очень оскорбилъ мое самолюбіе, когда я еще ни въ чемъ не была передъ нимъ виновата!..

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Съ наступленіемъ великаго поста, Аделаида Ивановна каждый день начала ходить къ заутрени и къ обѣднѣ. Въ старомъ салончикѣ, старомъ капорѣ, ведомая подъ руку Маремьяшей, она, часовъ въ шесть утра, направлялась по грязной, но подмерзшей мостовой въ свой приходъ. Сухой, великопостный звонъ раздавался по всей Москвѣ; солнце въ это время уже всходило и вообще въ воздухѣ становилось хорошо, по голымъ еще вѣтвямъ деревьевъ сидѣли, какъ черныя вучи, грачи. Бѣгушевъ, не спавшій ночи почти напролетъ, наблюдалъ все это изъ окна. Какъ онъ въ эти минуты завидовалъ сестрѣ и желалъ хоть день прожить ея безъискусственной жизнью!

Въ одно утро Аделаида Ивановна, выходя со своей половины, чтобы отправиться къ заутрени, вдругъ увидала Бѣгушева совсѣмъ одѣтымъ и даже въ бекешѣ. Старушка перепугалась.

— Что это, другъ мой, ты такъ рано поднялся?— спросила она.

— Я съ тобой отправляюсь въ церковь, — отвѣчалъ Бѣгушевъ.

— Ахъ, это хорошо!.. очень хорошо!..— подхватила съ удовольствіемъ Аделаида Ивановна: ей одно только и не нравилось въ братѣ, что онъ мало молился.

Церковь въ приходѣ Бѣгушева была маленькая, приземистая. Она точно присѣла и поушла въ землю; при входѣ во внутрь ея надобно было перешагнуть ступеньку не вверхъ, а внизъ; иконостасъ блисталъ сусальнымъ золотомъ и ярко-малиновымъ цвѣтомъ бакана. Стѣнная живопись, съ подписями внизу на славянскомъ языкѣ, представляла для Бѣгушева, по крайней мѣрѣ, довольно непонятныя изображенія: онъ только и узналъ между ними длинную и совершенно бѣлую фигуру воскресающаго Лазаря. Заутрени наши состоятъ почти исключительно изъ чтенія. Псаломщикъ, въ пальто, стриженный и болѣе похожій на пожилаго приказнаго, чѣмъ на причетника, читалъ бойко и громко; но уловить изъ его чтенія какую нибудь мысль, было совершенно невозможно: онъ точно съ умысломъ останавливался не на запятыяхъ, выкрикивалъ слова ненужныя и проглатывалъ тѣ, въ которыхъ былъ главный смыслъ, и дѣлалъ, кажется, это, во-первыхъ потому, что самъ плохо понималъ, что читалъ, а потомъ, и надоѣло ему чрезвычайно это занятіе. Маремьяша, стоявшая около Аделаиды Ивановны, непрерывно крестилась, и при этомъ, для выраженія своего усердія, она руку свою закидывала нѣсколько на спину, чтобы сдѣлать такимъ образомъ крестное знаменіе больше, и потомъ быстро, какъ бы на шалнерѣ, сгибалась и точно также быстро выпрямлялась.

Аделаида Ивановна, по слабости ногъ своихъ,

молилась сидя, и перебирала своими пухленькими ручками четки. У Бѣгушева тоже, черезъ весьма короткое время, невыносимѣйшимъ образомъ заломило ноги и онъ невольно опустился на ближайшій стулъ. Вышелъ священникъ и, склонивъ голову немного внизъ, началъ возглашать: «Господи, Владыко живота моего!» Бѣгушевъ очень любилъ эту молитву, какъ одно изъ глубочайшихъ лирическихъ движеній души человѣческой, и, сверхъ того, высоко цѣнилъ ее по силѣ слова, въ которомъ вылилось это движеніе; но когда онъ наклонился вмѣстѣ съ другими въ землю, то подняться затруднился, и ужъ Маремьяша подбѣжала и помогла ему: красенъ онъ при этомъ сдѣлался какъ ракъ и, не рѣшившись повторять болѣе поклона, опять сѣлъ на стулъ. Скука овладѣла имъ невыносимая. Отправляясь съ сестрой въ церковь, Бѣгушевъ надѣялся богомольемъ хоть сколько-нибудь затушить раздирающій его душу огонь, въ которой одновременно бушевали море злобы и море любви, онъ думалъ даже постоянно ходить въ церковь, но на первомъ же опытѣ убѣдился, что не могъ и не умѣлъ молиться!.. Въ немъ слишкомъ много было рефлексіи; онъ слишкомъ много зналъ религій и понималъ ихъ суть!.. По окончаніи заутрени, псаломщикъ вошелъ въ алтарь и сказалъ священнику, что господинъ Бѣгушевъ, этотъ богатый, изъ большого дома, что на дворѣ, баринъ, желаетъ съ нимъ переговорить».

— Сюда пожалуетъ?—спросилъ священникъ.

— Да-съ!

— Очень радъ!.. Я всегда готовъ къ услугамъ Александра Ивановича,—произнесъ священникъ.

У Бѣгушева въ домѣ каждый праздникъ обыкновенно принимали священниковъ съ ихъ славленіемъ и щедро имъ платили; только онъ самъ рѣдко къ нимъ выходилъ, и мѣсто его заступали прежде Провофій и Минодора, а теперь Аделаида Ивановна, а иногда и графъ Хвостиковъ.

Войдя въ алтарь, Бѣгушевъ пожалъ священнику руку, и тотъ ему тоже пожалъ.

— У меня къ вамъ, батюшка, покорнѣйшая просьба,—началъ Бѣгушевъ:—вамъ конечно извѣстны бѣдные прихожане ваши. Я желалъ бы имъ помочь, особенно многосемейнымъ, больнымъ и старымъ!

Такого рода просьбы священникъ никакъ не ожидалъ. Сначала онъ откашлянулся, а потомъ проговорилъ:

— Мы, призваться, не всѣхъ нашихъ прихожанъ знаемъ: я вотъ попрошу кой у кого.

— У меня братъ-съ родной очень бѣдный чиновникъ безъ мѣста!..—проговорилъ псаломщикъ.

— Грѣхъ тебѣ, Иванъ Степановичъ, говорить это!.. — возразилъ ему священникъ: — братъ твой могъ бы питаться!..

— И питался прежде,—перебилъ его дерзко псаломщикъ:—а тутъ какъ почти годъ въ титовкѣ продержали!..

— За что жъ его въ титовкѣ продержали? — спросилъ Бѣгушевъ.

— Невинно, безъ всякой причины, — отвѣчалъ псаломщикъ; священникъ и на это махнулъ рукой.

— Какъ безъ причины?.. у Иверскихъ воротъ аблокатствовалъ: наплутовалъ тамъ ни вѣсть сколько, а ты говоришь безъ причины!..—сказалъ онъ.

— Плутуютъ и у алтарей Господнихъ! — возразилъ опять дерзко псаломщикъ.

Бѣгушевъ ожидалъ, что они разбранятся.

— Такъ вы, батюшка, узнаете мнѣ?.. — поспѣшилъ онъ отнестись къ священнику.

— Непремѣнно развѣдаю, у кого лишь можно, хоть все-таки совѣтую вамъ справиться и въ кварталъ, ибо тамъ доскональнѣе это должны знать.

— Въ кварталѣ? — спросилъ съ удивленіемъ Бѣгушевъ.

— Въ кварталѣ... Потому что мы, священники, что-жь? придемъ въ домъ со славой, пославимъ и уйдемъ, а полицейскій во всякое время вхожъ въ домъ и имѣетъ право войти.

— Совершенная противоположность Англіи: тамъ пасторъ имѣетъ право войти всегда въ домъ, а полицменъ никогда!

— Англія страна просвѣщенная, — возразилъ священникъ: — а у насъ, особенно послѣднее время, стало очень трудно жить духовенству; въ нашемъ, примѣрно, приходѣ всѣ почти дома скупили либо нѣмцы, либо жида, дворянство почти не живетъ въ Москвѣ... купечество тоже сильно ослабло въ вѣрѣ.

— Нынче причту помогать надо, вотъ кому! — замѣтилъ псаломщикъ.

— Пожалуй что и такъ, — согласился съ нимъ на этотъ разъ священникъ.

Бѣгушевъ очень хорошо понялъ, что у священнослужителей лично для себя разгорѣлись глаза на его карманъ; а потому, сочтя за лишнее съ ними далѣе разговаривать, онъ раскланялся и ушелъ. На паперти, впрочемъ, его нагналъ трапезникъ; это

ужь былъ совсѣмъ отставной солдатъ съ усами, бабенбардами и даже въ штанахъ съ краснымъ полинялымъ кантомъ.

— Ваше превосходительство, не пожертвуете ли чѣмъ-нибудь бѣдному трапезнику!—больше какъ-бы отпрапортовалъ онъ.

— Вы изъ духовнаго званія?—спросилъ его Бѣгушевъ.

— Сынъ протопопа, ваше превосходительство, и по несчастію... въ трапезникахъ теперь очутился.

— Отчего?

— Оттого, что я тутъ маленько слабъ!..—И трапезникъ щелкнулъ себя по галстуху.

— Тутъ много заливааете? — повторилъ Бѣгушевъ.

— Много-съ!—подтвердилъ трапезникъ.

Такая откровенность его понравилась Бѣгушеву: онъ далъ ему три рубля серебромъ. Трапезникъ быстро, такъ что Бѣгушевъ не успѣлъ остеречься, поцѣловалъ у него руку.

— А это ужь глупо! — сказалъ ему съ досадою Бѣгушевъ.

— Виноватъ, ваше превосходительство, — отвѣчалъ трапезникъ, прикладывая руки по швамъ.

Въ тотъ же самый день, часовъ въ одиннадцать утра, Бѣгушевъ рѣшился сходить и въ кварталъ, въ надеждѣ, что тамъ не узнаетъ ли чего-нибудь о бѣдныхъ.

Выйдя изъ дому пѣшкомъ, онъ обратился въ первому же городовому.

— Гдѣ третій кварталъ помѣщается?.. — спросилъ онъ.

— Недалеко тутъ, ваше благородіе, налѣво, во второй переулочъ направо, — отвѣчалъ городской.

— Ты мнѣ, любезный, не такъ отвѣчай, а скажи, въ какомъ именно по названію переулкѣ и въ чьемъ домѣ?

— Дому фамиліи, ваше высокородіе, я не запомню; переулка тоже!

— Въ такомъ случаѣ проводи меня или, можетъ быть, и самъ не найдешь?

Городской разсмѣялся добродушно.

— Какъ не найти, ваше благородіе; только мнѣ нельзя: я на посту!

— Но у кого же мнѣ узнать? — спрашивалъ терпѣливо Бѣгушевъ.

— Сейчасъ, ваше благородіе, я кликну! — отвѣчалъ городской и, побѣжавъ къ будкѣ, крикнулъ: «Самойловъ!» На этотъ зовъ изъ будки выскочилъ другой городской въ рубашкѣ и съ кускомъ пирога во рту.

— Въ чьемъ домѣ кварталъ и какъ тутъ переулочъ этотъ зовутъ?.. Баринъ спрашиваетъ! — сказалъ ему первый городской.

— Въ Загрябовскомъ переулкѣ, домъ Друшелева, — отрѣзалъ тотъ бойко и прожевывая въ то же время пирогъ.

Бѣгушевъ пошелъ въ Загрябовскій переулочъ, прошелъ его нѣсколько разъ, но дома Друшелева нигдѣ не было, наконецъ, онъ совершенно случайно увидѣлъ въ одномъ изъ дворовъ, въ самомъ задѣ его, дощечку съ надписью: «3-й кварталъ». Домъ же принадлежалъ Дреймеру, а не Друшелеву, какъ назвалъ его городской. Когда Бѣгушевъ вошелъ въ

ворота, то на него кинулись двѣ огромныя, шаршавыя и видимо не кормленныя собаки и чуть было не схватили за пальто, такъ что онъ, отмахиваясь только палкой, успѣлъ добраться до квартала.

Квартальный, молодой еще человекъ, при входѣ его, поспѣшилъ встать.

— Что это у васъ въ общественномъ мѣстѣ такія собаки, что пройти невозможно?.. — сказалъ ему Бѣгушевъ...

Квартальный пожалъ плечами.

— Что дѣлать-съ!.. Вы не повѣрите, всѣхъ городскихыхъ почти перекусали.

— Но чьи же онѣ?

— Жильца одного!.. адвоката безъ практики...

— Говорить, что онъ очень мнителенъ и держитъ собакъ, чтобы не обокрали его!.. — замѣтилъ старшій писмоводитель.

— Да что у него украсть; ему и самому съ собаками вѣсть нечего!—возразилъ другой писмоводитель помоложе.

— Но полиція имѣетъ же противъ этого какія-нибудь средства?—сказалъ Бѣгушевъ.

— Какія же средства,—отвѣчалъ квартальный: — должны составлять акты и представлять мировому судѣ, а тотъ самъ собачникъ; напишетъ резолюцію, чтобы обязать владѣльца собакъ подпискою не выпускать собакъ изъ квартиры.

— Онъ въ свою квартиру и не пускаетъ ихъ... все бѣгаютъ по чужимъ кухнямъ, — замѣтилъ опять старшій писмоводитель.

— Эгга тутъ поваръ изъ большой квартиры ловко огрѣлъ эту сѣрую собаченку: цѣлую кастрюлю

воды на нее кувърнулъ!—разсказалъ письмоводитель помоло же.

Квартальный и вся прочая канцелярія его засмѣялись.

Бѣгушевъ тѣмъ временемъ сѣлъ.

— Вамъ угодно что-нибудь приказать мнѣ?—спросилъ его квартальный, попрежнему стоя на ногахъ.

— Просьба моя вся состоитъ въ томъ, чтобы вы мнѣ сказали: есть у васъ списки бѣдныхъ вашего квартала?—проговорилъ Бѣгушевъ.

Вопросъ этотъ такъ же удивилъ квартального, какъ и священника.

— У насъ только паспорта записываются, — объяснилъ онъ: — мы стараемся наблюдать, чтобы просрочекъ не было и чтобы вся прислуга имѣла чернорабочіе билеты.

— Только!.. — протянулъ Бѣгушевъ: — но кварталъ, вѣроятно, вы обходите каждодневно и знаете всѣхъ его жителей?

— Извините, господинъ Бѣгушевъ, если я не ошибаюсь?..

— Бѣгушевъ, — подтвердилъ тотъ: — меня вотъ вы знаете!

— Я видалъ васъ часто въ театрѣ, когда бывалъ дежурнымъ, а кварталъ я не могу весь знать, потому что поступилъ сюда недавно.

— Но вашъ помощникъ, можетъ быть, знаетъ?

— Не думаю!.. онъ тоже недавно перешелъ.

— А вы не знаете? — обратился Бѣгушевъ къ писарямъ.

— Мы вотъ съ ними поступили, — отвѣчали тѣ, показывая на квартального.

— Въ такомъ случаѣ, предмѣстникъ вашъ не знаетъ ли?—отнесся Бѣгушевъ къ сему послѣднему.

— И того не думаю!.. Онъ также былъ тутъ не долго; но для какой собственно надобности вамъ нужны списки о бѣдныхъ?—проговорилъ квартальный.

— Я желалъ бы помогать имъ немного!.. — про-
бормоталъ Бѣгушевъ.

Писаря при этомъ всё переглянулись между собою.

— Для этого вамъ всего лучше обратиться въ благотворительный дамскій комитетъ... тамъ всё свѣдѣнія есть объ этомъ!.. — посоветовалъ квар-
тальный.

— Не пойду я туда! — отозвался сердито Бѣгушевъ.

«Вотъ вамъ вселюбящая церковь наша и все-
вѣдающая полиція!» рассуждалъ онъ, идя домой, а затѣмъ ругнулъ всю Россію и больше всѣхъ самого себя: «задумалъ я дѣлать, чего совсѣмъ не умѣю; захотѣлъ вдругъ полюбить человѣчество, тогда какъ всю жизнь никого не любилъ, кромѣ самого себя!»

Дома Бѣгушевъ, какъ нарочно, наскочилъ на довольно неприятную сцену.

Усѣвшись въ своемъ кабинетѣ, онъ услышалъ, что въ гостиной раздавался чей-то малознакомый ему мужской голосъ, и спросилъ подававшего ему кофей лакея:

— Кто у насъ?

— Князь Мамелюковъ пріѣхалъ къ Аделаидѣ Ивановнѣ,—отвѣчалъ тотъ.

Бѣгушевъ сдѣлалъ недовольную мину. Князь Мамелюковъ былъ одинъ изъ должниковъ Аделаиды

Ивановны, которая, будучи почти каждодневно пи-
лима Маремьяшей: «что когда же вы, сударыня,
будете собирать долги?.. когда-жь?..» — написала на-
конецъ циркуляръ ко всеѣмъ своимъ должникамъ,
приглашая ихъ пріѣхать къ ней и поговорить съ
ней, въ присутствіи ея брата. Князь Мамелюковъ
явился первый. Бѣгушевъ, знавшій его немного по
обществу, всегда его презиралъ. Князь, при своей
гордой и благородной наружности, былъ отъявлен-
ный аферистъ и прожектеръ, только не такой не-
винный, какъ графъ Хвостиковъ. Онъ тоже писалъ
проекты, но умѣлъ ихъ и проводить: Аделаидѣ Ива-
новнѣ онъ долженъ былъ тысячь сорокъ и конечно
давнымъ бы давно могъ ей выплатить, но князь
очень просто рассчиталъ, что старушка, по своей
добротѣ, никогда не рѣшится подать на него вексель
ко взысканію. Время пройдетъ, десятилѣтняя давность
минуетъ, старушка, Богъ дастъ, умретъ, и эти со-
рокъ тысячь останутся у него въ карманѣ. Прибывъ
къ Аделаидѣ Ивановнѣ, князь началъ съ того, что
поцѣловалъ ее въ плечо, а затѣмъ, слегка упомянувъ
объ ея письмѣ, перешелъ къ воспоминаніямъ о томъ,
какъ покойная мать его любила Аделаиду Ивановну
и какъ, умирая, просила ее позаботиться объ оста-
вляемыхъ ею сиротахъ, а въ томъ числѣ и о немъ,
князѣ. Старушка сильно начала поддаваться его
вліянію, какъ вдругъ появился Бѣгушевъ. Князь
Мамелюковъ былъ нѣсколько озадаченъ его прихо-
домъ; Аделаида же Ивановна очень обрадовалась,
что братъ ея и другъ пришелъ къ ней на помощь.
Бѣгушевъ и Мамелюковъ весьма сухо раскланялись
между собою. Послѣдній снова сталъ продолжать

прежній разговоръ съ Аделаидой Ивановной, и какъ-бы совершенно случайно объяснилъ, что старшій братъ его атташе при посольствѣ. «Знаю, знаю!» говорила старушка. — «А младшій Петя, ея любимецъ, вѣроятно, скоро будетъ полковникомъ!» — «Вотъ какъ,—очень рада!» произнесла она, мелькомъ взглядывая на брата, которому начинало сильно надобно слушать эту ни къ чему не ведущую болтовню.

— Вы къ сестрѣ по дѣлу вашему, конечно, пріѣхали?—спросилъ онъ князя.

— Да, такъ, по маленькому,— отвѣчалъ тотъ съ легкой улыбкой. Онъ не полагалъ даже, что Бѣгушевъ зналъ объ его долгѣ Аделаидѣ Ивановнѣ.

— Чтожь, вамъ угодно будетъ заплатить ей деньги?—продолжалъ Бѣгушевъ.

Князь немного покраснѣлъ.

— Къ сожалѣнію, теперь я не могу: я въ совершенномъ безденежь!..—сказалъ онъ.

— Тогда мы представимъ вексель ко взысканію!..—отнесся Бѣгушевъ къ Аделаидѣ Ивановнѣ.

— Да, — едва достало духа у той проговорить: она почти вся дрожала.

— Но я именно о томъ бы и просилъ Аделаиду Ивановну, чтобы она мнѣ отсрочила, — продолжалъ князь, окончательно смутившись: — если угодно, я перепису ей вексель?

— Сестрѣ деньги съ нужны, а не векселя! — сказалъ ему рѣзко Бѣгушевъ.

— Но Аделаида Ивановна сейчасъ была почти согласна!..—замѣтилъ князь.

— Нѣтъ!.. нѣтъ, я не могу согласиться!.. Я

столько времени живу безъ копѣйки, благодареніемъ только брата!

— Александру Ивановичу есть, я думаю, изъ чего поддерживать васъ!..—проговорилъ съ усмѣшкой князь.

— Считать въ моемъ карманѣ, я полагаю, вы не можете, какъ не считаю я въ вашемъ! — проговорилъ Бѣгушевъ, едва сдерживая себя.

— Нѣтъ, вы считаете нѣкоторымъ образомъ, убѣждая Аделаиду Ивановну непременно взыскать съ меня деньги.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, это я сама! — повторила еще разъ старушка, хотъ и трепетнымъ голосомъ.

— Очень жаль, — проговорилъ князь, вставая и натягивая перчатки: — что ни старое знакомство, ни дружба, ничто не можетъ васъ убѣдить подождать.

Не будь брата, Аделаида Ивановна непременно бы сказала, что подождать она можетъ, только не долго, но тутъ промолчала, потому что Бѣгушевъ на нее сурово смотрѣлъ.

Князь раскланявшись уѣхалъ.

— Князь, должно быть, очень, очень запутался въ своихъ дѣлахъ!—начала Аделаида Ивановна глубокомысленнымъ голосомъ: — а въ душѣ онъ благородный человѣкъ.

— Не сердь ты меня, пожалуйста, этимъ *благородный* *человѣкъ*!.. Ты спроси, что о немъ говорятъ въ Петербургѣ?.. его считаютъ тамъ за первѣйшаго плута въ Россіи, а у насъ, слава Богу, плутовъ довольно, и есть отличные!

— Ну, ты очень строгъ!—возразила ему кротко Аделаида Ивановна.

— А ты очень добра. Вексель мнѣ извольте сегодня же прислать, я его подамъ ко взысканію, — проговорилъ Бѣгушевъ и ушелъ.

Аделаида Ивановна осталась въ совершенно-разстроенномъ состояніи: брата не послушаться она боялась, но и взыскивать съ князя ей было совѣстно и жаль его; отъ всего этого у ней такъ разболѣлась голова, что она не въ состояніи даже была выйти къ столу.

Бѣгушевъ рѣшился донечь князя до послѣдней степени и посадить его, если это нужно будетъ, даже въ тюрьму. Хлопотать по этому дѣлу онъ предположилъ самъ, разсуждая, что помогать ему истинно несчастнымъ врядъ-ли удастся; по крайней мѣрѣ, онъ будетъ наказывать негодаевъ, и это тоже въ своемъ родѣ доброе дѣло.

Вечеромъ у Аделаиды Ивановны произошло еще новое свиданіе съ однимъ изъ ея должниковъ. Часовъ въ восемь, Бѣгушевъ сидѣлъ съ графомъ Хвостиковымъ, и тотъ ему показывалъ фокусы изъ картъ: ловкость Хвостикова въ этомъ случаѣ была невѣроятна; онъ съ одной изъ картъ произвелъ такую штуку, что Бѣгушевъ воскликнулъ: «какъ вы могли ее украсть изъ-подъ моего носа?» — «Карта, это что! а вотъ если бы Богъ привелъ къ осени украсть гдѣ-нибудь шубу!» съострилъ Хвостиковъ. — «Не воруйте, къ осени я вамъ подарю шубу!» утѣшилъ его Бѣгушевъ. Графъ усмѣхнулся и внутренно былъ очень доволенъ, зная, что если Бѣгушевъ сказалъ, такъ и сдѣлаетъ это. Вдругъ раздался звукъ тяжело вѣхавшей на дворъ кареты.

— Кто бы это могъ быть? — спросилъ Бѣгушевъ.

Графъ Хвостиковъ поспѣшилъ встать, пойти и справиться.

— Сенаторша Круглова прислала къ Аделаидѣ Ивановнѣ внучка своего съ гувернеромъ, — проговорилъ онъ, вернувшись.

Бѣгушевъ разсмѣялся.

— Младенцевъ ужь начинаютъ подсылать! — проговорилъ онъ.

Передъ Аделаидой Ивановной, между тѣмъ, опять таки принявшей своихъ посѣтителей въ гостиной, стоялъ прехорошенькій собой мальчикъ, лѣтъ десяти, и за нимъ мозглый и бѣлобрысый гувернеръ его.

— Бабушка больна, она не можетъ къ вамъ пріѣхать, — лепеталъ на французскомъ языкѣ ребенокъ: — и она вамъ прислала! — заключилъ онъ, показывая большой пакетъ.

— C'est l'argent! — подхватилъ гувернеръ.

— О, благодарю, благодарю, — воскликнула на первыхъ порахъ радостнымъ голосомъ старушка.

Гувернеръ, взявъ у ребенка пакетъ, разорвалъ его и началъ считать деньги.

— Dix, trente, cinquante... cent roubles! — сосчиталъ онъ.

Лицо у Аделаиды Ивановны нѣсколько вытянулось.

— Что жь это, проценты? — произнесла она тихимъ, тихимъ голосомъ.

— Je n'en sais rien, madame, — отвѣчалъ гувернеръ.

Аделаида Ивановна впрочемъ сейчасъ же помирилась и на этой суммѣ.

— Благодарю, душенька, бабушку, очень благодарю, — говорила она, цѣлуя ребенка: — но мнѣ на-

добно дать вамъ записочку, что я получила деньги, — отнеслась она къ гувернеру.

— Non, non, c'est inutile, madame! — отвѣчалъ гувернеръ и пояснилъ, что сенаторша не приказала брать никакихъ росписокъ отъ Аделаиды Ивановны!

Стукъ четырехмѣстной кареты вскорѣ возвѣстилъ, что они уѣхали.

Проводивъ гостей своихъ, Аделаида Ивановна вошла къ брату, стараясь имѣть довольное лицо.

— А вотъ подруга моя, Оля, не такъ поступила какъ князь: помнишь, я думаю, жену покойнаго сенатора Круглова?.. Она мнѣ часть долга уплатила!

Бѣгушевъ ужь и не спросилъ сестры, какъ велпка была эта часть.

— Главное, она, бѣдная, очень больна, — продолжала Аделаида Ивановна, желая разжалобить брата въ пользу своей пріятельницы: — и присылала своего внучка, это тоже очень мило съ ея стороны.

Бѣгушевъ молчалъ.

Аделаида Ивановна чувствовала, что онъ былъ недоволенъ ею.

— А вексель на князя Мамелюкова я тебѣ принесла!.. съ него ты взыщи!.. — проговорила она, подавая ему вексель и думая хоть тѣмъ измѣнить въ его глазахъ свою слабость въ отношеніи сенаторши Кругловой.

Бѣгушевъ велѣлъ ей сдѣлать на векселѣ бланковую надпись и положилъ его въ карманъ себѣ.

Когда Аделаида Ивановна возвратилась въ свою комнату, Маремьяша немедленно же спросила, сколько заплатила ей сенаторша; Аделаида Ивановна призна-

лась, что всего сто рублей. Маремьяша принялась ее точить.

— Что это, сударыня,—затрещала она озлобленнымъ голосомъ:—старушонка эта смѣется, что ли, надъ вами? Мы, мужички, да и то не позволимъ такъ съ собой дѣлать!..—и кончила свои выговоры тѣмъ, что взяла себѣ полученныя Аделаидой Ивановной деньги въ счетъ жалованья.

— Вы знаете хорошо князя Мамелюкова?—спросилъ Бѣгушевъ графа Хвостикова, когда сестра ушла.

— Очень хорошо.

— Что онъ богатъ или только дутый пузырь?

— О, нѣтъ, напротивъ!—воскликнулъ графъ:—и что ужасно обидно: я и князь въ одно и то же время начали заниматься одною и тою же дѣятельностью, онъ въ сотняхъ тысячъ очутился, а я нищій!

«Потому что тотъ уменъ, а ты дуракъ!» подумалъ Бѣгушевъ.

На другой день онъ отправился подать вексель князя Мамелюкова ко взысканію. Ему обѣщали, что недѣли черезъ двѣ онъ можетъ надѣяться взыскать по этому векселю, а если должникъ не заплатитъ, то посадить его въ тюрьму.

Бѣгушевъ былъ очень этимъ доволенъ, но ненадолго: въ ближайшихъ номерахъ одной газеты онъ прочелъ, что дѣйствительный статскій совѣтникъ князь Мамелюковъ отправился на цѣлый годъ за границу.

— Поди, ищи его тамъ,—воскликнулъ Бѣгушевъ и разорвалъ газету на мелкіе куски.

II.

Вскорѣ та же газета принесла снова извѣстiе, поразившее Бѣгушева и его сожилъцевъ, за однимъ изъ утреннихъ чаевъ, который они сходились пить вмѣстѣ и при этомъ по большей части все молчали: Бѣгушевъ — потому, что послѣднее время онъ какъ-будто бы разучился говорить, графъ Хвостиковъ — былъ видимо чѣмъ-то серьезнымъ занятъ: онъ цѣлыя утра писалъ, а потомъ послѣ обѣда пропадалъ на всю ночь; Аделаида Ивановна грустила, понявъ, наконецъ, всю лживость и безстыдство своихъ кредиторовъ: не говоря уже о поступкѣ князя Мамелюкова, но даже ея другъ, сенаторша Оля, когда Аделаида Ивановна пріѣхала къ ней навѣститъ ее въ болѣзнь и, уже прощаясь, скромно спросила, что когда же она можетъ отъ нея, милушки, получить хоть сколько-нибудь въ уплату, — сенаторша разсердилась и прикрикнула на нее:

— *Chère Adèle*, я вамъ такъ недавно уплатила, что вы не имѣете даже права снова требовать этого.

Возвратясь домой, Аделаида Ивановна тихонько проплакала цѣлый день: ее не столько огорчило то, что сенаторша не хочетъ ей платить денегъ, какъ то, что она видаться съ ней, вѣроятно, не будетъ послѣ того.

Когда хотѣли было уже расходиться изъ-за чайнаго стола, Прокофій подаль Бѣгушеву газету; тотъ сердито отстранилъ ее рукой, но графъ взялъ газету и, пробѣжавъ ее, воскликнулъ во все горло:

— Скажите, какое происшествiе! — и затѣмъ то-

ропливо прочель: «3-го мая въ номера трактира *Донъ* пріѣхалъ почетный гражданинъ Олуховъ съ дѣвицею Глафирою Митхель. Оба они были въ нетрезвомъ видѣ и, взявъ номеръ, потребовали себѣ еще вина, послѣ чего раздался крикъ дѣвицы Митхель. Вбѣжавшій къ нимъ въ номеръ лакей увидѣлъ, что Олуховъ, забавляясь и выставляясь изъ открытаго окна, потерялъ равновѣсіе и, упавъ съ высоты третьяго этажа, разбилъ себѣ черепъ на три части. Онъ былъ найденъ на тротуарѣ совершенно мертвымъ».

— Mon Dieu! Mon Dieu!.. — произнесла съ ужасомъ Аделаида Ивановна.

— Дуракъ этакой! — проговорилъ Бѣгушевъ, какъ-бы равнодушно, а между тѣмъ у него щеки и губы дрожали.

— Неумень, неумень!.. — подхватилъ графъ: — однако я сейчасъ же поѣду къ Домнѣ Осиповнѣ, — прибавилъ онъ вставая.

Бѣгушевъ на этотъ разъ ничего не сказалъ противъ его намѣренія и только, когда графъ совсѣмъ уходилъ, онъ спросилъ его:

— А вы, по обыкновенію, поздней ночью воротитесь?

— Нѣтъ, какъ только узнаю подробности, такъ и возвращусь, — отвѣчалъ графъ.

— Кто же это такой Олуховъ? — спросила хитрая Аделаида Ивановна, очень хорошо знавшая черезъ Маремьяшу, кто такой былъ Олуховъ.

— Купецъ одинъ знакомый намъ, — отвѣчалъ Бѣгушевъ неохотно.

Аделаидѣ Ивановнѣ хотѣлось бы спросить еще,

что почему же графъ Хвостиковъ принялъ такое живое участіе въ его смерти, но этого уже она не посмѣла, да и стыдно было!

Бѣгушевъ послѣ того ушелъ къ себѣ въ диванную. Нетерпѣніе отражалось во всемъ существѣ его: онъ то садился на диванъ, то ложился на немъ, то вставалъ и ходилъ по комнатѣ, заглядывая каждоминутно въ окна: не было никакого сомнѣнія, что такъ нетерпѣливо онъ поджидалъ графа Хвостикова. Тотъ наконецъ вернулся.

— Это ужасъ, что такое тамъ происходитъ! — воскликнулъ онъ, пожимая плечами: — но прежде всего, пожалуйста, заплатите извозчику: я его бралъ взадъ и впередъ.

— Заплатятъ; рассказывайте!

— Вообрази! — продолжалъ графъ: — посреди великолѣпной залы лежитъ этотъ несчастный: голова у него связана серебряной проволокой, губы, щеки, носъ, все это обезображено!.. тутъ съ одной стороны полицейскіе... съ другой поны!..

— А Домну Осиповну ты видѣлъ?.. огорчена она?—перебилъ его Бѣгушевъ.

— Очень!.. — отвѣчалъ графъ, но потомъ спохватившись прибавилъ: — натурально, что любви къ мужу у ней не было, но ее, сколько я могъ замѣтить, больше всего возмущаетъ позоръ и срамъ смерти: женатый человѣкъ пріѣзжаетъ въ сквернѣйшій трактиришко съ пьяной женщиной и въ заключеніе дѣлаетъ какой-то глупый salto mortale!.. Будь у меня половина его состоянія, я бы даже совсѣмъ не умеръ, а развѣ живой бы взятъ былъ на небо и то противъ воли!

На этихъ словахъ графъ остановился: онъ замѣтилъ, что на глазахъ Бѣгушева навернулись слезы, изъ чего и заключилъ, что онѣ были вызваны участіемъ того къ Домнѣ Осиповнѣ.

— Вообще, mon cher, — снова продолжалъ графъ: — я бы совѣтовалъ тебѣ съѣздить къ новой вдовицѣ, по словамъ священнаго писанія: «въ горѣ бѣ, и посѣтитъ мене!»

Бѣгушевъ ничего не отвѣчалъ на перевранное графомъ Хвостиковымъ изреченіе священнаго писанія, а всталъ и нѣсколько времени ходилъ по комнатѣ.

Графъ Хвостиковъ глядѣлъ на него внимательно.

Наконецъ Бѣгушевъ, растирая себѣ грудь, глубоко вздохнулъ.

— Я поѣду къ ней! — произнесъ онъ глухимъ голосомъ.

— Ты истинно христіанское дѣло сдѣлаешь! — подхватилъ Хвостиковъ: у него снова закрадывалась надежда помирить Бѣгушева съ Домной Осиповной и даже женить его на ней.

— А когда похороны Олухова будутъ? — спросилъ тотъ.

— Завтра! — отвѣчалъ Хвостиковъ и на другой день еще съ ранняго утра уѣхалъ изъ дому.

Бѣгушевъ дожидался его часовъ до двухъ ночи.

Графъ пріѣхалъ сильно пьяный. Бѣгушевъ все-таки велѣлъ его позвать къ себѣ и сталъ спрашивать. Графъ и рассказать хорошенько не могъ: болталъ, что похороны были великолѣпныя, что полиція палками разгоняла народъ, такое множество набралось, и что все это, по его соображенію, были раскольники.

— А кто похоронами распоряжался? — спросилъ Бѣгушевъ.

— Мерзавецъ этотъ, Янсутскій!

— Перехватовъ тоже былъ?

— Былъ!.. онъ все время около Домны Осиповны юлилъ: она почти безъ чувствъ была!.. — но потомъ графъ измѣнилъ это показаніе и объяснилъ, что Домна Осиповна, впродолженіе всей церемоніи, держала себя съ замѣчательной твердостью духа.

— Гдѣ вы напились такъ? — поинтересовался Бѣгушевъ.

— Да такъ, тутъ, съ пѣвчими... шампанскаго, я тебѣ, братецъ, скажу, пропасть было... рѣвкой лилось!.. Я буду некрологъ писать Олухову... Домна Осиповна желаетъ этого... онъ былъ во многихъ отношеніяхъ человѣкъ замѣчательный... — бормоталъ графъ.

— Богъ знаетъ, до чего вы договорились, ступайте спать, — сказалъ ему Бѣгушевъ.

— Пора!.. пора!.. А ты долженъ непременно навѣстить Домну Осиповну, непременно! — заключилъ графъ и нетвердой походкой отправился къ себѣ на верхъ.

Три дня и три ночи Бѣгушевъ прожилъ въ мучительной нерѣшительности: каждое утро онъ приказывалъ закладывать экипажъ, чтобы ѣхать къ Доминѣ Осиповнѣ, и черезъ нѣсколько времени отменялъ это приказаніе. Онъ все обдумывалъ, что будетъ говорить съ Домной Осиповной и какъ объяснить ей свой визитъ: «я пріѣхалъ, — скажетъ онъ, — навѣстить васъ въ вашемъ неисправимомъ горѣ! а что такое горе, — онъ знаетъ это по опыту, — пора-

жаетъ людей безвозвратно!» но все это скоро показалось Бѣгушеву глупымъ, лѣнвымъ и почти насмѣшкой надъ Домной Осиповной, такъ какъ онъ совершенно былъ увѣренъ, что смерть мужа вовсе не была для нея горемъ, а только безпокойствомъ, и потомъ ему хотѣлось вовсе не то ей выразить, а прямо сказать, что онъ еще любитъ ее и любитъ даже сильнѣе, чѣмъ прежде, что теперешніе ея поклонники не сѣмѣютъ, да и не захотятъ ее такъ любить! На четвертый день Бѣгушевъ пересилилъ себя и поѣхалъ къ Домнѣ Осиповнѣ; пространство до ея дома ему показалось очень короткимъ. Ему легче бы, кажется, было, если бы она жила дальше отъ него; но когда онъ позвонилъ у ея подъѣзда, то ему захотѣлось, чтобы какъ можно скорѣе отворили дверь; оказалось, что и звонить было не надо: дверь была не заперта. Ее распахнулъ передъ-нимъ швейцаръ въ траурной формѣ, а вмѣстѣ съ нимъ встрѣтилъ и лакей въ черномъ фракѣ.

— У себя госпожа ваша? — проговорилъ Бѣгушевъ, чувствуя, что у него ноги въ это время подкашивались.

— Онѣ нездоровы! — отвѣчалъ лакей.

— Это я знаю, но вы все-таки скажите Домнѣ Осиповнѣ, что я пріѣхалъ навѣстить ее; вотъ вамъ моя карточка!

Лакей пригласилъ его войти. Бѣгушевъ вошелъ и сѣлъ на первый же попавшійся ему стулъ въ передней. На верхъ вела мраморная лѣстница, уставленная цвѣтами и теперь покрытая чернымъ сукномъ; лакей убѣждалъ по этой лѣстницѣ и довольно долго не возвращался; наконецъ онъ показался опять на

лѣстницѣ. Бѣгушевъ думалъ, что въ эти минуты у него лопнетъ сердце, до того оно билось. Лакей доложилъ, что Домна Осиповна никакъ не могутъ принять господина Бѣгушева, потому что очень больны, но что онѣ будутъ писать ему.

Бѣгушевъ поднялся съ мѣста, сѣлъ въ коляску и уѣхалъ домой. Слова Домны Осиповны, что она напишетъ ему, сильно его заинтересовали: «Для чего и что она хочетъ писать мнѣ?» задавалъ онъ себѣ вопросъ. Въ настоящую минуту ему больше всего желалось устроить въ душѣ полнѣйшее презрѣнiе къ ней, но, къ стыду своему, Бѣгушевъ чувствовалъ, что онъ не можетъ этого сдѣлать. За обѣдомъ онъ ни слова не сказалъ графу Хвостикову, что ѣздилъ къ Домнѣ Осиповнѣ, и только замѣтилъ ему по случаю напечатаннаго графомъ некролога Олухова:

— А вы, не утерпѣли, настрочили хвалебный гимнъ Олухову!

— Нельзя было, невозможно, — отвѣчалъ тотъ, пожимая плечами.

Нельзя это собственно проистекало изъ того, что Домна Осиповна заплатила графу Хвостикову за этотъ некрологъ триста рублей.

— Но какъ же у васъ достало духу написать, что Олуховъ умышленно убилъ себя вслѣдствiе нервнаго разстройства отъ умственныхъ занятiй.

— *De mortuis aut bene, aut nihil*, — отвѣтилъ графъ.

Бѣгушевъ справедливо полагалъ, что Домна Осиповна вовсе не была очень огорчена смертiю мужа, но что она только была напугана и истерзана послѣдующими сценами: привозомъ трупа, криками и

воплями Агаши, гробовщиками, цѣлыми толпами, набѣжавшими на дворъ, процедурой похоронъ; когда же все это кончилось, она замѣтно успокоилась. Приѣздъ Бѣгушева къ Домнѣ Осиповнѣ удивилъ ее и сильно польстилъ ея самолюбію. Первоначально она хотѣла принять его и напомнить ему, какъ онъ виноватъ предъ ней; но она предположила, что это будетъ непріятно *одному человеку*, и не сдѣлала того; а рѣшилась только написать письмо къ Бѣгушеву, которое вышло приблизительно такого содержания: «Александръ Ивановичъ! вы приѣзжали ко мнѣ... благодарю васъ; я нивакъ не ожидала этого, потому что вы мнѣ писали, что между нами все и навсегда должно быть кончено... Неужели вы потому посѣтили меня, что я сдѣлалась вдовою, и что вы не встрѣтите у меня того гадкаго общества, которое васъ такъ устрашало? Александръ Ивановичъ, *какъ съ вашимъ сердцемъ и умомъ быть чувства мелкаго рабомъ!*» припела Домна Осиповна стихъ Пушкина, полагая, что онъ очень подходитъ къ ея теперешнему положенію... «Вы забыли, Александръ Ивановичъ, что я женщина, и самолюбивая женщина... Любя мы все готовы переносить отъ того, кому принадлежимъ; но когда намъ скажутъ, что насъ презираютъ, то что же намъ другое остается дѣлать, какъ не вырвать изъ души всякое чувство любви, хоть бы даже умереть для того пришлось. Эти немногія строки я прошу васъ, какъ благороднаго человека, сохранить въ совершенной тайнѣ и забыть меня *навсегда*; насъ раздѣляетъ теперь много пропастей, и я хотѣла только поблагодарить васъ за прошлое, котораго *никогда* не забуду».

Слова *никогда* и *навсегда* Домна Осиповна по два раза подчеркнула.

Въ письмѣ этомъ Бѣгушева больше всего возмутила фраза Домны Осиповны: «когда намъ скажутъ, что насъ презираютъ!..»

— Зачѣмъ же она лжетъ... Когда я говорилъ, что презираю ее! — вскрикнулъ онъ одинъ на одинъ и какъ-бы вопрошая стѣны; она сама, развратная женщина, очень довольна, что освободилась отъ меня, а обвиняетъ другихъ!.. и затѣмъ пошелъ и пошелъ все въ томъ же тонѣ! попасться къ нему въ эти минуты въ лапы нельзя было пожелать никому; но судьба, какъ-бы ради насмѣшки, подвела подъ его удары самыхъ невинныхъ людей!

Послышался звонокъ. Бѣгушеву подумалось, что не опять ли новое письмо отъ Домны Осиповны: ну, тогда онъ рѣшился тоже отвѣтить ей письмецомъ и письмецомъ хорошимъ, однако никакого письма не несли.

— Кто же это пріѣхалъ? — заревѣлъ Бѣгушевъ на весь домъ. Вошелъ быстро Прокофій, тотъ даже испугался на этотъ разъ барскаго голоса.

— Это къ графу Хвостикову какой-то Долговъ, — сказалъ онъ.

Бѣгушевъ еще болѣе обозлился, непременно ожидая, что Долговъ и къ нему придетъ, что въ самомъ дѣлѣ черезъ часъ какой-нибудь и случилось. Первый вступилъ въ диванную своей сутуловатой и расштанной походкой Долговъ, а за нимъ и графъ Хвостиковъ.

Оба они переминались и, повидимому, чувствовали недовкость. <http://rcin.org.pl>

— Вы все хандрите, сказывалъ мнѣ графъ Хвостиковъ,—началъ наконецъ Долговъ.

— За то онъ все веселится, — отвѣчалъ Бѣгушевъ.

По такому отвѣту графъ Хвостиковъ очень хорошо понялъ, что большаго толку не будетъ изъ того объясненія, которое онъ и Долговъ предположили имѣть съ Бѣгушевымъ.

— Дѣло вотъ въ чемъ, — продолжалъ Долговъ, даже не слыхавшій словъ Бѣгушева:—я къ вамъ съ однимъ серьезнымъ предложеніемъ...

Бѣгушевъ молчалъ.

— Согласитесь, что въ Россіи... теперь это можно сказать... время глупыхъ увлеченій печатнымъ словомъ прошло... въ Россіи нѣтъ настоящей, русской газеты.

Бѣгушевъ взмахнулъ на Долгова глазами и проговорилъ:

— А какія-же онъ у васъ?.. Французскія, что-ли?

— Конечно не французскія, — отвѣчалъ тотъ:— но я хочу этимъ сказать, что хорошей газеты у насъ нѣтъ ни одной: одинъ издатель похожъ на лавочника, который сидитъ съ своими молодцами и торгуетъ... Другой, какъ флюгеръ, становится подъ вѣтеръ и каждый годъ мѣняетъ свое направленіе... Третій какой-то попъ... Четвертый въ шовинизмъ ударился. Словомъ, настоящей, честной газеты нѣтъ!

— А вы думаете, что есть гдѣ-нибудь такая? — спросилъ Бѣгушевъ.

— Да тѣ-же французскія газеты, — воскликнулъ Долговъ:—я беру газету и понимаю, что это органъ клерикаловъ, это легитимистовъ...

Бѣгушевъ захохоталъ.

— Какое-же вы удовольствіе чувствуете отъ того, что сначала вамъ одинъ лакей доложить объ интересахъ своего патрона, потомъ другой.

— Въ этомъ выражается борьба партій.

— А что такое за благополучіе партій?.. Припомните: древняя Греція пала и разрушилась по милости партій.

— Разрушиться все на свѣтѣ должно, и неужели, по вашему, Людовикъ XIV, говорившій, что *l'état c'est moi*, лучше партій?

Бѣгушевъ замоталъ головой.

— Лучше, гораздо лучше! — признась онъ раздраженнымъ голосомъ и готовый, вслѣдствіе озлобленнаго состоянія духа, спорить противъ всего, что бы ему ни сказали:—и какимъ образомъ вы, Долговъ, человекъ умный, не поняли, что газета есть язва, гангрена нашего времени, все разъѣдающая и все опошляющая.

— Какъ гангрена?.. Что она разъѣла, что опошляла? — спрашивалъ Долговъ, пораженный удивленіемъ.

— Она загрызла искусства!.. — началъ ужъ кричать Бѣгушевъ:—потому что сдѣлала критику невѣжественною и продажною; она понизила науку, стремясь къ мерзвѣйшей популярности, она путаетъ правительства, сбиваетъ съ толку дипломатію; въ однихъ деспотическихъ она придавлена, застращена, въ другихъ жива и продажна!..

Долговъ, никакъ не ожидавшій слышать отъ Бѣгушева подобнаго варварскаго мнѣнія, тоже сталъ кричать:

— Но вы забываете, сколько благодѣяній газета принесла человѣчеству!.. Она всю потаенную гадость среднихъ вѣковъ вывела наружу!.. Она врагъ и обличительница всякой тирани, всякаго злоупотребителя; она оглашаетъ каждое доброе и честное дѣло, каждую новую мысль.

— Ни больше, ни меньше, какъ свѣтоносный Аполлонъ, облетающій землю! — подхватилъ насмѣшливо Бѣгушевъ.

— Да, Аполлонъ!.. выраженіе очень мѣткое!.. прекрасное! — восклицалъ Долговъ.

— Газеты... à dire vrai, имѣютъ свои недостатки!.. — скромно замѣтилъ графъ: — но ихъ надобно стараться исправить... отрицать же самую форму... — И графъ не докончивъ пожалъ слегка плечами.

— Интересно знать, какъ и чѣмъ можно исправить эти недостатки, — говорилъ Бѣгушевъ прежнимъ насмѣшливымъ тономъ.

— Ближе всего, чтобы этимъ дѣломъ стали заниматься люди добросовѣстные, и вотъ, ради этого, я и графъ Хвостиковъ рѣшились издавать честную, русскую и правдивую газету, — объяснилъ Долговъ.

Бѣгушевъ не могъ удержаться и засмѣялся.

Долговъ этимъ обидѣлся.

— Чему вы смѣетесь? — спросилъ онъ.

— Такъ, своему смѣху! Что-жь, дай вамъ Богъ успѣха! — отвѣчалъ ему Бѣгушевъ.

— Благодарю за желаніе, — пробормоталъ Долговъ: — но мы отъ васъ ожидали болѣе живаго участія.

— Какого? — спросилъ Бѣгушевъ.

— Мы ожидали, — продолжалъ Долговъ: — что вы

поработаете съ нами; я такъ предположилъ раздѣлить занятія: вамъ иностранный отдѣлъ, я беру внутренній, а графъ Хвостиковъ фельетонъ, критику и статьи объ искусствахъ!

— Нѣтъ, я не могу принять на себя иностранный отдѣлъ! — проговорилъ Бѣгушевъ, въ то же время думая про себя: «Что эти два шута совершенно ужь, видно, рехнулись».

— Отчего-же не можете? — воскликнулъ искреннимъ голосомъ Долговъ:—съ вашимъ умомъ, съ вашимъ образованіемъ и вашимъ знаніемъ Европы!..

— Я потому и не могу, что у меня сохранился еще нѣкоторый умишко и добросовѣстность!—перебилъ его Бѣгушевъ, въ голосѣ котораго продолжало слышаться раздраженіе.

Графъ Хвостиковъ, хорошо уже знавшій бѣшеный нравъ своего благодѣтеля, внутренне обмиралъ отъ страха и молилъ Бога объ одномъ, чтобы Долговъ лучше и не договаривалъ своей послѣдней и самой главной просьбы; но тотъ договорилъ:

— Не захотите-ли вы, по крайней мѣрѣ, участвовать капиталомъ, тысячъ въ десять, пятнадцать, въ нашемъ дѣлѣ?

Графъ Хвостиковъ даже поблѣднѣлъ немного въ ожиданіи отвѣта Бѣгушева.

— Не захочу! — проговорилъ тотъ тихо: — въ этомъ случаѣ вамъ гораздо лучше обратиться къ купцамъ здѣшнимъ: они охотно даютъ деньги на затѣваемыя въ ихъ пользу газеты.

— Были, у нѣсколькихъ человѣкъ были! — признался Долговъ:—не даютъ; говорятъ, что дѣла у нихъ очень плохи!

— Вы-бы ихъ дѣла стали поддерживать вашей газетой, печатая статьи, гдѣ-бы расхваливали ихъ товары, оглашали въ тысячахъ экземплярахъ ихъ фальшивые банковые балансы, поддерживали высокій тарифъ, доказывали-бы, что они ядро Россіи, соль земли русской!

— Да это Богъ съ ними; пускай бы присылали какія угодно статьи, дали бы только мнѣ возможность другое, дорогое для меня проводить, — проговорилъ Долговъ.

— Что же это такое дорогое для васъ? — спросилъ Бѣгушевъ, едва сдерживая себя.

Графъ Хвостиковъ всталъ и началъ рассказывать по комнатѣ: онъ сохранялъ еще маленькую надежду, что самой идеей газеты Бѣгушевъ будетъ привлеченъ въ ихъ пользу.

— Дорогое для меня, — началъ Долговъ торжественнымъ тономъ: — поднять духъ народа, восполнить историческую связь между древней Россіей и новой, которая прервана: напомнить Россіи, что она есть!..

Въ лицѣ Бѣгушева явно отражалось недовѣріе, которое какъ-бы говорило: «врешь, мой милый, дорогое для тебя совсѣмъ не то, а тебѣ кушать надобно на что-нибудь, и ты на газетѣ хочешь поправить свои дѣлишки».

— И вы съ графомъ Хвостиковымъ надѣетесь все это сдѣлать?—произнесъ онъ насмѣшливо.

— Надѣмся! — отвѣчалъ съ рѣшительностію Долговъ.

— Сомнѣваюсь или даже увѣренъ, что вы не сотворите сего чуда!..—сказалъ Бѣгушевъ.

— Увидите!.. увидите!..—воскликнула Долговъ:—отрицать заранѣе ничего нельзя.

— Можно напередъ это отрицать: вы затѣваете газету, глубоко уважая эту форму... Я не охотникъ до газетъ; но все-таки становлюсь ихъ заступникомъ: для этого рода дѣятельности прежде всего нужна практическая сметка, а вы далеко человекъ не практическій!

— Какой я практическій, но у насъ практикъ графъ Хвостиковъ!—возразилъ Долговъ.

— Хорошъ практикъ!—произнесъ почти со злобою Бѣгушевъ:—кромѣ того вы, я и сотни другихъ русскихъ людей носимъ въ себѣ еще другой недостатокъ: мы ничего не знаемъ! ничего!.. кромѣ самыхъ отвлеченныхъ понятій и пустозвонныхъ фразъ, а графъ Хвостиковъ и тѣхъ даже не вѣдаетъ!..

Онъ, по преимуществу, хотѣлъ донять того, предполагая, что замысль издавать газету принадлежитъ графу.

— Я буду только фельетонистомъ, не больше какъ фельетонистомъ,—объяснилъ графъ Хвостиковъ.

— И какой еще будетъ фельетонистъ! Вы читали его фельетоны? Прелесть!—подхватилъ Долговъ.

— Сочиненные имъ некрологи я читалъ, а другаго нѣтъ!—отвѣчалъ Бѣгушевъ.

— Другаго я ничего и не писалъ!—солгалъ графъ Хвостиковъ изъ опасенія попасть на зубокъ къ Бѣгушеву по этой части; но въ самомъ дѣлѣ онъ, пристроившись къ одной газеткѣ, очень много писалъ и даже зарабатывалъ себѣ порядочныя деньжонки!

— Если вы нуждаетесь въ дѣятельности и счи-

таете себя еще способнымъ къ ней, такъ вамъ гораздо лучше искать службы, чѣмъ фантазировать о какой-то неисполнимой газетѣ!.. Вы, сколько я помню, были мировымъ судьей!..—сказалъ Бѣгушевъ Долгову.

— Былъ, и первое время все шло отлично; но потомъ все это испортилось и я къ выборамъ не намѣренъ болѣе обращаться никогда!

— Что же васъ такъ обидѣло тамъ?

— Э, рассказывать даже тяжело! — произнесъ Долговъ, махнувъ рукою.

— Нѣтъ, вы расскажите! — посоветовалъ ему графъ Хвостиковъ: — Александру Ивановичу интересно будетъ узнать: есть-ли у насъ возможность заниматься чѣмъ-нибудь, исключая свободныхъ профессій!

— Разсказать очень просто, — продолжалъ Долговъ: — служилъ я усердно, честно; но вдругъ устроилась противъ меня цѣлая интрига и комплотъ! (неумѣлость свою Долговъ имѣлъ привычку объяснять всегда какими-то тайными махинаціями, противъ него устраиваемыми). Былъ у меня писмоводитель очень умный, дѣльный, котораго я любилъ, холилъ; но они съумѣли его вооружить противъ меня.

— Кто они?—проговорилъ Бѣгушевъ съ досадой.

— Я не знаю собственно кто, — отвѣчалъ Долговъ:—но знаю, что по всей губерніи начали трубить, что я, когда мнѣ вздумается, рву протоколы моихъ засѣданій, а потомъ пишу новые.

— А этого не бывало?—полюбопытствовалъ Бѣгушевъ.

— Было одинъ разъ,—не скрылъ Долговъ:—протоколы у меня обыкновенно лежали на столѣ въ кабинетѣ; заболѣлъ мой младшій ребенокъ холериной, а около насъ была сильная холера; я перепугался, растерялся, схватилъ первую попавшуюся мнѣ бумагу, намазалъ на нее горчичникъ и приставилъ къ желудочку ребенка; бумага эта оказалась протоколъ!..

Бѣгушевъ невольно усмѣхнулся. Положеніе Долгова, впрочемъ, его тронуло. «Неряха этакой, безъ средствъ, съ семьєю и вѣроятно глупой семьєю; но какъ тутъ помочь? Дать ему денегъ на газету, но это все равно, что ихъ въ печку бросить; онъ у него уплывутъ неизвѣстно куда и на что», думалъ онъ и сказалъ вслухъ:

— Въ такомъ случаѣ начните государственную службу.

— Гдѣ-жь государственную службу?—проговорилъ Долговъ.

— Тюменева вы знаете и помните? — спросилъ Бѣгушевъ.

— Еще бы, Господи! — воскликнулъ Долговъ. — Подите, куда пролѣзъ этотъ господинъ, а не Богъ знаетъ что такое!—прибавилъ онъ.

— Тюменевъ человекъ цѣлостный, а не такой размазня, какъ мы съ вами! — сказалъ Бѣгушевъ:—хотите, я напишу ему объ васъ?

— Пожалуйста, сдѣлайте милость! — произнесъ обрадованнымъ голосомъ Долговъ.

— Напишу, только впередъ уговоръ: если вы поступите къ Тюменеву на службу, то протоколовъ не рвите на горчичники: онъ вамъ не проститъ этого!

<http://rcin.org.pl>

— Что объ этомъ говорить!.. Это была случайность,—возразилъ Долговъ, но въ самомъ дѣлѣ это была вовсе не случайность. Онъ не одни протоколы, а цѣлыя дѣла затеривалъ и писалъ такія рѣшенія, что мировой съѣздъ, по неясности ихъ, почти постоянно отмѣнялъ.

Отъ Бѣгушева Долговъ уѣхалъ, уже рассчитывая на служебное поприще, а не на литературное. Графъ Хвостиковъ, подмѣтившій въ немъ это настроеніе, нарочно поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ и всю дорогу старался убѣдить Долгова плюнуть на подлую службу и не оставлять мысли о газетѣ, занять денегъ для которой у нихъ оставалось тысячи еще шансовъ, такъ какъ въ Москвѣ много богатыхъ людей, къ которымъ можно будетъ обратиться по этому дѣлу.

Написанные графомъ нѣсколько фельетоновъ, которые были замѣчены въ публикѣ, вскружили ему голову, какъ нѣкогда заставляли его бредить финансовыя проекты.

— Что это за время омерзительное, — сказалъ Бѣгушевъ, оставшись одинъ:—даже изъ такого благороднѣйшаго пустомели, какъ Долговъ, сдѣлало чуть не жулика!

III.

Величію и славѣ Домны Осиповны, въ продолженіе всего наступившаго лѣта, предѣловъ не было. На большей части дачъ, особенно въ паркѣ и Сокольникахъ, было переговорено, что она теперь вла-

дѣтельницада пятимилліоннаго послѣ мужа состоянія. Домна Осиповна, дѣйствительно, сблизясь опять съ мужемъ, послѣ разлуки съ Бѣгушевымъ, успѣла отъ Олухова взять домашнее духовное завѣщаніе на все его состояніе. Тогда она сдѣлала это подъ величайшимъ секретомъ, но въ настоящее время духовная эта была уже утверждена судомъ. Каждый хорошій вечеръ Домна Осиповна каталась въ Петровскомъ паркѣ на парѣ англизированныхъ лошадей въ шорахъ, съ кучеромъ и съ лакеемъ въ круглыхъ шляпахъ, съ перекинутыми на задокъ козелъ ихъ шинелями. Домна Осиповна заграницей видѣла такую моду, и ей очень она понравилась. Сама она одѣта была въ глубокой трауръ. Около ея экипажа часто, какъ два адъютанта, скакали верхами Янсутскій и Перехватовъ. Домна Осиповна очень тонко бивала головой встрѣчающимся знакомымъ. Въ одну изъ такихъ прогулокъ, Домну Осиповну сопровождалъ одинъ только Янсутскій, который сидѣлъ съ ней въ коляскѣ и былъ, сверхъ обыкновенія, очень молчаливъ и мраченъ.

— Вы не желаете пройтись?—сказалъ онъ, когда выѣхали на шоссе къ Петровскому-Разумовскому.

— Пожалуй!..—сказала Домна Осиповна и несовсѣмъ охотно вышла изъ экипажа.

Они пошли по тропинкѣ. Домна Осиповна замѣтно старалась не опереживать своей коляски и не отставать отъ нея.

Янсутскій сначала ни слова не говорилъ и только кусалъ свои жиденькіе усы.

— Домна Осиповна,—произнесъ онъ наконецъ:— я не очень вамъ противенъ?

Домна Осиповна обратила на него удивленные глаза.

— Къ чему этотъ вопросъ? — проговорила она и вмѣстѣ съ этимъ вспыхнула.

— Во-первыхъ, вы знаете къ чему этотъ вопросъ, — отвѣчалъ Янсутскій:—я человекъ практическій, большихъ разглагольствованій не люблю и если что говорю, такъ прямо и правду.

— Ну, не всегда, я думаю, правду!.. — замѣтила Домна Осиповна.

— Всегда!.. во всѣхъ случаяхъ моей жизни!..— продолжалъ Янсутскій:—и прежде всего скажу, что, какъ ни чувствительно жиганулъ меня Хмуринь, но я въ порядочномъ денежномъ положеніи, почти въ милліонѣ.

«Съ перваго же слова и солгалъ!» подумала Домна Осиповна потупляясь. Она отъ многихъ слышала, что Янсутскій, напротивъ, сильно разстроился въ дѣлахъ своихъ.

— Холостая жизнь мнѣ надоѣла,—объяснялъ онъ далѣе: — я желаю завести семейный уголокъ!.. Вы мнѣ давно чрезвычайно нравитесь!.. Велѣдствіе всѣхъ сихъ и оныхъ обстоятельствъ, я и прошу васъ сказать: согласны ли вы отдать мнѣ вашу руку и сердце?

Янсутскій хоть и старался говорить комическимъ тономъ, но видно было, что внутри у него кипѣло.

— Нѣтъ, не согласна,—не замедлила отвѣтомъ Домна Осиповна, произнося эти слова твердымъ голосомъ.

— По какой причинѣ?

— По многимъ!

— Желательно бы знать хоть одну изъ нихъ.

— Главная та, что вы человекъ не нѣжный, а я прежде всего желаю, чтобы мужъ былъ нѣженъ со мною и деликатенъ!..

— Изъ чего вы заключаете, что и не нѣженъ?

— Господи, я достаточно видѣла, какъ вы обращались съ Лизой Мѣровой!

— Вотъ еще кого привели въ примѣръ: Мѣрову!.. дуру набитую, которую я никогда и не любилъ, доказательствомъ чему служить то, что я не женился на ней!.. Что мнѣ мѣшало?

— Мѣшало вамъ не то, а другое..

— Что такое другое?

— То, что она бѣдна!

Янсутскаго передернуло.

— А вамъ я дѣлаю предложеніе, вы полагаете, оттого что вы богаты?

— Конечно, отчасти и оттого!

Янсутскій на нѣкоторое время замолчалъ и опять сталъ кусать свои усы. Видно, что онъ соображалъ, какъ ему далѣе вести атаку.

— Но замужъ вы, конечно, выйдете и вѣроятно скоро? — спросилъ онъ.

— Можетъ быть, — отвѣчала равнодушнымъ голосомъ Домна Осиповна.

— Я даже знаю за кого! — подхватилъ Янсутскій.

— И то можетъ быть!

— За Перехватова, такъ?

— Почему же именно за Перехватова?.. — полувоскликнула Домна Осиповна и засмѣялась.

— Не за Бѣгушева же? — говорилъ Янсутскій совсѣмъ съ перевощеннымъ тономъ.

— За Бѣгушева я вышла бы; но онъ самъ не женится на мнѣ!

— Къ чему такое отчаяніе?.. Попробуйте опять заманить его въ свои сѣти!

— Пробовала и ничего не вышло.

— Пробовали ужь?

— Да!

Янсутскій на нѣсколько мгновеній былъ сбить съ толку.

— Какъ бы то, впрочемъ, ни было, но я не совѣтоваль бы вамъ пренебрегать мною!.. — проговорилъ онъ мрачнымъ голосомъ.

— Я вами и не пренебрегаю, а если не иду за васъ замужъ, то потому, что вы мнѣ не нравитесь на столько, чтобы сдѣлаться вашей женой.

— А Олуховъ вамъ когда-то нравился на столько?— спросилъ Янсутскій.

— Нравился!

— А между тѣмъ вы очень скоро начали кокетничать съ другими молодыми людьми!

Домна Осиповна обидѣлась: она никогда еще и ни отъ кого не слыхала подобной дерзости.

— Какъ вы смѣете говорить мнѣ такія вещи!.. — сказала она, и у ней при этомъ губы немного дрожали и ноздри раздувались.

— Что я вамъ такое сказалъ! Вы меня хуже окрестили отъявленнымъ корыстолюбцемъ, однако я выслушалъ!

— Большая разница: вы мужчина, а я женщина!.. Вы не можете позволять себѣ говорить мнѣ то, что могу я вамъ!

— Это что еще за новыя правила выдумали!..—

возразилъ Янсутскій и засмѣялся: — полноте, пожалуйста,—продолжалъ онъ:—мы съ вами давно знаемъ другъ друга: если я люблю деньги, такъ вы не меньше моего ихъ любите!.. Мы ровня съ вами!..

— Не желаю быть равней вашей ни въ чемъ!.. Одно мнѣніе общества, которое о васъ существуетъ!..—говорила Домна Осиповна, начинавшая совсѣмъ выходить изъ себя.

— Да и вы не знаете, какое о васъ мнѣніе!.. можетъ быть хуже, чѣмъ обо мнѣ!.. — подхватилъ нагло Янсутскій.

Домна Осиповна отвернулась отъ него и прямо ничего не отвѣтила.

— Хорошъ бы бракъ у насъ былъ!.. Еще только заговорили о немъ, тиграми какими-то стали другъ прѣтивъ друга! — произнесла она какъ-бы больше сама съ собой.

— Тогда, можетъ быть, лучше бы было!.. столковались-бы какъ-нибудь!.. — сказалъ Янсутскій, ядовито усмѣхаясь:—а вы напрасно меня отталкиваете, по старой дружбѣ я еще разъ вамъ повторяю: раскаетесь!..—заклучилъ онъ съ удареніемъ.

— Никогда!.. наоборотъ, увѣрена, что всю жизнь буду хвалить себя!—воскликнула Домна Осиповна.

— Увидите!—пригрозилъ ей Янсутскій и круто повернулъ назадъ къ парку.

— Вы не желаете, чтобы я васъ довезла?—спросила его Домна Осиповна.

— Нѣтъ, дорогу я знаю!..—отвѣтилъ онъ грубо и быстро пошелъ.

Домна Осиповна сѣла въ коляску. Лицо у ней

было очень сердитое; губы надулись, глаза покрылись туманомъ гнѣва, хотя въ одномъ отношеніи она была довольна этимъ объясненіемъ: оно окончательно развязывало ее съ Янсутскимъ, ужасно ей надоѣдавшимъ своимъ ухаживаньемъ.

Въ паркѣ Домна Осиповна не возвращалась, чтобы не встрѣтиться опять съ Янсутскимъ и проѣхала въ Москву черезъ Бутырскую заставу.

— Иванъ Ивановичъ Перехватовъ не заѣзжалъ ко мнѣ?—былъ первый ея вопросъ, когда она вошла въ свою великолѣпную квартиру.

— Никакъ нѣтъ-съ! — отвѣчала ей вѣжливо красивый изъ себя лакей.—Чай готовъ!—прибавилъ онъ негромко.

— Я подожду Ивана Ивановича,—отвѣчала величественно Домна Осиповна. День этотъ былъ днемъ установленныхъ вечеровъ Олуховыхъ, которые Домна Осиповна возобновила по истеченіи шестимѣсячнаго траура; на вечерахъ этихъ, впрочемъ, одинъ только бывалъ Перехватовъ, который вскорѣ и явился.

— Пойдемте пить чай!—сказала ему Домна Осиповна, непродолжительно, но крѣпко пожавъ его руку.

— Съ удовольствіемъ!—подхватилъ докторъ.

Когда Домна Осиповна, въ сопровожденіи его, проходила въ столовую, то въ ея походкѣ, въ ея богатомъ туалетѣ, въ убранствѣ чайнаго стола, на которомъ блестѣлъ серебряный самоваръ, такъ и чувствовалось пятимилліонное состояніе. Домна Осиповна сѣла на особо-приготовленное для нея кресло.

Докторъ помѣстился очень близко къ ней и тоже

на довольно покойный стулъ. Домна Осиповна налила ему стаканъ, а себѣ небольшую чашку; докторъ выпилъ чай и съѣлъ при этомъ массу печенья.

Домна Осиповна, наливъ ему еще стаканъ, откинулась на задокъ кресла и стала на него томно смотрѣть.

За этимъ стаканомъ докторъ выпилъ третій, четвертый, продолжалъ пожирать сухари, бисквиты, а также стоящіе на столѣ фрукты: онъ былъ большой чаепіецъ и сладкоѣшка!

Домна Осиповна не переставала на него смотрѣть.

— Вы знаете, что сегодня Янсутскій дѣлалъ мнѣ предложеніе,—начала она, закуривая пахитоску. Получивъ въ обладаніе миллионы, Домна Осиповна начала курить вмѣсто папиросъ пахитосы; сдѣлала это она, припомнивъ слова Бѣгушева, который какъ-то сказалъ, что если женщины непременно хотятъ курить, такъ курили бы по крайней мѣрѣ испанскія пахитосы, а не этотъ тошнотворный *mariland doux*. Домна Осиповна, вообще, очень часто припоминала замѣчанія Бѣгушева, а еще болѣе того употребляла его мысли и фразы въ разговорахъ.

— Янсутскій былъ поэтому у васъ?—спросилъ докторъ неторопливымъ, но несомнѣнно спокойнымъ голосомъ.

— Былъ у меня, обѣдалъ, напросился, чтобы я взяла его съ собой ѣхать въ паркъ, надоѣлъ мнѣ до невозможности!—говорила Домна Осиповна, помахивая кокетливо своей пахитоской.

Докторъ при этомъ обратилъ свое вниманіе на ея кольцо.

— Однако у васъ это новинка, — сказалъ онъ, указывая на прелестный перстень съ брилліантомъ, надѣтый на указательный палець Домны Осиповны.

— Я у мужа въ вещахъ нашла этотъ брилліантъ и велѣла себѣ сдѣлать кольцо... Онъ воды очень хорошей.

— Вода и грань превосходная! — подтвердилъ докторъ.

— Хотите взять его на память себѣ?—спросила Домна Осиповна.

— Но оно мнѣ и на мизинець не войдетъ!.. У васъ ручка такая тоненькая, — произнесъ докторъ усмѣхаясь.

— Повѣсьте его какъ брелокъ!.. Дайте мнѣ вашу цѣпочку!.. И Домна Осиповна, снявъ съ руки своей перстенець, сама навѣсила его доктору на цѣпочку. Перехватовъ послѣ того схватилъ обѣ ея руки и началъ ихъ цѣловать. Домна Осиповна смотрѣла ужъ на него страстно.

— И что-же, — воскликнулъ докторъ:— Янсутскій у васъ здѣсь дѣлалъ вамъ предложеніе или дорогой?

— Дорогой!.. но, милѣй всего, съ такимъ нахальствомъ, какъ-будто-бы онъ увѣренъ былъ, что я буду въ восторгѣ отъ его предложенія... Я, разумѣется, засмѣялась на первыя же слова его, и надобно было видѣть, какъ онъ обозлился. Бѣгушевъ въ сравненіи съ нимъ кроткій ягненокъ.

Докторъ отрицательно покачалъ головой.

— Не думаю, чтобы Бѣгушевъ въ сравненіи съ кѣмъ бы ни было могъ быть кроткимъ ягненкомъ.

— Но ты забываешь, — обмолвилась Домна Осиповна:— Бѣгушевъ человекъ свѣтскій, образованный;

онъ можетъ женщину язвить, убить даже, но говорить сальныя дерзости не станетъ!

— Полагаю, что станетъ и онъ! — сказалъ докторъ. Въ душѣ онъ Бѣгушева больше даже ненавидѣлъ, чѣмъ Янсутскаго.

— Однако кто-то пріѣхалъ, — проговорила Домна Осиповна, прислушавшись своимъ чуткимъ ухомъ: — неужели Янсутскій, — прибавила она уже испуганнымъ тономъ. Но пріѣхалъ не Янсутскій, а графъ Хвостиковъ, который привезъ съ собой Долгова. На послѣдняго Домна Осиповна и докторъ взглянули съ неудовольствіемъ: они его совершенно не узнали.

Сии два странника, послѣ неудачной попытки у Бѣгушева, цѣлую недѣлю ѣздили по Москвѣ и все старались занять денегъ на задуманную ими газету. Къ Домнѣ Осиповнѣ графъ Хвостиковъ привелъ Долгова какъ къ послѣдному ресурсу; не ссудить она, все дѣло пропало, а потому рѣшился дѣйствовать на проломъ. Что касается Долгова, то онъ совсѣмъ былъ утомленъ, совсѣмъ разбитъ: его славянская натура не имѣла такого мѣднаго лба, какъ кельтическая кровь графа Хвостикова; онъ очень хорошо началъ сознавать всю унижительность этихъ поѣздокъ. Сверхъ того, Долговъ въ этотъ день утромъ заѣзжалъ къ Бѣгушеву, чтобы узнать отъ него, не получилъ ли онъ отвѣта отъ Тюменева. Бѣгушева онъ не засталъ дома и попросилъ у Прокофія позволенія подождать барина. Прокофій позволилъ ему, и даже провелъ его въ кабинетъ, гдѣ Долговъ около получаса сидѣлъ и, отъ нечего дѣлать, блуждая глазами съ предмета на предметъ, увидалъ на столѣ письмо и въ письмѣ этомъ свою фамилію; не было

никакого сомнѣнія, что оно было отъ Тюменева. Долговъ не удержался и прочелъ письмо, которое оказалось ужаснымъ для него. Тюменевъ прямо-напрямомъ бранилъ Бѣгушева, что какъ ему не стыдно рекомендовать на службу подобнаго пустоголова, какъ Долговъ, и при этомъ присовокуплялъ, что Долговъ самъ неоднократно просилъ его о мѣстѣ письмами, написанными съ такой синтаксической неправильностью, съ такими орфографическими ошибками, что его развѣ въ сторожа только можно взять...

Тутъ же невдалекѣ лежалъ и начатый отвѣтъ Бѣгушева, который Долговъ тоже пробѣжалъ. Бѣгушевъ писалъ: «Ты —процитанный насквозь чернилами бюрократъ: для тебя скудная ясность изложенія и наша спорная грамотность превыше всего; и какимъ образомъ ты могъ оскорбляться, когда Траховъ не принялъ къ себѣ на службу тобою рекомендованнаго господина, уже изобличеннаго въ плутовствѣ, а Долговъ пока еще человѣкъ безукоризненной чести».

На этомъ мѣстѣ Бѣгушевъ остановился писать и вышелъ изъ дому, чтобы поумѣрить нѣсколько свой пылъ.

Долговъ, прочитавъ письма, рѣшился лучше не дожидаться хозяина: ему совѣстно было встрѣтиться съ нимъ. Проходя, впрочемъ, переднюю и вспомнивъ, что въ этомъ же домѣ живетъ и графъ Хвостиковъ, спросилъ «дома-ли тотъ?» Ему отвѣчали, что графъ только-что проснулся. Долговъ прошелъ къ нему. Графъ лежалъ въ постели, совершенно въ позѣ безпечнаго юноши, и съ перваго слова объявлялъ, что имъ непременно надобно ѣхать вечеромъ

еще въ одно мѣсто хлопотать по ихъ дѣлу. Долговъ согласился.

— Позвольте вамъ представить Василія Илларионовича Долгова, — говорилъ графъ, подводя своего друга къ Домнѣ Осиповнѣ, которая, не приподнимаясь съ мѣста, но довольно привѣтливо мотнула имъ головой.

Оба они усѣлись.

— Вы видите, Домна Осиповна, передъ собой одного изъ образованнѣйшихъ людей Россіи, — началъ графъ, указывая на Долгова.

Домна Осиповна, для выраженія чего-то, опять мотнула головой.

— Начну съ языковъ: Василій Илларионовичъ знаетъ въ совершенствѣ латинскій, греческій, говоритъ по-испански, по-французски, по-англійски...

— Нѣтъ, я по-англійски плохо знаю!.. — отвѣчалъ Долговъ.

— Однако, вы читаете Шекспира въ подлинникѣ, — сказалъ графъ Хвостиковъ: — и такой человѣкъ у насъ безъ всякой дѣятельности существуетъ; сидитъ у себя въ деревнѣ и свиститъ въ ноготовъ!

— Это очень жаль! — сказала съ величавымъ участіемъ Домна Осиповна.

— Въ Россіи все истинно-хорошее, истинно-русское должно гибнуть!.. — проговорилъ Хвостиковъ.

На послѣднюю фразу его Долговъ одобрительно кивнулъ головой и, зажегши папироску не съ того конца, съ котораго слѣдуетъ, началъ курить ее и въ тоже время отплевываться отъ попадающаго ему въ ротъ табаку.

— Вы конечно патриотка!—продолжалъ Хвостиковъ.

— Разумѣется!—отвѣчала Домна Осиповна величаво.

— Такъ поддержите насъ въ одномъ истинно патриотическомъ дѣлѣ: дайте намъ въ займы тысячь пятьдесятъ на газету, которую мы предполагаемъ издавать! — хватилъ графъ.

— Пятьдесятъ много, достаточно десяти,—поуменьшилъ Долговъ.

Домна Осиповна сначала не поняла, что они такое говорятъ, и взглянула на доктора, который сидѣлъ молча и выкладывалъ изъ сухарныхъ крошекъ зигзаги.

— Деньги намъ нужны на газету; ссудите! — подхватилъ Хвостиковъ.

— Я не имѣю такихъ денегъ, — проговорила Домна Осиповна:—онѣ у меня у самой теперь всѣ въ дѣлахъ!

Графъ Хвостиковъ, а еще болѣе того Долговъ поникли головами.

Наступили затѣмъ тяжелыя и непріятныя для всѣхъ минуты. Долговъ и графъ Хвостиковъ начали прихлебывать чай; главнымъ образомъ они не знали: ухватъ-ли имъ или оставаться? Сейчасъ отправиться было какъ-то черезъ-чуръ грубо; оставаться же бесполезно и стѣснительно.

Хозяйкѣ тоже было не совсѣмъ ловко и она уже снова закурила пахитосу. Докторъ продолжалъ выдѣлывать изъ сухарей зигзаги.

Графъ Хвостиковъ, впрочемъ, болѣе пріятеля сохранившій присутствіе духа, началъ доказывать

доктору, что Россія самая непредпріимчивая страна, что у насъ никто не заинтересуется дѣломъ за его идею, а всякому дорогъ лишь свой барышъ! Докторъ съ легкой улыбкой соглашался съ нимъ; Домна же Осиповна держала свои глаза устремленными на Долгова, который сидѣлъ, совсѣмъ понуривъ голову. Наконецъ гости увидѣли, что имъ есть возможность уѣхать, и уѣхали!

— Что это такое... а?... что такое?—спрашивала Домна Осиповна доктора.

— Юродивые какіе-то!—опредѣлилъ тотъ.

— Но неужели кто-нибудь и дастъ имъ денегъ?

— Можетъ-быть, найдется такой дуракъ!—отвѣтилъ докторъ и, посмотрѣвъ на часы, прибавилъ:— Ну, мнѣ еще надобно къ больнымъ!

— Охъ, мнѣ эти больные ваши!—произнесла Домна Осиповна съ досадой:—еслибы воля моя была, я взяла бы ихъ всѣхъ вылѣчила или всѣхъ уморила!

— Что они вамъ такъ помѣшали?—проговорилъ съ усмѣшкой Перехватовъ.

— Они отнимаютъ тебя у меня!—сказала томно-нѣжнымъ голосомъ Домна Осиповна.—Шутки въ сторону: мнѣ рѣшительно некогда съ тобой поговорить!—прибавила она.

— Но до конца мы все-таки не договоримся съ вами, хоть бы и было когда говорить,—возразилъ ей докторъ.

На лицѣ Домны Осиповны отразилось маленькое неудовольствіе.

— Иванъ Ивановичъ, неужели вамъ мало того, чѣмъ я для васъ пожертвовала?—спросила она стыдливо.

— Не мало, но все это пока еще неопредѣленно и непрочно!—проговорилъ докторъ.

— Жан!—воскликнула Домна Осиповна: — нельзя же все это вдругъ сдѣлать!.. Ты послушай, что и теперь про меня говорятъ!

— Васъ не пугало, однако, когда говорили про васъ и про Бѣгушева!

— Тогда другое было дѣло! тогда я прикрывалась именемъ мужа!

Перехватовъ, какъ и Янсутскій, со вдовства Домны Осиповны, началъ сильно желать, чтобы она, сверхъ сердца, отдала ему и руку свою: но у Домны Осиповны по этому поводу зародились свои собственныя соображенія: какъ владѣтельница огромнаго состоянія, ей стала казаться эта партія слишкомъ низменною; Перехватовъ все-таки былъ выскочка!.. (вотъ ужъ куда стала бить Домна Осиповна). Выйдя за него замужъ, она будетъ докторшею; титулъ не громкій!.. Домна Осиповна не слыхала даже, чтобы какая-нибудь докторша играла въ свѣтѣ роль, чего въ настоящія минуты Домнѣ Осиповнѣ хотѣлось пуще всего! Были минуты, когда она думала, что если выходить еще разъ замужъ, такъ лучше было бы за Бѣгушева. Домна Осиповна очень хорошо понимала, что въ Бѣгушевѣ всѣ искали, а докторъ, напротивъ, самъ заискивалъ во всѣхъ; но въ то же время за красоту доктора и его покорное обращеніе съ ней, она была влюблена въ него какъ кошка. (Въ этомъ отношеніи въ ней появилось что-то ужъ старческое и чувственное). Борьба въ силу этихъ противорѣчій внутри ея происходила не малая!

— Будемъ ждать-съ!—сказалъ докторъ.

Домна Осиповна видѣла, что онъ разсердился на нее.

— Ты меня не понимаешь!—сказала она и, еще болѣе пододвинувшись къ доктору, положила ему руки и голову на плечо.—Я готова быть твоей женой, но я боюсь тебя.

Будь докторъ болѣе тонкій психическій наблюдатель, онъ почувствовалъ бы, что въ голосѣ ея было что-то вынужденное и недосказанное.

— Но чего же вы боитесь?—спросилъ онъ ее, цѣдя въ голову.

— Боюсь, что ты мало меня любишь, не такъ какъ я тебя!

— Точно также, какъ и вы!

— Нѣтъ, не такъ! ты даже ни разу не приревновалъ меня, — говорила Домна Осиповна: по самолюбію своему, она любила, чтобы ее ревновали, особенно, если сама была ни въ чемъ неповинна!

— А Бѣгушевъ развѣ васъ ревновалъ? — спросилъ докторъ.

— Ужасно! — отвѣтила Домна Осиповна.—Даже, когда я разъ съ этимъ Хмурпынымъ поговорила ласково по одному дѣлу, такъ онъ чуть не убилъ меня!

— Хорошее доказательство любви!.. а сами вы Бѣгушева ревновали?

— Что же его было ревновать? онъ не отходилъ отъ меня и былъ олицетворенная вѣрность!.. Но тебя я ревную.

— Это отчего? — спросилъ усмѣхаясь Перехватовъ.

— Оттого, что ты докторъ и еще дамскій док-

торъ: когда я выйду за тебя, ты непременно долженъ бросить практику.

Послѣднее требованіе смутило доктора.

— Это безуміе съ вашей стороны ставить мнѣ такое условіе!—сказалъ онъ.

— Вовсе не безуміе!—возразила Домна Осиповна:— состоянія у насъ достаточно, чтобы намъ даже роскошно жить!..

— Дѣло не въ состояніи,—возразилъ докторъ:— но вы забываете, что я служитель и жрецъ науки, что практикой своей я приношу пользу человечеству: неужели я мое знаніе и мою опытность долженъ зарыть въ землю и сдѣлаться тунеедцемъ?.. Такой цѣной нельзя никакихъ благъ міра купить!

Домна Осиповна слушала его молча: она сама до нѣкоторой степени сознавала неблагоразуміе своего требованія.

— Въ такомъ случаѣ лѣчи однихъ мужчинъ!— сказала она.

Докторъ разсмѣялся.

— Вы говорите, какъ ребенокъ. Развѣ это возможно? позовутъ меня къ мужчинамъ, я ѣду; позовутъ къ дамѣ, не ѣду!.. Почему?.. потому что жена не пускаетъ?..

Домна Осиповна глубоко вздохнула и, переложивъ свои руки съ плеча доктора на столъ, склонила ужъ на нихъ свою голову. Прошло довольно продолжительное молчаніе.

— Съ какимъ же рѣшеніемъ я сегодня уѣду отъ васъ?..—проговорилъ докторъ тихимъ и вкрадчивымъ голосомъ.

— Я выйду за васъ!..—отвѣчала Домна Осиповна

и съ величественной позой протянула доктору руку; тотъ поцѣловалъ ея руку.—Но только смотрите, Перехватовъ: васъ Богъ накажетъ, если вы обманете меня!.. Я слишкомъ многимъ для любви моей къ вамъ жертвую!..

— Не за что будетъ Богу наказывать меня!— подхватилъ докторъ и, еще разъ поцѣловавъ у Домны Осиповны руку, уѣхалъ.

Черезъ весьма непродолжительное время по Москвѣ огласилось, что Домна Осиповна вышла замужъ за доктора Перехватова. Въ средѣ медиковъ это произвело толки и замѣчанія такого рода: «Молодецъ этотъ Хваталкинъ (такъ начали называть въ последнее время Перехватова): кромѣ практики,—жену съ милліонами подцѣпилъ!»

Свадьба Домны Осиповны съ докторомъ была отпразднована роскошно: пригласительныя карточки на послѣдующій балъ были даже посланы къ Янсутскому, Бѣгушеву и графу Хвостикову. Первые двое не приѣхали, но послѣдній явился и въ ближайшемъ номерѣ той газеты, гдѣ сотрудничалъ, описалъ торжество брачнаго пиршества, объяснивъ читателямъ, что «молодой и молодая блистали красотой, молодостью и свѣжестью!» *нѣсколько подкрашенной*,— смертельно хотѣлось прибавить графу относительно Домны Осиповны, но онъ не прибавилъ этого, потому что она обѣщала ему за этотъ фельетонъ сто цѣлковыхъ.

IV.

Въ конторѣ Грохова, по прежнему грязной и темной, сидѣли самъ Гроховъ и Янсутскій. Оба они очень измѣнились: Гроховъ одлѣшивѣлъ, обез-

зубья и былъ съ багрово-желтымъ цвѣтомъ лица, а Янсутскій еще болѣе похудѣлъ и походилъ на оголоданную, загрязненную кость; но энергіи своей нисколько не утратилъ.

— Совершенная случайность открыла мнѣ это!.. — говорилъ онъ, какъ и всегда быстро и бойко: — ѣхалъ я прошлой весной изъ Казани на пароходѣ съ нѣкоторыми сибиряками... обѣдали вмѣстѣ, выпивали конечно... Вотъ, батюшка, пить-то здоровыи, главное, все коньякъ дуютъ!.. Болтаемъ о томъ о семъ, только одинъ изъ нихъ, какъ видно, купецъ этакой солидный и не вралъ, спрашиваетъ меня, что не знаю-ли я въ Москвѣ г. Олухова. «Имѣю, говорю, это счастье!» «А правда ли, говоритъ, что онъ померъ.» «Такая же, говорю, правда, что я живъ!» Купецъ поежился. «Кто-жь, говоритъ, теперь по ихъ дѣламъ отвѣтчикъ долженъ быть» «По какимъ, говорю, дѣламъ?» «Да какъ же-съ, говоритъ, старикъ Олуховъ кабы не умеръ, долженъ былъ-бы объявить себя несостоятельнымъ!» Что такое за вздоръ, думаю. «На чемъ-же, говорю, онъ могъ прогорѣть?» «У него, говоритъ, болѣе половины состоянія въ дѣлахъ Хмурина лопнуло, а потомъ онъ и свое большое колесо не на чистыя деньги велъ... всему почестъ Сибирю долженъ: мелкимъ капиталистамъ — кому тысячу, кому три, кому десять!» «Вы, говорю, тоже кредиторъ его?» «Да-съ, говоритъ, и намъ бы очень желалось эти маленькія взысканія наши продать кому-нибудь въ однѣ руки.» «А на сколько, говорю, ихъ?» «Да полагать надо на милліонъ!» «Но какая же, говорю, при ликвидаціи дѣла можетъ быть по нимъ уплата?»

«Болѣе, говоритъ, семидесяти пяти копѣекъ нельзя получить!» «А вы, чай, просите за нихъ гривенъ по шести?» «Нѣтъ, говоритъ, хорошо, если бѣ дали по полтиннику!»

Все это Янсутскій уже зналъ, сватаясь за Домну Осиповну, и предполагалъ тогда, сдѣлавшись ея мужемъ, скупить за безцѣнокъ всѣ эти маленькія взысканія и такимъ образомъ сдѣлаться главнымъ ея кредиторомъ, но теперь онъ рѣшился употребить этотъ планъ какъ орудіе мести противъ Домны Осиповны. Къ Грохову онъ обратился, потому что ему извѣстно было, что Домна Осиповна съ прежнимъ своимъ повѣреннымъ совершенно разсорилась, такъ какъ во время кутежа ея мужа съ Гроховымъ написала сему послѣднему очень бранливое письмо, на которое Гроховъ, съ пьяну, написалъ ей такого рода отвѣтъ, что Домна Осиповна не рѣшилась даже никому прочесть этого посланія, а говорила только, что оно было глупое и чрезвычайно оскорбительное для нея.

— Свѣдѣнія сіи, согласитесь, — продолжалъ Янсутскій: — любопытны, и я вотъ пріѣхалъ къ вамъ посоветоваться и спросить васъ: правда ли это, и возможно ли банкротство Олуховымъ?.. Вы занимались ихъ дѣлами... Домна Осиповна, сколько я помню, и ввѣдь во владѣніе мужа поручила вамъ.

— Поручать она мнѣ поручала, — отвѣчалъ Гроховъ, немножко сконфузившись: — но я тогда заболѣлъ и передалъ все помощнику... Васъ что же такъ интересуютъ дѣла Олуховыхъ?.. присовокупилъ онъ послѣ короткой паузы.

— Интересуютъ по чувству жалости, — отвѣ-

чалъ Янсутскій, пожимая плечами: — вообразите: сколько несчастныхъ, маленькихъ кредиторовъ будутъ обобраны въ конкурсѣ, если онъ только учредится...

Такому филантропическому движенію Янсутскаго Гроховъ, конечно, не повѣрилъ и даже усмѣхнулся при этомъ.

— Потомъ, выгодная афера можетъ быть! — поспѣшилъ подхватить тотъ, чувствуя и самъ, что прорвался немного: — расчетъ тутъ очень легко сдѣлать: если тысячъ на полтора ста, на двѣсти свунить миллионъ векселей, по которымъ уплатятъ, положимъ, по шестидесяти копѣекъ за рубль; это четыреста тысячъ въ карманъ!

— Ужъ и въ карманъ!.. прежде еще надобно узнать и сдѣлать инвентарь всему состоянію! — возразилъ Гроховъ.

— Инвентарь не Богъ знаетъ что!.. Дѣло рукъ человѣческихъ.

— Узнать наконецъ съ точностью количество долговъ законныхъ... — продолжалъ Гроховъ.

— И то можно!.. они уже всё, какъ сказывалъ мнѣ купецъ, стеклись въ тамошнемъ губернскомъ правленіи.

— Знаю, что можно; но какихъ денегъ это будетъ стоить!.. — твердилъ свое Гроховъ.

— Деньги вздоръ, по пословицѣ: когда дрова рубятъ, щепокъ не жалѣютъ... Я въ этомъ отношеніи человѣкъ не трусливый и рѣшился купить этотъ процессъ: съѣзжу самъ въ Сибирь, узнаю все тамъ до точности и вамъ теперь предлагаю адвокатуру по этому дѣлу... предпочитаю я васъ другимъ ва-

шимъ товарищамъ вслѣдствіе того, что вы чело-
вѣкъ умный, дѣльный, а не пустой краснобай, и дѣла
купеческія давно ведете. Плата вамъ, конечно, бу-
детъ приличная и своевременная... — отчеканивалъ
Янсутскій.

— Благодарю васъ за предложеніе, но я все бо-
лѣю, — произнесъ нервѣжительнымъ голосомъ Гро-
ховъ.

Онъ дѣйствительно болѣлъ: ужасная и внезап-
ная смерть Олухова сильно поразила его, тѣмъ бо-
лѣе, что, въ минуту тоски, съ похмѣлья, ему са-
мому приходило иногда въ голову сдѣлать надъ со-
бой нѣчто въ родѣ этого. Гроховъ понялъ, что до-
вольно дурить, и, сразу переставъ пить, послалъ
за докторомъ, который, найдя у него въ ногахъ
опухоль, объявилъ, что это предвѣстіе грядущей во-
дянки. Гроховъ испугался и разъ по десяти въ день
началъ снимать съ себя сапоги и наблюдать, не
поднимается ли опухоль выше; докторъ сказалъ
ему, что какъ опухоль дойдетъ до сердца, такъ и
капутъ!

— Какое вы болѣете, распустили только себя! —
успокаивалъ его Янсутскій.

— Нѣтъ, — сказалъ со вздохомъ Гроховъ: —
выѣзжать совсѣмъ не могу: — одышка, опухоль въ
ногахъ...

— Другіе за васъ будутъ ѣздить, а вы, какъ
главный телеграфистъ, сидите у себя въ комнатѣ и
наигрываете на клавишахъ... Въ этомъ дѣлѣ, кромѣ
денежнаго интереса, есть нравственный: Домна Оси-
повна, полагаю, что вы не будете спорить противъ
того, очень дрянная женщина.

— Дрянная! — подтвердилъ Гроховъ.

— Скупая, жадная, — продолжалъ Янсутскій: — а главное, неблагодарная, лукавая и туда же фуфырится еще... напакостить ей было-бы для меня величайшимъ наслажденіемъ.

— И для меня тоже! — сознался Гроховъ.

— Значить, и будемъ работать въ этомъ направленіи...

— Начинайте, а тамъ увидимъ...

По отъѣздѣ Янсутскаго, Гроховъ долгое время сидѣлъ, погруженный въ размышленія, а затѣмъ позвонилъ.

Вошелъ артельщикъ.

— Скажи кучеру, чтобы онъ съѣздилъ за Яковомъ Ивановичемъ, — приказалъ онъ тому.

Яковъ Ивановичъ вскорѣ явился. Это былъ известный намъ письмоводитель Грохова, повышенный имъ въ помощники. Яковъ Ивановичъ велъ образъ жизни лучше своего патрона и былъ теперь въ новой триковой парѣ, напомаженный, причесанный: по мѣрѣ того, какъ Гроховъ прибавлялъ ему жалованья, Яковъ Ивановичъ все меньше и меньше загуливалъ и, уже два года бывъ женатъ, совершенно почти ничего не пилъ.

— Садитесь! — сказалъ ему Гроховъ.

Яковъ Ивановичъ сѣлъ.

— Какъ велико было объявлено состояніе Олуховымъ при введѣ во владѣніе? — спросилъ Гроховъ.

— Въ разныхъ мѣстахъ это было... милліоновъ около шести.

— А долговъ?

— Тоже много!.. — отвѣчалъ Яковъ Ивановичъ.

— У меня сейчасъ былъ одинъ баринъ, — продолжалъ Гроховъ послѣ недолгой остановки: — и говорилъ, что старикъ Олуховъ на волоскѣ держался отъ банкротства.

— Говорили и мнѣ это въ Сибири; но не думаю, чтобъ такъ это было.

— На какомъ основаніи вы не думаете?

— Да помилуйте!.. — воскликнулъ Яковъ Ивановичъ: — я своими глазами видѣлъ въ главной конторѣ двѣсти тысячъ, въ другой пятьдесятъ; а тамъ гдѣ десять, гдѣ тридцать.

— Наличными?

— Наличными!.. — продолжалъ восклицать Яковъ Ивановичъ: — и въ нѣкоторыхъ конторахъ чистымъ даже золотомъ... все новенькіе полуимперіалы, точно рыжички блестятъ.

— Деньги эти теперь, я думаю, всѣ растащены, — замѣтилъ Гроховъ.

— Кромѣ денегъ-съ, — продолжалъ Яковъ Ивановичъ съ явнымъ удивленіемъ: — дома во сколько-кихъ городахъ... фабрики такія, что трубищи до самаго неба...

— И всѣ въ ходу? — любопытствовалъ Гроховъ...

— Всѣ... я былъ на многихъ, свѣтятся ночью какъ дворцы... Машины на нихъ все англійскія... точно черти какіе, шумятъ, стучатъ...

Гроховъ слушалъ нахмурившись это краснорѣчивое описаніе разныхъ пмуществъ Олухова.

— Главное состояніе старика было въ земляхъ, я знаю, — проговорилъ онъ.

— На земли однихъ плановъ три шкафа, — воселикнулъ Яковъ Ивановичъ.

Потолковавъ еще нѣкоторое время съ своимъ помощникомъ, Гроховъ наконецъ отпустилъ его, и самъ снова предался размышленіямъ: правтическая его предусмотрительность и опытность ясно ему говорили, что въ этомъ огромномъ и запутанномъ дѣлѣ много бы, какъ въ мутной водѣ рыбы, можно было наловить денегъ: скупить, какъ справедливо говорить Янсутскій, по дешевой цѣнѣ нѣкоторую часть векселей, схлопотать конкурсъ; самому сѣсть въ предсѣдатели... назначить себѣ содержанія тысячь двадцать пять... подобрать согласенькихъ кураторовъ, а тамъ отдачи фабрикъ въ 'аренды, хозяйственная продажа отдѣльныхъ имѣній, словомъ: золотой бы дождь можно было бы устроить себѣ въ карманъ, но вмѣстѣ съ этими соображеніями, Гроховъ вспомнилъ о своихъ недугахъ и подумалъ, что ему, можетъ быть, скоро ничего не надобно будетъ на землѣ и что на гробъ да на саванъ не много потребуется!

Эта мысль такъ его разстроила, что онъ былъ не въ состояніи оставаться долѣе въ своей конторѣ и уѣхалъ домой. Тамъ его встрѣтила Агаша, взятая имъ послѣ смерти Олухова, аки-бы въ качествѣ экономки, но въ сущности совершенно на томъ-же положеніи, на какомъ она была и у того. Гроховъ прошелъ въ свою спальню и легъ въ постель.

Янсутскій, въ это время, побывавъ еще въ мѣстахъ двадцати, обѣдать прибылъ въ англійскій клубъ, гдѣ въ обѣденной залѣ увидалъ генерала Трахова, который сидѣлъ уже за столомъ и просматривалъ меню. Янсутскій, разумѣется, не приминувъ поспѣшно

подойти къ генералу и попросилъ позволенія сѣсть рядомъ съ нимъ. Генералъ очень любезно позволилъ ему это.

— Вы, однако, довольно часто изволите посѣщать Москву?..—сказалъ Янсутскій.

— Да,—протянулъ генералъ:—теперь я пріѣхалъ квартиру для жены нанять, но не знаю гдѣ: въ отеляхъ грязно и безпокойно...

— Здѣсь есть отличныя шамбръ-гарни съ мебелью, столомъ, прислугою, сервировкою... Если вы прикажете, я сегодня же объѣду ихъ нѣсколько и узнаю, гдѣ есть свободныя отдѣленія, какой величины и въ какую цѣну.

— Но мнѣ очень совѣстно безпокоить васъ этимъ! — произнесъ генералъ и обязательно пожалъ Янсутскому руку.

— Напротивъ, — воскликнулъ Янсутскій:—это не безпокойство, а величайшее удовольствіе: завтра же явлюсь къ вамъ, чтобы донести обо всемъ: вы, вѣроятно, въ Славянскомъ базарѣ остановились?

— Тамъ!—подтвердилъ генералъ.

Читатель, конечно, замѣтилъ, что Янсутскій въ настоящемъ свиданіи съ генераломъ былъ въ отношеніи того гораздо почтительнѣе, чѣмъ въ Парижѣ: онъ по опыту зналъ, что господа, подобные Трахову, только за границей умаляютъ себя, а какъ вернутся въ Россію, такъ сейчасъ же облакаются въ свою павлиную важность.

— Какъ вамъ, ваше превосходительство, нравятся обѣды здѣшняго клуба?.. Не правда-ли, они гораздо хуже обѣдовъ петербургскаго англійскаго клуба?..— продолжалъ Янсутскій поддѣлываться въ генералу.

— О, да!.. Tiens!.. рубцы!.. что это за блюдо, и чеснокомъ еще пахнетъ, — отвѣчалъ тотъ, дѣлая презрительную гримасу.

— Оно, впрочемъ, довольно вкусно, — скромно возразилъ Янсутскій: — а какъ вы, ваше превосходительство, находите эти знаменитые англійскіе супы изъ черепахи и изъ бычачьихъ хвостовъ: они мнѣ показались микстурами аптекарскими, а не кушаньемъ.

— Налобно, чтобы это по французски было приготовлено... У меня поваръ мой отлично дѣлаетъ супъ изъ бычачьихъ хвостовъ: не жирно, тонко и въ мѣру пикантно.

— У васъ, говорятъ, поваръ одинъ изъ лучшихъ въ Петербургѣ?.. — спросилъ Янсутскій.

— Да, недурень, — отвѣчалъ генералъ и налилъ изъ своей бутылки Янсутскому вина.

Тотъ поспѣшилъ ему тоже налить изъ своей бутылки.

— По заграничному чокнемтесь! — проговорилъ генералъ.

— Именно по заграничному! — подхватилъ Янсутскій, очень довольный, что генералъ становится съ нимъ на заграничную ногу.

— Скажите, — продолжалъ тотъ вполголоса, когда имъ и Янсутскимъ еще было выпито по стакану вина: — эта madame Олухова овдовѣла и вышла снова замужъ за какого-то доктора?..

Все, что случилось съ молодыми женщинами, генералъ всегда ужасно интересовался узнавать до самыхъ мельчайшихъ подробностей.

— Вышла замужъ!.. — отвѣчалъ Янсутскій съ злой усмѣшкой.

— Но такая партія для нея, мнѣ кажется, очень нѣобильна.

— Превняя связь!—объяснилъ Янсутскій.

Генераль сдѣлалъ удивленные глаза.

— *Que me dites vous la?..* А Бѣгушень какъ же?—спросилъ онъ.

— И при немъ еще это существовало.. Нынче женщины менѣ трехъ любовниковъ въ одно и тоже время не имѣютъ!..—произнесъ Янсутскій.

— Но она, мнѣ сказывали, сдѣлалась послѣ мужа милліонеркой,—замѣтилъ генераль.

— Эги милліоны пока еще въ воздухѣ!..—воскликнулъ Янсутскій: — очень можетъ быть, что эти милліоны пообрѣжутъ у ней.

— Пообрѣжутъ?..—переспросилъ генераль.

— И очень сильно!.. Тутъ такой казусъ вышелъ: госпожа Домна Осиповна сама имѣетъ свое состояніе тысячъ въ триста, но она приняла наслѣдство и послѣ мужа, а мужъ, принявшій наслѣдство послѣ дѣда, оказывается несостоятельнымъ должникомъ... Слѣдовательно, госпожа Олухова все, что недоплатится по конкурсу, должна поплатить своими деньгами.

— Ахъ, бѣдная!.. — произнесъ генераль съ искреннимъ чувствомъ сожалѣнія.—Но правда ли, что она очень красива собой?

— Была, а теперь тряпка вымытая въ соленой кислотѣ: подмазывается... румянится.

Послѣ обѣда генераль и Янсутскій перешли вмѣстѣ въ говорильную комнату, велѣвъ себѣ туда подать шампанскаго. Тамъ они нашли Долгова, читающаго газету, который обыкновенно, за неимѣніемъ

денегъ платить за обѣдъ, прїѣзжалъ въ клубъ послѣ своего, болѣе чѣмъ скромнаго обѣда, въ надеждѣ встрѣтить кого-нибудь изъ своихъ знакомыхъ и потолковать по душѣ. Янсутскій, взглянувъ на Долгова, сейчасъ припомнилъ, что онъ видѣлъ его въ собраніи ужинающимъ вмѣстѣ съ Бѣгушевымъ.

Когда подано было шампанское и генераль съ Янсутскимъ выпили еще по стакану, то сей послѣдній началъ бесѣду съ Траховымъ совершенно какъ съ ровней.

— А въ Москвѣ, ваше превосходительство, нельзя такъ прїятно провести время, какъ въ Парижѣ!— говорилъ онъ.

— Нельзя, — подтвердилъ генераль.

— Припомните Клемансъ!.. Что за прелесть дѣвочка!..

Генераль приподнялъ глаза къ небу, и у него вырвался изъ груди легкій вздохъ.

Чтобы скрыть волнующія его чувствованія, онъ началъ усиленно курить свою дорогую сигару. Жена послѣдній годъ рѣшительно объявила ему, что онъ русскій человекъ и потому долженъ жить въ Россіи. Напрасно генераль жаловался на ожирѣніе сердца, на подагру, Татьяна Васильевна на все отвѣчала ему: «вздоръ ты совсѣмъ здоровъ!» и простымъ механическимъ способомъ не давала генералу денегъ на поѣзду за границу. Ссориться-же съ ней окончательно изъ-за этого генераль не хотѣлъ, да и было бы это для него очень нерасчетливо: оставшись на одномъ жалованьи, хорошо не покушаешь!

Вспомнивъ о заграничной или, правильнѣе сказать, парижской, бульварной жизни и сравнивая ее

съ настоящей своей жизнью, генераль впалъ въ грустное настроеніе духа и, молча прислушиваясь къ своему пищеваренію, продолжалъ сосать сигару, такъ что Янсутскій, не любившій ни на минуту оставаться безъ какой-нибудь дѣятельности, обратился съ разговоромъ къ Долгову.

— Есть что-нибудь интересное въ газетѣ? — спросилъ онъ.

Долговъ чрезвычайно обрадовался его вопросу, рассчитывая поговорить.

— Очень многое! — отвѣчалъ онъ съ повеселѣвшимъ взоромъ: — въ Герцеговинѣ возстаніе; это начинающійся пожаръ!

— Читалъ это возстаніе! — воскликнулъ въ свою очередь Янсутскій, разваливаясь на диванъ: — но только пожара пока еще не видать.

— Пожаръ!.. — повторилъ громогласнымъ голосомъ Долговъ.

— Почему вы такъ увѣрены въ этомъ? — спросилъ его генераль мягко вѣжливымъ теноромъ и въ то же время, наливъ и пододвинувъ Долгову бокаль шампанскаго, присовокупилъ: — неужодно-ли вамъ вина?

— Благодарю! — сказалъ тотъ и залпомъ выпилъ вино, не разбирая даже того, что онъ пьетъ: — съ кѣмъ имѣю я честь говорить? — прибавилъ онъ.

— Я Траховъ, а это господинъ Янсутскій! — отрекомендовалъ генераль.

— А я Долговъ! — воскликнулъ Долговъ, — пожаръ отъ того... — продолжалъ онъ безъ перерыва: — теперь Герцеговина... тамъ Черногорія... Сербія... Румынія!.. словомъ весь славянскій міръ съ Россіей во главѣ

— Но зачѣмъ-же Россіи тутъ ввязываться? — перебилъ его Янсутскій.

— Для того,—закричалъ уже Долговъ:—что это историческое призваніе ея!.. пришло время рѣзко опредѣляющихъ себя народностей: славяне, германцы, романскія племена, англосаксы. Это выдумалъ Наполеонъ III и предугадалъ.

— Чортъ съ нимъ съ его предугадываніемъ!... онъ лучше бы предугадалъ не драться съ нѣмцами, и Франція не поплатилась бы миллиардами... — возразилъ Янсутскій.

— Я самъ Наполеона всегда ненавидѣлъ и говорилъ, что онъ ничтожество, что въ немъ капли нѣтъ крови Наполеона перваго, но въ этомъ онъ правъ: Россія должна обособить славянскій міръ, — кричалъ Долговъ.

— Позвольте-съ! — тоже воскликнулъ не тише его Янсутскій:—какую-же выгоду Россія получитъ черезъ это?

— Выгоду торжества духа!—воскликнулъ Долговъ.

— Это вѣрно! — поддакнулъ ему генераль.

— Но еще восторжествуемъ-ли мы?.. Бабушка на двое сказала: либо дождикъ, либо снѣгъ, либо будетъ, либо нѣтъ!..—не уступалъ Янсутскій.

— Восторжествуемъ!.. Турція гнилой, разлагающійся трупъ!.. страна невѣжества... деспотизма... страна узаконеннаго распутства!—валялъ на всѣхъ парахъ Долговъ.

— А мнѣ такъ это узаконенное распутство очень нравится,—подзадоривалъ его Янсутскій:—а вы какъ ваше превосходительство, полагаете? — отнесся онъ къ генералу.

Тому не совсѣмъ понравился этотъ вопросъ.

— Полагаю, что многоженство есть одно изъ величайшихъ золъ Турціи, — проговорилъ онъ явно недовольнымъ тономъ.

— Но почему, я не вижу! — воскликнулъ Янсугскій.

— Да потому, — старался придумать генераль: — что оно отнимаетъ у турокъ время, расслабляетъ ихъ умственные способности, наконецъ беспокоитъ ихъ этими каждодневными, вѣроятно, ссорами въ сералѣ между женами.

— Армія турецкая голодна, не обута, не одѣта... солдаты ихъ возбуждаются только опіумомъ и водкой, а въ душѣ они всё трусь на трусь, хвастунъ на хвастунѣ!.. — кричалъ между тѣмъ Долговъ, неслышавшій даже разговора своихъ себе сѣдниковъ, какъ совершенно невходящаго въ кругозоръ его собственныхъ мыслей.

— Это неправда!.. совершенная неправда!.. — началъ ужь покрикивать и генераль: — я съ турками самъ въ севастопольскую компанію дрался; это храбрѣйшіе солдаты!..

— То было прежде, а теперь въ Турціи все деморализовано и все расшатано! — не унимался Долговъ.

— Но откуда вы это знаете?.. Вы были въ Турціи!.. путешествовали тамъ? — допрашивалъ его Янсугскій.

«Быль!..» чуть было не хватилъ Долговъ, но удержался...

— Я не былъ тамъ, но я читалъ это и слышалъ отъ множества достовѣрныхъ людей! — сказалъ онъ.

— Ну-съ, а я былъ въ славянскихъ земляхъ и въ Турціи, и скажу вамъ достовѣрнѣе вашихъ достовѣрныхъ людей, что турки честный народъ, а славяне, по большей части, плутишки.

У Долгова отъ послѣдней фразы Янсутскаго глосъ даже перехватило.

— Нѣтъ, вы не были тамъ!.. вы это врите! — произнесъ онъ совершенно низовой октавой.

Янсутскій, дѣйствительно, вралъ: онъ не былъ въ Турціи и только однажды проѣхалъ по желѣзной дорогѣ славянскія земли и то ночью.

— Вру не я, а вы врите!.. — говорилъ онъ, уже вставая и озлобленно засмѣявшись.

Генералу все болѣе и болѣе начинала становиться непріятною эта сцена: онъ ожидалъ, что, чего добраго, спорящіе договорятся до дуэли.

— До свиданія, ваше превосходительство! — сказалъ ему Янсутскій фамиліарно.

— Прощайте!.. — отвѣтилъ генералъ и въ протянутую руку Янсутскаго положилъ только два пальца.

Съ Долговымъ Янсутскій совершенно не поклонился и ушелъ.

— Всѣхъ этихъ раціональняковъ и близорукихъ консерваторовъ народъ русскій долженъ былъ бы разтерзать на части! — вскрикнулъ ему вслѣдъ Долговъ.

Генералъ усмѣхнулся: хоть все говоримое Долговымъ было совершенно то же самое, что говорила и Татьяна Васильевна, чего генералъ, какъ мы знаемъ, переносить равнодушно не могъ, тѣмъ не менѣе Долговъ ему понравился; онъ показался генералу поэтомъ, человѣкомъ съ поэтической душой.

— Когда жена переѣдетъ въ Москву, я попрошу

васъ познакомиться съ ней: она очень рада будетъ съ вами побесѣдовать!—сказалъ онъ ему.

— Благодарю... непременно!..—отвѣчалъ Долговъ. Генеральъ поднялся, чтобы уѣхать.

Долговъ проводилъ его до передней.

— Au revoir!..—протился съ нимъ генеральъ, привѣтливо кивнувъ головою.

— Я явлюсь къ вашей супругѣ! — повторилъ еще разъ Долговъ, не спросивъ даже, когда супруга генерала переѣдетъ въ Москву и гдѣ она будетъ жить; а затѣмъ онъ пошелъ бродить по заламъ клуба, высматривая себѣ кого-нибудь въ слушатели.

V.

Траховъ прямо изъ Англійскаго клуба проѣхалъ къ Бѣгушеву. Прокофій, отворившій ему дверь, обрадовался генералу. Онъ любилъ, когда барина его посѣщали знатныя особы.

— Дома?..—спросилъ Траховъ.

— У себя-съ... пожалуйста!..—поспѣшно отвѣтилъ Прокофій.

Генеральъ пошелъ было.

— У насъ-же живетъ и Аделаида Ивановна,—счелъ за нужное присовокупить Прокофій.

— Ахъ, я очень радъ, что увижу кузину,—говорилъ генеральъ, идя въ знакомую ему диванную. Бѣгушева онъ засталъ играющимъ въ шахматы съ графомъ Хвостиковымъ, который, какъ и на желѣзной дорогѣ, хотѣлъ было удрать, увиданъ Трахова; но

удержался, тѣмъ болѣе, что генераль, поздоровавшись или, лучше сказать, расцѣловавшись съ Бѣгушевымъ, поклонился и графу довольно вѣжливо. Графъ съ своей стороны тоже отвѣтилъ ему, съ сохраненіемъ собственнаго достоинства, почтительнымъ поклономъ.

Всѣ усѣлись.

— А съ вами, кузень, живетъ и кузина Аделаида Ивановна?—сказалъ генераль Бѣгушеву.

— Со мной!..—проговорилъ тотъ.

— Но какъ ея здоровье?

— Такъ себѣ, ничего!.. скрипитъ.

— Мы нынче всѣ скрипимъ кое-какъ!..—произнесъ генераль, проведя рукой по животу своему и при этомъ парижскіе бульвары припомнились ему во всей своей прелести.

— Именно всѣ скрипимъ!.. — подтвердилъ графъ Хвостиковъ, не могшій удержаться, чтобы не заговорить съ Траховымъ; а потомъ, говоря правду, онъ и скрипѣлъ болѣе, чѣмъ кто-либо: денежные обстоятельства его были болѣе даже обыкновеннаго плохи; изданіе газеты съ Долговымъ окончательно не удалось; та газета, гдѣ онъ фельетонствовалъ, отказала ему за то, что онъ очень сильно нагаль въ одномъ изъ фельетоновъ, и его даже тянули въ судъ за оскорбленіе.

— Какъ поживаетъ ваша жена? — спросилъ Бѣгушевъ, чтобы о чемъ-нибудь заговорить съ кузеномъ.

— Благодарю!..—отвѣчалъ генераль: — она нынѣшнюю зиму думаетъ мѣсяца на два, на три совсемъ переѣхать въ Москву.

— Это ради чего?—воскликнулъ Бѣгушевъ.

— Ради того, что она въ Петербургѣ очень скучаетъ!.. Ей тамъ дышать нравственно нечѣмъ! — объяснилъ генералъ.

— А Тюменевъ опять сталъ бывать у васъ?—проговорилъ Бѣгушевъ съ нѣкоторой насмѣшкой.

— Рѣдко!.. камешекъ раздора съ той и другой стороны брошенъ.

— Чѣмъ-же въ Москвѣ будетъ нравственно жить Татьяна Васильевна? — пожелалъ узнать Бѣгушевъ.

— Тѣмъ, чему я сейчасъ былъ свидѣтелемъ въ Англійскомъ клубѣ: тутъ такой горячій споръ шелъ о славянахъ и о Турціи, а теперь въ этомъ, какъ выражается Татьяна Васильевна, вся поэзія ея жизни...

— Между кѣмъ былъ споръ?.. — полюбопытствовалъ уже графъ Хвостиковъ.

— Между Янсутскимъ и Долговымъ!

— Долговъ, конечно, былъ за славянъ?—подхватилъ графъ.

— Долговъ за славянъ, а Янсутскій за турокъ! Графъ Хвостиковъ пожалъ плечами.

— Только такой человекъ, какъ Янсутскій, можетъ быть за турокъ,—сказалъ онъ.

— Это тоже въ какомъ смыслѣ, — замѣтилъ генералъ:—Долговъ говоритъ, напримѣръ, что турки трусы; это вздоръ, а Янсутскій увѣряетъ, что славяне плуты...

— Охота вамъ повторять, что говорятъ Янсутскіе да и Долговъ, пожалуй!—произнесъ съ досадою Бѣгушевъ.

— Это такъ: сегодня я убѣдился вполне, что

Янсутскій болтунъ и сплетникъ большой... Про эту бывшую madame Олухову онъ такихъ мнѣ невѣроятныхъ вещей насказалъ... — говорилъ генераль.

При имени Олуховой Бѣгушевъ немного вспыхнулъ.

— Какихъ же именно невѣроятныхъ? — спросилъ графъ Хвостиковъ.

— Онъ утверждалъ, что она должна разориться совершенно: она тамъ... я не понялъ даже хорошенько... приняла какое-то наслѣдство послѣ мужа, а тотъ банкротъ, и ей придется отвѣчать за его долги.

Графъ Хвостиковъ хотѣлъ было что-то такое возразить генералу; но въ это время по дому раздалось бѣганье, затѣмъ шлепанье башмаковъ и въ заключеніе лай покрайней мѣрѣ пяти собачьихъ голосковъ.

— Qu'est ce que cela?—сказалъ генераль.

— Это сестра пріѣхала съ своими собаками изъ старушечьяго маскарада,—отвѣчалъ Бѣгушевъ.

— А, понимаю! — произнесъ генераль: — милая Аделаида Ивановна до сихъ поръ не утратила своей страсти къ собакамъ?

— За неимѣніемъ другихъ страстей хранить пока эту!..—сказалъ Бѣгушевъ.

Вскорѣ въ диванную предстала Маремьяша, красная, пылающая и издающая изъ себя легкій паръ, пропитанный запахомъ березовыхъ вѣтчиковъ. Она доложила, что Аделаида Ивановна, узнавъ, что у Александра Ивановича кузень ихъ, генераль Траховъ, умоляетъ его придти къ ней, чтобы поскорѣй на него взглянуть.

Генераль на это приглашеніе немедля отправился въ сопровожденіи Маремьяши въ отдѣленіи Аделаиды Ивановны, которое, чѣмъ долѣе жила въ немъ старушка, все болѣе и болѣе принимало оригинальный или почти историческій характеръ: оно состояло изъ маленькаго, крытаго шатромъ и освѣщаемаго цвѣтнымъ фонаремъ прохода; потомъ очень большой комнаты, изъ которой одна дверь, краснаго дерева, вела въ спальню Аделаиды Ивановны, а другая, совершенно ей подобная, прикрывала собой шкафъ, хранящій маленькую библіотеку mademoiselle Бѣгушевой. Библіотека эта исключительно состояла изъ книгъ духовнаго содержанія и изъ множества альбомовъ, въ которыхъ были и стихи, и проза, и наклеенные засохшіе цвѣтки, и рисунки акварелью, карандашомъ, перомъ. Мебель вся была во вкусъ ренессансъ и довольно покойная. Запахъ одеколона наполнялъ всю комнату. Стѣны почти сплошь были увѣшаны картинами въ потускнѣлыхъ, золотыхъ рамахъ. Прежде всего кидался въ глаза огромный портретъ покойной Императрицы Маріи Феодоровны, когда-то изъ своихъ рукъ возложившей на Аделаиду Ивановну, при выпускѣ ея изъ Смольнаго монастыря, шифръ первой ученицы. Далѣе тоже довольно большой портретъ суроваго на видъ старика въ генеральскомъ, екатерининскихъ временъ, мундирѣ, съ подзорной трубкой въ рукѣ и съ развернутою передъ нимъ картою; это былъ прадѣдъ Бѣгушевыхъ. Направо отъ него висѣлъ портретъ матери Аделаиды Ивановны, дамы съ необыкновенно нѣжнымъ цвѣтомъ лица и съ буклями на вискахъ, а налѣво головка совершенно ангело-подобной дѣвочки; то была сестра

Аделаиды Ивановны, умершая въ дѣтствѣ. Надъ диваномъ, на которомъ старушка, по преимуществу, сидѣла, красовался, почти въ натуральную величину, фотографическій снимокъ Александра Ивановича, очень похожій на него, но въ то же время весь какой-то черный, а также виднѣлись зимній, русскій пейзажъ, изображающій, какъ отецъ Бѣгушева, окруженный крѣпостными охотниками, принималъ медвѣди на рогатину, и другой, уже лѣтній пейзажъ, представляющій ихъ главную, родовую усадьбу съ садомъ, съ рѣкой, съ мельницей и церковью вдали. Все это Аделаида Ивановна отчасти привезла съ собой, а частію собрала изъ другихъ комнатъ братнииа дома. Кромѣ картинъ она перетащила къ себѣ много и другихъ вещей, дорогихъ ей по воспомина-ніямъ; такъ, на примѣръ: на подзеркальномъ столикѣ, выложенномъ бронзою, помѣщались у нея стариннѣйшіе сфероидальной формы часы съ стоящимъ надъ ними Сатурномъ, подъ ногами котораго качался маятникъ; нѣсколько выступовъ изразцовой печи были уставлены фарфоровыми куколками пастушковъ, пастушекъ, французскаго гренадера, опирающагося на ружье, босоногаго францисканца и даже русскаго мужичка съ балалайкой въ рукѣ.

При появленіи генерала проишошелъ весьма пустой случай, но который ужасно сконфузилъ Аделаиду Ивановну: едва только Траховъ переступилъ порогъ, какъ сидѣвшій въ клѣткѣ попугай тарарахнулъ яснымъ и отчетливымъ образомъ: «дуракъ!»

Генераль сначала попытился было назадъ; но потомъ сообразилъ:

— Это вашъ попка такъ меня привѣтствуетъ,— сказалъ онъ.

— Ахъ, онъ пренесносный; я велю скоро его продать,— говорила Аделаида Ивановна, незнавшая, что дѣлать и куда глядѣть.

«Дуракъ!» повторилъ еще разъ попугай, когда хозяйка и гость уже усѣлись.

Мареньяша, чтобы заставить замолчать глупую птицу, поспѣшила накинуть покрывку на клетку попугая.

— Извините меня, мой другъ, хоть вы и видите, какая я,—говорила Аделаида Ивановна, собравшаяся нѣсколько съ духомъ и показывая на себя: она дѣйствительно была въ спальномъ капотѣ, ночномъ чепцѣ и пылала не меньше своей горничной: — но мнѣ такъ хотѣлось васъ видѣть, — проговорила она.

— И я, кузина, желалъ васъ видѣть!—говорилъ генералъ:—а вы тутъ отлично помѣстились, — при-сокупилъ онъ, невольно обративъ вниманіе на семейно-историческое убранство комнатъ Аделаиды Ивановны.

— Ахъ, какъ отлично, какъ неподобно!..—полу-воскликнула она:—Александръ, вы знаете, онъ хоть и серьезень, но ангелъ доброты!.. Одно, что хвораю я все послѣднее время; брату ужъ и неговорю, а хвораю!

— За-границу-бы вы, кузина, съѣздили и полѣчили тамъ,—посоветовалъ ей генералъ, полагавшій, что какъ только пустятъ челоуѣка за-границу, такъ онъ и выздоровѣетъ непременно, что лично съ генераломъ въ самомъ дѣлѣ и случилось.

— Не на что, cousin, состояніе мое совершенно разстроилось,—отвѣчала Аделаида Ивановна.

— Какимъ образомъ? — спросилъ генералъ съ удивленіемъ.

— Деньги всѣ выпросили у меня мои друзья, а теперь мнѣ и платятъ по немножку!.. — посягчила было свое положеніе Аделаида Ивановна.

— Ничего вамъ, сударыня, не платятъ! — уличила ее Маремьяша, стоявшая около Аделаиды Ивановны и намачивавшая ей, по временамъ, одеколономъ голову.

Генералу немножко не понравилось вмѣшательство въ разговоръ горничной.

— Но кто-жь именно эти друзья ваши?—отнесся онъ къ Аделаидѣ Ивановнѣ.

— Первый князь Мамелюковъ!.. Вы знаете, cousin, какая почти родственная любовь существовала между нашими семействами; я его воспринимала отъ купели, хотя и была еще молоденькой дѣвушкой!.. какъ мнѣ совѣстно тогда было...—И старушка, махнувъ рукой, еще болѣе покраснѣла, а Минодора поспѣшила налить ей на голову цѣлую пригоршню одеколона:—князь мнѣ долженъ сорокъ тысячъ и не платитъ; мнѣ это такъ удивительно!

Генералъ нахмурился.

— И мнѣ тоже: князь богатый человѣкъ!..—проговорилъ онъ.

— Очень богатый!.. Братъ схлопоталъ было чтобы съ князя взыскалъ судъ... каково мнѣ это было, посудите, кузень!.. Князь точно что очень испугался суда и уѣхалъ за границу...

Генералъ продолжалъ быть нахмуреннымъ.

— Все это тѣмъ болѣе непріятно слышать, что князь у меня и служитъ,—проговорилъ онъ...

— О, тогда, cousin, попросите его, чтобы онъ хоть часть мнѣ заплатилъ... vous comprenez, что мнѣ тяжело-же жить все и во всемъ на счетъ брата... Конечно, Александръ ангелъ: онъ мнѣ ни въ чемъ не отказываетъ; но какъ бы то ни было, меня это мучить...

— Je comprends très bien!..—подхватилъ генераль, хорошо вѣдавшій, какъ тяжело иногда бываетъ жить на чужія деньги, даже на деньги жены.

— Я не попрошу князя, а прикажу ему заплатить вамъ!..—заклучилъ онъ рѣшительнымъ тономъ.

— Пожалуйста! — проговорила старушка и затѣмъ сказала своей горничной:—ты, Маремьяша, можешь идти пить чай.

Та не совсѣмъ охотно воспользовалась этимъ разрѣшеніемъ: ее очень интересовалъ начавшійся разговоръ о должникахъ барыни.

— Я нарочно Маремьяшу услала, — продолжала Аделаида Ивановна лукавымъ голосомъ: — она и братъ Александръ непременно хотятъ посадить князя въ тюрьму... Вы его поцугайте, что вотъ что ему угрожаетъ... Пусть бы онъ хоть часть мнѣ уплатилъ, а остальное я подожду.

— Напишу и непременно заставлю его заплатить вамъ!—повторилъ генераль. По натурѣ своей онъ былъ очень услужливый человекъ и стремился каждому сдѣлать пріятное; но только въ результатѣ у него почти всегда выходило, что онъ никому ничего не дѣлалъ.

— Я вамъ, cousin, признаюсь, еще въ одномъ,—

пустилась въ откровенности Аделаида Ивановна:— мнѣ тоже должна довольно порядочную сумму сотоварка моя по Смольному монастырю, сенаторша Круглова: она сначала заплатила мнѣ всего сто рублей!.. Меня это натурально нѣсколько огорчило... Послѣ того она сама приѣхала ко мнѣ больная, расплакалась и привезла въ уплату триста рублей, умоляя отсрочить ей прочій долгъ на пять лѣтъ, я и отсрочила!..—Проговоря послѣднія слова, старушка грустно разсмѣялась.

— Это напрасно!.. напрасно! — замѣтилъ ей генераль.

— Теперь ужъ и сама каюсь, но чтожь дѣлать?— продолжала Аделаида Ивановна: — только вы, Бога ради, не скажите объ этомъ нашемъ разговорѣ брату: это его очень разсердить и обезпокоить.

— Для чего-жь я ему стану говорить!— произнесъ генераль, уже слегка позѣвнувъ отъ бесѣды съ кузиной, и затѣмъ, распрощавшись съ ней, возвратился къ Бѣгушеву. Тамъ онъ нашелъ бутылку шампанскаго и вазу съ грушами-дюшесъ: Бѣгушевъ зналъ, чѣмъ угощать кузена!

— Ваше превосходительство, вы, какъ европеецъ, конечно, не пьете чаю,—сказалъ онъ.

— Терпѣть его не могу,—отвѣчалъ Траховъ.

— А потому, неудобно-ли вамъ сего благороднаго напитка,— продолжалъ Бѣгушевъ, наливая стоявшіе на столѣ три стакана.

— Сегодня я много пилъ! — отпѣкивался было сначала генераль, но потомъ жадно и залпомъ выпилъ весь стаканъ; графъ Хвостиковъ и Бѣгушевъ также послѣдовали его примѣру. Снова повторено

было наполненіе стакановъ и такимъ образомъ бутылки какъ-бы не бывало. Хозяинъ велѣлъ подать новую. Траховъ, попробовавъ груши, воскликнулъ:

— Хотъ бы въ Парижѣ такія груши!

— Въ Парижѣ нѣтъ такихъ, — подхватилъ Хвостиковъ.

Выпитая затѣмъ еще бутылка окончательно воодушевила бесѣдующихъ.

— Знаете, cousin, — началъ вдругъ генералъ: — если у насъ начнется война, я непременно пойду: мнѣ смертельно надоѣла моя полустатская и полувойенная служба.

— Всѣмъ надобно идти, всѣмъ! — рѣшилъ графъ.

— А вы, cousin, не тряхнете стариною, не пойдете? Вамъ надобно послужить еще отечеству! — продолжалъ генералъ.

— Можетъ быть, пойду, — отвѣчалъ Бѣгушевъ протяжно и какой-то совершенно низовой октавой.

Послѣ того разговоръ перешелъ на скандалезныя анекдоты, которыхъ графъ Хвостиковъ зналъ множество и передавалъ ихъ съ неподражаемымъ искусствомъ. Траховъ хохоталъ до слезъ, Бѣгушевъ тоже посмѣивался, между тѣмъ спрошена была еще бутылка, выпита; словомъ, и старики куликнули порядочно. Траховъ, наконецъ, тяжело поднялся со стула, чтобы ѣхать домой. Графъ Хвостиковъ напросился проводить его и, конечно, провезъ генерала куда-нибудь въ недоброе мѣсто. Бѣгушевъ остался въ грустно-сентиментальномъ настроеніи. Онъ думалъ о Доминѣ Осиповиѣ. «Что если это раззореніе, о которомъ говорили, въ самомъ дѣлѣ постигнетъ ее? Она не перенесетъ этого. Бѣдная, бѣдная»,

разсуждалъ Бѣгушевъ и какъ ему досадно было, что онъ, подъ вліяніемъ чисто каприза, разошелся съ ней и тѣмъ погубилъ ее и себя!.. Закравшаяся мысль идти на войну, буде она разгорится, стала ему казаться единственнымъ исходомъ изъ своего мучительнаго и безцѣльнаго существованія.

Графъ Хвостиковъ, возвратившійся домой почти на утрѣ, тоже думалъ о Домнѣ Осиповнѣ, но только совершенно противоположное; ему нетерпѣливо хотѣлось передать ей, что благовѣстилъ про ея дѣла Янсутскій. Желаніе это онъ исполнилъ на слѣдующее утро. Доступъ къ Домнѣ Осиповнѣ, особенно съ тѣхъ поръ какъ она вышла замужъ, сдѣлался еще труднѣе: графа сначала опросилъ швейцаръ и далъ знать звонкомъ о прибывшемъ гостѣ на верхъ, оттуда сошедшій лакей тоже опросилъ графа, который на всѣ эти разспросы отвѣчалъ терпѣливо: онъ привыкъ дожидаться въ переднихъ! Извѣщеніе о пріѣздѣ графа пришло въ довольно поэтическую для Домны Осиповны минуту: она сидѣла въ кабинетѣ у мужа на диванѣ, рядомъ съ нимъ и держала его руку въ обѣихъ рукахъ своихъ; взоръ ея дышалъ нѣжностью и томностью. Перехватовъ только-что вернулся съ практики и былъ замѣтно утомленъ.

— Графъ Хвостиковъ? — переспросила гордо Домна Осиповна доложившаго ей лакея.

Тотъ почтительнымъ наклоненіемъ головы подтвердилъ свое донесеніе.

— Пускай войдетъ!.. — сказала почти презрительно Домна Осиповна лакею и, когда тотъ ушелъ, она выпрямилась на диванѣ и приняла величественную позу, а докторъ очень довольный, кажется, что осво-

бодилъ свою руку изъ рукъ супруги, пересѣлъ къ своему письменному столу, уставленному богатыми принадлежностями.

Графъ явился, какъ самый преданнѣйшій и доброжелательствующій другъ дома и принесъ тысячу извиненій, что такъ давно не бывалъ. Хозяева отвѣчали ему улыбками, а Перехватовъ, сверхъ того, пододвинулъ ему слегка стулъ и когда графъ сѣлъ, онъ предложилъ ему изъ своей черепаховой, отдѣланной золотомъ сигарочницы, высокоцѣнную сигару.

— Но не обезпокою-ли я Домны Осиповны? — спросилъ графъ.

— Нѣтъ, я сама курю!.. Jean, дай мнѣ огня! — сказала та нѣжно-повелительно мужу.

Перехватовъ подалъ ей огня, а затѣмъ, закуривъ свою сигару, передалъ спичечницу графу Хвостикову.

Вскорѣ довольно сильный дымъ отъ зажегшихся любимцевъ современнаго человѣчества наполнилъ комнату.

— Вы все еще существуете у Бѣгушева?—спросила Домна Осиповна Хвостикова.

Перехватовъ сдѣлалъ недовольную мину: онъ не любилъ, когда Домна Осиповна по чему-бы то нибыло упоминала имя Бѣгушева. Графъ тоже обидѣлся употребленнымъ ею глаголомъ: *существуете?*

— Съ нимъ живу, — отвѣчалъ онъ, думая про себя: «Погодите, madame, я сейчасъ вамъ поднесу букетъ, не совсѣмъ пріятно для васъ благоухающій!..»

— Онъ, говорятъ, все спитъ теперь, — сказала насмѣшливо Домна Осиповна: ей на дняхъ разсказалъ мужъ, что Бѣгушевъ только и дѣлаетъ, что ѣсть, пьетъ и спитъ

— Ему нѣкогда все спать; у насъ очень много бываетъ...—возразилъ графъ.

— Кто-жь именно?... — спросила величественно Домна Осиповна.

— Многие!—отвѣчалъ графъ, тоже не безъ величія откидываясь на спинку кресель и пуская синеватую струю дыма отъ сигары: — вчера у насъ цѣлый вечеръ сидѣлъ его cousin, генераль Траховъ, который, между прочимъ, разсказалъ, что ему въ клубъ говорили, будто-бы надъ вами по долгамъ покойнаго старика Олухова виситъ банкротство, для чего я и пріѣхалъ къ вамъ, чтобы предупредить васъ... — Последнія слова Хвостиковъ адресовалъ прямо къ Домнѣ Осиповнѣ.

Та первоначально переглянулась съ мужемъ, потомъ засмѣялась.

— Что за пустяки такіе: генераль Траховъ разсказываетъ, что надо мной виситъ банкротство!.. — произнесла она.

Но Перехватовъ не смѣялся; онъ еще за нѣсколько дней передъ тѣмъ слышалъ отъ одной дружественной ему дамы, которую онъ давнымъ-давно лѣчилъ, легкіе намеки на нѣчто подходящее къ этой непріятной новости.

— Интереснѣе всего знать, — продолжала Домна Осиповна, сохраняя со свойственною ей твердостью присутствіе духа:—кто первый выдумалъ и повѣсилъ надо мной банкротство, не Траховъ-же, который меня совершенно не знаетъ?

— Конечно, не Траховъ,—отвѣчалъ Хвостиковъ.

— Можетъ быть, Бѣгушевъ говоритъ это про меня,—продолжала Домна Осиповна.

— Бѣгушевъ не только этого, но и ничего теперь про васъ не говоритъ!—уязвилъ ее графъ Хвостиковъ.

— Въ такомъ случаѣ Янсуетскій! — подхватила Домна Осиповна.

— Вотъ это такъ, отгадали, онъ повѣдалъ объ этомъ Трахову,—подтвердилъ графъ.

Домна Осиповна злобно, но, повидимому, искренно усмѣхнулась; Перехватовъ тоже улыбнулся.

— Теперь это понятно!—произнесли они оба въ одинъ голосъ.

Въ отвѣтъ на это графъ Хвостиковъ имѣлъ въ своемъ лицѣ выраженіе невиннаго агнца, ничего не понимающаго, и, поднеся такимъ образомъ Домнѣ Осиповнѣ букетъ, не совсѣмъ пріятно для нея благоухающій, уѣхалъ!

Супруги, оставшись вдвоемъ, вскорѣ пошли обѣдать. Каждый изъ нихъ старался показать, что новость, сообщенную графомъ Хвостиковымъ, считаетъ за совершеннѣйшій вздоръ; но въ то же время у Домны Осиповны сразу пропала нѣжность и томность во взорѣ; напротивъ: онъ сдѣлался сухъ и черствъ; румяное и почти всегда улыбающееся лицо доктора тоже затуманилось, и за обѣдомъ онъ не такъ много поглотилъ сладкаго, какъ обыкновенно поглащалъ. Вставъ изъ за стола, Перехватовъ велѣлъ закладывать карету, чтобы ѣхать по визитамъ, чего онъ никогда почти не дѣлалъ и выѣзжалъ обыкновенно изъ дому часовъ въ восемь вечера.

— Ты куда такъ рано? — спросила его Домна Осиповна.

— Заѣду въ клубъ, чтобы узнать тамъ, что такое это за болтовня!—сказалъ Перехватовъ.

Домна Осиповна на этотъ разъ не кнюксила и не упрашивала мужа, чтобы онъ посидѣлъ еще съ ней и не спѣшилъ къ своимъ больнымъ.

— Да, повѣжай и узнай, пожалуйста!.. Я предчувствую, что многое тутъ надобно будетъ принять!..—проговорила она.

Докторъ ничего ей не отвѣтилъ и уѣхалъ.

У Домны Осиповны, дѣйствительно, многое тѣснилось въ головѣ: состоянія дѣда она точнымъ образомъ не знала, а слышала только, что онъ очень богатый человѣкъ. Главноуправляющаго по имѣніямъ въ Сибири Домна Осиповна нѣсколькими письмами вызывала къ себѣ, однако тотъ, подъ разными предлогами, не являлся, и очень возможно было, что совсѣмъ не явится къ ней. Послать какого-нибудь адвоката въ Сибирь Домна Осиповна боялась, такъ какъ въ послѣднее время къ ней со всѣхъ сторонъ доходили повѣствованія о томъ, какъ адвокаты обманываютъ своихъ кліентовъ, и особенно женщинъ, что отчасти она испытала и на себѣ, въ лицѣ Грохова. Самой ѣхать въ Сибирь? но ея здоровье, и безъ того уже потрясенное разными житейскими волненіями, пожалуй, не выдержитъ; вромѣ того, Домна Осиповна считала невозможнымъ оставить и мужа, котораго она ревновала, какъ сама выражалась, ко всѣмъ его противнымъ дамамъ.

Вообразивъ все это, Домна Осиповна начала плакать и нисколько не старалась пересилить въ себѣ начинающуюся истерику, что она дѣлала первые мѣсяцы по выходѣ замужъ. Она хотѣла хорошенько напугать мужа, чтобы онъ пріискалъ человѣка, котораго можно было бы отправить въ Сибирь: ему

легче это сдѣлать; у него знакомыхъ пропасть; а то пусть и самъ ѣдетъ въ Сибирь: у него все-таки не будетъ тамъ пациентовъ. Перехватовъ, сидя въ своей щегольской каретѣ, тоже былъ въ весьма безпокойномъ настроеніи духа: «Чортъ знаетъ этихъ купцовъ» размышлялъ онъ: «сегодня у него милліоны, а завтра ничего!» Пріятная перспектива открывалась умственному взору красиваго врача: раззоренная супруга, подержанная, больная, капризная и ревнивая!

VI.

Дня черезъ два, черезъ три, Бѣгушевъ, по обыкновенію, вышелъ довольно рано, изъ дому, чтобы бродить по Москвѣ. Проходя мимо своей приходской церкви, онъ встрѣтилъ выходящаго изъ нея священника, только-что кончившаго обѣдню.

— Здравствуйте! — пробасилъ тотъ, протягивая Бѣгушеву руку.

— Вотъ вы желали помогать бѣднымъ, — продолжалъ священникъ тѣмъ-же басовымъ и монотоннымъ голосомъ:—вчера я ходилъ причащать одну даму... вѣроятно, благороднаго происхожденія и живетъ она, умирающая, безъ всякой помощи и средствъ у поганой некрещеной жидовки.

— А въ какомъ это домѣ?—спросилъ Бѣгушевъ.

— Въ большомъ угольномъ домѣ, противъ части, въ подвальномъ этажѣ.

Бѣгушевъ, поблагодаривъ священника за извѣстіе, прямо отправился въ указанный ему домъ. Онъ очень былъ доволенъ возможности найти существо,

которому приятно будетъ ему помогать. Въ этихъ стремленіяхъ преслѣдовать злыхъ и помогать именно несчастнымъ людямъ въ Бѣгушевѣ отражалось чисто природное ему рыцарство характера: онъ еще въ школьѣ всегда заступался за слабыхъ и смиренныхъ товарищей и тузилъ немилосердно, благодаря своей силѣ и мощности, нахаловъ, буяновъ и подлецовъ: затрещины, которыя онъ имъ задавалъ, носили даже особое названіе: «Бѣгушевская затрещина».

Чтобы пробраться въ подвальный этажъ бѣлаго, угольного дома, надобно было пройти черезъ дворъ, переполненный всякаго рода зловоніями, мусоромъ, грязью и спуститься ступеней десять внизъ, что сдѣлавъ, Бѣгушевъ очутился въ совершенной темнотѣ и, схвативъ наугадъ первую попавшуюся ему подъ руку скобку, дернулъ дверь къ себѣ. Та отворилась, издавъ рѣзкій, дребезжащій звонокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ шлепнулся стоящій у дверей и умѣвшій еще только ходить около стѣнъ, черномазый, курчавый жиденокъ и заревѣлъ благимъ матомъ. Сверхъ того Бѣгушеву невольно, сквозь слабо мерцающій свѣтъ въ комнатѣ, показался лежащій въ углу въ навозной кучѣ маленькій ягненочекъ, приготовляемый, вѣроятно, къ торжеству Агнца Пасхальнаго. На раздавшійся ревъ и звонокъ выскочила тоже курчавая, черно-волосая и грязная жидовка. Схватывая ребенка на руки, она прокричала визгливымъ голосомъ: «кого вамъ надо?»

— У васъ тутъ одна больная дама живетъ?.. Я хочу ее видѣть!

— Она вонъ тутъ, въ этой комнаткѣ лежитъ...— отвѣчала гораздо вѣжливѣй жидовка и зажимая ре-

бенку ротъ, чтобы онъ не орагъ. Не смотря на темноту въ комнатѣ, дочь Израиля разсмотрѣла на Бѣгушевѣ дорогое пальто и поняла тотчасъ, что это, должно быть, важный господинъ.

— Я ужь, сударь, не знаю, что мнѣ съ ней и дѣлать, — продолжала она: — хотъ въ полицію объявлять; живетъ третій мѣсяць, денегъ мнѣ не платитъ... Умретъ, на что мнѣ ее хоронить... Пусть ее берутъ, куда хотятъ!..

— Вамъ все заплатятъ... — сказалъ Бѣгушевъ и подалъ жидовкѣ десять рублей.

Точно кошка рыбью головку подхватила жидовка своими костлявыми пальцами деньги.

— На этомъ, сударь, благодарю васъ покорно! — воскликнула она.

По русски дочь Израиля, какъ мы видимъ, говорила почище любой великорусской торговки: у ней звяканья даже въ произношеніи никакого не чувствовалось.

— Пожалуйте, сударь, вотъ тутъ порожижъ маленькій, не оступитесь!.. — разсыпалась она передъ Бѣгушевымъ, вводя его въ комнату больной жилицы, гдѣ онъ увидѣлъ... чему сначала глазамъ своимъ не повѣрилъ... увидѣлъ, что на худой кроватишкѣ, подъ дырявымъ, изношеннымъ бурнусомъ лежала Елисавета Николаевна Мѣрова; худая она была какъ скелетъ; на лицѣ ея виднѣлось тупое отчаяніе!

— Бѣгушевъ! — воскликнула она, взмахнувъ на него все еще хорошенькіе свои глазки.

— Елисавета Николаевна, давно ли вы въ Москвѣ? — говорилъ тотъ, самъ не сознавая хорошенько, что такое онъ говорилъ.

— Зачѣмъ вы пришли ко мнѣ? зачѣмъ? — спрашивала Мѣрова, горя вся въ лицѣ.

Бѣгушевъ молчалъ.

— А, чтобы посмѣяться надо мной!.. полюбопытствовать въ какомъ я положеніи... написать объ этомъ другу нашему Тюменеву!.. Хорошо, Александръ Ивановичъ, хорошо!.. спасибо вамъ!..—И Мѣрова, упавъ лицомъ на подушку, зарыдала.

У Бѣгушева сердце разрывалось отъ жалости.

— Я пришелъ къ вамъ, чтобы сказать, что отецъ вашъ живетъ у меня!..—проговорилъ онъ, опять-таки не зная, зачѣмъ онъ это говорить.

— Отецъ мой... у васъ?..—спросила Мѣрова, приподнявшись съ подушки.

— У меня съ тѣхъ поръ, какъ вы уѣхали изъ Петербурга.

Мѣрова поникла головой.

— Тюменевъ прогналъ его, я это предчувствовала... — проговорила она.

Бѣгушевъ между тѣмъ сѣлъ на ближайшій къ ней стулъ.

— Вотъ что, голубушка,—началъ онъ и слегка положилъ было свою руку на руку Мѣровой.

— Не дотрогивайтесь до меня!... Это невозможно! — воскликнула она, какъ-бы ужаленная и затрепетавъ всѣмъ тѣломъ.

— Хорошо!.. — проговорилъ Бѣгушевъ, отнимая руку.—Я теперь пойду домой и предувѣдомлю поосторожнѣй вашего отца, и мы перевеземъ васъ на хорошую, удобную квартиру.

Сначала Мѣрова слушала молча и довольно спокойно, но на послѣднихъ словахъ опять встрепенулась.

— Нѣтъ, Бѣгушевъ, не на квартиру, а въ больницу... Я не стою большаго... — произнесла она.

— Если хотите, и въ больницу!—не спорилъ съ ней Бѣгушевъ и поднялся, чтобы поскорѣе возвратиться домой и послать графа къ дочери.

— Вы уже уходите?.. — произнесла Мѣрова, и глаза ея мгновенно, какъ бываетъ это у дѣтей, наполнились слезами. — **Зачѣмъ** же тогда и приходили ко мнѣ?—присовокупила она почти отчаяннымъ голосомъ.

— Я останусь, когда вы желаете этого!..—отвѣчалъ Бѣгушевъ.

— Да...—почти приказала ему Мѣрова.

Не смотря на то, что у Елисаветы Николаевны, за исключеніемъ хорошенькихъ глазокъ и роскошныхъ густыхъ волосъ, никакихъ уже прелестей женскихъ не существовало, но она, полураздѣтая, полуоборванная, произвела сильное раздражающее впечатлѣніе на моего пожилаго героя, и странное дѣло: по своимъ средствамъ Бѣгушевъ, конечно, давно бы могъ половину театральнаго кордебалета побѣдить, однако онъ ни на кого изъ тамошнихъ гурій и не глядѣлъ даже, а на Мѣрову *глядѣлъ*.

— Мильшинской этотъ, помните, — сказала вдругъ она: — въ тюрьмѣ сидитъ!

— За что?

— Укралъ казенныя деньги въ банкѣ. Хорошо, что я тогда, какъ пріѣхала съ нимъ въ Кіевъ, такъ и бросила его; а то сказали бы, что онъ на меня ихъ промоталъ... — проговорила Мѣрова.

Но гдѣ она потомъ жила и вѣроятно съ кѣмъ.

нибудь жила, Бѣгушевѣ старался какъ-бы забыть и не думать объ этомъ.

Елисавета Николаевна отъ напряженія при разговорѣ сильно раскашлялась. Бѣгушевѣ, чтобы не дать ей возможности затруднять себя, началъ самъ ей рассказывать.

— А здѣсь безъ васъ много новостей случилось...

— Какія? — спросила Мѣрова.

— Самая крупная та, что мужъ Домны Осиповны пьяный оборвался съ третьяго этажа изъ окна и расшибся до смерти.

Мѣрова широко раскрыла свои хорошенькіе глазки.

— Для чего онъ оборвался? — спросила она съ удивленіемъ.

— Это его спросить надобно!

— А Домна Осиповна огорчена была этимъ?

— Не знаю, слышала только, что получила отъ него въ наслѣдство все состояніе.

— Ну, да, непременно!.. — подхватила Мѣрова: — она всегда мечтала о томъ, чтобы какъ-нибудь себѣ въ ручку хапъ!.. хапъ!.. Впрочемъ это и лучше!..

Проговоря послѣднія слова, Елисавета Николаевна вдругъ обѣими руками взяла себя за лѣвый бокъ и стала метаться на постели.

— Что такое съ вами? — спросилъ ее испугавшійся Бѣгушевѣ.

— Тутъ очень болитъ, точно ножами рѣжетъ, — отвѣчала она.

— И давно вы чувствуете эту боль?

— Давно, но нынче она сдѣлалась гораздо сильнѣй... Я въ послѣдній годъ вина очень много пила!..

Такое признаніе Елисаветы Николаевны покорило Бѣгушева.

— Но что теперь дѣлаетъ Домна Осипова?—продолжала больная, едва переводя дыханіе.

— Она вышла замужъ за доктора Перехватова,—сказалъ Бѣгушевъ.

Елисавета Николаевна опять приподнялась немного на постели и проговорила:

— Ахъ, она дура этакая, глупѣ меня даже!

— Чтожь тутъ глупаго?—возразилъ Бѣгушевъ:—докторъ молодъ, красивъ, влюбленъ въ нее...

— Нѣтъ, какое красивъ!.. онъ гадокъ!.. онъ кучеръ, форейторъ смазливый... я знала его еще студентомъ, онъ тогда жилъ на содержаніи у одной купчихи и все ѣздилъ на рысакѣ въ двухколескѣ!.. самъ всегда, какъ мужики это дѣлаютъ, правилъ. Мы тогда жили въ Сокольникахъ на дачѣ и очень всѣ надъ нимъ смѣялись!

— Однако вамъ вредно такъ много говорить!—остановилъ ее Бѣгушевъ.

— Вредно! — сказала Елисавета Николаевна замѣтно ослабнувшимъ голосомъ: — душенька, поѣзжайте и пришлите ко мнѣ отца. Мнѣ хочется передъ смертью видѣть его.

— Онъ сейчасъ будетъ у васъ, — отвѣчалъ Бѣгушевъ вставая и, кивнувъ головой Елисаветѣ Николаевнѣ, хотѣлъ было уйти, но она вдругъ почти вскрикнула:

— Нѣтъ, поцѣлуйте меня, поцѣлуйте!

Бѣгушевъ наклонился къ ней и съ искреннимъ удовольствіемъ поцѣловалъ ее, но на концѣ поцѣлуя Елисавета Николаевна спльно оттолкнула его отъ себя.

— Ну, будетъ! не цѣлуйте больше, это нельзя...— говорила она и опять затрепетала всѣмъ тѣломъ.

Въ темной передней Бѣгушева, при его уходѣ, встрѣтила жидовка.

— Что это такое? — спросилъ онъ, когда она совала ему въ руку какую-то бумажку.

— Счетъ на Елисавету Николаевну! Я тутъ копейки лишней не приписала, — говорила жидовка, слышавшая изъ сосѣдней комнатки, какъ ласково и почтительно обращался этотъ знатный господинъ съ ея нищей постоялкой.

Бѣгушевъ взялъ у нея счетъ. Впродолженіе всего пути до дому лицо его отражало удовольствіе; тысячи самыхъ отраднѣхъ плановъ проходили въ его сѣдловасой головѣ: онъ мечталъ, что какъ только Елисавета Николаевна поправится нѣсколько въ своемъ здоровьѣ, онъ увезетъ ее за границу, въ Италію. Бѣгушевъ самъ лично былъ свидѣтелемъ невѣроятныхъ излѣченій отъ чахотки въ тамошнемъ климатѣ. Елисавета Николаевна молода еще и впала въ болѣзнь свою чисто отъ внѣшнихъ причинъ. Къ этимъ планамъ присоединилась уже... мнѣ совѣстно даже предавать разсудительнымъ и благоразумнымъ читателямъ, присоединилась мысль жениться на Елисаветѣ Николаевнѣ. Не смотря на то, что онъ зналъ про нее и то, чего еще не зналъ, но что вѣроятно существовало, она, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту, казалась ему безконечно выше Домны Осиповны и даже Натальи Сергѣевны. Тѣ обѣ были слишкомъ русскія женщины, очень апатичны, тогда какъ Мѣрова — вся энергія, вся импульсъ! Тюменевъ спра-

ведливо думалъ, что Бѣгушевъ останется до конца дней своихъ мечтателемъ и утопистомъ.

Придя домой, герой мой направился на верхъ къ графу Хвостикову, который въ это время, приготовляясь сойдти къ обѣду, сидѣлъ передъ зеркаломъ и брился.

Увидѣвъ Бѣгушева, Хвостиковъ исполнился удивленія. Тотъ въ первый еще разъ удостоилъ посѣтить его комнату.

— Александръ Ивановичъ! — воскликнулъ онъ, спѣша обтереть со щеки мыло.

Бѣгушевъ, не снимая ни пальто, ни шляпы, сѣлъ на стулъ.

— Я вамъ принесъ довольно пріятную новость:— я встрѣтилъ вашу дочь, Елисавету Николаевну.

— Гдѣ? — спросилъ графъ и чуть не выронилъ бритвы изъ рукъ: видимо, что это извѣстіе болѣе испугало его, чѣмъ обрадовало.

— Она живетъ тутъ недалеко... въ домѣ Хворостова, въ подвальномъ этажѣ и очень больна. Вотъ вамъ деньги на уплату ея долга хозяйкѣ; возьмите мою карету и перевезите ее въ самую лучшую больницу, — продолжалъ Бѣгушевъ и подалъ графу и деньги, и счетъ.

— Благодарѣтель всей нашей семьи!.. — воскликнулъ графъ Хвостиковъ вскакивая и хотѣлъ было обнять Бѣгушева.

— Пожалуйста, безъ нѣжностей и чувствительностей,—произнесъ тотъ, отстраняя графа рукою:— а, гораздо лучше, поѣзжайте сейчасъ въ моей каретѣ и исполняйте то, что я вамъ сказалъ.

— Конечно!.. конечно!.. — Согласился графъ и,

когда Бѣгушевъ отъ него ушелъ отъ него, онъ, на- скоро собравшись и одѣвшись, сошелъ внизъ, гдѣ впрочемъ, увидавъ приготовленные блага къ обѣду, не могъ удержаться, и, выпивъ залпомъ двѣ рюмки водки, закусилъ ихъ огромными кусками икры и сыру, захвативъ потомъ съ собою около пятка пирожковъ, отправился. Графъ очень ясно сообразилъ, что матеріальную сторону существованія его дочери Бѣгушевъ обезпечитъ, слѣдовательно, въ этомъ отношеніи нечего много беспокоиться; что касается до болѣзни Елисаветы Николаевны, такъ тутъ чтожъ, ничего не подѣлаешь, воля Божья! Но какъ бы то ни было, при встрѣчѣ съ ней, онъ рѣшился разыграть сцену истерзаннаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и обрадованнаго отца, нашедшаго нечаянно дочь свою.

Вѣхавъ съ большимъ трудомъ въ каретѣ на дворъ дома Хворостова, графъ, отъ кинувшагося ему въ носъ зловонія, поморщился: ему, конечно, случилось живать въ отвратительныхъ дворахъ, однако на такомъ еще не приходилось! Найдя, какъ и Бѣгушевъ, случайно дверь въ подвальный этажъ, Хвостиковъ отмахнулъ ее съ тѣмъ, чтобы съ сценически-драматическою поспѣшностью войти къ дочери; но сдѣлать это отчасти помѣшалъ ему лежащій въ передней ягненокъ, который, при появленіи графа, почему-то испугался и бросился ему прямо подъ ноги. Графъ, вообразивъ, что это собачонка, толкнулъ ягненка въ бокъ, такъ что бѣдняга взлетѣлъ на воздухъ, не произведя, по своей овечьей кротости, ни какого даже жалобнаго звука.

Графъ проникъ наконецъ въ комнату дочери и,

прямо бросившись къ ней, заключилъ ее въ свои объятія.

— Дочь моя!... дочь моя!.. — воскликнулъ онъ фальшиво трагическимъ голосомъ, но, разсмотрѣвъ наконецъ, что Елисавета Николаевна болѣе походила на трупъ, чѣмъ на живое существо, присовокупилъ искренно и съ настоящими слезами: — Лиза, другъ мой, что такое съ тобою? Что такое?

Мѣрова, закрывъ себѣ лицо рукою, рыдала.

— Сейчасъ въ карету!.. Я пріѣхалъ за тобой въ каретѣ!.. одѣвайся, сокровище мое!.. — говорилъ графъ, подсобляя дочери приподняться съ постели.

Когда Елисавета Николаевна съ большимъ усиліемъ встала на ноги, то оказалось, что вмѣсто башмаковъ на ней были какіе-то опорки, платьишко она вынула изъ подъ себя: оно служило ей вмѣсто простыни, но по покрою своему всетаки было щеголеватое.

— Какое у тебя платье ужасное; тебѣ всего прежде надобно сшить платье, — говорилъ графъ.

— Я, какъ переѣхала сюда, все заложила и продала, — произнесла Елисавета Николаевна, торопливо судорожно застегивая небольшое число переломленныхъ пуговицъ, оставшихся на лифѣ.

— Но что же сверху? — спросилъ графъ.

Елисавета Николаевна показала на свой худой бурнусишко, сшитый изъ легенькаго лѣтняго трико, а на дворѣ между тѣмъ было сыро и холодно.

— Это невозможно! — воскликнулъ графъ и на дѣлъ на дочь сверхъ платья, валявшійся на полу ея утренній капоть, обернулъ ее во все, какія только нашелъ въ комнатѣ тряпки, завязалъ ей шею своимъ

носовымъ платкомъ и, укутавъ такимъ образомъ, повелъ въ карету. Вдругъ выскочила жидовка.

— А что же деньги?—взвизгнула она.

— Заплатятъ! — отвѣчалъ ей графъ, не переставая вести дочь.

— Да когда же заплатятъ? — визжала жидовка.

— Когда захочу! — отвѣтилъ графъ, неторопливо усаживая дочь въ карету.

— Карауль!.. — закричала жидовка.

Разгребавшій грязь дворникъ разсмѣялся при этомъ.

— Вотъ тебѣ твой счетъ и твои деньги! — сказалъ графъ Хвостиковъ, сѣвъ уже въ карету и подавая жидовкѣ то и другое.

Она обмерла: графъ выдалъ только ей двадцать-пять рублей, вмѣсто полутораста, которые жидовка поставила въ счетѣ.

— Что же это такое? — произнесла она съ пѣной у рта.

— А то,—возразилъ ей Хвостиковъ:—что я еще въ Вильнѣ, когда былъ гусаромъ, на вашей братьѣ переѣзжалъ черезъ грязь по улицѣ.

— Заплати ей, папа, заплати!.. — воскликнула дочь и, вырвавъ у отца изъ рукъ еще двадцати-пяти рублевую бумажку, бросила ее жидовкѣ. Та подхватила ассигнацію на лету.

— Пошелъ! — крикнулъ графъ кучеру.

Тотъ, съ отвращеніемъ смотрѣвшій на грязную, растрепанную и вѣдьмѣ - подобную жидовку и на ея безобразныхъ, полунагихъ жиденятъ, выскочившихъ изъ своей подвальной берлоги въ количествѣ трехъ, четырехъ существъ, съ удовольствіемъ и быстро тронулъ лошадей.

Жидовка, все еще оставшаяся недовольная платой, схватилась было за рессору, но споткнулась и упала.

Разгребавшій грязь дворникъ снова засмѣялся. Жидовка, поднявшись на ноги, кинулась на него.

— Ты для чего отпустилъ? для чего?.. — визжала она.

— Отвяжись... — отвѣчалъ ей дворникъ.

— Я не отвяжусь... вотъ что?... не отвяжусь!.. наступала на него жидовка.

— А я тѣ лопатой по рождѣ съѣзжу! — возразилъ ей дворникъ, показывая, въ самомъ дѣлѣ, лопату: — ты не держи въ квартирѣ всякой сволочи; а то у тебя, что ни день, то новая прописка жильцовъ.

— Это не сволочь, а благородная дама; ты не ври этого... да!.. не ври!.. — говорила жидовка, спускаясь уже въ свой подвалъ.

Она сообразила, что ей лучше всего отыскать того господина, который первый къ ней приходилъ, и котораго она, сколько ей помнилось, видѣла разъ выходящимъ изъ одного большаго дома на дворъ, гдѣ онъ вѣроятно и жилъ. Жидовка рѣшилась отправиться въ этотъ домъ.

Когда графъ Хвостиковъ проѣзжалъ съ дочерью по театральной площади мимо дома Челышева, Елисавета Николаевна вдругъ закрыла себѣ лицо рукою и зарыдала.

— Лиза, о чемъ это? — спросилъ графъ.

— Я тутъ въ этомъ домѣ и погибла совсѣмъ, папа!.. — отвѣчала она, показывая на ту часть дома, которая прилежала къ Кремлевской стѣнѣ.

Графъ не разспрашивалъ болѣе; онъ хорошо понималъ, что хотѣла сказать дочь.

На одной изъ значительныхъ улицъ, передъ довольно большимъ каменнымъ домомъ графъ велѣлъ экипажу остановиться: тутъ жилъ попечитель той больницы, въ которую онъ вознамѣрился помѣстить дочь. Сказавъ ей, чтобы она сидѣла спокойно, графъ вошелъ въ переднюю попечителя и приказалъ стоявшему тамъ швейцару доложить господамъ, что пріѣхалъ графъ Хвостиковъ *по вопросу о жизни и смерти*. Швейцаръ или, говоря точнѣе, переодѣтый больничный сторожъ, хоть господа и кушали, пошелъ и отрапортовалъ, что пріѣхалъ какой-то графъ просить о чемъ-то!.. Старикъ попечитель, совсѣмъ дряхлый, больной и вздрогнувшій при печальномъ появленіи швейцара, вмѣсто того, чтобы ложкою, которою онъ ѣлъ супъ, попасть въ ротъ, ткнулъ ею себѣ въ глазъ и облилъ все лицо свое.

— Ахъ, Жоржъ, какъ ты всегда неостороженъ!— воскликнула супруга попечителя, очень еще бодрая и свѣжая старуха и проворно вставъ со стула, начала мужа обтирать салфеткой. — Пригласи графа, — прибавила она затѣмъ швейцару.

Графъ Хвостиковъ, войдя, прямо обратился къ ней.

— Madame! вы какъ женщина, лучше поймете меня, чѣмъ вашъ мужъ! — произнесъ онъ.

Мужъ, дѣйствительно, врядъ ли что могъ понять: все его стараніе было устремлено на то, чтобы какъ нибудь удержать свою голову въ покоѣ и не дать ей черезчуръ трястись.

— Къ вашимъ услугамъ, monsieur le comte!— отвѣчала попечительша: — неугодно ли вамъ по-

жаловать въ гостиную и объяснить мнѣ, въ чемъ дѣло.

Графъ послѣдовалъ за нею.

— Madame! — началъ онъ своимъ трагическимъ тономъ: — я потерялъ было дочь; но теперь нашелъ ее; она больна и умираетъ... нанять мнѣ ей квартиру не на что... и нищій... Я молю васъ дать моей дочери помѣщеніе въ вашей больницѣ. Александръ Ивановичъ Бѣгушевъ, благодѣтель нашей семьи, заплатитъ за все!

— Ахъ, cher comte, стоило ли такъ беспокоиться и просить меня; я сейчасъ же напишу предписаніе смотрителю! — проговорила попечительша и, написавъ предписаніе на бланкѣ, отнесла его къ мужу своему скрѣпить подписью. Вѣтхій деньми попечитель началъ вараксать по бумагѣ перомъ и вмѣсто буквъ ставить какія-то палочки и каракульки, которыя попечительша своей рукой передѣлала въ нужныя буквы и, прибавивъ на верху предписанія: *къ немедленному и точному исполненію*, передала его графу. Она давно уже и съ большимъ успѣхомъ заправляла всей больницей.

Вооружившись этой бумагой, графъ Хвостиковъ прибылъ въ пріютъ немощствующихъ съ большимъ апломбомъ. Онъ велѣлъ позвать къ себѣ смотрителя, замѣтилъ тому, что тотъ черезъ-чуръ долго не являлся, и, наконецъ объявивъ, что онъ графъ Хвостиковъ, отдалъ предписаніе попечителя.

Такой пріемъ графа и самая бумага сильно пугнули смотрителя: онъ немедленно очистилъ лучшую комнату, согналъ до пяти сидѣлокъ, которыя раздѣли и уложили больную въ постель. А о томъ,

чѣмъ собственно дочь больна и въ какой мѣрѣ опасна ея болѣзнь, графъ даже забылъ и спросить уже вызваннаго съ квартиры и осмотрѣвшаго ее дежурнаго врача, но какъ бы то ни было, графъ, полагая, что имъ исполнено все, что надлежало, и очень обрадованный, что дочь начала немного дремать, поцѣловалъ ее, перекрестилъ и уѣхалъ.

Чтобы вознаградить себя за свои родительскіе труды, онъ завернулъ въ первый попавшійся ему на пути хорошій ресторанъ, гдѣ наскочилъ на со-всѣмъ пьянаго Янсутскаго.

Графъ первоначально не поклонился ему и скромно спросилъ себѣ заурядный обѣдъ съ полбутылкой краснаго вина, но Янсутскій, надоѣвшій своей болтовней всей прислугѣ, самъ подошелъ къ графу.

— Что вы на меня дуетесь?... за что?.. — сказалъ онъ.

— Вы знаете, за что!.. — отвѣчалъ ему съ ударе-ніемъ Хвостиковъ.

— Э, повѣрьте, на свѣтѣ все тринь-трава! — произнесъ Янсутскій, усаживаясь около графа:—вы-иѣмте лучше!.. Шампанскаго!.. — крикнулъ онъ.

Графъ, подобно генералу Трахову, очень любилъ шампанское и не могъ отъ него отказаться; усталый и мучимый жаждой, онъ съ величайшимъ наслажде-ніемъ выпилъ стаканъ шампанскаго, два, три.

— А гдѣ Лиза теперь? — спросилъ вдругъ Янсутскій, наклонившись немного къ графу.

— Она въ больницѣ и умираетъ, — отвѣчалъ тотъ мрачнымъ голосомъ.

— Эхъ, обидно, чортъ возьми! — воскликнулъ Янсутскій и схватилъ себя за небольшое число остав-

шихся волосъ на годовѣ. — Отдайте мнѣ ее опять: она у меня опять будетъ здорова, — прибавилъ онъ.

— Ни за что, никогда!.. — сказалъ рѣшительно и съ благородствомъ графъ: — теперь ужъ я ее никуда отъ себя не пущу.

— Глупо!.. очень глупо!.. я самъ, впрочемъ, скоро въ трубу вылечу, если не устрою одной штуки; чтожъ ничего! пожито, хоть и спинушкѣ больно, но погулено довольно! — говорилъ несвязно Янсутскій. Пойдемте на билліардъ играть! — предложилъ онъ потомъ.

Графъ мастерски игралъ на билліардѣ, о чемъ Янсутскій въ опьяненіи забылъ.

— Но по какой цѣнѣ мы будемъ играть? — спросилъ Хвостиковъ невиннымъ голосомъ.

— По три рубля за партію, — отвѣчалъ Янсутскій съ обычнымъ ему форсомъ.

Графъ согласился, думая про себя: «я тебя, каналья, обработаю порядкомъ за всѣ твои гадости и мерзости, которыя ты дѣлалъ противъ меня!»

Пока такимъ образомъ опечаленный отецъ проводилъ свое время, Бѣгушевъ ожидалъ его съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ; наконецъ часу въ девятомъ уже, онъ, благодаря лунному свѣту, увидѣлъ въѣзжавшую на дворъ свою карету. Бѣгушевъ сначала обрадовался, полагая, что возвратился графъ, но когда карета, не останавливаясь у крыльца, проѣхала къ сараю, Бѣгушевъ не могъ понять этого и въ одномъ сюртукѣ выскочилъ на морозъ.

— Гдѣ же графъ? — крикнулъ онъ кучеру.

— Въ гостиницѣ у Тверскихъ воротъ остались, — отвѣтилъ тотъ.

— А больная, за которой я его послалъ?

— Больную-съ отвезли въ больницу;— и кучеръ назвалъ больницу.

— Хорошо тамъ ее помѣстили?—разспрашивалъ Бѣгушевъ, не чувствовавшій даже холода.

— Графъ сказалъ, что хорошо, и сначала велѣлъ было мнѣ дожидаться у гостиницы, а опосля вышли и сказали, чтобъ я ѣхалъ домой.

— Онъ пьянъ, конечно?

Кучеръ усмѣхнулся.

— Должно быть, маненько выпивши, — отвѣтилъ онъ.

— О скотина, о мерзавецъ!.. — восклицалъ Бѣгушевъ.

Въ это время неожиданно-негаданно предстала предъ нимъ жидовка.

— Ваше превосходительство, — заговорила она, рыдая:—вы изволили мнѣ сказать, что все заплатите, а мнѣ ничего не заплатили и даму эту увезли.

— Какъ не заплатили? — спросилъ Бѣгушевъ.

— Что вы говорите «не заплатили»? Вамъ при мнѣ отдали пятьдесятъ рублей!.. — уличилъ жидовку кучеръ.

— Развѣ пятьдесятъ рублей она мнѣ должна? Ты пуще это знаешь... Я пойду къ губернатору, приведу къ нему дѣтей моихъ и скажу: «возьмите ихъ у меня! мнѣ кормить ихъ нечѣмъ!.. меня ограбили!..»

При словахъ къ губернатору и ограбили, Бѣгушевъ окончательно вышелъ изъ себя.

— Вонъ отсюда! — крикнулъ онъ такъ, что жидовка отъ страха присѣла на мѣстѣ.

— Вонъ! — крикнулъ еще громче Бѣгушевъ.

Жидовка благимъ матомъ побѣжала со двора.

Возвратясь въ комнаты, Бѣгушевъ тѣмъ-же раздраженнымъ голосомъ приказалъ лакеямъ, чтобы они не пускали къ нему графа Хвостикова, когда онъ вернется домой, и пусть бы онъ на глаза къ нему не показывался, пока онъ самъ не позоветъ его.

VII.

Графъ Хвостиковъ воротился домой не очень поздно. Съ нимъ случилась ужасная непріятность: онъ подрался съ Янсутскимъ! Произошло это слѣдующимъ образомъ: Янсутскій проигрывалъ сряду всѣ партіи, такъ что графъ Хвостиковъ, наконецъ, усовѣстился и, объявивъ что ему крайняя необходимость ѣхать въ одно мѣсто, просилъ Петра Евстигнѣевича расплатиться съ нимъ.

— Сколько же вамъ слѣдуетъ? — спросилъ тотъ насмѣшливо.

— Сосчитать легко!.. Сколько мы партій съиграли?—спросилъ Хвостиковъ маркера.

— Тридцать шесть партій,—отвѣчалъ тотъ.

Янсутскій вынулъ бумажникъ и точнѣйшимъ образомъ отсчитавъ восемнадцать рублей, подалъ ихъ графу, проговоря: «По полтиннику за партію, будетъ съ васъ!»

Хвостиковъ такимъ образомъ очутился совершенно въ такомъ же положеніи, въ какомъ поставлена была имъ самимъ по утру жидовка: юже мѣру мѣрите, возмѣрится и вамъ.

— Но мы играли по три рубли партію... Я ужь не говорю, что нѣкоторыя шли на контро,—скромно замѣтилъ онъ въ началѣ.

— А вы смѣете играть съ пьянымъ?.. Смѣете? Вы знаете, что васъ въ титовку за это посадятъ!—сказалъ Янсутскій и хотѣлъ было уйти.

Графъ болѣе не выдержалъ.

— Подлецъ!—крикнулъ онъ ему.

Въ отвѣтъ на это Янсутскій ничего не сказалъ, а, быстро повернувшись назадъ, подошелъ къ графу и далъ ему пощечину. Тотъ въ свою очередь обезумѣлъ отъ гнѣва: съ замѣчательною для семидесятилѣтняго почти старика силою, онъ выхватилъ у близъ стоящаго маркера тяжеловѣсный вѣй, ударилъ имъ Янсутскаго по головѣ, сшибъ его этимъ ударомъ съ ногъ; затѣмъ сталъ пихать его ногами, плевать ему въ лицо. Вся злость, накопившаяся издавна въ душѣ графа противъ Янсутскаго, вылилась въ эту минуту. Маркеры и сбѣжавшіеся лакеи едва растащили ихъ, и Янсутскаго, какъ болѣе почетнаго посѣтителя и много тратившаго у нихъ денегъ, они отправили съ знакомымъ извозчикомъ домой, а графа, вздумавшаго было доказывать, что онъ правъ, вывели не совсѣмъ вѣжливо и просили больше не посѣщать ихъ отеля. Дома графа, какъ мы знаемъ, тоже ожидало не совсѣмъ пріятное извѣстіе. Прокофій, всегда его терпѣть не могшій и почти вслухъ называвшій: *пришлой собакой*, нарочно самъ ему отворилъ на этотъ разъ дверь и сказалъ, что Александръ Ивановичъ не приказалъ графу являться къ себѣ на глаза.

— Какъ не являться? — спросилъ тотъ, будучи удивленъ и встревоженъ такимъ приказаніемъ.

— Такъ: сидите тамъ у себя наверху! — дополнилъ Прокофій.

Графъ пожалъ плечами и, дѣлать нечего, покорился молча своей участи. Кромѣ всѣхъ этихъ оскорбительныхъ въ нравственномъ смыслѣ сюрпризовъ, онъ чувствовалъ довольно сильную физическую боль въ лѣвой щекѣ отъ удара Янсутскаго и полагыванье въ плечахъ отъ толчковъ, которыми будто-бы нечаянно при выпроваживаніи наградили его трактирные служителя.

Понутру, впрочемъ, Бѣгушевъ смилостивился надъ графомъ и позвалъ его къ себѣ. Хвостиковъ очень этому обрадовался, и его смущало одно, что подъ лѣвымъ глазомъ у него выступилъ большой синякъ; тщетно затиралъ онъ его помадой, мѣломъ, пудрой: синякъ виднѣлся.

Бѣгушевъ встрѣтилъ графа сурово.

— Что вы, человѣкъ или камень безчувственный? — отрѣзалъ онъ ему прямо.

— До сихъ поръ былъ человѣкомъ, — отвѣчалъ Хвостиковъ уклончиво.

— То-то до сихъ поръ, а теперь перестали: у васъ дочь умираетъ, а вы гдѣ-то въ кабакѣ пьянствуете, — продолжалъ Бѣгушевъ.

Графъ сдѣлалъ видъ, что этими послѣдними словами очень обидѣлся.

— Я былъ не въ кабакѣ, а въ одномъ изъ лучшихъ отелей, гдѣ бываете и вы, и Елисавета Николаевна вовсе не опасно больна: я говорилъ объ

ея болѣзни съ докторами; они меня завѣряли, что она скоро должна поправиться.

— Вы не лжете этого? — спросилъ его Бѣгушевъ.

— Можете думать, что я лгу или не лгу, это какъ вамъ угодно, — отвѣчалъ графъ тѣмъ же обиженнымъ тономъ: онъ сообразилъ ужь, изъ какой причины происходило такое живое участіе Бѣгушева къ болѣзни Елисаветы Николаевны и внутренно чрезвычайно этому обрадовался, ожидая, что если случится то, что онъ предполагалъ, такъ онъ заставитъ своего патрона гораздо почтительнѣй съ нимъ обходиться.

— Это что у васъ за украшеніе? — продолжалъ, между тѣмъ, Бѣгушевъ, замѣтившій у графа синякъ подъ глазомъ.

— На билліардѣ игралъ и на кій нечаянно наткнулся! — придумалъ тотъ.

— Странная неосторожность!.. — произнесъ усмѣхаясь Бѣгушевъ: — но когда въ больницу пріѣзжаетъ главный докторъ? — присовокупилъ онъ.

— Въ двѣнадцать часовъ, я объ этомъ спрашивалъ даже, — солгалъ еще разъ графъ.

Бѣгушевъ посмотрѣлъ на часы свои и велѣлъ закладывать карету.

— Вы заѣдете къ Лизѣ? — спросилъ его графъ.

— Да!

— Она вамъ будетъ очень рада!..

Бѣгушевъ на это промолчалъ.

— А вамъ, Александръ Ивановичъ, такъ на меня сердиться грѣхъ; я слишкомъ несчастливъ и достоинъ сожалѣнія! — проговорилъ съ чувствомъ графъ.

— Что вы несчастливы, я согласенъ; но чтобы

стоили сожалѣнія, это подѣ сомнѣніемъ!—объяснилъ ему Бѣгушевъ.

— Стою!.. — повторилъ графъ и величественной походкой ушелъ къ себѣ.

Ровно въ двѣнадцать часовъ Бѣгушевъ пріѣхалъ въ ту больницу, гдѣ помещена была Елисавета Николаевна. Его повели по длинному корридору въ пріемную комнату. Первое, что онъ встрѣтилъ, это фельдшеръ, который несъ тазъ съ кровавой водой и съ плавающимъ въ оной только что, вѣроятно, отрѣзаннымъ пальцемъ человѣческимъ... изъ нѣкоторыхъ палатъ, сквозь не совсѣмъ притворенныя двери, слышались стоны; воздухъ, какъ ни чисто содержалось зданіе, все-таки былъ больничный. Въ домово́й церкви, входъ въ которую былъ изъ того же корридора, происходило заунывное отпѣваніе двухъ, трехъ покойниковъ... Бѣгушевъ давно не бывалъ въ госпиталяхъ, и все это ужасно его коробило: онъ далъ себѣ слово, что какъ только Мѣровой будетъ немного лучше, перевести ее въ свой домъ, чтобы по этому поводу ни заговорили! Въ пріемной комнатѣ Бѣгушевъ заявилъ желаніе видѣть старшаго врача и подалъ при этомъ свою карточку. Кто былъ старшій врачъ, онъ не зналъ и рассчитывалъ на одно, что тотъ долженъ быть опытиѣй молодыхъ ординаторовъ. На приглашеніе его старшій врачъ скоро вошелъ. Оказалось, что это былъ Перехватовъ, на дняхъ только возведенный въ эту должность. Онъ былъ въ форменномъ вицъ-мундирѣ и съ Владиміромъ на шеѣ. Конечно, въ Москвѣ было немного такихъ зачатыхъ враговъ, какъ Бѣгушевъ и Перехватовъ, но при встрѣчѣ они нисколько не обнаружили того

и даже начали разговаривать сначала почти дружелюбно.

— Извините, что я обезпокоилъ васъ, но я интересуюсь тутъ одной больной: Елисаветою Николаевной Мѣровой, — началъ первый Бѣгушевъ.

— Она принята и ей ужь оказана первая медицинская помощь, — отвѣчалъ Перехватовъ и изъ своей дорогой сигарочницы предложилъ Бѣгушеву сигару. Тотъ отказался и вмѣстѣ съ тѣмъ спросилъ доктора: «Вы ее изслѣдовали?»

— Конечно!.. Впрочемъ вы нашимъ изслѣдованіямъ не вѣрите! — слегка кольнулъ его Перехватовъ.

— Не совсѣмъ вѣрно, хотя убѣжденъ, что скорое приближеніе смерти вы можете предугадать; что такое у Мѣровой, чахотка?

Перехватовъ пожалъ плечами.

— Пока можно только сказать, что сильное затемнѣніе дыханія и сердце, кажется, не совсѣмъ въ порядкѣ.

— И что-же, все это опасно?

— Нѣтъ, — протянулъ съ важностью Перехватовъ: — аневризмъ въ настоящее время, конечно, ужь изъ ста человѣкъ у двухъ, у трехъ есть, а затемнѣніе дыханія часто бываетъ отъ простого каттара въ легкихъ.

— Кто ее, собственно, будетъ пользоваться? — допытывался Бѣгушевъ.

— Ординаторъ палаты и специалистъ по груднымъ болѣзнямъ, — объяснилъ Перехватовъ.

«Слава Богу, что не ты!» порадовался Бѣгушевъ.

— А вы по какимъ болѣзнямъ специалистъ? — спросилъ онъ.

— Я по нервнымъ и женскимъ болѣзнямъ, — отвѣчалъ Перехватовъ.

— Гмъ-гмъ! — произнесъ Бѣгушевъ не безъ значенія.

Перехватовъ подмѣтилъ это.

— Я никакъ не ожидалъ, что вы будете принимать такое живое участіе въ madame Мѣровой, — поставилъ онъ ему въ свою очередь шпильку.

— Ея отецъ у меня живетъ, — отвѣчалъ немного смутившійся Бѣгушевъ и, чтобы не остаться у доктора въ долгу, присовокупилъ: — а вашей супруги какъ здоровье?

— Она здорова! — сказалъ онъ притворно равнодушнымъ тономъ и поспѣшилъ прибавить: — вы желаете видѣть больную?

— Прошу васъ разрѣшить мнѣ это! — проговорилъ Бѣгушевъ.

Перехватовъ самъ его повелъ къ Елисаветѣ Николаевнѣ.

Бѣгушевъ глазъ съ него не спускалъ и очень хорошо видѣлъ, какъ Перехватовъ умышленно держалъ голову выше обыкновеннаго, какъ онъ наслаждался тѣмъ, что сторожа и фельдшера, при его проходѣ по корридолу, вытягивались въ струнку, а сидѣлки робко прижимались къ стѣнѣ.

«Этакое пошлѣйшее ничтожество!» — шепталъ мысленно Бѣгушевъ.

— Madame Мѣрова помѣщается въ этой отдѣльной комнатѣ, — сказалъ наконецъ Перехватовъ, показывая на одну изъ дверей.

Бѣгушевъ вошелъ въ эту дверь. Докторъ не слѣдовалъ за нимъ.

— Ахъ, это вы, Александръ Ивановичъ!—произнесла Елисавета Николаевна, какъ-то стыдливо.

Бѣгушеву она показалась посвѣжѣй и въ лицѣ ея не было тупаго отчаянiя...

— Спали ночь? — сказалъ онъ, садясь около ея кровати.

— Спала отлично!—отвѣчала Мѣрова.

— А кушать хочется? — спрашивалъ Бѣгушевъ.

— Не знаю!—произнесла Мѣрова.

— Но подумайте... вамъ, можетъ быть, въ воображенiи что-нибудь улыбнется, и я сейчасъ же пришлю вамъ!

Мѣрова подумала.

— Нѣтъ, ничего не хочу, вы лучше посидите у меня, это мнѣ лучше всякой пищи.

— Я буду сидѣть у васъ, сколько вы позволите!

— Вы знаете, сегодня ко мнѣ входилъ Перехватовъ, очень любезно и внимательно разспрашивалъ меня.

— Онъ тутъ старшимъ докторомъ, — объяснилъ ей Бѣгушевъ.

— Зачѣмъ же отецъ помѣстилъ меня къ нему: онъ, пожалуй, уморитъ меня!

— Васъ будетъ лѣчить не онъ, а другой.

— Ахъ, это старичокъ, который былъ у меня ужъ два раза; онъ добрый, должно быть... я спросила Перехватова о женѣ его, и онъ сказалъ, что Домна Осиповна по прежнему меня любитъ.

Бѣгушевъ на это промолчалъ.

— Какъ вы почувствуете себя хоть немного крѣпче, я перевезу васъ къ вашему отцу въ мой домъ.

Мѣрова нахмурилась.

— Мнѣ это страшно, Александръ Ивановичъ.

— Почему?—спросилъ онъ.

— Ахъ, потому что... Вы не знаете, что во мнѣ происходитъ... Вы никогда не понимали меня.

— Чего не понималъ?—повторилъ Бѣгушевъ, начинавшій приходить въ смущеніе.

— Того, что я давно васъ люблю,—воскликнула Мѣрова.

Бѣгушевъ поникъ головой.

— Люблю съ тѣхъ поръ, какъ увидѣла васъ въ первый разъ въ театрѣ; но вы тогда любили Домну Осиповну, а я и не знаю хорошенько, что все это время дѣлала... не сердитесь на меня, душенька, за мое признаніе... мнѣ не долго осталось жить на свѣтѣ.

«Что это, кокетство или правда?» мелькнуло въ головѣ Бѣгушева и сердце его съ одной стороны замирало въ восторгѣ, а съ другой исполнилось страхомъ какихъ-то еще новыхъ страданій, но какъ бы то ни было, возвратить Елисавету Николаевну къ жизни стало пламеннымъ его желаніемъ.

— Вы не волнуйтесь; все устроится хорошо!.. Укрѣпитесь настолько, чтобы переѣхать ко мнѣ, а тамъ мы поѣдемъ съ вами въ теплый климатъ... солнце, море, спокойная жизнь...

Елисавета Николаевна слушала Бѣгушева съ жаднымъ вниманіемъ.

— Значить, вамъ жаль меня?—проговорила она.

— Болѣе чѣмъ жаль, и я устрою вашу судьбу прочно и серьезно,—сказалъ Бѣгушевъ.

Лицо Мѣровой окончательно просіяло.

— Да, да! — подтвердила она радостнымъ голо-

сомъ:—я знаю, какой вы добрый... Ну, поцѣлуйте меня.

Бѣгушевъ поцѣловалъ ее. Она на этотъ _разъ_ прилипла своими губами въ его губамъ и долго, долго тянула поцѣлуй, потомъ опустила на подушки, глаза у ней почти совсѣмъ закатились подъ верхнія вѣки. Бѣгушеву она показалась въ эти минуты очаровательно хороша!

— Вотъ дайте мнѣ этихъ капель, что на столѣ стоятъ... докторъ велѣлъ мнѣ ихъ принимать, когда я очень взволнуюсь.

Бѣгушевъ дрожащей рукой накапалъ въ рюмку показанное на сигнатуркѣ число капель и подалъ ихъ Мѣровой.

— Вы увѣжайте, другъ мой, отъ меня,—начала она, жадно выпивъ капли...—Вы слишкомъ много принесли мнѣ счастья: я непременно хочу выздоровѣть для себя и для васъ. Господи, хоть бы одинъ день еще прожить такого счастья...

Вошедшая сидѣлка прервала ихъ объясненіе.

— Прощайте, мнѣ сейчасъ мушку будутъ ставить! — продолжала Мѣрова замѣтно ослабнувшимъ голосомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ улыбаясь.

Бѣгушевъ сначала повиновался было и вышелъ, но, будучи не изъ такихъ характеровъ, чтобы терпѣливо ждать чего-нибудь, онъ не могъ удержаться и снова возвратился къ Мѣровой.

— Елисавета Николаевна, есть у васъ силы сегодня же переѣхать въ мой домъ? Тамъ ухоть будетъ лучше за вами, — проговорилъ онъ съ поспѣшностью.

— Есть,—отвѣчала та, и, махнувъ рукой стоявшей

около нея сидѣлкѣ, сказала, что она не будетъ ставить мушки.

— Въ такомъ случаѣ я сейчасъ же распоряжусь, — подхватилъ Бѣгушевъ и, выйдя въ корридоръ, прямо встрѣтился съ проходящимъ важно Перехватовымъ.

— Я Мѣрову перевожу къ себѣ и желалъ-бы пригласить навѣщать ее того доктора, который началъ ей леченіе, — сказалъ онъ ему.

— Tout de suite! — отвѣчалъ съ нѣсколько злой усмѣшкой Перехватовъ и затѣмъ громко и строго сказалъ слѣдовавшему за нимъ фельдшеру: — позвать сюда ординатора 6-й палаты.

Ординаторъ пришелъ. По его скромной и умной физиономіи Бѣгушевъ заключилъ, что онъ не шарлатанъ. Ординаторъ, дѣйствительно, былъ не шарлатанъ, а выматый и опытный больничный врачъ и, между тѣмъ, не смотря на двадцатипятилѣтнюю службу, его не сдѣлали старшимъ врачомъ за то только, что онъ не имѣлъ той холопской представительности, которой награжденъ былъ отъ природы Перехватовъ.

— Г-нъ Бѣгушевъ, хорошій знакомый г-жи Мѣровой, желаетъ ее взять къ себѣ... Распорядитесь, чтобы она покойно и тепло одѣтою была перевезена! — приказалъ ему его юный начальникъ.

Ординаторъ, въ знакъ повиновенія, склонилъ передъ нимъ голову.

Перехватовъ съ прежнею важностью пошелъ далѣе.

— Я просилъ бы васъ сегодня же перевезти ко мнѣ г-жу Мѣрову въ домъ... Я пришлю за ней карету и теплую одежду, а также и васъ прошу пріѣзжать къ ней.

— Но ей только что поставили мушку! — возразилъ докторъ.

— Она еще не ставила ея... можете ли, докторъ, вы это сдѣлать, и у меня продолжать пользоваться г-жу Мѣрову?

— Я освобожусь изъ больницы не ранѣе четырехъ часовъ, а послѣ этого могу перевезти.

— Въ четыре часа поэтому я могу прислать за вами карету?

— Въ четыре! — разрѣшилъ ему докторъ.

Бѣгушевъ полетѣлъ изъ больницы на всѣхъ рысяхъ на Кузнецкій Мостъ, гдѣ въ магазинѣ готовога женскаго бѣлья и платьевъ накопилъ того и другаго; зашелъ тутъ же въ англійскій магазинъ, отобралъ шерстяныхъ чулокъ, пледъ и кончилъ тѣмъ, что приторговалъ у Мичинера мѣховой женскій сапогъ, строго наказавъ вездѣ, чтобы всѣ эти вещи немедленно были доставлены къ нему. Возвратясь домой, Бѣгушевъ свою лѣнивую и распущенную прислугу прищипорилъ и поднялъ на ноги; прежде всего онъ позвалъ Минодору, и велѣлъ ей съ помощью мужа, лакеевъ и судомоекъ старательно прибрать отдѣленіе его покойной матери, какъ самое удобное для помѣщенія больной. Въ отдѣленіи этомъ онъ самъ осмотрѣлъ всѣ щелочки въ окнахъ, что не дуетъ ли гдѣ-нибудь, осмотрѣлъ всѣ вентиляторы, еще съ болѣзни старухи тамъ понадѣланные... лакеи и Минодора сначала недоумѣвали, что такое баринъ затѣваетъ; наконецъ это объяснилось, когда Бѣгушевъ объявилъ Минодорѣ, что привезутъ больную, умирающую дочь графа Хвостикова, и что она должна быть при ней безотлучно!

Минодора хоть по наружности и приняла съ покорностью приказаніе Александра Ивановича, но была не очень довольна такимъ его распоряженіемъ и, придя въ дѣвичью, сказала мужу:

— У насъ скоро новая жилища будетъ!.. больная дочь графа!.. Баринъ приказываетъ мнѣ за ней ходить!

— За потаскушей-то этой,—замѣтилъ со злобою Прокофій.

— Кто знаетъ, потаскуша она или нѣтъ,—помянула приговоръ мужа Минодора.

— Какъ-же не потаскуша, она вонъ жила съ этимъ инженершкомъ, что къ намъ ѣздилъ... Въ Петербургѣ, говорятъ, съ Ефимомъ Ѳедоровичемъ Тюменевымъ путалась!.. — Объяснялъ съ той-же злобой Прокофій.

Маремьяша, слышавшая разговоръ этотъ, не преминула пойти и слово въ слово передать его госпожѣ своей.

— Какую дочь графа?..—спросила Аделаида Ивановна, не знавшая даже о существованіи Мѣровой.

— Да такъ, какую-то распутную! — отрѣзала Маремьяша.

— Ахъ, Маремьяша, какъ ты всегда гадко выражаешься! — почти прикрикнула на нее Аделаида Ивановна.

— Какъ-же мнѣ еще выражаться! Вся прислуга здѣшняя говорятъ это! — отвѣтила Маремьяша грубымъ тономъ.

Вскорѣ начали привозить вещи, купленные Бѣгушевымъ для Мѣровой. Минодора принимала ихъ и, не смотря на свою сдержанность, усмѣхалась и

слегка покачивала головою, а Маремьяша просто пришла въ неистовство. Она опять вошла къ Аделаидѣ Ивановнѣ и гнѣвнымъ голосомъ выпечатала:

— Вы мнѣ говорить не приказываете, а Александръ Ивановичъ цѣлое приданое накупилъ...

— Кому приданое? — произнесла съ удивленіемъ Аделаида Ивановна, начинавшая уже ничего не понимать.

— Этой дочкѣ графа!.. вамъ по пяти, да по десяти рубликовъ выдаетъ, а на чужихъ ничего не жалѣеть.

— Ну, пожалуйста, прекрати твои разсужденія!.. Я не хочу ихъ больше слушать!

Но Маремьяша, уйдя въ свою комнату, долго еще брюзжала.

Слухъ о переѣздѣ Елисаветы Николаевны въ домъ къ Александру Ивановичу, дошелъ наконецъ и до графа, спавшаго крѣпчайшимъ сномъ послѣ всѣхъ перенесенныхъ имъ наканунѣ хлопотъ и непріятностей. Извѣстіе это до того было неожиданно для него, что онъ сошелъ внизъ узнать, вслѣдствіе чего произошла такая перемѣна.

— Вы Лизу, я слышалъ, перевозите къ намъ?—спросилъ онъ Бѣгушева, встрѣтивъ того въ залѣ.

— Перевожу!—отвѣчалъ ему Бѣгушевъ коротко.

Графъ на нѣсколько мгновеній позамялся, придумывая какъ бы выразить ему свою мысль, которая, собственно, состояла въ томъ, что если Бѣгушевъ предположилъ взять себѣ въ домъ Елисавету Николаевну, то долженъ былъ бы прежде всего посоветоваться съ нимъ, графомъ, но высказать это прямо онъ, конечно, не рѣшился и только бормоталъ:

— Вы по крайней мѣрѣ позвольте мнѣ рассказывать, что вы это дѣлаете для меня и по моей просьбѣ!

— Рассказывайте!.. Мнѣ рѣшительно все равно, — проговорилъ Бѣгушевъ и явно разсмѣялся.

Встрѣтивъ такіе сухіе и насмѣшливые отвѣты, графъ счелъ за лучшее плюнуть на все, пусть себѣ дѣлаютъ, какъ хотятъ, и удралъ изъ дому; но, имѣя синякъ подъ глазомъ, показаться въ какомъ-нибудь порядочномъ мѣстѣ онъ стыдился и прошелъ въ грязную и табачищемъ провонялую пивную, сталъ тамъ пить пиво и толковать съ нѣмецкими подмастерьями о политикѣ.

Больную докторъ привезъ въ каретѣ Бѣгушева, часамъ къ пяти; она была уже одѣта въ посланное къ ней съ кучеромъ новое бѣлье и платье и старательно запутана въ купленный для нея салопъ. Докторъ на рукахъ внесъ ее въ ея комнату, уложилъ въ постель и, растолковавъ Минодорѣ, какъ она должна поставить мушку, обѣщался на другой день пріѣхать, часовъ въ восемь утра. За всѣ эти труды доктора, Бѣгушевъ заплатилъ ему сто рублей. Скромный ординаторъ смутился даже: такой высокой платы онъ ни отъ кого еще не получалъ.

Добрая Аделаида Ивановна, услыхавъ, что больная такъ слаба, что ходить не можетъ, исполнилась жалостью и за обѣдомъ-же сказала брату:

— А ты еще доброе дѣло дѣлаешь: взялъ къ себѣ больную дочь графа?

— Да!—отвѣчалъ тотъ.

— Ахъ, какъ-бы я желала познакомиться съ ней, — продолжала старушка:—и даже сегодня, если только это не обезпokoитъ ее, сходила бы къ ней.

— Можно и сегодня!.. Вѣроятно, она теперь отдохнула!..—разрѣшилъ ей Бѣгушевъ.

Аделаида Ивановна такъ спѣшила увидать поскорѣй Мѣрову, по мимо чувства состраданія, и по любопытству взглянуть своимъ глазомъ, что это за дама. Вставъ изъ за стола, она немедленно отправилась къ больной, отрекомендовала себя сестрой Александра Ивановича и просила полюбить ее. Добрый видъ старушки произвелъ пріятное впечатлѣніе на Мѣрову.

— Вы, неправда-ли, не очень больны и вѣрно скоро выздоровѣете? что у васъ больше всего болитъ?—спрашивала ее Аделаида Ивановна ласковымъ, ласковымъ голосомъ.

— Грудь!—отвѣчала Мѣрова.

— А если грудь, такъ ничего, — воскликнула старушка:—я про себя вамъ скажу: у меня постоянно прежде болѣла грудь, а вотъ видите, до какихъ лѣтъ я дожила! — начисто уже выдумала Аделаида Ивановна; у нея никогда грудь не баливала; но все это она, разумѣется, говорила, чтобы успокоить больную.

— Вы замужняя или дѣвица? — продолжала она занимать больную.

— Я вдова,—отвѣчала Мѣрова.

— Давно потеряли вашего супруга?

— Лѣтъ двѣнадцать!

— Не можетъ быть!.. Вы такъ еще молоды; конечно, вы съ нимъ не долго жили, и какая, я думаю, это была для васъ потеря!—То, что о Мѣровой говорила прислуга, Аделаида Ивановна съ перваго же взгляда на нее, отвергла. — Но гдѣ-же вы жили?..

Графъ ни разу не говорилъ мнѣ, что у него есть дочь и такая еще прелестная!

Мѣрова, въ самомъ дѣлѣ, очень понравилась Аделаидѣ Ивановнѣ своей наружностью.

— Я жила передъ прїѣздомъ сюда въ Кіевѣ, на югѣ!—отвѣчала Мѣрова, все болѣе и болѣе краснѣя.

— А какъ прїѣхали сюда, такъ и расхворались, это очень понятно; я тоже, какъ ужъ мнѣ хорошо жить у брата, все равно, что въ царствѣ небесномъ, но прихварываю, то ноги пухнутъ, то голова кружится.

— Отъ любви, можетъ быть!—пошутила Мѣрова.

Аделаида Ивановна засмѣялась самымъ искреннимъ смѣхомъ.

— Очень можетъ быть, очень!—говорила она.

Въ это время однако, смѣтливая Минодора, замѣтивъ, что это бесѣдованіе смущаетъ и утомляетъ Мѣрову, подошла и шепнула Аделаидѣ Ивановнѣ, что больной пора ставить мушку.

— Непремѣнно, это необходимо! — согласилась она и, вставъ, сначала поцѣловала Мѣрову, а потомъ перекрестила.

— Цѣлую васъ и кладу на вашу грудь крестное знаменіе съ такимъ же чувствомъ, какъ бы дѣлала это мать ваша,—проговорила она и вышла.

Мѣрова, по уходѣ ея, залилась слезами: она съ дѣтства не встрѣчала такого ухода и такой ласки, какъ нашла это въ домѣ Бѣгушева.

VIII.

Тучи громаднѣхъ событій скоплялись на востокѣ: славянскій вопросъ все болѣе и болѣе начиналъ за-

интересовывать общество; газеты кричали, перебранивались между собой: однѣ, которымъ и въ мирное время было хорошо, желали мира, другія, которыя или совсѣмъ погасали, или начинали погасать, желали войны; телеграммы изоврались и изолгались до послѣдней степени; въ комитеты славянскіе сыпались сотни тысячъ; сборщицы въ кружку съ краснымъ крестомъ появились на всѣхъ сборищахъ, торжищахъ и улицахъ; бѣдныхъ добровольцевъ, какъ барановъ на убой, отправляли цѣлыми вагонами въ Сербію; портретъ генерала Черняева видѣлся во всѣхъ почти лавочкахъ. Всѣ эти явленія, конечно, вліяли и на выведенныхъ мною лицъ, изъ которыхъ, впрочемъ, главный герой мой, Бѣгушевъ, какъ-бы совершенно этимъ не интересовался и упорно отмалчивался на всѣ вопросы, которые дѣлали ему многіе, такъ какъ знали, что нѣкогда онъ изѣздитъ вдоль и поперекъ всѣ славянскія земли. За то графъ Хвостиковъ и Долговъ, снова сблизившіеся, очень много говорили и, ѣздя неустанно во всѣ дома, куда только ихъ пускали, старались всюду внушать благородныя и гуманныя чувствованія. За такіе ихъ подвиги одна газета пригласила ихъ къ сотрудничеству, открывъ имъ цѣлую рубрику, гдѣ бы они могли излагать свои мысли. Долговъ, разумѣется, по своей непривычкѣ писать, не изложилъ печатно ни одной мысли; но графъ Хвостиковъ началъ наполнять своимъ писаніемъ каждый номеръ, по преимуществу, склоняя общество къ пожертвованіямъ и довольно прозрачно намекая, что эти пожертвованія могутъ быть производимы и черезъ его особу; пожертвованій однако къ нему нисколько не стекалось, а потому

графъ рѣшился лично на кого можно воздѣйствовать и къ первой обратился Аделаидѣ Ивановиѣ, у которой онъ зналъ, что нѣтъ денегъ, но она, по его соображеніямъ, могла бы пожертвовать какими нибудь цѣнными вещами; къ несчастію, при объясненіи, оказалось, что у ней изъ цѣнныхъ вещей остались только дорогія ей по воспоминаніямъ. Бѣгушеву графъ не смѣлъ и заикнуться о пожертвованіи, предчувствуя, что тотъ новую, изобрѣтенную графомъ дѣятельность, съ первыхъ же словъ обзоветъ не очень лестнымъ именемъ. Такимъ образомъ опять оставалась одна только Домна Осиповна, подающая нѣкоторую надежду, къ которой графъ нарочно и пріѣхалъ по утру, чтобъ застать ее безъ мужа. Принять онъ на этотъ разъ былъ очень скоро и, увидавъ Домну Осиповну, чуть не вскрикнулъ отъ удивленія: до такой степени она похудѣла и постарѣла за это непродолжительное время: бѣлила и румяна только-что не сыпались съ ея лица.

— А я къ вамъ,—начала она безъ прежней своей важности:—писать ужъ хотѣла, чтобы узнать о здоровьѣ Лизы... она, какъ мнѣ передавали, тоже у Бѣгушева обитаетъ.

— У насъ, у насъ! — поспѣшно отвѣчалъ графъ.

— Я бы пріѣхала навѣстить ее, но г. Бѣгушевъ, можетъ быть, не велитъ меня принять,—продолжала Домна Осиповна.

— Нѣтъ, нѣтъ! У нея совсѣмъ особое отдѣленіе... Александръ Ивановичъ отдѣлъ ей комнаты покойной матери своей,—бухнулъ не остерегшись графъ.

— Комнаты матери?!..—повторила съ удареніемъ

Домна Осиповна: — и что-же, Лиза въ постели лежить?—присовокупила она.

— Иногда; но больше сидеть и вмѣстѣ съ нами увлекается великимъ движеніемъ, охватившимъ всѣ классы общества!..—ввернулъ графъ газетную фразу, чтобы сильнѣй повоздѣйствовать на Домну Осиповну: — къ вамъ я тоже пріѣхалъ съ кружечкой, хоть и сердить на васъ, что вы не хотѣли поддерживать газету, которая какъ бы теперь была полезна!.. Впрочемъ, Богъ васъ простить за это; пожертвуйте по врайней мѣрѣ теперь нашимъ соплеменникамъ, сколько можете!.. — И графъ развернулъ передъ Домной Осиповной свой пустой бумажникъ, чтобы пріять въ него посильную дань. Но Домна Осиповна вмѣсто дани сдѣлала ему ручкой и, немного склонивъ голову, проговорила озлобленнѣйшимъ голосомъ:

— Благодарю васъ покорно!.. очень вамъ благодарна!.. Я ужъ много жертвовала!

Домна Осиповна точно что черезъ разныхъ вліятельныхъ лицъ много пережертвовала, надѣясь въ нихъ найти помощь по своимъ дѣламъ. Но помощи этой она до сихъ поръ не ощущала, что ее очень сердило и огорчало.

— Мнѣ теперь не до чужихъ нуждъ, у меня своихъ много!..—объяснила она графу.

— Стало быть, правда, что я вамъ говорилъ со словъ Янсутскаго? — спросилъ тотъ по наружности какъ-бы съ участіемъ, а про себя думалъ: «такъ тебѣ, скрягѣ, и надо!»

— Конечно, вздоръ!.. онъ самъ все это и выдумалъ, — воскликнула Домна Осиповна: — тутъ его

нѣсколько времени тому назадъ избили въ трактирѣ,—присовокупила она.

— Скажите,—произнесъ графъ, какъ-бы удивленный тѣмъ, что слышитъ.

— Объ этомъ напечатано было въ газетахъ... Я сама читала!.. Янсутскій названъ по имени, а о господинъ, который билъ его, сказано только, что онъ очень храбрый и силы необыкновенной!

— Скажите!—повторилъ еще разъ графъ, какъ бы приходившій все болѣе и болѣе въ удивленіе, хотя отъ него именно и пущено было это извѣстіе въ газеты.

— Я, признаться, ужасно порадовалась, что его поколотили, ужасно!..—заклчила Домна Осиповна.

— А гдѣ-же теперь Янсутскій?—спросилъ графъ.

— Онъ послѣ этого сраму въ Сибирь ускакалъ... скупаютъ тамъ векселя покойнаго дѣда по десяти, по двадцати копѣекъ за рубль и сюда пишетъ, что какъ только вернется, такъ посадитъ меня въ тюрьму, дуракъ эгакій!.. того не понимаетъ, что я его нисколько не боюсь...

Домна Осиповна въ послѣднихъ словахъ своихъ сказала неправду: она очень боялась угрожающаго ей дѣла, тѣмъ болѣе, что Янсутскій всюду разсказывалъ, что предполагаемый имъ процессъ онъ поведетъ вдвоемъ съ Гроховымъ.

Графъ собрался уходить.

Домна Осиповна, при прощаньи еще разъ повторила, что она непременно пріѣдетъ навѣстить Елисавету Николаевну. Графъ ничего ей на это не отвѣтилъ и, сухо откланявшись, отправился домой съ твердымъ намѣреніемъ напечатать самаго ядови-

таго свойства статейку о черствыхъ и корыстолюбивыхъ людяхъ, къ несчастію, до сихъ поръ существующихъ въ нашемъ обществѣ, особенно между купечествомъ. Къ досадѣ на Домну Осиповну за отказъ ея въ пожертвованіи, у Хвостикова присоединялась и мысль о настойчивомъ желаніи Перехватовой посѣтить непременно его дочь. «Ужь не думаетъ-ли она отбить Бѣгушева у Лизы?» — спрашивалъ онъ себя. Въ томъ, что Елисавета Николаевна, хоть и больная, находится въ близкихъ отношеніяхъ съ Александромъ Ивановичемъ, графъ не сомнѣвался. Всѣ эти злыя и безпокойныя мысли сразу впрочемъ выскочили изъ его головы, когда онъ встрѣтилъ ѣхавшаго къ нему быстро Долгова, который еще съ пролетокъ кричалъ, что имъ сегодня непременно надобно ѣхать обѣдать въ англійскій клубъ, куда пріѣдетъ генералъ Траховъ, аки бы привезшій серьезнѣйшее извѣстіе изъ Петербурга.

Подозрѣніе графа касательно задней мысли Домны Осиповны было отчасти справедливо: она въ самомъ дѣлѣ хотѣла видѣть не Мѣрову, но Бѣгушева, котораго Домна Осиповна ревновала къ Елисаветѣ Николаевнѣ, да, читатель, ревновала!.. До послѣдняго времени Домна Осиповна ни отъ кого не слыхала, чтобы Бѣгушевъ, разставшись съ ней, полюбилъ какую-нибудь другую женщину, такъ что она, къ великой усладѣ своего самолюбія, начинала думать, что онъ всю жизнь будетъ страдать по ней; а тутъ вдругъ Бѣгушевъ беретъ къ себѣ Мѣрову, зачѣмъ?.. для чего?.. чтобы онъ дѣлалъ это безкорыстно, Домна Осиповна, какъ и графъ Хвостиковъ, не думала и при этомъ совершенно не вѣрила въ

нравственность своей подруги!.. Съ такого рода мыслями и чувствованіями пріѣхала она въ хорошо ей когда-то знакомый домъ, гдѣ она провела столько блаженныхъ минутъ. Готовая расплакаться при этомъ воспоминаніи, Домна Осиповна съ замирающимъ сердцемъ отъ страха, что не примутъ ея, послала своего ливрейнаго лакея узнать: можетъ-ли она видѣть Елисавету Николаевну Мѣрову. Встрѣтъ сего посланнаго Прокофій, тотъ бы прямо ему объявилъ, что барыню ихнюю баринъ его никогда не велѣлъ къ себѣ пускать, но въ передней въ это время былъ не онъ, а одинъ изъ молодыхъ слугителей, который, увидавъ подъѣхавшую карету, не дожидаясь даже звонка, отворилъ дверь и, услыжавъ, что пріѣхала Домна Осиповна навѣститъ госпожу Мѣрову, пошелъ и сказалъ о томъ Минодоръ, а та передала объ этомъ посѣщеніи Елисаветѣ Николаевнѣ, которая испугалась и встревожилась и послала спросить Александра Ивановича, что позволить-ли онъ ей принять Домну Осиповну.

Бѣгушевъ нѣкоторое время думалъ.

— Отчего-жъ не принять? Пусть примутъ, — отвѣчалъ онъ потомъ не совсѣмъ спокойнымъ голосомъ.

Домну Осиповну привели наконецъ въ комнату пріятельницы: гостья и хозяйка сначала обнялись, расцѣловались и потомъ обѣ расплакались: кто изъ нихъ несчастнѣе былъ въ эти минуты — нищая-ли Мѣрова, истерзанная болѣзнью, или Домна Осиповна, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе теряющая перья изъ своего величія — сказать трудно: еще за годъ передъ тѣмъ Домна Осиповна полагала, что она послѣ долгой борьбы вступила въ садъ,

исполненный однихъ только цвѣтовъ радости, а ей пришлось наскочить на тернія, болѣе колючія, чѣмъ когда-либо случалось проходить.

— Какъ ты попала сюда? — первое, что спросила Домна Осиповна пріятельницу.

— Александръ Ивановичъ нашелъ меня совсѣмъ нищую и перевезъ къ себѣ, — отвѣчала та.

Спросить Елисавету Николаевну, гдѣ она была и что дѣлала съ тѣхъ поръ, какъ скрылась изъ Петербурга, Домна Осиповна считала излишнимъ, такъ какъ догадывалась, какого рода жизнь вела ее пріятельница.

— И тебѣ не грѣхъ было не написать мнѣ о своемъ положеніи, а одолжаться у почти незнакомаго тебѣ человека, — замѣтила она ей.

Мѣрова вспыхнула.

— У Александра Ивановича отецъ мой живетъ; ты же, я слышала, вышла замужъ, а потому не зависишь отъ себя!.. — проговорила она.

— Я никогда, ни отъ перваго, ни отъ втораго мужа не была въ такой зависимости, потому что если имъ дать волю, такъ они возьмутъ ихъ двѣ, три!.. — Домна Осиповна такъ рѣзко отозвалась о мужьяхъ, потому что у ней передъ самимъ отъѣздомъ вышла сильная перебранка съ супругомъ, по причинамъ нѣскольکو отдаленнымъ. Перехватовъ, какъ только разнесся слухъ о возможности для Домны Осиповны банкротства, утратилъ къ ней всякую внимательность, нѣжность и угодливость. Домна Осиповна, конечно, отгадала истинную причину его холодности и окончательно убѣдилась, что въ душѣ онъ подлецъ; Бѣгушевъ показался ей сравнительно

съ нимъ полубогомъ по благородству своихъ чувствъ; онъ бѣсился на нее, когда она наживала деньги, и никогда бы конечно не кинулъ ея при какой-нибудь денежной бѣдѣ. Все это она до поры до времени таила и не высказывала мужу, но когда онъ услышалъ, что Домна Осиповна хочетъ посѣтить Мѣрову, вскипятился и сказалъ ей повелительнымъ голосомъ:

— Вамъ не слѣдуетъ туда ѣздить!

Домна Осиповна сначала посмотрѣла ему въ лицо, мгновенно утратившее весь свой румянецъ, и тоже произнесла не очень нѣжно:

— Почему-же не слѣдуетъ?

— Потому что г-нъ Бѣгушевъ, у котораго живетъ Мѣрова, вашъ старый поклонникъ!—отвѣтилъ ей мужъ.

— Что-жь изъ того, что онъ старый мой поклонникъ; женясь на мнѣ, вы знали это! — возразила Домна Осиповна.

— Мало ли что было прежде, но теперь возобновлять это знакомство не прилично,— проговорилъ Перехватовъ.

Тутъ ужъ болѣе Домна Осиповна не выдержала.

— А вамъ прилично цѣлые дни не бывать дома и объѣзжать подъ видомъ практики вашихъ бывшихъ обожательницъ и прискивать, можетъ быть, еще новыхъ.

Что мужъ дѣлаетъ это, Домна Осиповна твердо была въ томъ убѣждена.

— Между нами одна разниа, — продолжала она съ дрожащими губами и раздувшимися ноздрями:— вы съ вашихъ обожательницъ берете деньги за ви-

зиты, а я къ Бѣгушеру вду даромъ и не къ нему даже, а къ моей больной подругѣ!

Намекъ этотъ былъ очень оскорбителенъ для Перехватова, тѣмъ болѣе, что прямо на него онъ и возразить ничего не могъ, такъ какъ съ самой Домны Осиповны побиралъ порядочныя деньги за свои любовно-врачебныя посѣщенія.

— Васъ надобно освидѣтельствовать въ умственныхъ способностяхъ: у васъ тутъ немного тронулось отъ вашихъ истерикъ и капризовъ! — проговорилъ онъ, показывая себѣ на лобъ.

— Я знаю, что вы этого желаете и добьетесь вѣроятно, потому что все употребляете, чтобы я умерла или помѣшалась, — подхватила Домна Осиповна.

Далѣе супруги отъ напора гнѣва не въ состояніи были говорить, и вскорѣ докторъ уѣхалъ въ больницу свою, а Домна Осиповна поѣхала къ Мѣровой съ великимъ желаніемъ встрѣтиться съ Бѣгушевымъ.

— Александръ Ивановичъ заходитъ къ тебѣ иногда? — спросила она Елисавету Николаевну.

Мѣрова при этомъ вопросѣ нахмурилась.

— Рѣдко! — отвѣтила она не-хотя, но вдругъ, какъ бы въ опроверженіе того, вошелъ Бѣгушевъ; при появленіи его, лицо Домны Осиповны просіяло, а у Мѣровой оно приняло свойственное ему выраженіе отчаянія.

У Бѣгушева все это не свернулось съ глазу. Домна Осиповна впрочемъ своей набѣленной и старающеюся улыбаться физиономіею показала ему гадка. Онъ ей наскоро и молча поклонился и обратился ласково къ больной:

— Какъ вы себя чувствуете?—сказаль онъ.

— Очень не хорошо! — отвѣчала та, закидывая свои маленькiя ручки на голову.

— Но графъ вчера былъ у меня и сказалъ, что ты вовсе не такъ серьезно больна, какъ я тебя нашла!—вмѣшалась въ разговоръ Домна Осиповна.

— Графъ, можетъ быть, думаетъ, что я не серьезно больна, но я больна и даже желаю еще больнѣе быть, чтобъ умереть скорѣе! — произнесла Мѣрова.

— Но ты забываешь окружающихъ тебя!.. какое горе, я думаю, для нихъ твоя болѣзнь!..—язвила Домна Осиповна.

— Ахъ, окружающимъ меня все равно это! Еще порадуются, когда я умру!..—воскликнула Елисавета Николаевна, насколько у ней достало голоса.

Бѣгушевъ очень хорошо понималь, что обѣ эти госпожи прохаживались на его счетъ, но Мѣровой онъ еще прощаль, а Домнѣ Осиповнѣ нѣтъ, и рѣшился ее отдѣлать.

— Елисавету Николаевну волнуютъ наши разговоры, а это ей вреднѣе всего,—сказаль онъ съ рѣзкостью.

Домна Осиповна даже сквозь бѣлила покраснѣла.

— Извините, я не знала, что мои слова могли почему-либо взволновать Лизу! Вы позволите мнѣ по крайней мѣрѣ закурить пахитоску? — проговорила она.

— Больная сама не курить и при ней тоже не велѣно курить, — отказаль ей и въ томъ Бѣгушевъ.

Домна Осиповна видѣла, что онъ съ умысломъ говорилъ ей дерзости и на зло ему, а также и Мѣровой, рѣшилась продолжить свой визитъ.

— Александръ Ивановичъ до сихъ поръ еще, кажется, сердится на меня, хотя я въ разлукѣ моей съ нимъ нисколько не виновата!.. — отнеслась она къ Елисаветѣ Николаевнѣ, у которой опять появилось отчаяніе въ лицѣ.

Наглость и безстыдство Домны Осиповны поразили Бѣгушева.

— О какой это разлукѣ вы вспоминаете, о которой я давно и забылъ... — проговорилъ онъ презрительно-насмѣшливымъ тономъ.

— Вы забыли?.. это хорошо и можетъ послужить урокомъ для другихъ женщинъ, какъ васъ понимать! — не унималась Домна Осиповна. Бѣгушевъ насильственно разсмѣялся.

— Если вамъ нечего другаго дѣлать, такъ хоть всѣхъ въ мірѣ женщинъ поучайте, какъ меня понимать! — проговорилъ онъ вставая и, сказавъ Мѣровой, что онъ потомъ зайдетъ къ ней, ушелъ, не поклонившись Домнѣ Осиповнѣ.

Та осталась рѣшительно разсвирѣпѣлой тигрицей.

— Я тебѣ еще прежде говорила и писала, что это за человѣкъ! побереги себя хоть передъ смертью въ отношеніи его! — говорила она, забывъ всякое приличіе.

— Отъ чего мнѣ себя беречь? — возразила ей Елисавета Николаевна слабымъ голосомъ.

— Знаю я, *chége amie*, знаю! меня нельзя обмануть, и вотъ къ тебѣ моя просьба теперь: когда онъ броситъ тебя, то напиши мнѣ; я возьму тебя

къ себѣ!—произнесла она взволнованнымъ голосомъ и, поцѣловавъ больную, уѣхала. Злобѣ и страданіямъ въ душѣ Домны Осиповны предѣловъ не было: она пріѣхала почти увѣренная, что помирится съ Бѣгушевымъ и даже будетъ предостерегать его отъ Мѣровой, но вышло, какъ мы видѣли, совершенно наоборотъ.

Бѣгушевъ возвратился къ Мѣровой сейчасъ же, какъ только уѣхала Домна Осиповна. Елисавета Николаевна лежала въ своей постелѣ мрачнѣе ночи.

— Что за штуки эта негодяйка выкидываетъ! — сказалъ онъ.

— Она не негодяйка, — отвѣчала Елисавета Николаевна: — она знаетъ только, что вы ее еще любите!

— Господи помилуй! — сказалъ, усмѣхаясь и пожимая плечами, Бѣгушевъ.

— Какъ же не любите... — продолжала Мѣрова, совершенно не обратившая вниманія на его восклицаніе: — какъ только услыхалъ, что она пріѣхала, сейчасъ же велѣлъ ее принять и самъ явился.

Чтобы успокоить Мѣрову, Бѣгушевъ сознался, что въ самомъ дѣлѣ глупо было съ его стороны войти къ ней въ комнату, когда была тамъ Домна Осиповна, но что сдѣлано было это чисто по недуманности, а не по какому-нибудь чувству. «Не мальчишка же я...»—заклучилъ онъ.

— Вы хуже чѣмъ мальчишка,—перебила его уже со слезами на глазахъ больная: — вы старый волкита... Домна Осиповна хорошо васъ знаетъ... Но я вамъ не позволю этого дѣлать, вы не смѣйте меня дурачить и обманывать.

— Прежде всего вы не волнуйтесь, это для васъ очень вредно!.. — продолжалъ ее успокаивать Бѣгушевъ.

— Нѣтъ, я хочу волноваться, я буду нарочно волноваться, чтобы мнѣ не оставаться въ живыхъ! — говорила Мѣрова и стукнула ручкой по кровати.

Бѣгушевъ не выдержалъ и тоже вспылилъ.

— Въ такомъ случаѣ плачьте сколько вамъ угодно!.. — сказалъ онъ и вставъ хотѣлъ было уйти, но Елисавета Николаевна схватила его за полу сюртука.

— А, вы ужь и бѣжать!.. Ахъ, да, обрадовались, но я васъ убью, если вы уйдете, слышите!.. — почти кричала она.

Бѣгушевъ при этомъ невольно вспомнилъ рассказы Тюменева про ея порывистый нравъ, превосходящій даже характеръ Домны Осиповны.

— Цѣлуйте меня!.. цѣлуйте!.. — бормотала между тѣмъ Елисавета Николаевна.

Бѣгушевъ съ удовольствіемъ исполнилъ ея желаніе и наклонился къ ней. Она обвила его шею своими худенькими ручками и начала цѣловать безъ конца.

— Я тебѣ еще не принадлежала, но теперь хочу принадлежать, — прошептала она.

Бѣгушевъ потерялъ наконецъ голову. Мѣрова въ своемъ увлеченіи казалась ему очаровательною: глаза ея блистали, все тѣло пылало въ жару.

Пріѣхавшій въ восемь часовъ докторъ, извѣстивъ о себѣ звонкомъ, прервалъ ихъ свиданіе. Бѣгушевъ поспѣшилъ уйти отъ Елисаветы Николаевны. Докторъ, войдя къ ней, замѣтилъ, что она была въ

тревожномъ состояніи, и первое, что началъ выслушивать ея грудь; выраженіе лица его дѣлалось недовольнымъ.

— Вамъ больше всего надобно беречь ваше сердце, а вы его-то и не бережете, — сказалъ онъ укоризненнымъ голосомъ.

— Нѣтъ, ничего!.. мнѣ сегодня гораздо лучше!.. — отвѣчала безумица веселымъ тономъ.

Докторъ сомнительно покачалъ головой, далъ ей двойную дозу капель дигиталисъ, и увѣзая, увѣдительно просилъ не волноваться и не тревожиться ничѣмъ.

Бѣгушевъ, возвратясь въ свой кабинетъ, засталъ Хвостикова и Трахова.

— Это какими судьбамъ?—воскликнулъ онъ, обращаясь къ генералу и дружески пожимая его руку.

— Приѣхалъ совсѣмъ съ женой въ Москву.

— А гдѣ же его сіятельство вы подцѣпили? — спрашивалъ Бѣгушевъ.

— Въ клубѣ встрѣтились, и можете себѣ представить, вдругъ тамъ кто-то выдумалъ, что я привезъ изъ Петербурга по современной политикѣ важную новость, а я никого даже не видалъ передъ отъѣздомъ оттуда,—говорилъ генералъ съ гримасой.

— Передавая московскія вѣсти, я обыкновенно прибавляю: съ позволенія сказать, это я слышалъ въ Москвѣ!—съострилъ графъ Хвостиковъ.

— Именно! — подхватилъ генералъ Траховъ, видимо бывший въ весьма дурномъ расположеніи духа, что съ нимъ почти всегда случалось, когда онъ былъ не въ очень дальнемъ разстояніи отъ супруги своей.

— Вы главное скажите Александру Ивановичу, — напомнил Трахову графъ.

— Главное, — продолжалъ тотъ невеселымъ голо-
сомъ: — что въ воскресенье у насъ будетъ une petite
soirée littéraire... будутъ читать драму жены... Я
профанъ въ этомъ дѣлѣ, хоть и очень люблю театр...

— Драма будетъ ко времени... ко времени... —
подхватилъ опять Хвостиковъ.

— Можетъ быть, — согласился генераль и отнесся
къ Бѣгушеву: — Жена умоляетъ васъ, cousin, пріѣхать
къ намъ и прослушать ея твореніе. Вы хоть и пики-
руетесь съ ней всегда немножко, но она васъ без-
конечно уважаетъ.

Бѣгушевъ молчалъ.

— Пріѣдете? — повторилъ генераль: — а въ про-
тивномъ случаѣ она меня со свѣта сгонитъ.

Бѣгушевъ колебался еще нѣсколько мгновений:
драма кухни заранѣе ему представлялась чѣмъ-то
безконечно бездарнымъ, мертвящимъ; но будучи
исполненъ собственнаго счастья, онъ обѣщался
быть.

— Mercî, тысячу разъ mercî... — произнесъ ге-
нераль: — но теперь вотъ еще задача! Жена желаетъ,
чтобы драму читала актриса Чуйкина... она гдѣ-то
слышала ее, какъ она декламировала поэму Глинки
Капля... vous connaissez cet ouvrage?..

— Слыхалъ о немъ, — отвѣчалъ Бѣгушевъ.

— On dit, что это высокое произведение!.. Quant
à moi, pardon, je ne le comprends pas... Я случайно
прочелъ эту поэму, найдя ее въ библиотекѣ покойнаго
тестя, который былъ, вы вѣроятно слышали, закла-
тый масонъ, носилъ званіе великаго провинціаль-

наго мастера и ужасно дорожилъ всеми подобными писаніями.

— Но отчего же Татьяна Васильевна сама не хочетъ намъ прочесть свою драму? — спросилъ Бѣгушевъ.

— Ссылается на голосъ... говоритъ, что голосъ у ней слабъ, а она желаетъ, чтобы каждое слово изъ ея пьесы все слышали... авторское, знаете, самолюбіе, но трудность тутъ та, что подай ей непремѣнно Чуйкину, которую, конечно, я видалъ, и она всегда мнѣ напоминала парижскую кухарочку, а въ тоже время, по слухамъ, очень горда и вдругъ на приглашеніе мое скажетъ: «же не ве па, же не ве па, же не манжъ па де ля рѣпа».

— По моему вотъ какой тутъ самый практической путь!.. — отозвался графъ Хвостиковъ: — Чуйкина живетъ съ Офонькинымъ, который ее нигуда безъ себя не пускаетъ... единственное средство ѣхать вамъ, генераль, къ Офонькину и пригласить его вмѣстѣ съ Чуйкиной.

Генерала покорило.

— *C'est impossible!*.. — воскликнулъ было онъ сначала.

— Иначе она не поѣдетъ! — повторилъ графъ настойчиво.

— Но когда же ѣхать? — спросилъ генераль.

— Сейчасъ!.. я хоть и врагъ Офонькина, но съ вами поѣду! — отвѣчалъ графъ.

Генераль вопросительно взглянулъ на Бѣгушева.

— Какъ вы, *cousin*, думаете: можно? — сказалъ онъ тому.

— Это дѣло вашего вкуса, — отвѣчалъ ему Бѣгушевъ.

— Mon Dieu, какой тутъ мой вкусъ!.. я только жертва и мученикъ моей жены! — воскликнулъ генераль плачевнымъ голосомъ.

— Но подобное приглашеніе, полагаю, не понравится и Татьянѣ Васильевнѣ... она такъ шепетильна и строга въ этомъ отношеніи! — проговорилъ Бѣгушевъ.

— Для драмы своей она готова идти на все... человекъ, кажется, убить способна! — замѣтилъ генераль.

— Ничего, поѣдемте! — ободрилъ его Хвостиковъ.

Генераль пожалъ плечами и согласился.

Когда они пріѣхали къ Офонькину, то застали его собирающимся уѣхать изъ дому и отправиться именно къ Чуйкиной; онъ былъ уже въ передней и держалъ въ рукахъ завернутый въ бумагу толстый кусокъ шелковой матеріи, которую и везъ ей въ подарокъ.

Увидѣвъ знакомую ему фигуру графа Хвостикова, Офонькинъ сдѣлалъ недовольную мину, но взглянувъ на его спутника въ генеральскихъ погонахъ, онъ вдругъ почувствовалъ страхъ. Офонькинъ подумалъ, что Траховъ какой-нибудь жандармъ и пріѣхалъ братъ его за то, что онъ на дняхъ очень развольнодумничался въ клубѣ и высказалъ пропасть либеральныхъ мыслей.

— Прошу покорнѣйше сюда, — сказалъ онъ, сразу попятясь назадъ и сбрасывая проворно свое пальто, а затѣмъ пригласилъ гостей садиться; ему должно мниться, что генераль пріѣхалъ къ нему по доносу Хвостикова, отъ котораго Офонькинъ всякой гадости ожидалъ.

— Чѣмъ могу служить?—спросилъ онъ.

— Очень многимъ и очень малымъ, — отвѣчалъ развязнѣйшимъ тономъ графъ:—вы хорошій знакомый madame Чуйкиной, а супруга генерала написала превосходнѣйшую пьесу, которую и просить madame Чуйкину, со свойственнымъ ей искусствомъ, прочесть у ней на вечерѣ, имѣющемъ быть въ воскресенье; генераль вмѣстѣ съ тѣмъ приглашаетъ и васъ по-сѣтить ихъ домъ.

Генераль, бывшій сначала очень смущенъ и не могшій равнодушно видѣть толстаго и черномазаго шиворотка Офонькина, наконецъ пріосанился немного и проговорилъ:

— Вы насъ очень обяжете вашимъ посѣщеніемъ.

Офонькинъ думалъ было отказаться, но, замѣтивъ на Траховѣ генеральскій погонъ, счелъ за лучшее не сказать ничего рѣшительнаго.

— Я передамъ ваше желаніе madame Чуйкиной и какой получу отъ нея отвѣтъ, васъ увѣдомлю, — проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, ужь вы категорически скажите намъ, можете ли вы и madame Чуйкина пріѣхать читать, — настаивалъ графъ.

— И я васъ прошу объ этомъ, — повторилъ за нимъ генераль.

— Вы знаете, какой огромный талантъ у madame Чуйкиной, ей стыдно закапывать его, пьеса скоро будетъ поставлена на сцену, автору она доставитъ славу, а madame Чуйкиной прибавитъ еще новую вѣтвь къ ея лавровому вѣнку!.. — расписывалъ Хвостиковъ.

— Madame Чуйкина, вѣроятно, согласится и прі-

ѣдетъ!—изъяснилъ наконецъ Офонькинъ, видимо подвупленный похвалами графа.

— Мы будемъ очень рады ея посѣщенію, — произнесъ генералъ; у него уже потъ со лба выступилъ отъ всѣхъ этихъ объясненій и хлопотъ.

— Приѣдетъ!—повторилъ еще разъ Офонькинъ и при прощаньи уже съ важностью и то слегка только мотнулъ головой своимъ гостямъ.

Траховъ во всю жизнь не бывалъ въ такомъ унижительномъ положеніи, въ какомъ очутился въ настоящій вечеръ по милости супруги!

IX.

Независимо отъ присылки мужа, Татьяна Васильевна написала Бѣгушеву письмо, въ которомъ умоляла его пріѣхать къ ней и, чтобы заманить «гурмана» кузена, прибавляла въ постъ-скриптумѣ, что именно для него будетъ приготовленъ ужинъ самого изысканнаго свойства. Бѣгушевъ понималъ, что не ѣхать къ Траховымъ значило рассориться съ ними на всю жизнь, а ему этого не хотѣлось; такъ какъ при всемъ отвращеніи къ Татьянѣ Васильевнѣ, генерала онъ, по старой привычкѣ, искренно любилъ. Принявъ это въ соображеніе, онъ велѣлъ имъ сказать черезъ присланнаго къ нему съ письмомъ лакея, что «будетъ непременно!»

Вечеромъ, часовъ въ девять, графъ вошелъ къ дочери, что весьма рѣдко съ нимъ случалось. У Елисаветы Николаевны въ это время сидѣлъ Бѣгушевъ.

— Вы поѣдете къ Траховымъ?—спросилъ онъ его.

— Поѣду! — отвѣчалъ ему тотъ съ досадою.

— Пора! — сказалъ графъ: — я распорядился, чтобы карета была готова.

— Куда вы ѣдете? — проговорила Елисавета Николаевна недовольнымъ голосомъ: Бѣгушевъ обыкновенно просиживалъ у ней цѣлые дни.

— На одинъ родственныи вечеръ, — объяснилъ онъ ей.

— Это васъ папа все подговариваетъ: ему всегда куда-нибудь только да изъ дому уѣхать! — продолжала съ тѣмъ же недовольствомъ Мѣрова.

— Почему же я?.. нельзя-же Александру Ивановичу не выѣзжать никуда! — возразилъ графъ.

— Я скажу сестрѣ, чтобы она безъ насъ посидѣла съ вами, — проговорилъ Бѣгушевъ.

— Хорошо!.. Аделаида Ивановна такая добрая... мы съ ней грань-пасьянсъ будемъ раскладывать!

— Отлично это! — одобрилъ Бѣгушевъ и зашелъ къ сестрѣ, которой сказавъ, что онъ ѣдетъ къ Траховымъ, просилъ ее, чтобы она провела вечеръ съ Елисаветой Николаевной.

— Непремѣнно!.. очень рада тому! — полувоскликнула Аделаида Ивановна, сама до одурѣнія скучавшая въ своей комнатѣ. Бѣгушевъ, выйдя отъ сестры, прямо отправился садиться въ экипажъ. Графъ Хвостиковъ послѣдовалъ за нимъ и, видя, что Бѣгушевъ былъ въ пальто, не удержался и спросилъ:

— Александръ Ивановичъ, вы не во фракъ развѣ поѣдете?

— Вотъ еще что выдумали!.. Поѣду я на дурацкое священнодѣйствіе Татьяны Васильевны во фракъ.

— Но ловко-ли это будеть?—осмѣлился замѣтить графъ.

— Отвяжитесь, пожалуйста!—обрѣзалъ его Бѣгушевъ.

Когда они подѣхали къ квартирѣ Траховыхъ и вошли, то генераль стоялъ уже на лѣстницѣ. Съ самаго утра Татьяна Васильевна брюзжала на него за то, что будто-бы онъ не постарался и не хотѣлъ устроить ей литературный вечеръ и что, вѣроятно, никто къ нимъ не пріѣдетъ. Тщетно генераль увѣрялъ ее, что всѣ будутъ; но вотъ, однако, наступилъ уже десятый часъ, а прибыли пока только Бѣгушевъ и графъ Хвостиковъ.

— Представьте себѣ: этой кухарочки парижской, Чуйкиной все еще нѣтъ! — сказалъ онъ имъ встревоженнымъ голосомъ.

— Явится!.. Невозможно, чтобы не пріѣхала,— успокоилъ его графъ.

Татьяна Васильевна встрѣтила Бѣгушева и Хвостикова съ доброй улыбкой.

— Благодарю васъ, благодарю! — говорила она, пожимая у того и у другаго руку и вмѣстѣ съ тѣмъ благоухая аптекарскими травами.

— А ужинъ будетъ? — спросилъ ее злившійся въ душѣ Бѣгушевъ.

— Будеть!.. будетъ!.. Ужасный вы человекъ, кузень!.. — воскликнула Татьяна Васильевна.

Вскорѣ пріѣхалъ еще гость, господинъ съ заломленной назадъ головой, въ синемъ пенсене и очень нахально вошедшій въ гостиную.

— Господинъ Кликушинъ... театральнѣйшій крп-

тигъ!.. — проговорилъ генералъ, обращая эти слова болѣе къ Бѣгушеву.

Тотъ молча и издали поклонился критику, который отвѣтилъ ему столь же сухо.

— А вы, конечно, знакомы? — поспѣшила прибавить Татьяна Васильевна графу.

— Давно! — отвѣчалъ тотъ.

— Давно! — подтвердилъ и критикъ, дружески мотнувъ головой графу.

Вслѣдъ за тѣмъ влетѣлъ какъ-бы съ цѣпи сорвавшійся Долговъ.

— Опоздалъ? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — сказала ему Татьяна Васильевна и, отведя въ сторону, начала ему что-то такое толковать шепотомъ о пьесѣ своей. Долговъ слушалъ ее съ полнѣйшимъ вниманіемъ; а между тѣмъ пріѣхалъ новый гость, старенькій, старенькій старичокъ.

— Вы видите, являюсь къ моей ученицѣ; вы мой выводокъ: ваше первое произведеніе было напечатано въ моемъ сборникѣ, — прошамкалъ онъ, подходя къ Татьянѣ Васильевнѣ.

— У васъ, конечно!.. Еще бы мнѣ не помнить этого; но то что же!.. То были фантазіи молодой дѣвушки!.. теперешній же мой трудъ, напротивъ, вы не повѣрите, чего онъ мнѣ стоилъ!.. — объяснила она ему.

— Я думаю, я думаю!.. — шамкалъ старичокъ.

— Мнѣ удивительно, какъ я не ослѣпла!.. — продолжала Татьяна Васильевна: — три года я училась и читала; сколько мнѣ денегъ стоило скупить нужный историческій матеріалъ.

Генераль при этомъ слегка отдулся; онъ тоже помнилъ, чего и ему стоилъ этотъ матеріалъ: Татьяна Васильевна безпощаднымъ образомъ гоняла его по книжнымъ магазинамъ и ко всевозможнымъ букинистамъ разыскивать и покупать старыя, замаранные и какимъ-то погребомъ отзываются книги, которыя везя домой, генераль обыкновенно думалъ: «есть ли что хуже на свѣтѣ этихъ *bas bleux!*.. лучше ихъ всякая кокотка, всякая горничная, прачка!»

— Я не похожа на нынѣшнихъ писателей, — продолжала объяснять Татьяна Васильевна старичку: — они любятъ описывать только то, что видятъ на улицѣ, или какую-нибудь гадкую любовь...

— Нынѣшніе писатели описываютъ то, что и въ домахъ видятъ!.. — остановилъ ее критикъ, принявшій нѣсколько на свой счетъ фразу Татьяны Васильевны о томъ, что нынѣшніе писатели изображаютъ однѣ уличныя сцены.

— А я противъ того мнѣнія Татьяны Васильевны, — подхватилъ Бѣгушевъ: — что почему она называетъ любовь *гадкою*? Во все времена все великіе писатели считали любовь за одно изъ самыхъ поэтическихъ, самыхъ активныхъ и пріятныхъ чувствъ человѣческихъ. Противъ любви только тѣ женщины, которыхъ никогда никто не любилъ.

Генераль готовъ былъ расцѣловать кузена за эту мысль, но вмѣстѣ съ тѣмъ и смутился немного: намекъ былъ слишкомъ ясенъ!

— А сколько я писалъ прежде о любви, — зашамкалъ старичокъ: — разъ я въ одномъ изъ моихъ стихотвореній, описывая даму, говорю, что ея черные глаза загорѣлись во дбу, какъ два угля, и мой пріят-

тель мнѣ печатно возражаетъ, что глаза не во лбу, а подо лбомъ и что когда они горятъ, такъ должны быть красивые, а не черные!.. Кто изъ насъ правъ, — спрашиваю?

На этотъ вопросъ старичка никто не отвѣтилъ кромѣ Бѣгушева.

— Вы правѣе вашего противника! — сказалъ онъ ему:—но въ нашемъ спорѣ, полагаю, что я правъ; зачѣмъ-же Татьяна Васильевна такъ унижаетъ любовь?

— Не я унижаю, а вы, вы, мужчины; но успокойтесь; и въ моей пьесѣ будетъ любовь и даже *незаконная*,—ублажала она *ужаснаго* кузена.

Раздавшееся шушурканье въ передней заставило генерала вскочить и уйти туда. На этотъ разъ оказалось, что пріѣхали актриса Чуйкина и Офонькинъ. Чуйкина сначала спустила съ себя бархатную, на бѣломъ барашкѣ, тальму; затѣмъ сняла съ своего рта сортиреспираторъ, который она постоянно носила, полагая, что скверный московскій климатъ испортитъ ея божественный голосъ. Офонькинъ въ это время освободилъ себя отъ тысячной ильковой шубы и внимательно посмотрѣлъ, какъ вѣшалъ ее на гвоздикъ принимавшій платье лакей.

Генераль торжественно ввелъ этихъ двухъ гостей въ свой салонъ.

— Я думала, что вы и не пріѣдете — сказала Татьяна Васильевна актрисѣ.

— Нѣтъ, отъ чего? — отвѣчала та обязательнымъ тономъ.

Татьяна Васильевна указала Чуйкиной на мѣсто рядомъ съ собой на диванѣ. Та сѣла. Татьяна Ва-

сильевна даже Офонькину, хоть онъ былъ еврей и развратникъ, подала руку и проговорила: «вы у насъ такой замѣчательный дѣятель!»

Всѣ размѣстились наконецъ.

Бѣгушевъ нѣсколько времени смотрѣлъ на актрису: онъ никогда не впадалъ ея на сценѣ; но по одутловатой, румяной и тривіальной ея физиономіи заключилъ, что врядъ-ли у нея могъ быть настоящій талантъ.

— Мы можемъ начать чтеніе,—сказала Татьяна Васильевна актрисѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ пододвинула ей свою драму, переписанную щегольскимъ, писарскимъ почеркомъ.

Чуйкина взяла рукопись, бѣгло и почти не глядя перелистовала ее и сказала:

— Всю драму я должна читать?

— Всю!.. Вы знаете, какъ я люблю ваше чтеніе,—произнесла Татьяна Васильевна запескивающимъ голосомъ.

— Драма: «Смерть Ольги», прочитала актриса заглавіе.

— Нашей знаменитой Ольги, жены князя Игоря!—поспѣшила ей объяснить Татьяна Васильевна.

— Я знаю! — отвѣтила актриса и соврала: ни о какой исторической Ольгѣ она не слыхивала. Далѣе читала: «Ночь, крѣпостныя ворота.

Привратникъ.

«Стой, кто идетъ?

Молодой оруженосецъ.

«Идутъ свои.

Привратникъ.

«Княгиня не велѣла никого впускать.

О Р У Ж Е Н О С Е Ц Ъ .

«Врешъ, я болѣе преданный слуга княгини, чѣмъ-ты.

Между ними начинается борьба; оруженосецъ убиваетъ привратника и проходитъ въ крепость».

— Я не могу этого читать: тутъ все мужскія роли! — объявила актриса.

— Вы хоть сцену Ольги прочтите! — почти про-стонала испугавшаяся Татьяна Васильевна и, развернувъ тетрадь, показала то явленіе, которое происходило между Ольгой и молодымъ оруженосцемъ.

Актриса снова начала читать.

Ольга (стоявшая на колѣняхъ передъ божницей).

«Вотъ такъ, какъ эти слезы, исходитъ изъ меня и жизнь моя!

О Р У Ж Е Н О С Е Ц Ъ .

«Княгиня, дайте мнѣ упасть передъ вами на колѣни и на коврѣ вашу слезу облобызать».

— Хорошо! — отозвался Долговъ.

— Прочитано отлично! — замѣтилъ критикъ.

Старичокъ отъ восторга разводилъ только руками, утиралъ катящіяся изъ глазъ его слезы.

— Теперь далѣе, далѣе, — торопила свою исполнительницу Татьяна Васильевна.

— Далѣе я не могу читать: опять все идутъ мужскія роли, — отозвалась актриса.

— Отчего же не читать и за мужчинъ! — замѣтилъ ей Офонькинъ.

— Оттого, что я не мужчина! — отвѣтила ему Чуйкина.

Офонькинъ слегка пожалъ плечами. Онъ зналъ, что возлюбленная его была не далека и капризна, но, чтобы до такой степени простиралась ея глупость, не подозрѣвалъ даже: не хотѣтъ читать при такомъ обществѣ и при такихъ похвалахъ!..

— Но какъ же тутъ быть? — спросила Татьяна Васильевна, почти въ отчаяніи взглядывая на мужа.

— Позвольте я буду читать! — воскликнулъ Долговъ.

— Ахъ, пожалуйста! — провопіяла Татьяна Васильевна.

Долговъ, взявъ тетрадь, началъ читать громко, но впечатлѣніе отъ его чтенія было странное: онъ напиралъ только на тѣ слова, гдѣ была буква р: «Оружіе, друзья, берите, поднимемъ весь народъ!.. и въ рьяный бой мы рьяно устремимся!» кричалъ онъ на весь домъ. Женскія же роли произносилъ какимъ-то тихо-сладкимъ и неестественнымъ голосомъ. Наконецъ, дочитавъ второй актъ, почувствовалъ, что чтеніе его было очень неискusstное, и, по своей откровенности, самъ сознался въ томъ: «нѣтъ, я сверно читаю!»

Татьяна Васильевна грустно потупила глаза.

Бѣгушева начинало уже все это забавлять.

— Да вы дайте читать вашему прежнему учителю, — посовѣтовалъ онъ ей, показывая на старичка.

— Готовъ, готовъ! — сказалъ тотъ.

Татьяна Васильевна, не мѣняя грустнаго выраженія лица, пододвинула къ нему свою тетрадь.

Старикъ зашамкалъ:

«Теремъ внязя. Вдали слышится пѣніе: «Ахъ, подружки, отъ чего же нейдете вы въ лѣса!.. Тамъ

грибовъ и ягодъ много!.. Наберите мнѣ цвѣтовъ душистыхъ!..»

— Кузина, позвольте мнѣ замѣтить, что эти стихи очень напоминаютъ Аскольдову могилу: «Ахъ, подруженьки, какъ грустно!..» — проговорилъ Бѣгушевъ.

— Напоминать хорошее всегда не мѣшаетъ! — отвѣтила она ему рѣзко и просила старичка продолжать.

Тотъ продолжалъ, но только вдругъ на одномъ очень поэтическомъ, по мнѣнію Татьяны Васильевны, монологѣ, началъ кашлять, чихать, и въ заключеніе до того докашлялся, что заставилъ дамъ покраснѣть и потупитья, а мужчинъ усмѣхнуться и вмѣстѣ съ ними самъ добродушно разсмѣялся.

— Старъ, чувствую это! — проговорилъ онъ.

— И мы тоже чувствуемъ! — подхватилъ Бѣгушевъ.

— Кузень! — прикрикнула на него, по обыкновенію, Татьяна Васильевна.

— Позвольте мнѣ читать! — предложилъ себя графъ Хвостиковъ.

Татьяна Васильевна разрѣшила ему.

Графъ, вслѣдствіе разнообразныхъ способностей, присущихъ ему, дочиталъ драму толково и ясно.

Татьяна Васильевна нѣсколько мгновений поджидала услышать мнѣніе своихъ слушателей; но всѣ они молчали.

— Какъ же вамъ, господа, понравилась моя драма? — спросила наконецъ она, поставивъ на карту свое авторское самолюбіе.

— Драма превосходная! — сказалъ Бѣгушевъ, но, по выраженію его лица, ясно было видно, какого

рода была эта похвала, такъ что Татьяна Васильевна даже замѣтила это.

— Неправду говорите, я вамъ не вѣрю, — отнеслась она къ нему, махнувъ рукой.

— И по моему, драма превосходна! — подхватилъ старичокъ не громко, боясь еще разъ раскашляться. Долговъ тщетно прискивалъ въ головѣ своей, чтобы такое сказать въ одобреніе драмы, но не находилъ того; конечно, тутъ былъ народъ и старая Русь, но все это было какъ-то слабо связано.

— Въ драмѣ есть единство, — заговорилъ критикъ, заламывая еще болѣе назадъ свой голову: — единство времени, мѣста и дѣйствія, — дообъяснилъ онъ.

Долговъ видимо хотѣлъ было возразить ему, но его перебилъ старичокъ восклицаніемъ своимъ:

— Тутъ все есть!

— Все! — не опровергнулъ и графъ Хвостиковъ.

Критикъ тоже противъ этого ничего не высказалъ.

Въ сущности графъ Хвостиковъ, встрѣтившись наканунѣ въ театрѣ съ генераломъ, и посовѣтовалъ ему пригласить бывшего тоже тамъ критика на чтеніе; сему же послѣднему шепнулъ, что это приглашаютъ его въ одинъ очень аристократическій домъ.

— А что именно будутъ читать? — спросилъ равнодушно критикъ, но въ тайнѣ обрадованный такимъ почетомъ.

— Драму хозяйки дома, и, разумѣется, какъ дамское произведеніе, по законамъ вѣжливости, надо будетъ расхвалить! — предупредилъ его Хвостиковъ.

— Можно! — согласился критикъ.

— Тѣмъ болѣе, что за это можно будетъ и вознагражденіе получить! — добавилъ графъ.

— И то не дурно! — отозвался критикъ.

Все это они, какъ мы видѣли, и сдѣлали отчасти. Актрисѣ между тѣмъ становилось невыносимо скучно посреди всего этого общества и главнымъ образомъ оттого, что курить было нельзя, а она обыкновенно цѣлые дни не выпускала папироски изо рта.

— Чтеніе окончилось, и мы можемъ уѣхать? — сказала она, не вытерпѣвъ болѣе, Офонькину.

Тотъ, помня золотой эксельбантъ генерала, отвѣтилъ ей суровымъ взглядомъ. Актриса поняла его и не повторила болѣе своего желанія, и чтобы занять себя чѣмъ-нибудь, она начала разговаривать съ критикомъ, хоть и зла была на него до невѣроятности, такъ какъ онъ недавно обругалъ въ газетѣ ея бенефисъ за пьесу и за исполненіе.

Татьяна Васильевна въ свою очередь грустно размышляла: «Итакъ, вотъ ты, поэзія, на судъ какихъ людей попадаешь!» Но тутъ же къ утѣшенію себѣ она припомнила слова своего отца - масона, который часто говаривалъ ей: «духъ нашъ посреди земной жизни замкнуть, оскорбляемъ и безславимъ!.. Терпи и помни, что имъ только однимъ и живеть міръ! Всѣмъ нужно страдать и стремиться воздвигнуть новый храмъ на развалинахъ стараго!»

— Ваше высокопревосходительство, я ѣсть хочу! — сказалъ Бѣгушевъ генералу опять таки съ единственной цѣлью побѣсить кузину.

— Сейчас! — отвѣтилъ тотъ протяжно и взглядывая въ то же время на жену.

— Пойди, узнай, готово-ли тамъ?—позволила ему Татьяна Васильевна.

Генераль съ удовольствіемъ пошелъ въ столовую и, возвратясь оттуда, просилъ гостей пожаловать къ ужину.

Всѣ начали подниматься за исключеніемъ актрисы, которая оставалась на своемъ мѣстѣ, такъ что Татьяна Васильевна должна была лично къ ней одной обратиться и проговорить: «прошу васъ»!

Актриса съ замѣтной гримасой встала и не-хотя пошла за хозяйкой, которая, какъ ни раздосадована была всѣми этими ломаньями Чуйкиной, посадила ее опять рядомъ съ собой, а по другую сторону Татьяны Васильевны помѣстился графъ Хвостиковъ и сталъ ее просить позволить ему взять піесу съ собой, чтобы еще разъ ее прочесть и сдѣлать о ней заранѣе рекламу.

— И чтобы въ этой рекламѣ раскритиковать и унижить мое дѣтище,—проговорила грустнымъ голосомъ Татьяна Васильевна.

— Увидите!—воскликнулъ Хвостиковъ и отнесся скороговоркой къ критику: — Экземпляръ піесы мы будемъ имѣть!

Тотъ глубокомысленно кивнулъ головой и залпомъ выпилъ полъ-стакана портвейна, поближе къ которому онъ не безъ умыслу, кажется, и усѣлся.

Офоньянъ, оглядѣвшій убранство стола и стоявшихъ у стѣнъ нѣсколькихъ ливрейныхъ лакеевъ, остался замѣтно доволенъ этимъ наружнымъ видомъ и протянулъ было уже руку къ ближайшему стулу къ хозяину; но генераль очень ловко и быстро успѣлъ этотъ стулъ поотодвинуть и указать на него

Бѣгушеву, на который тотъ и опустился. Офонькинъ такимъ образомъ очутился между старичкомъ и Долговымъ и сталъ на обоихъ смотрѣть презрительно.

— А вы будете играть въ моей пьесѣ? — спросила Татьяна Васильевна актрису.

— Мы все играемъ! — проговорила та.

Что оставалось дѣлать послѣ подобнаго отвѣта! Татьяна Васильевна рѣшилась не произносить съ актрисой болѣе ни слова.

Долговъ, по поводу пьесы Татьяны Васильевны, началъ разсуждать о народѣ русскомъ и столько навывдумалъ на этотъ народъ въ ту и другую сторону, что ему Офонькинъ даже замѣтилъ: «это не такъ, этого не бываетъ». У Долгова была удивительная способность нигдѣ ничего не видѣть настоящаго и витать гдѣ-то между небомъ и землею.

Ужинъ по внутреннему своему содержанию оказался еще лучше, чѣмъ было по наружному убранству. Откуда и черезъ посредство кого генераль его устроилъ, этому надо было удивляться, а въ награду себѣ онъ только взглядомъ спрашивалъ Бѣгушева, который ему благодарно улыбался. У генерала можно было отнять всѣ человѣческія достоинства, но ѣсть онъ умѣлъ!

Долговъ, начавшій вмѣстѣ съ другими, безъ всякаго впрочемъ пониманія, глотать ужинныя блага, стремился поспорить съ критикомъ касательно греческой трагедіи и объ ея трехъ единствахъ. Будучи не въ состояніи себя сдерживать, онъ ни съ того, ни съ сего возвѣстилъ:

— Греческая трагедія, подъ давленіемъ своей пластической религіи, узка, сжата!

Критикъ, вышившій уже цѣлую бутылку портвейна, откинулся гордо на задокъ стула.

— Какъ?.. — сказалъ онъ.

— Узка! — повторилъ Долговъ: — Шекспиръ выше греческихъ трагиковъ.

— Чѣмъ? — спрашивалъ лаконически критикъ.

— Шекспиръ всеобъемлющъ, — лупилъ, не слушая своего оппонента, Долговъ: — какъ Богъ творилъ міръ, такъ и Шекспиръ писалъ; у него всѣ внутреннія силы нашей планеты введены въ объектъ: у него есть короли - власть!.. у него есть тѣни, вѣдьмы-фатумы!.. У него есть народъ - сила!

— Гдѣ народъ у Шекспира? — разсчиталъ было подшибить его критикъ.

— Въ могильщикахъ, въ Коріоланѣ и цѣлая масса въ его хроникахъ!..

— Кто народъ въ хроникахъ? — допытывалъ его строго критикъ.

— Всѣ кумушки, Фальстафъ и народнѣйшій король Генрихъ Пятый! — отпарировалъ его Долговъ.

Татьяна Васильевна молча ихъ слушала и была грустна; она полагала, что этимъ двумъ спорящимъ лицамъ въ настоящій вечеръ слѣдовало бы говорить объ ея пьесѣ, а не о Шекспирѣ.

Долговъ бы, конечно, не скоро пересталъ спорить, но разговоръ снова и совершенно неожиданно перешелъ на другое; мы, русскіе, какъ извѣстно, въ нашихъ бесѣдахъ и даже засѣданіяхъ не любимъ говорить въ порядѣ и доводить разговоръ до конца, а больше какъ-то галдимъ и перескакиваемъ, обыкновенно, съ предмета на предметъ; никто почти никогда никого не слушаетъ и каждый спѣшитъ вы-

сказать только то, что у него на умишкѣ есть! Самъ хозяинъ, которому очень ужъ наскучилъ эстетическій разговоръ, рассказалъ Бѣгушеву вечернюю телеграмму объ одной изъ послѣднихъ кровавыхъ стычекъ на войнѣ. По поводу этой телеграммы съ заломленной головой критикъ началъ разбирать и обвинять нѣкоторыя наши стратегическія движенія. Бѣгушевъ, прислушавшись къ его словамъ и вдругъ весь вспыхнувъ, почти крикнулъ ему:

— Какъ вы позволяете себѣ такъ рѣшительно судить?

— Судить, я полагаю, всякій можетъ!—возразилъ критикъ.

— Нѣтъ, не всякій, а теперь и никто; я думаю, передъ вами схватились не машины, сопровождаемыя людьми, какъ это было въ франко-прусскую войну, а два тигра-народа, сопровождаемые машинами. Не говоря уже о васъ и другихъ разговаривателяхъ, весь міръ долженъ смотрѣть съ благоговѣйнымъ удивленіемъ на эту войну. Это не люди дерутся, а какіе-то олимпійцы, полубоги!

— Превосходно! Превосходно!—закричалъ добродушный Долговъ.

Генераль Траховъ поникъ въ восторгъ головою; Хвостиковъ одобрительно улыбался; у Татьяны Васильевны слезы капали изъ глазъ. Критикъ былъ очень опѣшенъ.

— Если вы отрицаете право разсуждать, такъ и вы не имѣете его! — произнесъ онъ.

Бѣгушевъ отвѣтилъ ему презрительнымъ взглядомъ.

— Нѣтъ, Александръ Ивановичъ можетъ разсуж-

дать. Я съ нимъ сослуживецъ и знаю его храбрость, — замѣтилъ генераль.

Актриса при этомъ взмахнула глазами на мрачную и всетаки величавую фигуру Бѣгушева.

Критикъ, подумавъ, что Бѣгушевъ въ самомъ дѣлѣ можетъ быть, чортъ знаетъ, какой храбрецъ и нахаль, счелъ за лучшее не продолжать спора и въ утѣшеніе себя выпилъ стаканъ вина.

— Туркамъ англичане очень помогаютъ, — сказалъ вполголоса Офонькинъ, сидѣвшему около него старичку.

— А намъ Богъ поможетъ, — отозвался тотъ; въ это время одинъ изъ лакеевъ что-то такое тихо сказалъ Бѣгушеву, а потомъ и графу Хвостикову. Оба они съ безпокойствомъ встали съ своихъ мѣстъ и вышли въ переднюю. Тамъ ихъ дожидался Прокофій.

— Аделаида Ивановна меня прислали сказать, что госпожа Мѣрова умерла, — проговорилъ онъ своимъ монотоннымъ голосомъ.

Бѣгушевъ поблѣднѣлъ, а графъ Хвостиковъ выпучилъ глаза и затрясся всѣмъ тѣломъ.

— Ты врешь!.. не можетъ быть! — едва имѣлъ силы сказать Бѣгушевъ.

— Все кончено! — воскликнулъ, опуская голову, графъ.

— Умерла! — повторилъ Прокофій, какъ-бы съ нѣкоторымъ даже чувствомъ.

— А докторъ былъ-ли позванъ? — спрашивалъ Бѣгушевъ.

— Меня Аделаида Ивановна послали за вами, а своего этого старичонку Дормидоныча за докторомъ, —

отвѣчалъ Прокофій, оттѣнивъ слова *старичонку Дормидоньча* величайшимъ презрѣніемъ.

Генераль, проворно вышедшій вслѣдъ за гостями своими въ переднюю и совершенно не знавшій, что Мѣрова живетъ въ домѣ у Бѣгушева, недоумѣвалъ, по какому случаю Прокофій тутъ очутился и почему Аделаида Ивановна его прислала.

Графъ Хвостиковъ, Бѣгушевъ а также и Прокофій немедля же уѣхали, такъ что генераль не успѣлъ ничего отъ нихъ хорошенько и узнать.

— Что такое случилось? — спросила Татьяна Васильевна, когда онъ возвратился въ столовую.

— Дочь графа одночасно умерла! — объявилъ генераль, садясь на свое мѣсто, и ничего не могъ больше ѣсть: передъ нимъ живо рисовалось пикантное личико Мѣровой.

— Царство Небесное! — произнесла крестясь Татьяна Васильевна.

— Она такъ еще молода была, — замѣтилъ Офонькинъ, котораго тоже нѣсколько поразило это извѣстіе.

— Всѣмъ смертнымъ умирать придется! — выразился равнодушно Долговъ: онъ понималъ страшное значеніе смерти только въ книгахъ и на сценѣ, а въ жизни нѣтъ.

— Всѣмъ, всѣмъ, — пробормоталъ старичокъ.

— Но зачѣмъ Бѣгушева тоже вызвали? — пожелала знать Татьяна Васильевна.

— Вѣроятно, какъ пріятели графа, — объяснилъ генераль.

Вскорѣ затѣмъ актриса и Офонькинъ попросили позволенія встать изъ за стола и уѣхать. Хозяева

ихъ не удерживали. Старичокъ тоже поднялся вслѣдъ за нимъ.

— А драма хороша, хороша! — шамкалъ онъ.

Татьяна Васильевна послѣ того ушла къ себѣ, но Долговъ и критикъ еще часа два спорили между собою и въ концѣ концовъ разругались, что при всѣхъ почти дебатахъ постоянно случалось съ Долговымъ, не смотря на его добрый характеръ! Бѣдный генералъ сколько ни усталъ отъ дневныхъ хлопотъ, сколько не былъ томимъ желаніемъ спать, считалъ себя обязаннымъ сидѣть и слушать ихъ. Какъ же послѣ этого онъ не имѣлъ права считать жену свою хуже всѣхъ въ мірѣ женщинъ! Мало что она сама, но даже гости ея мучили его!

Бѣгушевъ и графъ Хвостиковъ, ѣхавшіе что есть духу домой, всю дорогу молчали. Въ залѣ ихъ встрѣтилъ докторъ.

— Умерла? — спросилъ его Бѣгушевъ.

— Да, разрывомъ сердца, — отвѣчалъ тотъ.

Бѣгушевъ первый вошелъ въ комнату умершей. Точно живой лежалъ маленькій трупъ Елисаветы Николаевны. Бѣгушевъ взялъ ея руку; но та уже начала холодѣть. Графъ упалъ на колѣни передъ трупомъ.

У постели Мѣровой сидѣла Аделаида Ивановна и, закрывъ лицо руками, потихоньку плакала. Въ углу комнаты стояли Минодора и Маремьяша.

— Какъ она умерла? не разсердили-ли вы ея чѣмъ-нибудь? — спросилъ ихъ почти грозно Бѣгушевъ.

— Чѣмъ намъ ихъ разсердить? Мы и въ комнату къ нимъ даже не входили, — отвѣтили въ одинъ голосъ Минодора и Маремьяша.

— Онъ совсѣмъ и не входили, — подтвердила Аделаида Ивановна: — сначала Лиза была очень покойна... такъ внимательно глядѣла, какъ я раскладывала пасьянсъ; но часовъ съ одиннадцати начала все меня разспрашивать: «Александръ Ивановичъ скоро пріѣдетъ?.. Скоро?» Я ее успокаиваю, говорю, что ты уѣхалъ въ одинъ родственныи намъ домъ, высокоаристократическій, и что тебѣ нельзя оттуда уѣхать, когда вздумается... Она убѣдилась и стала даже указывать мнѣ карты, которыя я забывала перекладывать!.. Только я и не замѣтила, какъ это было, вижу, что она приложила платокъ къ лицу и, сон-репез, кровью харкнула... Со мной сдѣлался почти обморокъ... Я не могу, какъ ты знаешь, видѣть крови и знаю одно, что позвонила...—Быстро брызнувшія слезы изъ глазъ старушки прервали ея рассказъ.

— А мы послѣ вбѣгаемъ,—докончила уже Маремьяна:—видимъ, что Елисавета Николаевна лежитъ, закрывши глаза, на постелькѣ, изъ ротику у нихъ кровь идетъ и харабрець этотъ ходитъ въ грудкѣ... Я ее перекрестила три раза, и кровушка унялась.

Бѣгушевъ сѣлъ на одинъ изъ стульевъ.

«На повѣрку выходить, что это я помогъ путямъ природы!» мучительно подумалъ онъ, а потомъ, обратясь къ Минодорѣ, сказалъ, чтобы она вышла къ доктору и попросила его еще разъ завтра пріѣхать; графа Хвостикова и Аделаиду Ивановну услалъ въ свои комнаты: старушка поплелась, ведомая подъ руку Минодорой. Графъ сдѣлалъ видъ, что тоже отъ горести едва идти можетъ.

Бѣгушевъ такимъ образомъ остался одинъ около трупа.

Единственная свѣча тускло горѣла на комодѣ; около нея стояли стеклянки съ недоконченными лѣкарствами; на столѣкъ еще сохранился разложенный пасьянсъ; гдѣ-то подъ поломъ шеберстѣли мыши или что-нибудь другое! Бѣгушеву сдѣлалось не то что страшно, но какъ-то жутко.

— Лиза, Лиза, неужели ты умерла?—шепнулъ онъ и ущипнулъ ея лицо, грудь, но Елисавета Николаевна оставалась неподвижною. Бѣгушевъ махнулъ рукой и ушелъ въ свою комнату, гдѣ почти упалъ на диванъ.

— Еще одна смерть около меня,—говорилъ онъ самъ съ собою:—а, можетъ быть, даже и жертва моя. Точно упасъ я смертоносный: все, что приближается ко мнѣ, или умираетъ, или погибаетъ.

На утро, взглянувъ въ окно, Бѣгушевъ увидѣлъ у воротъ своихъ человекъ двадцать мужчинъ въ поддевкахъ, въ шубенкахъ, съ которыми Прокофій перебранивался. Бѣгушевъ догадался, что это были набѣжавшіе, какъ вороны на трупъ, гробовщики, и отвернулъ глаза отъ окна.

Въ залѣ тѣмъ временемъ обряжали и клали покойницу на столъ. Часовъ въ двѣнадцать пріѣхалъ докторъ. Бѣгушевъ вышелъ въ нему.

— Испытайте, умерла-ли она? — сказалъ онъ.

Докторъ вскрылъ покойницѣ жилу, но кровь не пошла.

— Умерла!—проговорилъ онъ и, побывъ еще немного, распрощался съ Бѣгушевымъ.

Тотъ воротился въ свою комнату.

Вскорѣ пришли священники, засвѣтили свѣчи и начали служить панихиду. Бѣгушевъ, никогда не

могшій переносить поповское пѣніе, ушелъ совсѣмъ изъ дому.

Въ церковь на похороны онъ, впрочемъ, пришелъ и былъ по наружности спокоенъ: онъ не хотѣлъ предъ посторонними обнаруживать, что Елисавета Николаевна была ему близка. Будетъ ужь довольно ее безславили изъ-за другихъ!

Х.

Надъ Домной Осиповной тоже разразились бѣды немалыя. Янсутскій успѣлъ склопотать, чтобы по дѣламъ умершихъ Олуховыхъ учредился въ Сибири конкурсъ, и самъ, будучи избранъ предсѣдателемъ сего конкурса, увѣдомилъ о томъ Домну Осиповну официальнымъ письмомъ, прося ее вмѣстѣ съ тѣмъ объяснить ему, что приняла-ли она наслѣдство послѣ мужа или нѣтъ. Домна Осиповна, потрясенная страхомъ, сначала обратилась за совѣтомъ къ мужу, но тотъ, объявивъ, что въ этихъ дѣлахъ ничего не понимаетъ, уѣхалъ на практику. Домна Осиповна, почти несознающая, что она дѣлаетъ, отправилась въ контору къ Грохову, чтобы умолить его принять на себя ходатайство противъ Янсутскаго. Въ конторѣ ей первоначально сказали, что Григорій Мартыновичъ очень боленъ и никого не принимаетъ кромѣ своихъ старыхъ кліентовъ. Домна Осиповна объяснила, что она тоже старая его кліентка, госпожа Перехватова, бывшая Олухова. Услышавъ послѣднюю фамилію, ее сейчасъ же пустили къ Гро-

хову, который, съ отекившимъ лицомъ и съ ногами, окутанными въ пледъ, лежалъ на кушеткѣ.

— Гроховъ, вы были всегда такъ добры ко мнѣ, и я прѣѣхала просить вашей помощи!...—проговорила Домна Осиповна, опускаясь отъ волненія и усталости на стулъ: слезы текли по ея щекамъ и дѣлали борозды на бѣлилахъ.

— Сколько имѣю силъ, готовъ служить,—отвѣчалъ тотъ глухимъ и не совсѣмъ пріязненнымъ голосомъ.

— Вы, кажется, больны очень; что такое съ вами?—спрашивала Домна Осиповна.

— У меня водянка! — проговорилъ Гроховъ, и лицо его при этомъ исказилось ужасной гримасой.

— Господи, что же это такое?—воскликнула Домна Осиповна и затѣмъ, глядя съ участіемъ на Грохова, продолжала:—вы слышали: Янусевскій хочетъ меня совсѣмъ раззорить?

— Слышалъ!

— И въ самомъ дѣлѣ онъ можетъ раззорить меня?

— Можетъ.

Холодная дрожь пробѣжала по всѣмъ нервамъ Домны Осиповны.

— Но, Григорій Мартыновичъ, возьмите съ меня какія хотите деньги, но не дайте мнѣ погибнуть! Я всегда вамъ платила честно.

Гроховъ слушалъ Домну Осиповну съ нахмуренными бровями.

— Я не могу по этому дѣлу быть вашимъ ходатаемъ; я повѣренный отъ конкурса,—сказалъ онъ.

— Откажитесь отъ нихъ!... они скорѣе васъ обмануть чѣмъ я!..

На лица Грохова пробѣжало что-то въ родѣ усмѣшки.

— Разъ взявшись, этого ужъ нельзя дѣлать!... иначе подѣ судѣ попадешь!..—возразилъ онъ.

— Значить, вы совершенно съ ними въ участіи?

— Я не участникъ въ дѣлѣ, а только ходатай по нему, и не лично даже буду вести его, а мой помощникъ по передовѣрію отъ меня,—едва имѣлъ силы договорить Гроховъ и застоналъ отъ невыносимѣйшей, повидимому, боли.

— По крайней мѣрѣ, посовѣтуйте, что я должна дѣлать? намъ обоимъ осталось жить не долго! сжальтесь, хоть во имя этого, надъ мной!..—продолжала молить его Домна Осиповна!

— Ну, какъ вамъ не долго... Мнѣ такъ точно что не долго!...—пробормоталъ онъ, не переставая стонать.

— Нѣтъ, вы должны жить для спасенія несчастныхъ женщинъ!

При этихъ словахъ Домны Осиповны Гроховъ опять какъ-будто бы усмѣхнулся: онъ никакъ себя не воображалъ заступникомъ и спасителемъ женщинъ; но какъ бы то ни было, къ Домнѣ Осиповнѣ почувствовалъ нѣкоторую жалость, припомня сколько денегъ онъ перебралъ съ нея.

— По моему, вамъ всего лучше помириться съ Янсутскимъ.

— Какимъ образомъ я могу съ нимъ помириться?—спросила Домна Осиповна.

— Дать ему или тамъ конкурсу отступнаго, чтобы они васъ не касались,—свелъ на любимый свой способъ устраивать дѣла Гроховъ.

— Но Янсутскій, Богъ знаетъ, что съ меня потребуетъ!—произнесла Домна Осиповна. Цѣлый адъ былъ вдвинутъ ей въ душу этимъ совѣтомъ Грохова: «что же это такое, собирать, копить, отказывать себѣ во многомъ, все это затѣмъ, чтобы отдать свои средства чортъ знаетъ кому и за что!».. думалось ей.—По закону они ничего не могутъ получить съ меня. Я изъ наслѣдства мужа ни копейки не прожила! Гдѣ же справедливость послѣ этого?—воскликнула она.

— Да вы не отказались отъ наслѣдства, а приняли его,—возразилъ Гроховъ:—конечно...—хотѣлъ было онъ далѣе продолжать, вспомнивъ и другія статьи закона по этому предмету, но пріостановился изъ боязни Янсутскаго, зная, какой тотъ прохода, и очень возможно, что, провѣдавъ о совѣтахъ, которые бы Гроховъ далъ противной сторонѣ, онъ и его, пожалуй, притянетъ къ суду.—Обратитесь къ какому-нибудь другому адвокату, а я умираю; мнѣ не до дѣлъ!—завключилъ онъ и повернулся къ стѣнѣ.

— Но къ кому? — выпытывала у него Домна Осиповна.

— Не знаю!..—не направилъ ее даже и въ этомъ Гроховъ.

Домна Осиповна поняла, что онъ совершенно ей бесполезенъ, а такъ какъ энергія ея, когда что казалось до дѣлъ, предѣловъ не было, то она и поѣхала въ судъ, прямо въ комнату присяжныхъ повѣренныхъ, гдѣ даютъ, какъ она слыхала, совѣты по дѣламъ. Въ судѣ повели ее въ эту комнату...

нервный холодъ съ ней продолжался, руки и ноги дрожали; а голова была какъ-бы въ огнѣ, и въ мозгу что-то такое клокотало и шумѣло. Въ комнатѣ присяжныхъ сидѣло нѣсколько незанятыхъ адвокатовъ и тѣхъ, коихъ была очередь давать совѣты. Всѣ они курили безпощаднымъ образомъ.

— Вамъ угодно что-нибудь? — спросилъ Домну Осиповну одинъ изъ дежурящихъ адвокатовъ и очень еще молодой человѣкъ.

— Я хочу посовѣтываться, — сказала она.

Адвокатъ предложилъ ей стулъ около себя. Двое изъ незанятыхъ адвокатовъ, увидѣвъ все еще красивое и въ настоящій моментъ весьма одушевленное лицо Домны Осиповны, переглянулись между собою и оба подумали: «Штучка не дурная — эта барыня!»

Домна Осиповна начала было рассказывать свое дѣло; но у ней все перепуталось въ головѣ.

— Madame! вы слишкомъ взволнованы; позвольте я сегодня вечеромъ прійду къ вамъ, — проговорилъ слушающій ее адвокатъ.

— Пріѣзжайте! — отвѣчала Домна Осиповна.

— Вашъ адресъ?

Домна Осиповна подала ему свою карточку и ушла.

— Кто это такая? — спросилъ одинъ изъ адвокатовъ, которому понравилась наружность Домны Осиповны.

— Перехватова! — прочиталъ адвокатъ, принявшій отъ Домны Осиповны карточку.

— Это жена, можетъ быть, доктора Перехватова? — полюбопытствовалъ тотъ же адвокатъ.

— Она самая, а прежде бывшая жена Олухова, — объяснилъ довольно мрачный на видъ адвокатъ, сидѣвшій въ сторонѣ и читавшій газету.

— Олухова?—переспросили многіе изъ адвокатовъ съ небольшимъ волненіемъ въ голосъ. Они всѣ почти слышали о начинающемся миллионномъ процессѣ Олуховыхъ.

Адвокатъ, взявшій на себя обязанность пріѣхать къ Домнѣ Осиповнѣ, потеръ себѣ какъ-бы отъ холода руки, но, въ сущности, отъ самодовольства, рассчитывая захватить это дѣло себѣ.

Возвратясь домой, Домна Осиповна ждала мужа, который однако не возвращался. Съ разсвирѣпѣлымъ видомъ начала она ходить по своимъ богатымъ апартаментамъ, чтобы хоть чѣмъ-нибудь утишить терзающіе ее страхъ и гнѣвъ...

Раздался звонокъ, Домна Осиповна думала, что пріѣхалъ мужъ, но оказалось, что это было городское письмо, которое лакей и несъ, по обыкновенію, въ кабинетъ къ доктору.

— Дай мнѣ письмо!—крикнула ему Домна Осиповна.

Лакей подаль ей.

Домна Осиповна сначала понюхала письмо: оно пахло духами. Домна Осиповна разорвала пакетъ, а вмѣстѣ съ нимъ и самое письмо, которое и начала было читать.

«Снѣгъ Перехватовъ! писалось въ немъ, я жду васъ къ себѣ и больна скукою о васъ!...»

Домна Осиповна не стала болѣе читать и бросила письмо на полъ; она сама нѣкогда въ родѣ этого посылала письма къ Перехватову. Въ головѣ

ея, между тѣмъ, зародился новый планъ: ѣхать къ Бѣгушеву. Онъ ей сталъ казаться единственнымъ спасителемъ, и она готова была, на зло мужу, войти во всевозможные компромиссы со своимъ старымъ обожателемъ.

Бѣгушевъ еще изъ окна увидѣлъ, что Домна Осиповна подѣзжаетъ къ крыльцу на дрянномъ извозчикѣ, но быстро, и когда она позвонила, онъ крикнулъ стоявшему предъ нимъ съ бутылкою краснаго вина молодому лакею:—поставь это здѣсь и прими!—Лакей побѣжалъ.

Бѣгушевъ залпомъ выпилъ стаканъ краснаго, которое онъ въ послѣднее время почти постоянно тянулъ. Въ этомъ маленькомъ опьяненіи ему какъ-то легче было существовать! Молодой лакей принялъ Домну Осиповну.

Она прямо прошла въ диванную къ Александру Ивановичу.

— Здравствуйте, мой добрый, старый другъ!—проговорила она.

Бѣгушевъ только отвѣтилъ ей первоначально:

— Здравствуйте!

— Бѣгушевъ, — продолжала Домна Осиповна: — я пріѣхала васъ просить о томъ же, о чемъ просила васъ, можетъ быть, и Мѣрова: спасите меня отъ голодной смерти!

— Васъ?.. отъ голодной смерти?

— Да, Янсутскій хочетъ уничтожить все мое состояніе, а вы знаете, что онъ способенъ это сдѣлать.

— Какимъ же образомъ и чѣмъ Янсутскій можетъ уничтожить ваше состояніе, наконецъ, вашъ мужъ—такой практической человѣкъ, что не допустить, въ-

роятно, сдѣлать его это!.. — говорилъ Бѣгушевъ, вмѣстѣ съ тѣмъ всматриваясь въ лицо Домны Осиповны, которое имѣло странное выраженіе, особенно глаза: они были неподвижны и вмѣстѣ съ тѣмъ блестяли, прежняго бархатнаго тона въ нихъ и слѣда не оставалось.

— Мужъ мой дуракъ и подлець, — хватила Домна Осиповна откровенно: — вы одни только понимаете, можете, если только захотите, пособить мнѣ!.. Любви между нами не можетъ быть: вы, конечно, меня не любите больше, да и я васъ не люблю; впрочемъ, я ужъ и ни кого не люблю!.. — И Домна Осиповна взяла себя за голову.

— Если вы пріѣхали ко мнѣ изъ боязни за ваше существованіе, то вотъ вамъ мое слово: я буду ѣздить къ вамъ и наблюдать, чтобы чего не случилось съ вами, — проговорилъ Бѣгушевъ, у котораго явилась снова мысль прійти на помощь къ этой разбитой женщинѣ.

— Нѣтъ, Бѣгушевъ, нѣтъ, — воскликнула Домна Осиповна: — вамъ ко мнѣ ѣздить нельзя!.. насъ съ вами раздѣляетъ столько враговъ... но постоитъ, гдѣ же они и какіе?.. мужъ, который мнѣ измѣнилъ и бросилъ меня, состояніе мое, котораго у меня нѣтъ?.. Я сказала это вздоръ, что нѣтъ, — продолжала она: — состояніе есть и большое!.. его только надо «пріпрятать». Научите, куда я могу уѣхать за-границу, чтобы туда увести мое состояніе; можно это?

— Не знаю-съ, я никогда не упражнялся въ этомъ и скорѣй бы бросилъ свое состояніе, чѣмъ бы сталъ прятать его.

— Я не могу, Бѣгушевъ, этого сдѣлать, — опять

громко воскликнула Домна Осиповна:—миѣ мое состояніе слишкомъ дорого досталось... оно теперь мое и миѣ должно принадлежать!.. посмотрю я, какъ его отнимутъ у меня... посмотрю!..

И Домна Осиповна засмѣялась неприятнымъ, озлобленнымъ смѣхомъ.

— И вы, Бѣгушевъ, тоже наблюдайте за этимъ, — продолжала она: — нельзя же цѣлый вѣкъ прикидываться такимъ простачкомъ въ этихъ дѣлахъ!

— Какъ же я буду наблюдать, когда вы запрещаете миѣ даже бывать у васъ?—сказалъ Бѣгушевъ, начинавшій не понимать, что такое говоритъ Домна Осиповна.

— Я у васъ буду бывать, это все равно!.. ѣздила же я прежде къ вамъ, — проговорила она рѣзко: — дня черезъ два, значитъ, я буду у васъ... велите меня принимать въ каждый часъ, когда бы я не пріѣзжала къ вамъ!.. — заключила она повелительнымъ голосомъ и распрощалась съ Бѣгушевымъ.

Прокофій съ мрачнымъ видомъ провожалъ ее. Въ передней Домна Осиповна торопливо и судорожно вытаскала кошелекъ, достала изъ него двадцатипятирублевую бумажку и подала ее Прокофію. Тотъ, взглянувъ на деньги, проговорилъ:

— Это зачѣмъ?

— Тебѣ,—отвѣчала Домна Осиповна.

Прокофій возвратилъ ей бумажку назадъ.

— Миѣ не надо!—сказалъ онъ.

— Ты долженъ взять!.. ты не смѣешь этого дѣлать!..—крикнула на него Домна Осиповна.

— Не возьму-съ! — отвѣчалъ Прокофій и отворилъ предъ ней дверь.

Домна Осиповна, садясь на пролетку, швырнула держимую ею въ рукахъ бумажку на землю и велѣла извозчику проворнѣй ѣхать домой. Одинъ изъ игравшихъ съ дѣтками Прокофія мальчиковъ (сынъ дворника сосѣдняго), увидавъ брошенную бумажку и уразумѣвъ, вѣроятно, что это такое, подхватилъ ее и благимъ матомъ удралъ домой.

Когда Домна Осиповна возвратилась къ себѣ, мужъ все еще не пріѣзжалъ; но за то ее дожидался молодой адвокатъ. Она увела его въ гостиную и снова начала ему рассказывать свое дѣло; но въ словахъ ея очень мало было связнаго, а затѣмъ она принялась ему показывать множество бумагъ, опредѣляющихъ ея права. Адвокатъ хоть и зналъ по опыту, какъ большая часть дамъ лукаво, но безтолково рассказываетъ свои процессы, однако такой чепухи еще не слыхивалъ; между тѣмъ, какъ мы знаемъ, Домна Осиповна умѣла прежде говорить о своихъ дѣлахъ ясно и отчетливо. Убѣдившись, что съ госпожею Перехватовою до большаго толку не договориться, онъ просилъ ее отдать ему бумаги, которыя разсмотрѣвъ дома, обѣщался сказать ей, что можно и нужно сдѣлать. Домна Осиповна объявила, что бумагъ своихъ она ни за что не отдастъ ему, потому что онъ, пожалуй, ихъ потеряетъ или продастъ ея врагамъ.

Адвокатъ обидѣлся и уѣхалъ: она показалась ему пьяною!

Къ Бѣгушеву Домна Осиповна, хоть и прошла почти недѣля, не ѣхала; онъ ее поджидалъ каждый день и не выходилъ даже изъ дому: его очень поразилъ ея безпокойный и странный видъ, который

впрочемъ онъ отнесъ къ ея нервному разстройству, наконецъ онъ получилъ отъ нея письмо; надпись адреса на конвертѣ ему невольно кинулась въ глаза: она написана была кривыми строками и совершенно дрожащей рукой. «Я пишу къ вамъ, Бѣгушевъ,—увѣдомляла его Домна Осиповна,—за минуту передъ тѣмъ, какъ хотятъ посадить меня въ долговую тюрьму, и это все устроилъ мнѣ мужъ мой... У меня была полиція, и мужъ умоляетъ меня, чтобы я слушалась его и была покойна; его-то мнѣ слушаться! будетъ ужь, слушалась его довольно прежде... Бѣгушевъ, что вы такое: честный человекъ или подлецъ?.. Я гордилась вашей любовью, Бѣгушевъ, но другихъ я считала ниже себя... «Я любила его жарче дня и огня, какъ другія», а потомъ не помню... «Черный цвѣтъ, мрачный цвѣтъ!» Все это, Бѣгушевъ, я вамъ часто пѣла и вы хвалили меня!»

Домна Осиповна во всю жизнь свою ни Бѣгушеву и ни кому въ мірѣ не пропѣла ни одной ноты. Далѣе и разобрать было невозможно, что она писала: въ словахъ то не доставало нѣсколькихъ буквъ, то они сливались между собой и только чаще всего мелькала фамилія Янсутскаго, написанная отчетливо. Видимо, что у Домны Осиповны что-то посерьезнѣй простаго нервного разстройства. Бѣгушевъ и рѣшился разузнать подробнѣе; для этой цѣли онъ велѣлъ позвать къ нему Маремьяшу, которую считалъ на развѣдки ловчѣе остальной своей прислуги.

— Послушай, Маремьяша,—сказалъ онъ, когда та явилась:—сходи ты къ одной госпожѣ Перехватовой... живетъ она на Никитской, въ собственномъ домѣ...

Говоря это, Бѣгушевъ держалъ лицо потупленнымъ внизъ.

— Знаю я этотъ домъ... видала его! — подхватила смѣтливая Маремьяша.

— И разспроси ты тамъ, — продолжалъ Бѣгушевъ все болѣе и болѣе сконфуженнымъ голосомъ: — что эта госпожа не больна-ли и не уѣхала-ли куда-нибудь?

Маремьяша, въ тайнѣ понимавшая сколько дѣлаетъ благодѣяній Александръ Ивановичъ для ея барыни, вслѣдствіе этого безконечно боявшаяся Александра Ивановича, приняла съ восторгами это приказаніе и, очень недолгъ исполнивъ его, возвратилась.

— Домна Осиповна, — начала она докладывать Бѣгушеву: — не знаю, правда-ли это или нѣтъ, изволили въ разсудкѣ тронуться; все рвутъ, мечутъ съ себя... супругъ ихъ, докторъ, сказывала прислуга, бился, бился съ нею и созвалъ докторовъ, губернатора, полицмейстеровъ и ее почестъ-что силой увезли въ сумашедшій домъ.

— Развѣ у себя онъ не могъ ее пользоваться, негодяй этакій! — воскликнулъ Бѣгушевъ.

— Прислуга ихъ тоже удивляются тому, — отвѣчала Маремьяша: — «что-жь, говорятъ, мы причемъ теперь остались, жалованья не уплачено никому за мѣсяць, самъ господинъ докторъ переѣхалъ на другую квартиру и взялъ только мебель себѣ»!.. Въ домѣ все раскидано, разбросано, страсть взглянуть.

— Хорошо, спасибо тебѣ! — остановилъ Бѣгушевъ Маремьяшу.

Та ушла, несовсѣмъ довольная, что Александръ

Ивановичъ не далъ ей ни копейки за исполненное порученіе.

«Новый щелчокъ отъ судьбы: какъ только Домна Осиповна пріѣхала ко мнѣ, такъ сейчасъ-же съ ума спятила», обвинилъ онъ, по обыкновенію, себя.

Вслѣдъ затѣмъ Бѣгушевъ началъ ѣздить по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ и написалъ письмо къ Тюменеву, въ которомъ говорилъ ему, что онъ желаетъ поступить въ дѣйствующую армію на Кавказъ, и чтобы Тюменевъ схлопоталъ ему это въ Петербургѣ. Тотъ спросилъ Бѣгушева на его письмо телеграммой: «Зачѣмъ ты это дѣлаешь?» «За тѣмъ— отвѣчалъ ему тоже телеграммой Бѣгушевъ, — что тамъ я могу хоть немножко быть полезенъ, а въ другомъ мѣстѣ нѣтъ». Графъ Хвостиковъ, которому Бѣгушевъ конечно ни слова не говорилъ объ этомъ, сталъ подмѣчать и подозрѣвать, что Бѣгушевъ что-то такое замышляетъ и что ему оставаться долѣе у него ненадежно. Впрочемъ, на этотъ случай графъ заранѣе себя до нѣкоторой степени обезпечилъ, такъ какъ, немедля же, послѣ чтенія пьесы Татьяны Васильевны, онъ написалъ и напечаталъ хвалебнѣйшую статью о семъ имѣющемъ скоро появиться въ свѣтѣ произведеніи и подписался подъ этой рекламой полной своей фамиліей. Номеръ газеты, гдѣ она была напечатана, графъ самъ привезъ къ Татьянѣ Васильевнѣ и торжественно сказалъ ей: «вы видите, я не обманулъ васъ!»

Когда Татьяна Васильевна читала статью, слезы капали изъ ея некрасивыхъ глазъ.

— Прочти, что обо мнѣ написано!—сказала она

растроганнымъ голосомъ мужу, передавая ему газету; тотъ прочиталъ.

— Это очень лестно и приятно! — проговорилъ генераль:—и вы авторъ этой статьи? — отнесся онъ къ Хвостикову.

— Я!.. но будетъ еще статья того критика Кликушина, который былъ у васъ; вѣроятно, и Долговъ напишетъ разборъ... онъ мнѣ даже говорилъ о планѣ своего отзыва.

— Какой же онъ будетъ? расскажите мнѣ!—пристала къ нему Татьяна Васильевна.

Хвостиковъ поставленъ былъ въ затруднительное положеніе. Долговъ, дѣйствительно, говорилъ ему, что онъ намѣренъ писать о драмѣ вообще и драмѣ русской въ особенности, желая въ статьѣ своей доказать, но, что такое доказать, графъ совершенно не понималъ. Онъ былъ несклоненъ къ черезъ-чуръ отвлеченному мышленію, а Долговъ въ этой бесѣдѣ занесся въ самыя высшія философско-историческія и философско-эстетическія сферы.

— Что собственно фантазировалъ Долговъ передать трудно; для этого надобно имѣть его талантъ и силу его воображенія,—вывернулся онъ передъ Татьяной Васильевной.

Она грустно потупила голову.

— Мнѣ очень бы приятно было, еслибы Долговъ написалъ что-нибудь о моей піесѣ: онъ съ такимъ возвышеннымъ умомъ и такимъ горячимъ сердцемъ, — проговорила она.

— Долговъ,—продолжалъ съ глубокомысленнымъ видомъ графъ:—какъ самъ про себя говоритъ, человекъ народа, демократъ, чувствующій вѣяніе ми-

нуты... (Долговъ дѣйствительно это неоднократно говорилъ Хвостикову, поэтому тотъ и запомнилъ его слова буквально). А Бѣгушевъ, напримѣръ, при всемъ его умѣ, совершенно не имѣетъ этого чутья,—заклучилъ графъ. Последнюю мысль онъ тоже слышалъ отъ Долгова.

— Бѣгушевъ эгоистъ, циникъ, чувственникъ!—рѣшила Татьяна Васильевна, сердившаяся на кузена за его насмѣшливыя выходки на ея литературномъ вечерѣ.

— Бѣгушевъ, напротивъ, человѣкъ отличный, гораздо лучше всѣхъ насъ,—отозвался вдругъ генералъ съ необычною ему смѣлостью: ему наконецъ сдѣлалось досадно, что Татьяна Васильевна и какой-нибудь Хвостиковъ смѣютъ такъ третировать Бѣгушева.

— Онъ потому тебѣ нравится, что на тебя похожъ! — возразила ему рѣзко та.

Генералъ ей на это ничего не отвѣтилъ, а всталъ и ушелъ въ свой маленькій кабинетикъ.

На другой день Траховы уѣхали въ Петербургъ, куда графъ Хвостиковъ и Долговъ написали Татьянѣ Васильевнѣ письма, въ которыхъ каждый изъ нихъ, описывая свое страшное денежное положеніе, просили ее дать имъ мѣста.

Татьяна Васильевна, получивъ такое воззваніе отъ своихъ друзей и единомышленниковъ, каковыми она уже считала Долгова и графа Хвостикова, принялась горячо хлопотать объ ихъ судьбѣ. Она при этомъ прежде всего припомнила, какъ ей отецъ масонъ радѣлъ къ положенію низшихъ *каменщиковъ*. Средства ея впрочемъ для сей цѣли ограничивались

тѣмъ, что она начала толковать и долбить мужу, что онъ непременно этимъ двумъ человѣкамъ долженъ дать мѣста, на томъ основаніи, что въ настоящее время они гораздо болѣе нужны, чѣмъ онъ самъ. Генераль хотѣлъ было сказать женѣ, что теперь нужны военные люди, а не статскіе, но, зная, что Татьяну Васильевну не урезонишь, ничего не сказалъ ей и, не спавъ три ночи сряду, чего съ нимъ никогда не случалось, придумалъ наконецъ возобновить для графа упраздненное было прежде мѣсто его; а Долгову, какъ человѣку народа, вѣрнѣе, хорошо знающему сельское хозяйство, логически соображалъ генераль, поручить управлять ихъ огромнымъ имѣніемъ въ Симбирской губерніи. Татьяна Васильевна нашла этотъ планъ недурнымъ и написала своимъ просителямъ, что имъ будутъ мѣста. Графъ, не откладывая времени, собрался въ Петербургъ и вознамѣрился прямо пріѣхать къ Траховымъ и даже остановиться у нихъ, надѣясь, что тѣ не откажутъ ему на время, по крайней мѣрѣ, въ гостепріимствѣ.

Наканунѣ отъѣзда своего онъ зашелъ къ Бѣгушеву.

— Александръ Ивановичъ, вы были такимъ благодѣтелемъ мнѣ... Я понимаю, что вся моя жизнь должна была бы остаться на служеніе вамъ, но теперь совершаются такія крупныя дѣла, что я долженъ переѣхать въ Петербургъ по приглашенію Трахова.

— На службу къ нему?—спросилъ Бѣгушевъ.

— Да, — отвѣчалъ горделиво Хвостиковъ.

Бѣгушевъ конечно догадался, что, какъ и почему

это такъ устроилось и сказалъ только графу: «съ Богомъ!»

— Именно съ Богомъ! — повторилъ графъ съ чувствомъ, и на слѣдующій день въ каретѣ Бѣгушева уѣхалъ на желѣзную дорогу.

Долговъ тоже зашелъ къ Бѣгушеву ради объявленія, что онъ увѣзжаетъ въ имѣніе Траховыхъ управляющимъ.

— Какой же вы управляющій, когда вы и съ своими дѣлами такъ плохо владѣете, — сказалъ ему прямо Бѣгушевъ.

— У нихъ старость на это много, но я увижу тутъ народъ! — возразилъ Долговъ.

— Увидятъ этотъ народъ, только ужъ не вы!

— Кто-жь его увидитъ?.. Вы, что-ли?

— Можетъ быть, и я! — отвѣчалъ протяжно Бѣгушевъ.

— Не знаю, какъ вы будете видѣть и наблюдать этотъ народъ, сидя на диванѣ!.. — сказалъ онъ и мрачно задумался: — вообще, скажите мнѣ, Бѣгушевъ, вы меня нисколько не любите и не уважаете?—присовокупилъ онъ.

Бѣгушевъ, немного сконфуженный такимъ прямымъ вопросомъ, отвѣчалъ слегка подумавъ:

— Напротивъ, очень люблю и уважаю.

Последнее слово онъ какъ-бы проглотилъ.

— За что?

— Вы не мѣщанинъ и не торгашъ.

— Благодарю, благодарю!.. — воскликнулъ Долговъ съ расцвѣтшимъ отъ удовольствія лицомъ и тутъ же старому товарищу подъ секретомъ повѣдалъ, что, помимо своей управительской дѣятельности, онъ

везетъ въ Петербургъ нѣсколько публицистическихъ статей своихъ для печати, которыя, какъ онъ надѣется, въ настоящихъ событіяхъ разъяснятъ многое.

Бѣгушевъ усмѣхнулся про себя, будучи твердо увѣренъ, что у Долгова никакихъ нѣтъ статей и что ему рѣшительно нечего печатать, и что въ Петербургъ онъ привезетъ лишь себя и присущую ему, невообразимую способность разговаривать.

Покуда все это происходило, Прокофій, подобно барину своему, тоже обнаруживалъ усиленную и нѣсколько безповойную дѣятельность; во первыхъ, онъ съ тѣхъ поръ какъ началась война, сталъ читать газеты не про себя, но вслухъ всей прислугѣ, собиравшейся каждый вечеръ въ просторной дѣвичьей пить чай за общимъ столомъ. Болѣе прочихъ, по случаю прочитанныхъ извѣстій разговаривали и вздыхали Маремьяша и старикъ Дормидоничъ. Прокофій на всѣ высказываемыя ими мнѣнія и соображенія обнаруживалъ явное презрѣніе и даже нѣкоторую злобу; съ своей же стороны онъ произносилъ только при названіи какого-нибудь города по преимуществу въ славянскихъ земляхъ: «Мы были тамъ съ барининомъ!»

— А какъ тамъ живутъ, лучше или хуже нашего? — спросилъ его однажды поваръ.

— Ну да, есть гдѣ-нибудь такое житье какъ тебѣ, борову, — оборвалъ его, повидимому ни за что, ни про что, Прокофій.

Поваръ на это лишь разсмѣялся. Кстати объ его наружности: не смотря на свои пятьдесятъ лѣтъ, сей великій мастеръ повареннаго искусства былъ еще молодчина и чрезвычайно походилъ на Виктора

Эммануила: такіе же волнистые усы, такая же курчавая голова; пить онъ могъ сколько угодно, совершенно не пьянѣя. Врядъ ли у него въ послѣдніе годы не завелось кой-чего съ Минодорой. Замѣчаль-ли это Прокофій, неизвѣстно, но только день ото дня онъ дѣлался все болѣе и болѣе строгъ съ поваромъ, а тотъ какъ бы больше все отшучивался отъ него.

Десятое сентября, въ именины Минодоры, обычное засѣданіе вышло нѣсколько бурнѣе. На столѣ, кромѣ самовара, были наставлены: водка, ромъ, селедка, изюмъ, яблоки и орѣхи. Поваромъ былъ приготовленъ вкуснѣйшій пирогъ и зажарена четверть телятины. Минодора расфранченная, стройная и весьма миловидная, разливала чай. Въ числѣ гостей у нея былъ также и старикъ Дормидонычъ, о внѣшнемъ видѣ котораго я тоже теперь хочу сказать. Видали ли вы картину Перова («Первый чинъ»)? Въ картинѣ этой на сына дьячка, тупоглазаго малаго, старикъ портной примѣриваетъ вицъ-мундиръ. Портной этотъ какъ-будто бы писанъ былъ съ Дормидоныча, который тоже былъ портной, сильно нюхалъ табакъ и страстно любилъ выпить, когда только у него деньги на это случались. Шить впрочемъ онъ уже ничего не могъ, по случаю слабости зрѣнія и дрожанія въ рукахъ; единственное его занятіе было, что онъ вязалъ шерстяные чулки, которые и продавалъ у Иверскихъ воротъ, а при этомъ выпрашивалъ и подаянье, которое прямо и проносилъ въ табакъ; касательно же табаку его обезпечивалъ Александръ Ивановичъ, велѣвшій, по ходатайству Минодоры, каждый мѣсяцъ выдавать Дормидонычу по

два рубля серебромъ въ мѣсяцъ. Въ настоящій вечеръ Дормидонычъ, стремясь воспользоваться возможностью насосаться на даровщину, тянулъ стаканъ за стаканомъ пуншъ. Маремьяша, разодртая еще лучше Минодоры, блистала даже небольшими бриллиантами въ серьгахъ и брошкѣ. Два молодые лакея прислушивались къ звонку Александра Ивановича, и когда тотъ раздавался, они поочередно убѣгали къ нему и, исполнивъ приказаніе барина, возвращались къ трапезѣ и тоже занимались пуншемъ. Прокофій, ничего почти не пившій, былъ мрачнѣй чѣмъ когда-либо и повременамъ взглядывалъ то на жену, то на старшаго сынишку, котораго онъ любилъ, кажется, больше другихъ дѣтей.

Посреди всеобщаго молчанія вдругъ заговорилъ Дормидонычъ, обращаясь къ Прокофью:

— А гробъ Господень вы видѣли тамъ?

— Гдѣ?

— Гдѣ вы были, какъ намъ рассказывали.

— Дуракъ! — обругалъ его Прокофій, вѣроятно, за нетвердое знакомство съ географіей.

— Хоть бы Богъ привелъ съѣздить на Аеонскія горы,—сказала Маремьяша:—когда мы съ Аделаидой Ивановной жили еще въ деревнѣ, къ намъ заѣзжалъ одинъ греческій монахъ и рассказывалъ, какъ тамъ въ монастыряхъ-то хорошо!

Прокофій при этомъ злобно взглянулъ на Маремьяшу. Онъ былъ съ бариномъ и на Аеонѣ; но изъ этого путешествія помнилъ то лишь обстоятельство, что у нихъ въ сихъ святыхъ бы, кажется, мѣстахъ украли чемоданъ.

— А ты вынималъ жеребій? — обратился онъ затѣмъ къ одному изъ молодыхъ лакеевъ.

— Вынималъ-съ! — отвѣчалъ тотъ.

Прокофію давно уже вся его собратія говорила *вы* и даже иногда съ прибавленіемъ: *съ*.

— Вѣдь притянуть теперь тебя, — продолжалъ Прокофій.

— Говорятъ-съ! — отвѣчалъ лакей.

— И прямо тебѣ турка пулю въ лобъ всадить... благо лобъ-то широкій, — пошутилъ надъ нимъ поваръ.

— Что-жь, на то и война! — произнесъ вѣтрено молодой лакей.

— Какъ-бы и тебѣ стали цѣлиться въ брюхо, такъ не промахнулись бы! — оборвалъ еще разъ повара Прокофій.

— Это вѣрно! — согласился тотъ и ударилъ себя по животу.

Минодора на это чуть замѣтно усмѣхнулась, а Маремьяша стыдливо опустила глаза въ землю.

— Теперь надо молить Царицу Небесную, чтобы она помогла нашимъ воинамъ завоевать славянъ... — начала было она выпечать.

— А зачѣмъ они намъ? — остановилъ ее озлобленнымъ голосомъ Прокофій: — видалъ я ихъ много; шлялись они къ намъ въ Парижъ... Баринъ имъ и денегъ давалъ, поилъ и кормилъ ихъ!..

Прокофій тутъ перемѣшалъ: къ Бѣгушеву ходили не одни славяне, а и эмигранты поляки, жидаы и даже обнищавшіе французскіе рабочіе.

— Наталья Сергѣевна на что ужъ была добрая, — продолжалъ онъ съ искаженнымъ отъ злости лицомъ: — и та мнѣ приказывала, чтобы я не пускалъ всѣхъ

этихъ шляющихъ, болтающихъ, моли Бога объ насъ!.. Христарадникъ народъ, какъ и у насъ вонъ!.. — заключилъ Прокофій и при этомъ почти прямо указалъ глазами на Дормидоныча. Чувства милосердія и состраданія къ слабымъ у Прокофія совершенно не было!

— Христарадники, братъ, люди Божіи!.. имъ помощи, все равно, что Христу помогъ!..—осмѣлился было возразить ему ужъ совсѣмъ пьяненькій Дормидонычъ.

— Это все равно что тебѣ, что Христу помочь!.. Ахъ, ты шваль этакая!—воскликнулъ Прокофій.

Дормидонычъ поникнулъ окончательно головой.

— Что ты все бранишься и кидаешься на всѣхъ?—заступилась наконецъ за старика Минодора.

— Ты сама такая же шваль!—окрысился на нее Прокофій, а потомъ, поцѣловавъ сынишку въ голову, ушелъ въ свою комнату.

— Какой дерзкій мужчина!—сказала Маремьяша, разведя руками.

— Да, вотъ и поживи съ нимъ!—не утерпѣла и высказалась Минодора.

— Удивляюсь! — проговорила Маремьяша и начала поглощать изюмъ.

Минодора, между тѣмъ, серьезно задумалась: она никогда еще не помнила Прокофія въ такомъ раздраженномъ состояніи.

Оставшаяся компанія принялась, подъ руководствомъ повара, умѣло разрѣзавшаго пирогъ и телятину, ѣсть и пить. Минодора, когда все это покончилось, вошла къ себѣ въ комнату, гдѣ она увидѣла, что Прокофій лежалъ на постелѣ, но не спалъ.

— Для чего ты всѣ эти чемоданы и пальты покупаешь?—спросила она.

Прокофій дѣйствительно въ то утро купилъ три новые чемодана и два резиновые непромокаемые пальто.

— Мы ѣдемъ съ бариномъ! — отвѣчалъ онъ ей.

— Куда?

— На войну! на Кавказъ.

— Да ты-то для чего ѣдешь?.. У тебя дѣти!

— Ну да, промѣняю я всѣхъ васъ на барина! — проговорилъ Прокофій и отвернулся къ стѣнѣ.

Въ этой фразѣ онъ сказалъ не все: кромѣ того, что онъ дѣйствительно привязанъ былъ къ Александру Ивановичу, но ему хотѣлось поразмыкать и свое горе, которое онъ, по самолюбію своему, таилъ упорно отъ всѣхъ.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ одномъ перечнѣ убитыхъ на Кавказѣ, было напечатано имя полковника Бѣгушева: Тюменевъ, вмѣстѣ съ Траховымъ хлопоча объ опредѣленіи Александра Ивановича въ военную службу, постарались, чтобы онъ по крайней мѣрѣ былъ принятъ хоть сколько-нибудь въ приличномъ чинѣ.

Одинъ изъ раненыхъ генераловъ, возвратившійся съ Кавказа и лично знавшій Бѣгушева, рассказывалъ потомъ Трахову, что Александръ Ивановичъ солдатъ и офицеровъ своего отряда осыпалъ деньгами, а самъ въ каждомъ маленькомъ дѣлѣ обнаруживалъ какую-то тигровую злость, но для себя, какъ всѣ это видѣли, явно искалъ смерти!

— Говорятъ, что онъ пить много сталъ въ

послѣднее время? — спросилъ генерала потихоньку Траховъ.

— Пилъ!—не отвергнулъ тотъ:—да и какъ тамъ не пить, люди-же, а не звѣри, ничего не понимающіе.

— Такъ!—подтвердилъ въ свою очередь Траховъ и спросилъ еще новую бутылку шампанскаго.

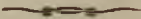
Что касается до судьбы остальныхъ моихъ лицъ, то Тюменевъ, назначенный по духовному завѣщанію душеприкащикомъ Бѣгушева, прежде всего отказался отъ приѣма дома въ наслѣдство отъ Александра Ивановича, да по правдѣ сказать, ему и не для чего это было: онъ страдалъ такимъ колоссальнымъ гемороемъ, какому самые опытные врачи примѣра не видывали, и объясняли это тѣмъ, что онъ свою болѣзнь на службѣ насидѣлъ!

Прокофій, явившійся черезъ мѣсяцъ послѣ смерти барина въ Петербургъ въ Тюменеву, передалъ ему чемоданъ Александра Ивановича, въ которомъ оказалось тысячъ пять денегъ, а въ одномъ изъ уголковъ тщательно завернутые лежали три женскіе портрета: Натальи Сергѣевны, Домны Осиповны и маленькая карточка Мѣровой. Тюменевъ, взглянувъ на эти портреты, проговорилъ, качая головой: «Романтикъ, романтикъ! какимъ родился, такимъ и умеръ». Карточка Мѣровой впрочемъ нѣсколько удивила Ефима Ѳедоровича. Онъ слышалъ, конечно, что Мѣрова передъ смертію жила у Бѣгушева, но объяснялъ это чисто ваныченьемъ графа, незнавшаго, какъ и чѣмъ кормить дочь... Добрую старушку Аделаиду Ивановну, какъ только она получила извѣстіе о смерти брата, постигнулъ параличъ, и она лежала безъ рукъ, безъ ногъ, безъ языка въ своемъ истори-

ческо-семеиномъ отдѣленіи. Всѣми дѣлами по доставшемуся имѣнію стала заправлять, конечно, Маремьяша и отчасти Прокофій, первымъ распоряженіемъ котораго было прогнать повара, причемъ Прокофій говорилъ: «Ему и при баринѣ нечего было дѣлать, а теперь что-же? Развѣ съ жиру только лопаться!» На все это ни Аделаида Ивановна, ни Маремьяша, ни Минодора ни слова ему не возражали. Очень ужъ рѣшительно говорилъ это Прокофій. Долговъ такъ-таки и не ѣхалъ въ Петербургъ для принятія управительской должности, а продолжалъ ѣздить по Москвѣ въ гости и разговаривать. Графъ Хвостиковъ, продолжавшій жить у Траховыхъ, вдругъ за однимъ завтракомъ у нихъ упалъ со стула и умеръ мгновенно, какъ и дочь его, вѣроятно, отъ аневризма. Татьяна Васильевна принялась было усиленно хлопотать въ Обществѣ Краснаго Креста и при этомъ прежде всего предложила комитету сего общества хлопотать постановку на сцену ея патріотической пьесы, а также напечатать ее въ количествѣ десяти тысячъ экземпляровъ и все, что отъ этого выручится, она предоставляла въ пользу Краснаго Креста. Комитетъ, однако, не принялъ сего великодушнаго дара. Татьяна Васильевна обидѣлась, не стала болѣе участвовать въ дѣятельности общества и услаждала себя только тѣмъ, что читала журналы духовнаго содержанія и готовила себя къ смерти. Мой милый генералъ Траховъ тоже готовилъ себя къ смерти. Его какъ-то сразу подцѣпила подагра. Ему предписали діету съѣстную и винную. Онъ болѣзнь выносилъ довольно равнодушно; но, по случаю діеты, былъ мраченъ какъ теленокъ, отнятый отъ

соска матери... мысленно онъ все порывался уѣхать на войну, но понималъ, что двинуться даже не могъ. Гроховъ померъ въ сильнѣйшихъ страданіяхъ и оставилъ своему родному брату, дьякону какой-то приходской церкви, восемьсотъ тысячъ рублей серебромъ въ наслѣдство. Глашѣ онъ не завѣщалъ ни копейки, которая впрочемъ бросила его какъ только онъ сдѣлался очень боленъ.

«Но кто-же, кто счастливъ изъ выведенныхъ вами лицъ?» можетъ быть, спросить читатель. По моему пока только одни Янсутскіе, Офонькины, Перехватовы и вообще tutti quanti, а что тамъ-то, тамъ-то, на далекомъ югѣ происходитъ?.. Когда я пишу эти послѣднія слова, морозъ и огонь овладѣваетъ попеременно всѣмъ существомъ моимъ, и что тутъ сказать: бейтесь и умирайте, рыцари, проливайте вашу кровь, начиная уже съ царственной и кончая послѣднимъ барабанщикомъ. Исторія конечно пойметъ и оцѣнитъ ваши подвиги, и мое одно при этомъ пламенное желаніе, чтобы она также поняла и оцѣнила разныхъ газетныхъ пустослововъ, торгашей и подстрекателей!

 INSTYTUT
 BADAŃ LITERACKICH PAN
 BIBLIOTEKA
 00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 77
 Tel. 26-68-63

Оглавленіе XIV-го тома.

МѢЩАНЕ.

	СТР.
Часть первая	1
Часть вторая	147
Часть третья	320

F

24.186/14